

С.Т. АКСАКОВ

Г.Ф. Гудков З.И. Гудкова

ДЪТСКІЕ ГОДЫ
БАГРОРА-ВНУКА
СЕМЬЯ И ОКРУЖЕНИЕ

Г.Ф. Гудков З.И. Гудкова

С.Т. АКСАКОВ
СЕМЬЯ
И
ОКРУЖЕНИЕ

6-10
1991

Г.Ф. Гудков З.И. Гудкова

С.Т. АКСАКОВ
СЕМЬЯ
И
ОКРУЖЕНИЕ

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

УФА
БАШКИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ББК 84 Р7
Г 93

Гудков Г. Ф., Гудкова З. И.

Г 93 С. Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 384 с.

Краеведческие очерки раскрывают подлинные имена персонажей, фигурирующих в произведениях выдающегося русского писателя, уроженца Уфы С. Т. Аксакова, а также исследуют его родословные, культурные и творческие связи.

Издание приурочено к 200-летию со дня рождения С. Т. Аксакова.

4702010200—194
Г М121(03)—90

ISBN 5-295-00568-2

ББК 84 Р7

Гудкова З. И., 1991

Введение

Среди классиков русской литературы С. Т. Аксаков занимает особое место. Вот как было охарактеризовано его творчество к столетию со дня смерти: «Буквально пригоршнями можно черпать из произведений Аксакова самоцветы народного словаря... Аксаков — изумительный психолог отроческой души... Аксаков обладал каким-то непостижимым даром изображать природу и человека слитно, в неразделимом единстве»¹.

Значение С. Т. Аксакова как писателя-мемуариста переросло не только областные рамки, но даже и государственные: имя С. Т. Аксакова приобрело мировую известность.

Профессор С. И. Машинский в своей монографии о С. Т. Аксакове пишет, что английский писатель Вильям Хадсон в автобиографической книге «Далекое и прошлое», изданной в 1919 году и считающейся в Англии классическим произведением о детстве, говоря о сложности художественного изображения жизни детей, назвал «Детские годы Багрова-внука» самым крупным достижением автобиографического жанра во всей мировой литературе².

Есть еще один жанр — охотничьи рассказы и очерки, — где С. Т. Аксаков также является непревзойденным, о чем подробнее сказано в очерке «Преданье старины глубокой».

Современная Аксакову критика оказала его произведениям восторженный прием. «Семейную хронику» Салтыков-Щедрин называл «драгоценным вкладом», обогатившим русскую литературу. О том же произведении Герцен писал как о достоверном историческом документе, который помогает нам «узнать наше неизвестное прошлое»³.

Описания Аксаковым устройства дедом Степаном Михайловичем усадьбы на новых землях Оренбургского края напоминали Гер-

¹ Югов А. Немеркнувшее слово. Известия, 1959, 13 мая.

² Машинский С. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Изд. 2-е, М.: Художественная литература, 1973, с. 463, 464.

³ Аксаков С. Т. Собрание сочинений, т. 1. М.: Гос. изд. худож. лит., 1955, с. 53, 615. Последующие ссылки на произведения С. Т. Аксакова будут даваться по этому же изданию с указанием тома и страницы в тексте: (1; 53, 615).

цену романы Фенимора Купера и Вашингтона Ирвинга: «Читая летопись семейства Багровых¹, я был поражен сходством старика, переселившегося в Уфимскую провинцию, с «сетлерами»², переселяющимися из Нью-Йорка куда-нибудь в Висконсин или Иллиноис... Когда Багров созывает со всех сторон народ засыпать плотину для мельницы, когда соседи с песнями несут землю и он первый торжественно проходит по побежденной реке, так и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона»³.

Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский считали, что «Семейная хроника» дает большой материал для обличения крепостничества в России (1; 615).

Интересную параллель проводит Тургенев между «Семейной хроникой Аксакова и «Былым и думами» Герцена. «Это в своем роде стоит Аксакова. Я уже, кажется, сказал, что в моих глазах вы представляете два электрических полюса одной и той же жизни — и из вашего соединения происходит для читателя гальваническая цепь удовольствия и поучения», — писал И. С. Тургенев в письме к А. И. Герцену⁴.

А. М. Горький в повести «В людях» обратил особое внимание на влияние творчества С. Т. Аксакова на духовное развитие читателя. Он вспоминал, как «Семейная хроника» Аксакова, «Записки охотника» Тургенева и другие произведения русской литературы ему «...вымыли душу, очистив ее от шелухи впечатлений нищеты и горькой действительности»; «я почувствовал, — пишет далее Горький, — что такое хорошая книга, и понял ее необходимость для меня. От этих книг в душе спокойно сложилась стойкая уверенность: я не один на земле и — не пропаду!» (1; 70).

О благотворном влиянии произведений С. Т. Аксакова на нравственность современного читателя высказывает мысли писатель М. А. Чванов в предисловии к «Семейной хронике»⁵.

С тонким психологическим анализом семейных отношений родителей с детьми по «Детским годам Багрова-внука» выступал писатель В. М. Шугаев на аксаковских чтениях в Абрамцево 5 октября 1988 года.

Необходимо отметить исключительно большое краеведческое значение автобиографических произведений С. Т. Аксакова. К сожалению, в этом отношении творчество писателя почти совсем не изучено. Из опубликованных работ по этой теме, кроме нескольких

¹ «Семейная хроника» С. Т. Аксакова (примеч. Герцена).

² Поселенцами, колонистами (от англ. settler, примеч. Герцена).

³ Герцен А. И. Сочинения, т. 7, М.: Гос. изд. худож. лит., 1958, с. 67.

⁴ Тургенев И. С. Собр. соч., т. 11, М.: Правда, 1949, с. 155.

⁵ Чванов М. Перечитывая «Семейную хронику». — В кн.: С. Т. Аксаков. Семейная хроника, Уфа: Башкнигоиздат, 1983, с. 5—20.

заметок, можно назвать книгу М. А. Чванова «Аксаковские места в Башкирии»¹.

Во всех изданиях произведений С. Т. Аксакова отсутствует или крайне слабо представлен справочный аппарат. В примечаниях и в указателях личных имен и географических названий, даже если они и прилагались, почти не давалось краеведческих сведений. О снабжении изданий географическими картами и схемами даже и говорить не приходится — их не было.

Из одного издания сочинений С. Т. Аксакова в другое в лучшем случае переходили весьма скудные примечания, сделанные еще сыном автора Иваном Сергеевичем Аксаковым в 1870 и 1886 гг. С тех пор, то есть почти за сто лет, никто ничего не добавил. Исключение, конечно, составляют примечания С. И. Машинского для двух последних изданий произведений С. Т. Аксакова в 1955—1956 и 1966 годах. Но примечания Машинского касаются только лиц из числа московского и петербургского окружения С. Т. Аксакова, и лишь очень немногих — из казанского.

А между тем в произведениях С. Т. Аксакова, сделавших имя автора знаменитым, речь идет прежде всего о лицах нашего края.

Нет сведений и о том, чтобы кто-либо в прошлом из наших местных краеведов, — а среди них были такие имена, как Р. Г. Игнатьев, Н. А. Гурвич, В. С. и М. В. Лосневские, — попытался бы раскрыть подлинные имена действующих лиц в произведениях С. Т. Аксакова из числа жителей нашего края, уточнить хронологию упоминаемых автором событий или привести какие-либо подробности из истории населенных пунктов, где имели место описываемые автором события.

Все эти обстоятельства в значительной мере затрудняют читателям, особенно современным, глубокое восприятие историко-краеведческого колорита произведений С. Т. Аксакова.

Аксаков как описатель природы нашего края не имеет себе равных. Нельзя вспомнить реку Дему, не вспомнив имя писателя, воспевшего красоту ее берегов и рыбные богатства ее вод.

Ю. А. Узиков, автор нескольких книг и многих газетных статей о пребывании В. И. Ленина в Уфе, приводит воспоминания Н. К. Крупской, записанные в 1934 году известным уфимским краеведом П. Ф. Ищериковым. Во время приезда в Уфу летом 1900 года В. И. Ленин обзирал окрестности города с высокого берега реки Белой и вспоминал Аксакова, рассматривая ли забельские дали со Случевской горы, или любясь устьем реки Демы с крутого утеса у водонапорной башни².

¹ Чванов Михаил. Аксаковские места в Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1976.

² Узиков Ю. На грани двух веков. Вечерняя Уфа, 1980, 18 февраля.

Читая автобиографическую трилогию С. Т. Аксакова: «Семейную хронику», «Детские годы Багрова-внука» и «Воспоминания», можно познакомиться не только с целой плеядой известных деятелей нашего края, некоторые из которых — Д. Б. Мертваго, братья А. М. и Д. М. Княжевичи, Г. С. Винский — приобрели впоследствии общероссийскую известность как крупные государственные, научные и общественные деятели или авторы интересных литературных трудов мемуарного жанра, но и со всеми близкими и с очень многими дальними родственниками и знакомыми писателя, оказавшими на него то или иное влияние.

Некоторые персонажи в «Семейной хронике» и в «Детских годах Багрова-внука» были выведены не под своими именами. Сама фамилия Аксаковых была заменена фамилией Багровых. Отец, Тимофей Степанович, назван Алексеем Степановичем. Мать Мария Николаевна, урожденная Зубова, именовалась Софьей Николаевной Зубиной. Двоюродная сестра деда писателя — Надежда Ивановна Куроедова — фигурирует как Прасковья Ивановна Куролессова, а ее родовое имение, доставшееся впоследствии в наследство самому автору, с. Надеждино, примыкающее ныне к окраине города Белебея, дано под названием Парашино.

Автобиографический характер носят и некоторые другие произведения С. Т. Аксакова. К его трилогии больше всего приближается повесть «Наташа» сюжетом которой является сватовство к сестре автора Надежде.

В упомянутой выше монографии С. И. Машинского отмечается, что «...наша историко-литературная наука долгое время проходила мимо наследия этого художника». Этот пробел лишь отчасти восполнили изданные в 1955—1956 и 1966 годах два собрания его сочинений в четырех и пяти томах.

Следует отметить, что труд С. Машинского «С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество» является самым капитальным исследованием в этой области.

* * *

При изучении творчества любого писателя можно наблюдать как бы два направления. Первое — литературоведческое, где дается разбор и оценка произведений с позиций художественности, своеобразия стиля, языка, социальной направленности и идейной значимости. Второе — краеведческое, где основное внимание уделяется биографии писателя, дается возможно более полный историко-краеведческий текстологический анализ произведений, тесно увязанный с биографической канвой жизни автора.

Оба эти направления могут быть независимы друг от друга, но чаще всего в конкретных исследованиях они сливаются, причем,

как правило, преобладает первое направление. И тогда можно говорить о краеведческом литературоведении. Много реже встречается другой пример, когда основное внимание в исследовании уделяется историко-краеведческому материалу. В этом случае правильнее было бы употребить термин — литературоведческое краеведение.

К сожалению, ни краеведы, ни литературоведы не делают различия между этими двумя терминами, хотя между ними разница не меньшая, чем, например, между терминами физическая химия и химическая физика, где уже давно соответствующие этим терминам научные понятия рассматриваются как различные научные дисциплины. Такое отставание не случайно, оно является следствием недостаточной теоретической разработки краеведения, как науки.

Общеизвестно определение краеведения как всестороннего изучения определенной (обычно небольшой) части страны, причем, если изучается общество, то тогда краеведение носит название исторического, а если — природа, то — природоведческого (последний термин не распространен). Принято считать также, что в зависимости от размера изучаемая территория подразделяется на три основные группы («ступени», «ареалы» или «концентры» краеведения):

- а) край, область (губерния);
- б) город, район, сельсовет (уезд, кантон, волость);
- в) деревня, микрорайон, улица¹.

Но с таким трехступенчатым делением территории при краеведческом изучении согласиться нельзя, так как в нем нет первой, начальной ступени — усадьбы с домом, чем наносится ущерб изучению первичной ячейки общества — семьи, а следовательно, и отдельной личности.

Мы полагаем, что первой ступенью в историческом краеведении следует считать изучение истории отдельной семьи, с возможно более полным использованием материалов генеалогии.

Краеведческое образование и воспитание детей должно даваться и семье уже в раннем возрасте и начинаться с изучения биографии родителей, предков, родственников. Затем это образование и воспитание должно закрепляться, продолжаться и расширяться в учебных заведениях, где во всей полноте должны быть раскрыты также краеведческие понятия последующих ступеней: деревни, города, области и края, с соответствующим изучением истории школы и других организаций.

Изучение природы будет также более гармоничным и глубоким, если оно начнется в семейных же условиях еще в детстве, и с самой начальной ступени, то есть с усадьбы и ближайшей к ней местности.

¹ Милонов Н. П. и другие. Историческое краеведение... Пособие для студентов педвузов. Просвещение, 1969, с. 4, 288; Комиссаров Г. Что такое «краеведение»? Башкирский краеведческий сборник № 1, 1926, Уфа: Башкнига, 1926, с. 4.

Не случайно великий русский географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский в своих мемуарах так подробно останавливается на том впечатлении, которое произвели на него в десятилетнем возрасте весенние водопады в ближайших от дома оврагах¹.

П. А. Кропоткин, вспоминая свое детство, пишет: «За Калугою дорога шла верст семь чудным сосновым бором, и этот бор соединил у меня с самыми счастливыми воспоминаниями детства... В этом лесу зародилась моя любовь к природе и смутное представление о бесконечной ее жизни»².

В жизни С. Т. Аксакова ранние детские впечатления об окружающей природе, о семье и о близких людях также оставили самый яркий неизгладимый след на всю жизнь, быть может, предопределив развитие его творческого таланта.

Великолепным примером краеведческой работы первой и второй ступеней может служить уфимская школа № 11. Музей истории этой школы (в прошлом — гимназии), существующей с 1828 года, был организован около двадцати лет тому назад Е. И. Никуличевой. По широте и глубине научно-исследовательской и по размаху поисковой работы, по богатству экспонатов и собранного материала музей этот является лучшим в стране среди школьных музеев данного профиля. В этом убеждает авторов не только близкое знакомство с работой этого музея, но и литературные данные о нем, среди которых, кроме многочисленных материалов в местных газетах, появилось и несколько статей в педагогических журналах³.

Чем меньше изучаемый в краеведении объект, тем более четко проявляются специфические особенности краеведения как науки: 1 — комплексность изучения объекта в сочетании с детализацией; 2 — повышенный интерес к биографии отдельных личностей, в том числе и таких, которые не являются выдающимися, причем здесь четко оказывает влияние принцип масштабности. В первой ступени любая личность является предметом глубокого изучения, в последующих ступенях внимание сосредотачивается на более выдающихся личностях; 3 — точность во времени и пространстве. Например, в первой ступени при изучении биографии какого-либо лица, место дома, в котором он жил, желательно определить возможно точнее. В четвертой ступени, например, в истории края, бывает иногда достаточно лишь сказать, упоминая про того же деятеля, что он жил в таком-то городе или селе.

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары, т. 1. Детство и юность (1827—1855). Пг. Издание семьи, 1917, с. 117—119.

² Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мосполиграф, 1924, с. 49.

³ Муниров Р., Никуличева Е. Музей истории школы. — Воспитание школьников, 1974, № 5, с. 37—39; Муниров Р., Никуличева Е. Музей истории школы — Народное образование, 1976, № 1, с. 72—75; Матвеев В. Живой и кровный союз — Семья и школа, 1979, № 4, с. 4—6.

Недостаточная теоретическая разработка вопросов краеведения приводит к неправильным решениям ряда практических краеведческих задач. Например, мемориальная доска на доме, где жил выдающийся деятель культуры, не указывает квартиры, даже в том случае, если в доме больше двухсот квартир и число жителей в нем превосходит численность населения некоторых дореволюционных городов.

При публикациях в газетах сообщений о смерти, а материал этот является краеведческим первой ступени, очень редко указывается дата смерти и возраст умершего. Даже в некрологах это сообщается не всегда. А ведь такие публикации, наряду с записями актов гражданского состояния (метрическими записями), имеют большое краеведческое значение и являются важным источниковедческим материалом.

Мы сделали небольшое отступление от нашей темы в область теории краеведения, исходя из того, что изложенные выше положения служили нам теоретической основой в работе над данной книгой.

Если читатель найдет в ней положительные стороны, то он может их рассматривать как подтверждение правильности высказанных выше взглядов на краеведение.

В главе «Мертвого» использованы с разрешения автора, Г. В. Кычаковой, материалы ее рукописных «Записок».

Авторы продолжают работу по аксаковской теме и будут благодарны всем читателям, сообщившим им свои замечания и дополнения в адрес Башкирского государственного объединенного музея: 450000, Уфа, центр, ул. Октябрьской революции, 10.

* * *

В книге приняты следующие условные обозначения:

Абрамцево — Рукописный фонд Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника Абрамцево. Московская область.

ИРЛИ — Архив Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом). Ленинград.

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР. Ленинград.

ЦГА БАССР — Центральный государственный архив Башкирской АССР, Уфа.

ГАКО — Государственный архив Куйбышевской области. Куйбышев.

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области. Оренбург.

ГАПО — Государственный архив Пензенской области. Пенза.

Глава I

КНЯЖЕВИЧИ.

«Ах, маменька, так это те Княжевичи, которые учили меня бить лбом грецкие орехи!» Так воскликнул Сережа Аксаков, привезенный родителями в Казань, при посещении дома своих уфимских знакомых Княжевичей. В «Воспоминаниях» С. Т. Аксаков пишет, что «это был дом старинных друзей моего отца и матери, Максима Дмитриевича и Елизаветы Алексеевны Княжевичей, которые прежде несколько лет жили в Уфе, где Максим Дмитриевич служил губернским прокурором (вместе с моим отцом), и откуда он переехал тоже прокурором на службу в Казань... Максим Дмитриевич еще в молодости выехал из Сербии. Он прямо поступил в кавалергарды, а потом был определен в Уфу» (2; 9).

М. Д. Княжевич переселился в Россию в 1773 году и «будучи чрезвычайно высокого роста и красив собою поступил в состоявший тогда из 80 человек корпус кавалергардов, где был из 12 избранных. Прослужив в военной службе 11 лет, он перешел в гражданскую, был назначен сперва прокурором в Уфу»¹.

О начале служебной деятельности в Уфе есть такая запись в «Дневнике» Ребелинского: «Ноября 6 [1792]. Сегодня видел полученный с нынешней почтой из сената указ об отставке губернского прокурора Тимашева, а на место его быть секунд-майору Княжевичу»².

В 1797 г. М. Д. Княжевич был переведен управляющим казенною палатою в Казань: «Тут пользовался он большой популярностью, так что до первого большого

¹ Александр Максимович Княжевич. — Север, 1892, № 49, стб. 2570.

² Дневник Ребелинского хранится в рукописи в Банкирской книжной палате, частично опубликован: см. Юдин П. Из дневника М. С. Ребелинского. — Русский архив, 1897, т. 1, кн. 3, с. 464—482; 1898, т. 3, кн. 9, с. 52—72.

пожара в Казани, там существовали Княжевича улица и Княжевича роща»¹.

М. Д. Княжевич настоял, чтобы, не откладывая, определить Сережу Аксакова в казенную гимназию из-за отсутствия тогда в Уфе средних учебных заведений (кроме духовной семинарии). В казанской гимназии учились одновременно с Сергеем Аксаковым сыновья Максима Дмитриевича: Дмитрий и Александр.

М. Д. Княжевич женился в России на Елизавете Алексеевне Рудневой; они имели дочь, вышедшую замуж в 1811 г. за профессора Дерптского университета Василия Матвеевича Перевощикова (1789—1851), и четырех сыновей: Дмитрий (1788—1844), Александр (1792—1872), Владислав (1798—1873) и Николай. Все четыре сына были богато одаренные и занимались литературной деятельностью. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова отмечается, что Дмитрий печатался под двенадцатью, Александр — под шестью, Владислав — под тремя и Николай — под четырьмя псевдонимами.

О двух младших братьях известно немного. Во время Крымской войны Владислав Максимович Княжевич служил в Симферополе председателем в Палате казначейства². Николай Максимович Княжевич в 1830-х годах служил вице-губернатором в Рязани³.

Особенно широко были известны два старших брата. Дмитрий Максимович Княжевич — археолог, этнограф, попечитель Одесского учебного округа. Родился он в Петербурге 25 апреля 1788 г., умер 1 октября 1842 г. в имении дочери графа Сперанского (Е. М. Фроловой-Багреевой) в местечке Великой Буромке Полтавской губернии Золотоношского уезда, где остановился по дороге в Петербург⁴. Образование он получил в Казанской гимназии, где был одним из лучших учеников. По словам С. Т. Аксакова, «Дмитрий Княжевич и Алехин считались красотою и славой гимназии» (2; 118). Но несмотря на это, Дмитрий Княжевич в числе восьми своих товарищей, воспитанников старшего класса, был исключен из гимназии за протест их против жестокой экзекуции инвали-

¹ Александр Максимович Княжевич. — Север, 1892, № 49, стб. 2570.

² Аксакова В. С. Дневник (1854—1855). СПб., Огни, 1913, с. 150.

³ Азбучный указатель русских деятелей для Русского биографического словаря. — Сборник имп. русского исторического общества. СПб., т. 60, 1887, с. 410.

⁴ Русский биографический словарь, 1914, т. 9, с. 10, 12. У Масанова год смерти — 1844.

да, служившего при гимназии. По воспоминаниям С. Т. Аксакова, «Дмитрий Княжевич сохранил надолго близкую связь со своими гимназическими товарищами. Он определился на службу в Петербурге и каждую почту писал к брату, обращаясь нередко ко всем нам. Его письма читали торжественно во всеуслышанье...

В 1805 году письма Дмитрия Княжевича... приобрели особенный политический интерес. Тогда шла первая война с Наполеоном; не знаю, почему известия о военных событиях как-то трудно и поздно до нас доходили. Княжевич же сообщал их нам скоро и подробно. Сверх того, письма его были проникнуты горячей любовью к славе русского оружия, а потому действовали на всех нас электрически. Бывало, только крикнет Александр Княжевич: «Письмо от брата!», как все мы сейчас окружали его дружною и тесною толпою; лежа друг у друга на плечах, в глубокой тишине, прерываемой иногда восторженными восклицаниями, жадно слушали мы громогласное чтение письма...» (2; 118, 125).

После увольнения из гимназии Дмитрий Княжевич поступил на службу 1 сентября 1802 г. в экспедицию государственных доходов в министерстве финансов в Петербурге.

«Во время пребывания своего в Петербурге, с 1802 по 1813 год он, изучив иностранные языки, посредством чтения настолько пополнил свое образование, что стоял наряду с выдающимися по образованию людьми своего времени»¹. Он вступил в литературный кружок, который скоро слился с «Обществом любителей наук, словесности и художеств» под председательством Д. Языкова и при ревностном участии Д. В. Дашкова, через которого Дмитрий Княжевич сошелся с арзамасцами, где впоследствии познакомился и с Пушкиным.

В июне 1812 года Д. М. Княжевич был назначен бухгалтером в ликвидационную комиссию по расчетам с иностранными правительствами за продовольствие наших войск во время войны за освобождение Европы. Сначала он жил в Праге, а затем в Вене до июля 1820 года. Все это время он находился под начальством генерал-интенданта Е. Ф. Канкрин, заметившего его способности, что повлияло на дальнейшую службу Княжевича в министерстве финансов.

Вернувшись на родину, Д. М. Княжевич снова занялся за литературную деятельность. В 1822 году он

издал «Полное собрание русских пословиц и поговорок». В том же и следующем году Д. М. Княжевич вместе со своими братьями Александром и Владиславом издавал литературные прибавления к журналу «Сын Отечества» под названием «Библиотека для чтения, составленная из повестей, рассказов, анекдотов и тому подобных произведений, по преимуществу переведенных с французского и немецкого»¹.

В июле 1837 года Д. М. Княжевич назначен был почетным членом Одесского учебного округа. В Одессе он основал «Одесское общество истории и древностей», составлял «Записки» этого общества. Он был издателем «Одесского альманаха» при участии известного литературного критика Н. И. Надеждина. Помещение материалов об Одессе в этом альманахе вызвало одобрение В. Г. Белинского.

В 1841 году Д. М. Княжевич вместе с Н. И. Надеждиным совершил путешествие за границу. Он побывал на родине отца, где нашел его родной дом в селении Мутилич, вблизи турецкой границы Австро-Венгрии. Н. И. Надеждин это путешествие описал в книге «Род Княжевичей». Им установлено, что род Княжевичей известен с 1460 года, когда венгерский король Матвей Корвин пожаловал Ивану Крушевичу-Княжевичу дворянскую грамоту. В книге дана генеалогическая таблица рода, начинающая от прапрадеда Максима Дмитриевича — Уроша.

Александр Максимович Княжевич учился вместе с С. Т. Аксаковым в Казанской гимназии и в Казанском университете. Он родился 11 октября 1792 года в Уфе, умер 2 марта 1872 года³. А. М. Княжевич известен не только литературной деятельностью, но и служебной. После окончания университета в 1811 году он служил вместе со старшим братом Дмитрием Максимовичем в министерстве финансов в Петербурге. В 1815 году оба брата, как образованные молодые люди, владевшие иностранными языками, были посланы с ликвидационной комиссией за границу к генерал-интенданту армии Е. Ф. Канкрину. Там же впоследствии служил и их брат Владислав. В свободное от службы время все три брата занимались литературной деятельностью и переводами с немецкого различных статей. «В Вене Дмитрий Максимович женился на баронессе Гора и, по возвращении их

¹ Русский биографический словарь, т. 9, с. 11.

² Надеждин Е. И. Род Княжевичей. Одесса, 1842.

³ Русский биографический словарь, т. 9, с. 5.

¹ Русский биографический словарь, т. 9, с. 10.

в Петербург, все братья поселились у него, где жили, вращаясь в кругу ученых и литераторов, до 1823 года, когда Александр Максимович женился на баронессе Вистингаузен. В 1830 г. он был назначен вице-директором Государственного казначейства, а в 1831 г. директором канцелярии министра финансов Е. Ф. Канкрин... Должность эту занимал он 17 лет, до выхода в отставку гр. Канкрин, назначившего его перед тем директором департамента Государственного казначейства»¹.

С 1854 г. он служил в сенате, а с 1858 г. назначен министром финансов. Последние 10 лет служил членом Государственного совета². На посту министра финансов А. М. Княжевич осуществил банковскую реформу и финансовую часть крестьянской реформы:

«Что касается до крестьянской реформы, то, еще не будучи министром, Княжевич ей сочувствовал, хотя и не ожидал от нее, как он говорил, больших улучшений»³.

Нами найден архивный документ, подтверждающий пребывание Александра Максимовича Княжевича в Уфе в чине действительного тайного советника в 1861 году: это метрическая книга Троицкой церкви, где дана запись о рождении 28 августа 1861 года внука С. Т. Аксакова — Сергея Григорьевича Аксакова. Княжевич записан там как крестный отец С. Т. Аксакова⁴.

Кроме Максима Дмитриевича и его потомства, в России известны и другие Княжевичи. В конце XVIII века публиковались произведения писателя А. Л. Княжевича⁵. Известны также помещики Княжевичи в Великомиромском уезде Виленской губернии, проживавшие там в 1830 г.⁶

Сохранились письма А. М. Княжевича С. Т. Аксакову за 1838—1857 годы⁷.

¹ Александр Максимович Княжевич. (По поводу 100-летия со дня его рождения). — Север, 1892, № 49, стб. 2571.

² Там же, стб. 2572.

³ Русский биографический словарь, т. 9, с. 9.

⁴ ЦГА БССР, ф. 294, оп. 2, Метрическая книга Троицкой церкви, л. 25 об., 26.

⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов, т. 2, с. 33; т. 4, с. 233.

⁶ Крестьянское движение в России. 1826—1849. М., 1961, с. 715.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 3, д. 69.

Почти с первых лет своего существования Уфа служила местом ссылки. История в трудах Карамзина сохранила имена первых уфимских ссыльных. При Борисе Годунове, в июне 1601 г., был сослан в Уфу воевода Яренский, попавший в опалу по делу о боярах Романовых. В марте 1602 г. в Уфу переведен из пелымской тюрьмы боярин Иван Никитичевич Романов, дядя царя Михаила, первого из рода Романовых. В 1606 г. царем Василием Ивановичем Шуйским сослан в Уфу на воеводство известный дьяк Афанасий Власьев, пожалованный перед тем Лжедмитрием I в звание великого секретаря и надворного подскарбия или казначея¹.

Почетной ссылкой можно назвать и расселение в нашем крае в середине XVII века сотен семейств смоленских шляхтичей для защиты юго-восточных рубежей России. Среди этих шляхтичей находился и Григорий Иванович Пекарский — прапрапрадед академика Петра Петровича Пекарского, известного ученого-историка и библиографа, родившегося в 1827 г. в поместье Отрада — ныне село Базилювка под Уфой.

Большое число ссыльных поляков появилось в Уфе после первого раздела Польши в 1772 г. и после подавления польских восстаний 1830—1831 и 1863 гг. В Уфу ссылались люди не только по политическим мотивам, но и за уголовные преступления.

В 1780 г. в наш край попадает в ссылку 28-летний Григорий Степанович Винский, уроженец украинского города Почеп (ныне в Брянской области). На 18-м году жизни Винский переехал в Петербург и поступил в лейб-гвардии Измайловский полк. Оставив службу через четыре года капитанармусом, Винский ведет в столице разгульный образ жизни, но одновременно занимается самообразованием. Запутавшись в долгах, он был замешан, по его словам — невинно, в подлоге денежных документов. После 13-месячного заключения в крепости он был осужден на вечную ссылку в Оренбургский край, где остается до конца дней своей жизни.

Продолжая заниматься самообразованием, Винский

¹ Витевский В. Н. П. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 3. Казань, 1891, с. 375; Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5. СПб., 1843, т. XI, с. 61—63, 124, 136; т. XII, с. 5.

поступает на службу в помещичьи семьи губернатором. За несколько десятилетий жизни в нашем крае ему суждено было побывать во многих городах и селах, работать в различных семьях, встречаясь с известными людьми своего времени. В Уфе Винский прожил около 12 лет.

Впервые в литературе имя Г. С. Винского появилось только после его смерти, в 1845 г., в трудах А. И. Тургенева. Александр Иванович Тургенев — друг А. С. Пушкина и брат декабриста Николая Ивановича Тургенева, осужденного приговором Верховного суда на вечное изгнание из России, был одним из самых образованных и прогрессивных русских людей своей эпохи. Гуманист и противник крепостничества, А. И. Тургенев связал свою судьбу с судьбой брата, и почти 20 лет, с 1825 по 1845 год, провел за границей. Посылаемые им оттуда письма с восхищением читались Пушкиным, Вяземским, Жуковским и попадали в печать. В одном из последних писем, опубликованных в журнале «Москвитянин» за 1845 год, № 3, под заголовком «Хроника русского в Париже», А. И. Тургенев пишет: «Я прочел в одни сутки записки Винского «Мое время». Эта рукопись уже четверть века у меня, и я первый раз вполне прочел ее. Я не мог оторваться от книги... Для Гоголя эта книга была бы кладом: Киев, Академия, шляхетство, общественная жизнь в Малороссии, нравы и справедливый взгляд на влияние французов в России, редкий в наше время... Сосланный по лишению дворянства в Оренбургскую губернию, Винский провел там большую часть жизни своей и кончил ее там же: тут началось его нравственное возрождение с молодой, милой женой, следовавшей за ним, вопреки всему, в ссылку. Винский начал заниматься языками, науками, учиться, чтобы быть учителем. Описание эпохи своего секретарства при винном распутном откупщике, учительства у губернаторов, помещичьей жизни в городах и деревнях, обхождение дворян с крестьянами и дворовыми. Охота псовая и ружейная, и различное влияние каждой на нравственность охотников. Портреты помещиков и жен, и детей их... Чтение и книги: влияние на дворян, благодарность его некоторым помещикам — Мюллеру, Андреевскому. Знакомство с Рычковым».

Наш читатель может ознакомиться с этим отрывком по книге А. И. Тургенева «Хроника русского»¹.

¹ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.-Л., 1964, с. 248, 249.

Впервые «Мое время» Винского было опубликовано в журнале «Русский архив», № 1 за 1877 г. с замечаниями редактора П. И. Бартенева, помещенными в следующем номере. Отдельной книгой «Мое время» было выпущено в 1914 г. петербургским издательством «Огни».

А. Н. Пыпин, известный ученый-литературовед, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, свою статью «Рассказы из екатерининского века», опубликованную в журнале «Вестник Европы» за 1877 г., № 7, посвящает подробному разбору мемуарных записок Винского и дает им весьма высокую оценку: «Записки Винского производят... между прочим, одно впечатление, какого вообще не производили наши старые писатели: он так близок к нашим понятиям, что, читая его, не нужно никакого усилия переноситься в старое время, становится на «историческую точку зрения». Он судит просто и здраво, и угадывает суждения позднейшей истории». А. Н. Пыпин особо подчеркивает значение «Моего времени» в том, что «Вследствии разных обстоятельств литература обходила много вопросов, без которых невозможно ясно и твердо осознать наше прошедшее, а затем следовательно, и настоящее. Нет сомнения, что это положение вещей, т. е. молчание исследования и печати о многих важных исторических предметах составляют одну из самых слабых сторон нашей исторической науки и нашей исторической мысли». Обстоятельства же эти сводились, как пишет А. Н. Пыпин, к тому, что «Восемнадцатый век приучил нас к панегирику. В обществе и литературе был невозможен другой тон; еще с времен московского царства опасно было говорить о государственных вопросах с какой-либо тенью критики; во времена Петра «мятежи и казни» усилили эту опасность...»

Интересно высказывание литературоведа — известного пушкиниста П. Е. Щеголева. «Винскому удастся то, что авторам мемуаров удается редко: показать как чувствовалось в его время. Обычно пишущие мемуары показывают только как жилось» — пишет П. Е. Щеголев во вступительной статье к «Моему времени» в издании «Огни».

Литература о Г. С. Винском не велика. Об отношении С. Т. Аксакова к Винскому сообщим ниже. Сейчас же отметим, что кроме упомянутых выше статей А. И. Тургенева и П. И. Бартенева можно назвать лишь краткие биографические справки в некоторых энциклопедиях, в том числе «Большой Советской».

Даже в многотомном «Критико-биографическом слова-

почти один и тот же круг людей из дворян-уфимцев, но иногда по-разному. Отчасти это объясняется различием возраста. У Аксакова — детские воспоминания, и естественно, что не все в помещичьем произволе и в дикости нравов и понятий он замечает. У Винского при оценке окружающей среды обостренный взгляд взрослого человека, к тому же невинно осужденного, от которого не ускользает ничто.

Отчасти это объясняется разностью темперамента и художественных манер авторов. У Аксакова — созерцательный реализм, у Винского — резкая обличительность.

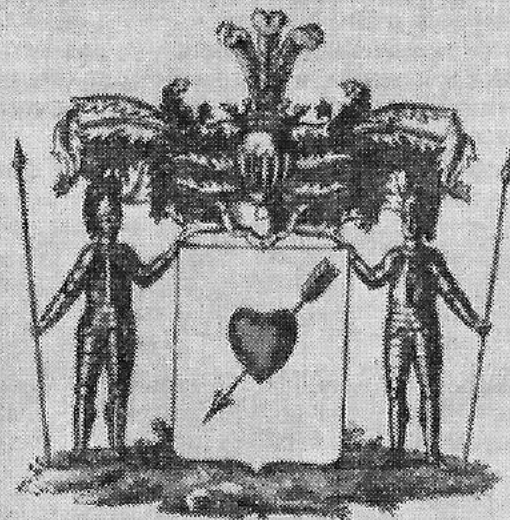
В 1783 г. Винский прибыл в Уфу и поступил гувернером в семейство надворного советника Булгакова. Вот как он описывает это семейство. «Николай Михайлович Булгаков, его супруга Прасковья Михайловна, трое детей и до шестидесяти обоюбого пола челядинцев составляли в настоящем виде русский дворянский дом... Госпожа под сорок лет, ласкательна сначала без меры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтунья бесстыдница и к людям жестока... Челядинцы, как и везде, составляли домашний скот...»

Еще хуже жилось дворовым в семье Матюниных. Винский далее пишет: «по севести не могу сказать, чтобы я, где ни жил, видел тиранства, творимые у Михаила Васильевича Матюнина и их сестриц, но с чистосердечием должен написать, что и в сем доме Булгакова — за малейшие проступки, часто по одному своенравию госпожи, лилась кровь несчастных»¹.

С большой теплотой Г. С. Винский вспоминает о Степане Семеновиче Андреевском — знаменитом враче и прекрасном человеке. Андреевский служил в Челябинске, входившем в то время в состав нашего края. Бывая в Уфе, он лечил Г. С. Винского. Андреевский вошел в историю русской медицины многими славными делами, в том числе и своим подвигом. В 1788 г. он сделал самому себе прививку сибирской язвы с целью испытания найденного им средства. Сам термин, обозначающий эту болезнь — сибирская язва — введен им же. Впоследствии Андреевский был назначен директором медико-хирургической академии в Петербурге. Умер он в 1818 г., будучи астраханским губернатором.

¹ Винский Г. С. Мое время. П., 1914, с. 117.

ГЕРБЪ РОДА АКСАКОВЫХЪ.

В щитѣ, оклеенномъ серебряною полемъ, изображено красное Сердце, пронзенное Сребряною Стрѣлою. Щитъ увѣнчанъ обильнѣйшимъ дворянскимъ Шлемомъ съ дворянскою на немъ короною и тремя Сяроусовыми перлами. Наметы на щитѣ сребренныя, подложенныя красными. Щитъ держатъ два Воина въ Латахъ, имѣющіе въ рукахъ по одному Копью.

Предокъ рода Аксаковыхъ Симонъ Африкановичъ, а по древнему названію Симонъ, вытѣлъ въ 1171 году въ Великому Князю Ярославу Владимировичу въ Киевъ или Варяжской земли и съ нимъ людей его три тысячи человекъ. У

Оставил Винский воспоминания и еще об одном интересном уфимце — директоре народного училища Андрее Андреевиче Гагемейстере: «Гагемейстер не долго для меня жил, но много мне добра желал».

Первым из уфимцев напомнил о пребывании Винского в нашем крае Н. Н. Барсов в статье «Записки уфимского мемуариста» (Советская Башкирия, 10 августа 1973 г.).

На аксаковской научной конференции, проходившей 25—26 октября 1979 года в Оренбурге, Г. Ф. Гудков в сообщении «С. Т. Аксаков в Башкирии» говорил о неод-

нократных упоминаниях Г. С. Винского в произведениях С. Т. Аксакова.

В сборнике «Рифей» была помещена статья Л. Н. и Т. Л. Большаковых о Винском¹.

В последующих очерках мы еще не раз вернемся к запискам Винского, используя их как дополнение к описаниям событий, упоминаемых С. Т. Аксаковым.

Глава III

П. И. ЧИЧАГОВ.

Общение Сережи Аксакова с Петром Ивановичем Чичаговым в раннем детстве во многом способствовало его общему развитию и критическому осмыслению прочитанного. Сам писатель в «Семейной хронике» вспоминает так: «Ну, Сережа, — так начинал он свой разговор, — как поживают Сумароков, Херасков и особенно Ломоносов? Что подделывает Карамзин с братией новых стихотворцев?» Это значило, чтоб я начинал читать наизусть заученные мною стихи этих писателей. Петр Иванович над всеми подсмеивался, даже над Ломоносовым, которого, впрочем, очень уважал... Мое восторженное чтение, или декламация, как он называл, очень его забавляла... Я вспоминаю с искренним удовольствием и благодарностью об этих часах моего детства, которые проводил я с Петром Ивановичем Чичаговым. Этот необыкновенно умный и талантливый человек стоял неизмеримо выше окружающего его общества. Остроумные шутки его западали в мой детский ум и, вероятно, подготовили меня к более верному пониманию тогдашних писателей... Впоследствии, когда я уже был студентом, а потом петербургским чиновником, приезжавшим в отпуск, я всегда спешил повидаться с Чичаговым» (1; 514).

«П. И. Чичагов был необыкновенно умный, или, справедливее сказать, необыкновенно остроумный, человек.

Он получил по-тогдашнему блестящее и многостороннее образование, знал несколько языков, рисовал, чертил (т. е. знал архитектуру), писал и прозой и стихами. В поре пылкой молодости влюбился он в Москве в девицу Римско-Корсакову и для получения ее руки решился на какой-то непростительный обман, который открылся уже после брака, за что и был Чичагов сослан на жительство в Уфу. Жена его скоро умерла; он через год утешился, влюбился в Катерину Борисовну [Мертваго] и увлек ее своей любезностью, веселостью, образованностью и умом; наружность же его была очень некрасива, влюбиться в него было невозможно. Катерина Борисовна была девушка взрослая и с твердым характером; мать и братья не могли с ней сладить и выдали за Чичагова, который впоследствии был прощен, но не имел права выезжать из Уфимской губернии. Софья Николаевна [Мария Николаевна — мать С. Т. Аксакова] любила его вдвойне: за то, что он был мужем, страстно любимым, ее приятельницы, и, вероятно, еще более за то, что он был умен и образован» (1; 218, 219).

Шурин П. И. Чичагова, Дмитрий Борисович Мертваго, в своих воспоминаниях сообщает некоторые подробности о своем зяте. «Непростительный обман» П. И. Чичагова заключался в том, что «17 лет от роду он влюбился в девушку, и по желанию отца ее подал в отставку. Не дождавшись указа об отставке, он объявил всем, что уволен с повышением чина; не получив этого чина, он в указе сам это переправил и вместо поручика стал называть себя капитаном». Д. Б. Мертваго стал хлопотать за своего родственника и обратился к Екатерине II с запиской. «В записке этой, — вспоминал Мертваго, — я старался изъяснить, что воспитание зятя моего в чужих краях, молодые лета его и обстоятельства вовлекли в преступление действительно ребяческое; что наказание, подобное тому, которому подвергаются тяжкие преступники, хорошее поведение и ум его обратили на него общее внимание; что я был его другом, и допустил, что сестра моя в него влюбилась; что отвращение матушки к этой свадьбе и покорность влюбленной сестры едва не довели последнего до чахотки; что тогда я склонил матушку выдать сестру за Чичагова, и преступление и нечастье его перешло и на нашу семью; наконец, заключил записку свою тем, что родственник и однофамилец его Василий Яковлевич Чичагов¹, оказавший некогда боль-

¹ Большаков Л., Большакова Т. Винский, известный и неизвестный. — Рифей. Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1981, с. 149—193.

¹ Известный адмирал. — примеч. Мертваго.

шую услугу государству, ходатайствовал о его прощении.

Эту записку, написанную на одном листе, Державин отдал Зубову¹ и на другой день меня ему представили... Зубов отдал мою записку секретарю императрицы, который... доложил ее в праздник. Императрица за туалетом прочитала мою записку, и, как мне говорили, наше несчастье ее тронуло: она приказала мне объявить, что простит моего зятя при первом торжестве... Кончилось тем, что простила Чичагова; но в указе приказала дополнить, чтобы в службу его не определять и не иметь ему въезда в обе столицы»².

В «Дневнике» Ребелинского имеется интересная запись от 24 октября 1794 года: «О Чичагове получен приказ, что он прощен». В «Месяцеслове» за 1803 год о нем сказано: «надворный советник, правитель канцелярии при оренбургском военном губернаторе».

Очень ценно для характеристики П. И. Чичагова добавить высказывания о нем Г. С. Винского: «Живучи в Уфе, мне посчастливилось с весьма добрыми и умными людьми. Из них же вечное мое напоминание о тебе, почтеннейший и любезнейший друг П. И. Чичагов. В тебе я потерял одного совершенно моего единомышленника, сострадательного друга, честного и с обширными знаниями человека... Приводя часто на память твою доброту, твою кротость, твою неизменную через 20 лет со мною приязнь, я всегда в мыслях прибавляю: «Аще забуде тебя любезный Петр, забвенно буде моя душа»... С какой горестью вспоминаю наши беседования о происшествиях, начавшихся в наших глазах, от которых надеялись мы спасения, счастья человеческому роду, но увя! Все сие по отшествию твоём восприняло новый вид, или лучше: древнейшие рода человеческого враги, самовластие и суеверие, переменяв только одеяние и речь, возложили снова чрез безумных честолюбцев оковы рабствования, еще тягчайше прежних, на выи глупой черни. И далее вспоминал Винский: «Обманутый так бессовестно, оставленный булгаковским домом безжалостно, прожившись от найма квартир, услуги и содержания, я доведен был

¹ Речь, вероятно, идет об Александре Николаевиче Зубове (1727—1795), назначенном в 1789 г. оберпрокурором сената в связи с возвышением его сына Платона, который в это время стал фаворитом Екатерины II. — авторы.

² Мертваго Д. В. Записки. — Русский архив, 1867, № 8—9, стб. 79—82.

до самой крайности. Без советов и пособий доброго Чичагова я не знаю, как бы выдрался из сей беды»¹. Мы привели подробную цитату из воспоминаний Винского не только потому, что она дает более развернутую характеристику Чичагова, как его единомышленника. Анализируя высказывания Винского о Чичагове, можно внести существенные уточнения биографии самого Винского: до сего времени исследователи полагали год смерти Винского не ранее 1818 года. Однако напрашивается вывод, что умер он после расправы над декабристами, то есть не ранее 1826 года².

Из обширной переписки поэта Г. Р. Державина с Д. В. Мертваго видно, что в 1795 г. П. И. Чичагов устраивал церковь в имении первого. А в июле 1796 г. в письме к Д. В. Мертваго поэт писал: «Милостивый государь мой, Дмитрий Борисович. Я прошлого уже месяца отправил к Петру Ивановичу Чичагову письмо, которым дал ему полную власть управлять моими деревнями. Спешу вас... благодарить за такого человека, которого ум и сведения уверяют меня в полной мере, что деревни мои будут иметь не расхитителя, а устроителя и попечителя, как о моем, так и о их благе. ...С этой стороны остаюсь теперь спокойным, будучи уверенным, что деревни мои будут призрены благоразумным и честным человеком, который и крестьян поправит и мне сделает... доход»³.

Сохранились и многие письма Державина к Чичагову⁴.

У П. И. Чичагова был сын — штабс-капитан Сергей Петрович Чичагов, семейство которого числится в середине прошлого века в списках малоимущих дворян. С. П. Чичагова к тому времени уже не было в живых, а его 58-летняя вдова Анна Ларионовна в 1849 году имела в сельце Репьевке Бугурусланского уезда имение, к которому, кроме принадлежавших ей 112 душ, были приписаны еще 14 душ дворовых, оставшихся после смерти мужа. У С. П. Чичагова было три сына и пять дочерей. Старший Николай, 29 лет, подпоручик, был в г. Белебее

¹ Винский Г. С. Мое время II, 1914, с. 131—135.

² Так мы писали в 1981 г. в книге «С. Г. Аксаков». Л. Н. Большаков считает год смерти Винского — 1818, см. его кн. Возвращение из прошлого. Киев: Радянский письменник, 1988, с. 90, 142.

³ Державин Г. Р. Сочинения, т. 6, СПб., 1871, с. 29. Поэту принадлежали, кроме с. Смоленского, деревни Гавриловка, Екатериновка и Феклино в Бузулукском уезде, с. там же, с. 51.

⁴ Там же, с. 50, 51, 100, 107.

дворянским заседателем в уездном суде. Сергей, 25 лет, прапорщик, служил в Полоцком егерском полку. Ларион, 27 лет, подпоручик в отставке и пять его сестер: Варвара 26 лет, Мария 23 лет, Екатерина 22 лет, Надежда 21 года и Анна 20 лет, проживала с матерью в сельце Репьевке и «занимались с ней хозяйством»¹.

В 1929 г. Репьевка входила в Муравинский сельсовет Бугурусланского района и округа Средне-Волжского края. В списке населенных пунктов под № 613 о ней сообщалось, что отстоит она от г. Бугуруслана в 40 км, от ближайшей железнодорожной станции — в 20 км, имеет 13 крестьянских дворов и 65 жителей².

Глава IV

МЕРТВАГО.

Дмитрий и Степан Борисовичи Мертваго с их семьями входили в число ближайших друзей родителей С. Т. Аксакова. Первое упоминание о Мертваго встречаем у С. Т. Аксакова в четвертом отрывке «Семейной хроники» — «Молодые в Багрово»³. Вскоре после свадьбы родители С. Т. Аксакова, совершая поездку к родственникам, заехали в село Старую Мертовщину⁴. «...приехали они в Старую Мертовщину, где жила в то время замечательно умная старуха Марья Михайловна Мертвая, дочь которой Катерина Борисовна (большая приятельница Софьи Николаевны), недавно вышедшая замуж за сосланного в Уфу правительством и овдовевшего там П. И. Чичагова, совершенно неожиданно для молодых Багровых находилась тут же с своим мужем. Софья Николаевна, которая любила Чичагова не меньше, чем свою приятельницу, была так обрадована такой нечаянностью, что позабыла всю свою досаду и сделалась очень жива и весела... Старуха Марья Михайловна задумала переехать на житье в деревню, и Чичагов с женой приехали

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1868, т. 274.

² Бугурусланский округ Средне-Волжского края. Населенные пункты. Бугуруслан, 1929, № 613.

³ Впервые опубликовано в «Русской беседе» (1856, т. 2), затем во втором издании «Семейной хроники», вышедшем летом 1856 г. См. Машинский С., указ. соч., с. 381.

⁴ Села Старая Мертовщина (Борисоглебское) и Новая Мертовщина (Михайловское) в Бугульминском уезде, ныне Северный район Оренбургской области.

именно затем, чтобы помогать ей строить дом и церковь. Софья Николаевна уже с неделю прогостившая в семействе своего мужа и сестер, обрадовалась Чичаговым, как светлому празднику; пахло на нее свежим воздухом, отдохнули ее душа и живой ум, и она проговорила с друзьями чуть не до полночи» (1; 218, 219).

Неоднократно упоминает С. Т. Аксаков о Мертваго и в «Детских годах Багрова внука». «Мне хорошо известны и памятливы только те, которые бывали у нас почти ежедневно и которые, как видно, очень любили моего отца и мать и нас с сестрицей. Это были: старушка Мертваго и двое ее сыновей Дмитрий Борисович и Степан Борисович Мертваго, Чичаговы... Крестный отец мой, Д. Б. Мертваго... никогда не бывал со мной ласков, но зато никогда и не дразнил меня... Уже весьма поздно осенью отправились мы в Старую Мертовщину к Чичаговым. Сестрица с маленьким братцем остались у бабушки; отец только проводил нас и на другой же день воротился в Багрово, к своим хозяйственным делам. Я знал все это наперед и боялся, что мне будет скучно в гостях; даже на всякий случай взял с собой книжки, читанные мною уже не один раз. Но на деле вышло, что мне не было скучно. Когда моя мать уходила в комнату Чичаговой, старушка Мертваго сажала меня подле себя и разговаривала со мной по целым часам. Она умела так спрашивать и особенно так рассказывать, что мне было очень весело ее слушать. Она в своей жизни много видела, много вытерпела, и ее рассказы были любопытнее книжек. Тут я получил в первый раз настоящее понятие о «пугачевщине», о которой прежде только слыхал мимоходом. Бедная Марья Михайловна с своим семейством жестоко пострадала в это страшное время и лишилась своего мужа, которого бунтовщики убили. У старушки Мертваго я сидел обыкновенно по утрам, а после обеда брал меня к себе в кабинет Петр Иваныч Чичагов. Он был и живописец и архитектор: сам построил церковь для своей тещи Марьи Михайловны в саду близехонько от дома, и сам писал все образа... В Мертовщине был еще человек, возбуждавший мое любопытство, смешанное со страхом: это был сын Марьи Михайловны, Иван Борисыч, человек молодой, но уже несколько лет сошедший с ума. Мать ни за что не хотела стеснить его свободу; он жил в особом флигеле, с приставленным к нему слугою, ходил гулять по полям и лесам и приходил в дом, где жила Марья Михайловна, во всякое время, когда ему было угодно, даже ночью. Я видел его каждый день раза по два и по

три, но издали. Один раз, когда мы все сидели в гостиной, вдруг вошел Иван Борисович, небритый, нечесанный, очень странно одетый; бормоча себе под нос какие-то русские и французские слова, кусая ногти, беспрестанно кланяясь набок, поцеловал он руку у своей матери, взял ломберный стол, поставил его посреди комнаты, раскрыл, достал карты, мелки, щеточки и начал сам с собою играть в карты. Катерина Борисовна тихо сказала моей матери что игра в карты с самим собою составляет единственное удовольствие ее несчастного брата и что он играет мастерски» (1; 357, 427, 455—457).

Основателем рода Мертваго был царевич Золотой Орды, выехавший в XIV веке к Олегу Рязанскому и получивший имя Благодень. Потомки также назывались этим именем, один из них умер во времена Ивана Грозного, и царь повелел сирот именовать детьми Мертваго. Столь неблагозвучная фамилия — Мертвый — держалась несколько столетий, и лишь в начале XIX века с разрешения царя была изменена на Мертваго.

Дмитрий Борисович Мертваго (1760—1824) — крестный отец С. Т. Аксакова, личность весьма примечательная, причем не только для нашего края, происходил из этого рода. Во время восстания Пугачева Дмитрию Борисовичу было 14 лет. Его отец, Борис Федорович Мертваго, «женился в 1753 году на Марии Михайловне Мартыновой, вышел в отставку майором и жил с семьей своей в родовом поместье, Алаторском уезде Симбирской губернии. Здесь он и погиб повешенный Пугачевым»¹.

Алаторским имением в с. Троицкое (Астродамовка) по рекам Яклы и Тростянке Мертваго владели еще в XVII веке. Известна земельная тяжба между семействами Мертваго и Ермоловых. Роман Ермолов с сыновьями Леонтием и Львом пятнадцать лет, с 1673 по 1698, судился из-за спорной земли с братьями, Федором и сыновьями Борисом и Дмитрием и Леонтием с сыном Онисимом Мертваго².

Анисим Леонтьевич Мертваго был ранен в походе против Степана Разина³.

В 1740-х годах Борис Федорович Мертваго вместе со своим отцом, Федором, служил в Уфе. В документах

¹ Ватаци М. Быль минувшего. — Исторический вестник, 1913, т. 131, с. 33.

² Вейнберг Л. Акты земельные о спорной земле между братьями Мертваго и Ермоловым, в кн.: Памятная книжка Пензенской губернии на 1889 г., Пенза, 1889, с. 361—367.

³ Ватаци М., указ. соч., с. 33.

1741 года упоминается уфимский служилый человек Федор Мертваго; его подпись встречается на документах вместе с подписью уфимского вице-губернатора Петра Дмитриевича Аксакова¹. Капрал уфимского гарнизона Борис Федорович Мертваго также упоминается в документе 1740 года². К тому же времени относится, по документам, служба в Уфе капитана Мертваго, без имени, ассессора при вице-губернаторе П. Д. Аксакове, ранее служившего товарищем при воеводах³.

Полагаем, что ассессором и капитаном был Борис Федорович Мертваго, вышедший в отставку, как сказано выше, майором.

В своих автобиографических «Записках» Д. Б. Мертваго оставил интересные воспоминания о событиях Крестьянской войны 1773—1775 годов, о служебном и общественном быте конца 18 и начала 19 веков. Полностью «Записки» опубликованы в «Русском архиве» в 1867 году⁴, в том же году изданы отдельно. Но еще ранее, в 1857 г., в «Русском вестнике» № 1 были опубликованы отдельные отрывки, за что редактор и цензор от тогдашнего министра народного просвещения А. С. Норова получили строгий выговор⁵.

С 1787 года Д. Б. Мертваго служит в Уфе советником наместнического управления, т. е. в то время, когда наместничество фактически возглавлял дед С. Т. Аксакова Николай Семенович Зубов⁶.

В этот уфимский период жизни семейство Мертваго находилось в большой дружбе с родителями С. Т. Аксакова, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания на страницах «Семейной хроники», а также воспоминания М. П. Ватаци: «Дед мой был другом и постоянным посетителем семьи Зубовых и Аксаковых»⁷.

По инициативе Д. Б. Мертваго в Уфе было организовано Оренбургское магометанское собрание. Сам Д. Б. Мерт-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 3, М.-Л., АН СССР, 1949, с. 504—507, 615.

² Там же, с. 411, 412, 615.

³ Там же, с. 548, 563, 615; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., изд. 2-е, Казань, 1889, с. 188, 195, 200, 205, 207, 212, прилож. с. 160.

⁴ Русский архив, 1867, № 8—9.

⁵ Никитенко А. В. Дневник, т. 1, Госизд. худож. лит., 1955, с. 457, 538.

⁶ С. Т. Аксаков в «Семейной хронике» назвал своего деда со стороны матери Зубиным Николаем Федоровичем. Нам удалось установить настоящее отчество последнего, о чем подробно рассказано в главе «Зубовы».

⁷ Ватаци М., указ. соч., с. 354.

ваго вспоминал об этом так: «Прежними примерами доказано было, что во время войны с турками всегда возмущались народы, исповедующие Магометанский закон и обитающие на азиатской границе, что было всегда причиной, препятствующей успехам победоносного нашего войска.

Бухария, окруженная степями Киргиз-кайсаков и татар, и граничащая с Персией и Индией, славится своим духовенством. Магометане, обитающие в России, имеют большое уважение к тем духовным особам, которые воспитывались в Бухарии. Поэтому всякий мулла, выезжавший оттуда, объясняющий догматы религии, признается суеверным народом за святого — всеведующего. Эти муллы употреблялись всегда турками к возбуждению российских магометан к бунту... В рассуждении же мер, которые следовало принять против проповедования бухарцев, я подал проект, где предлагал учредить при губернаторском правлении духовное собрание из двух или трех избраннейших и в верности испытанных духовных особ магометанского закона, которые экзаменовали бы желающих поступить в звание мулл и представляли бы их на утверждение губернского правления; правление же обязано было каждому дать указ, без которого, как без доказательства его звания, никто бы не смел учить в школах и изъяснять закон в мечетях...

Когда генерал-губернатор получил от губернского правления мой проект, то, одобрив его, представил императрице. Вследствие того учреждено было духовное собрание Магометанского закона, и председатель оного пожалован в муфтии. Права этого нового места определены были на основании моего проекта. Генерал-губернатор написал мне письмо, в котором благодарил меня и представил к награждению орденом, но представление было сделано слабо, и я его не получил»¹.

Именной указ об учреждении в Уфе «Духовного магометанского закона собрания» последовал 22 сентября 1788 г. Положение о духовном магометанском собрании было составлено симбирским и уфимским наместником бароном О. А. Игельстромом 4 декабря 1789 г.².

¹ Мертваго Д. Б. Записки. Русский архив, 1867, № 8—9, стб. 43—45.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 563, 564, 683, 684; Столетний юбилей Оренбургского магометанского духовного собрания праздновался 4 дек. 1889 г. — См. Памятная книжка Уфимской губ. на 1891 г., Уфа, 1981, Хроника, с. X LII. Ныне это учреждение существует под назв. «Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири».

В 1807 году Д. Б. Мертваго возвращается на службу в Петербург, где его часто посещает С. Т. Аксаков и, много лет спустя, направляет В. П. Безобразову письмо — «Воспоминание о Дмитрие Борисовиче Мертваго». Приводим из него отрывок: «Многоуважаемая память моего покойного отца, в обширном и строгом смысле честнейшего человека, которого вся жизнь была борьба правды и чести с ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живет в моей душе... Неподкупная его честность была известна всем, но не всем может быть известно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всех его служебных отношениях: мог ли такой человек не иметь врагов по службе»¹.

Д. Б. Мертваго в 1804 г. женился на Варваре Марковне Полторацкой, дочери Марка Федоровича Полторацкого, которого императрица Елизавета привезла с собой из Малороссии и за чудесный голос сделала «полковником спивальной музыки»².

У Дмитрия Борисовича и Варвары Марковны Мертваго было три сына, Николай, Петр и Дмитрий, и пять дочерей, Мария, Варвара, Екатерина, Надежда и Софья.

Николай Дмитриевич Мертваго родился в 1805 году, был женат на Сусанне Александровне Соймоновой³.

Петр Дмитриевич Мертваго родился в 1813 году, был женат на Марии Николаевне Депрейс (1823—1860), внучке Исаея Исаевича Депреиса (1744—1798), голландца, приехавшего в Россию в возрасте 16 лет. Он артиллерийский капитан, служил в Вятском наместничестве советником палаты уголовных дел, был женат на Марье Яковлевне Левашовой, имевшей имение в Казанской губернии. Один из представителей этого семейства, Николай Петро-

¹ Воспоминание о Дмитрие Борисовиче Мертваго опубликовано в Собрании сочинений С. Т. Аксакова, т. 4, М., 1966, с. 387. Д. Б. Мертваго — крестный отец С. Т. Аксакова.

² Ватаци М., указ. соч., с. 360. Брат Варвары, Дмитрий Маркович Полторацкий, был женат на владелице Благовещенского медеплавильного завода в Уфимском уезде. См. кн.: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Историко-краеведческие очерки, ч. 1, Уфа: Башкирское издательство, 1985, с. 371.

³ Ватаци М., указ. соч. Род Соймоновых — один из старейших московских, генеалогия его прослеживается с XV века. Видным представителем его был Федор Иванович Соймонов (1692—1780) — один из первых русских географов, при Бироне в 1740 г. он был сослан на каторгу, в 1751 г. — Сибирский губернатор, затем — сенатор, Леонтий Яковлевич Соймонов, генерал-майор, казанский вице-губернатор и начальник комиссии Башкирских дел и позднее начальник Оренбургской комиссии.

вич Депрейс, двоюродный брат Марии Ватаци, служил в Уфимской губернии, он был редактором журналов «Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии» и «Сельскохозяйственного листка уфимского губернского земства» (1910—1913). Имея в Стерлитамакском уезде земельное владение, он служил там председателем уездной земской управы¹.

У Петра Дмитриевича и Марии Николаевны Мертваго было две дочери, Мария и Софья, и четыре сына, Николай, Борис, Владимир и Александр.

Мария Петровна Мертваго, по мужу Ватаци, — автор упоминаемых нами записок.

Софья Петровна Мертваго окончила Смольный институт благородных девиц и была начальницей Русского института императрицы Марии Федоровны в Черногории, известной воспитательницей женщин-славянок².

Николай Петрович Мертваго погиб от заражения крови. Сестра его, Мария Ватаци, пишет о нем как о человеке кристальной души: все грубое, безнравственное было ему противно. Как и у многих дворян, в его имении был винокуренный завод. Однако он не мог примириться с продажей водки, с кабаками: этот доход ему претил. В конце концов он не выдержал и продал старое родовое имение в Спасском уезде Казанской губернии и переехал в Броненский уезд Московской губернии в село Сабурово. Но там с ним произошел несчастный случай: молотилка оторвала ему три пальца на руке. Запустив лечение, он получил заражение крови и скончался, успев перед смертью завещать часть своей земли в сабуровском имении крестьянам.

Борис Петрович Мертваго (1847—1909) — полковник, жена Александра Александровна Толстая³, в 1880-х годах в чине штабс-ротмистра он служил управляющим Государственной конюшни в Уфе⁴.

О Владимире Петровиче Мертваго, родившемся в Казани в 1849 г., сведений не имеем.

Самую большую известность в этой семье получил Александр Петрович Мертваго (1856—1917).

¹ Адрес-календарь Уфимской губернии на 1906 и 1917 гг., алфавит; Библиография периодических изданий России 1901—1916 гг., т. 1, Л., 1958, т. 11, Л., 1959, алфавит.

² Ватаци М., указ. соч., с. 779.

³ Сиверс А. А. Генеалогические разведки, вып. 1, СПб., 1913, с. 9.

⁴ Справочная книжка Уфимской губернии на 1883 г., с. 29. Шныне на месте конюшен размещается центральный рынок.

В. И. Ленин в своих произведениях «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов»¹ и «Аграрный вопрос в России к концу 19 века»² использовал материал из брошюр А. П. Мертваго. В именных указателях к томам 16 и 17 полного собрания сочинений В. И. Ленина дается следующая биографическая справка: «Мертваго А. П. — агроном, изучал огородничество во Франции, слушал курс естественных наук в Сорбонне. С 1887 по 1893 год сотрудничал в «Земледельческой газете», журнале «Сельское хозяйство и лесоводство». В 1894—1905 годах — редактор сельскохозяйственного журнала «Хозяин», с 1905 года — его издатель. Автор работ: «Сельскохозяйственные вопросы нечерноземной полосы России», «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся?» и других».

Дмитрий Дмитриевич, сын Дмитрия Борисовича Мертваго, родился в 1815 году и умер холостым.

Дочь Д. Б. Мертваго, Мария Дмитриевна, вышла замуж за Дмитрия Николаевича Маслова, а ее дочь Елизавета Дмитриевна (1834—1881) была женой известного в свое время экономиста и публициста академика В. П. Безобразова.

Елизавета Дмитриевна тоже занималась литературной деятельностью. При большом образовании и таланте она отличалась необыкновенной скромностью и, скрывая свою академическую деятельность под различными псевдонимами, публиковала свои работы на литературные, политические и экономические темы в журналах на иностранных языках. Их дети — правнуки Д. Б. Мертваго — также заслуживают внимания. Мария Владимировна Безобразова посвятила себя изучению философии, печатала статьи и читала лекции на эти темы. Она являлась одной из первых женщин-лекторов по философии. Брат ее Павел Владимирович Безобразов — историк и автор исторических романов, приват-доцент Московского университета, специалист по византийской истории.

Барвара Дмитриевна Мертваго родилась в 1812 году, вышла замуж за Ивана Воейкова, брата известного писателя Александра Федоровича Воейкова (1778—1839)³.

Екатерина Дмитриевна Мертваго вышла замуж за Николая Загоскина, брата Михаила Николаевича Загос-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., 1966, т. 16, с. 224—228.

² Там же, т. 17, с. 68—70.

³ Записки Д. Б. Мертваго. — Русский архив, 1867, №№ 8, 9, С. 313, 774.

кина¹ (1789—1852), автора романа «Юрий Милославский или русские в 1612 году», и многих других исторических романов и повестей. Биография этого писателя написана С. Т. Аксаковым².

Надежда Дмитриевна Мертваго умерла в детстве, а ее сестра Софья была незамужней.

Близок к семейству Аксаковых и брат Дмитрия Борисовича, Степан Борисович Мертваго, майор, а впоследствии оренбургский губернский предводитель дворянства. Он был женат на дочери надворного советника, Надежде Степановне Кротковой. О родстве Кротковых с Аксаковыми рассказано в главе «Кротковы». Здесь же добавим, что Надежда Степановна Мертваго, урожденная Кроткова, была теткой жены Аркадия Тимофеевича Аксакова, Анны Степановны Кротковой. Итак, Аксаковы были в родстве с Мертваго через Кротковых.

У Степана Борисовича и Надежды Степановны Мертваго была очень большая семья: семь сыновей — Михаил, Андрей, Степан, Иван, Егор, Павел и Федор — и три дочери: Александра, Надежда и еще одна — игуменья, имя которой неизвестно³.

Расскажем о каждом из них по порядку.

Михаил родился в 1796 году, окончил Московский университет. В 1814 году служил в экспедиции кремлевского строения, откуда в 1816 году перешел в Мастерскую военно-рабочей бригады. Здесь его служба в 1819 году заканчивается. С чином губернского секретаря в 1833—1836 гг. он — депутат дворянства Бугульминского и Белебеевского уездов. Владел имением в с. Александрово Сергачского уезда Нижегородской губернии, где имел в 1858 г. 170 крестьян, 35 дворов, был женат на Екатерине Ивановне⁴. Андрей родился в 1799 г., Степан — в 1804, Иван — в 1809. Эти три сына Степана Борисовича умерли до 1845 г.,⁵ и других сведений о них не имеем. Егор родился в 1807 г. Тринадцати лет поступил в Морской корпус кадетом, в 1822 г. он гардемарин, в 1826 — мичман. В русско-турецкую войну 1828—1829 гг. он на фрегате «Поспешный» участвует в сражениях, за отличие был произведен в лейтенанты и награжден орденом св. Анны 4-й степени. В 1832 г. он ушел в отставку

в чине капитан-лейтенанта. Его жена, Зинаида Николаевна Рычкова, была правнучкой известного ученого Петра Ивановича Рычкова (1712—1777), дочерью его внука Николая Васильевича Рычкова — офицера кавалергардского и затем Сумского гусарского полков, умершего в 1830 г. в Петербурге от холеры. В июне 1837 г. Степан Борисович Мертваго выделил вдове сына Егора, сыну Владимиру и дочери Анне из своего бугульминского имения в с. Новая Мертовщина 29 крестьян с семьями и землю для их поселения 525 дес. при с. Богородское-Лукино, которая раньше им была куплена у княгини Давлеткильдеевой и штабс-капитана Лукина в 1834 г. Позднее, в 1846 г., жена Степана Борисовича, Надежда Степановна, также выделила своим внукам, Владимиру и Анне, в селах Старая и Новая Мертовщина по 50 душ и по 600 десятинам земли¹. Владимир Егорович Мертваго в 1880 г., будучи отставным поручиком, служил в Белебее уездным исправником². Павел родился в 1811 г., как и старший брат Егор, — он — военный моряк. В 1829 г. — гардемарин, в 1831 — мичман. В 1845 г. в чине капитан-лейтенанта он увольняется от морской службы и через год поступает на службу во 2-й Оренбургский линейный батальон поручиком; в 1847 г. он положил начало исследованию Аральского моря, сделав на построенной в Оренбурге под своим наблюдением и затем доставленной на р. Сыр-Дарью шхуне «Николай» опись моря и топографическую съемку правого берега нижней Сыр-Дарьи³. В чине штабс-капитана в 1848—1850 гг. он был прикомандирован к Оренбургскому Николаевскому кадетскому корпусу. В 1855—1856 гг. в чине майора он служит начальником дружины Самарского ополчения, в 1858 г. он — старший адъютант штаба 2-й флотской дивизии, в 1860 — непреходящий ассессор комиссии военного суда при Кронштадтском порте, в 1867 — судья в Кронштадтском военно-морском суде. В 1869 он получает чин капитана первого ранга, в 1873 г. — награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Владел полученным от матери имением в Старой и Новой Мертовщине, умер в 1876 г.⁴

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 7, 8.

² Справочная книжка Уфимской губернии на 1883 г., с. 127.

³ Петров И. Указатель статей Морского сборника 1848—1872, СПб., 1873, № 4682. Новейшая экспедиция для обследования Аральского моря... Гидрографические занятия лейтенантов Мертваго и А. Бутакова. 1851, № 1, с. 66—71.

⁴ Сиверс А. А., указ. соч., с. 8, 9; Русские мореплаватели. М., 1958, с. 529.

¹ Ватаци М., указ. соч., с. 774.

² Аксаков С. Т. Собр. соч. в пяти томах, Библ. Огонек, М., 1966, т. 4, с. 151.

³ Сиверс А. А., указ. соч., с. 7—9.

⁴ Там же, с. 7.

⁵ Там же, с. 6.

Федор родился в 1806 г., поступил кадетом в Морской корпус в 1820 г., через год он — гардемарин, а в 1823 — мичман. 8(20) октября 1827 г. на фрегате «Проворный» он участвует в Наваринском сражении, столь известном в период Греческой войны за независимость. Федор Степанович Мертваго за это сражение был награжден орденом Анны 3-й степени. В 1829 г. он участвует в блокаде Дарданелл на корабле «Александр Невский» и получает чин лейтенанта. Поступив в эскадру вице-адмирала Лазарева, с десантными войсками он прибыл в Феодосию, а затем сухим путем он возвратился в Кронштадт в 1833 г. В 1834—1839 гг. он командовал пароходами «Геркулес», «Надежда» и «Ладога» и в чине капитан-лейтенанта был уволен от службы с 1840 г. и назначен окружным лесным ревизором Казанской губернии. В 1841 г. начинается его служба в штабе Оренбургского корпуса старшим адъютантом, затем дежурным штаб-офицером. В 1847 году он — подполковник, а через два года ушел в отставку полковником. В 1855 году его выбирают депутатом от дворянства в Самарскую губернскую строительную и дорожную комиссию. В 1858—1866 гг. он — бугульминский уездный предводитель дворянства. Он был женат на Александре Павловне, умер не ранее 1874 г.¹

По воспоминаниям его внучки Софьи Борисовны Денисовой, урожденной Мертваго, сообщенным ею автору, Г. Ф. Гудкову в 1957 г., Федор Степанович Мертваго свое имение в с. Мертвощина продал за бесценок своим крестьянам, когда там оставалось только 180 десятин земли, и уехал в Ставропольский уезд. Приказчиком у него был из бывших крепостных Илья Видинеев.

В 1888 году сын приказчика, Василий Ильич Видинеев, приобретает в Уфе у вдовы купца В. А. Пупышевой усадьбу с большим садом, которая с тех пор стала называться Видинеевским садом.

В. И. Видинеев становится также владельцем пивоваренного завода в Уфе построенного в 1863 году купцом А. К. Блохиным, которому до 1884 года принадлежал и Видинеевский сад.

В 1893 г. В. И. Видинеев строит в саду летний театр, здание которого сохранилось до наших дней.

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 6, 7; Чемодуров Л. Краткие записки о деятельности Самарской губернии 1851—1901 гг. М., 1901, с. 52, 78, 122; Кычакова Г. В., правнучка Ф. С. Мертваго, проживающая ныне в Москве, в рукописи своих записок называет свою прабабушку Александру Павловну дочерью адмирала П. П. Чистякова, с. 9.

Родителям С. Т. Аксакова эта усадьба принадлежала в конце XVIII века. Здесь 20.9.(1.10) 1791 г. родился Сергей Тимофеевич Аксаков.

Улица, на которой размещалась эта усадьба, называлась тогда Голубиной слободкой. Ныне Видинеевский сад называется садом им. С. Т. Аксакова¹.

В 1909 г. наследники В. И. Видинеева пожертвовали на строительство Аксаковского Народного дома 5000 рублей².

Но вернемся к рассказу о детях Федора Степановича Мертваго: у него были сыновья Борис и Дмитрий и дочь Павла.

Борис Федорович Мертваго в 1884 г. известен как коллежский асессор, становой пристав в Верхнеуральском уезде³. Других сведений мы о нем в литературе не встречали. Но в рукописи, упомянутой выше, Г. В. Кычакова о нем сообщает, что он служил во флоте, женился на очень бедной девушке, имел детей. Около 1870 г. группу русских военных кораблей переводили из европейских вод на Дальний Восток, где произошли матросские волнения, и Борис Федорович, офицер экипажа, заявил адмиралу, что «Матросы правы: их морят голодом и обращаются с ними жестоко». Его сразу же арестовали за участие в бунте и, приписав ему еще растрату казенных денег, лишили всех прав состояния и посадили в Верхнеуральский острог, где он пробыл несколько лет; за это время его жена и дети умерли во время эпидемии в Поволжье. В 1881 г. при воцарении Александра III он по амнистии вышел из острога и женился на племяннице симбирского архиерея, Вере Григорьевне Вианцевой. Во втором браке он имел шесть дочерей, Софья, Елена, Елизавета, Ольга, Надежда и Александра. Семья впоследствии жила в Белебее⁴. Три дочери — Софья, Елена и, кажется, Елизавета, — благодаря хлопотам своей бабушки, Александры Павловны, были приняты в Оренбург-

¹ Более подробные сведения об этом нами даны в рукописи «Усадьба Аксаковых в Голубиной слободке», подготовленной к печати в 1991 г.

² Уфимский край, 1909, 13 сентября, № 198.

³ Адрес-календарь личного состава служащих в Оренбургской губернии по всем ведомствам на 1884 г., Оренбург, Оренб. губернский стат. комитет, 1884, с. 19.

⁴ ЦГА ВАССР, ф. 132, оп. 1, д. 1345. Список домовладельцев г. Белебее 1914 г.; за № 710, по ул. Кольцевой у Веры Григорьевны Мертваго записан дом, в котором проживало пять женщин. Видимо, к этому времени Вера Григорьевна овдовела и жила с четырьмя дочерьми.

ский институт благородных девиц на казенный счет и впоследствии работали преподавательницами¹. Елена Борисовна Мертваго в 1916 г. была учительницей Белебеевского второго смешанного городского приходского училища; впоследствии она вышла замуж за Павла Николаевича Ключева — первого председателя Белебеевского уездного Исполкома и Совета народных комиссаров². Софья Борисовна Мертваго преподавала французский язык в Белебеевской женской гимназии³. Впоследствии она вышла замуж за Денисова и последние годы своей жизни провела в Уфе⁴.

Дмитрий Федорович Мертваго родился в 1841 году, капитан первого ранга, в 1888—1892 гг. служил в Свеаборгском порту главным командиром; большую известность приобрел как морской писатель. Он автор книги «Морские войны и сношения европейских держав с Китаем». Многие его статьи помещены в «Морском сборнике» под псевдонимами: Д. М. и Лейтенант Д. М.⁵. По воспоминаниям Г. В. Кычаковой, он несколько лет служил в русском посольстве в Вашингтоне в качестве военно-морского атташе. Был женат на Валентине Николаевне Былим-Колоссовской. В преклонном возрасте он жил в своем небольшом имении в Ставропольском уезде на Волге, организовал там школу и сам в ней преподавал. Был он человеком широко образованным, энергичным и очень независимым. Умерли он и его жена около 1920 г. а их дочь Мария проживала в Ленинграде⁶.

Дочь Федора Степановича Мертваго, Павла Федоровна, родилась в 1859 году. По воспоминаниям ее внучки, Галины Владимировны Кычаковой, она училась в частном пансионе в Самаре, который «считался очень солидным и, главное, передовым: девочек учили трем языкам и даже математике»⁷. Она рано и без разрешения родителей выходит замуж за начинающего драматурга Гри-

¹ Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 12.

² Адрес-календарь Уфимской губернии на 1916 г., с. 100; газета Вперед (г. Белебей) 28 июля 1983 г.; Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 12.

³ Там же, с. 98.

⁴ Автор, Г. Ф. Гудков, встречался в 1960-х годах с ней в Уфе и записал ее воспоминания о семействе Мертваго.

⁵ Алфавитный указатель 12-ти частей Общего морского списка, СПб., 1900, с. 131; Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 4, М., 1960, с. 311; Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 10.

⁶ Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 10, 11.

⁷ Там же, с. 13.

гория Григорьевича Лукина и ведет тяжелую трудовую жизнь: играет на сцене, служит канцеляристой в земстве, делает переводы с иностранных языков, пишет стихотворные памфлеты и фельетоны для местных газет. «Она часто печаталась в периодических изданиях: самарская либеральная газета «Наш край», оренбургский сатирический журнал «Кобылка», газета «Псковская жизнь», «Валуйский земский листок», сибирский журнал «Объединение», иркутская газета «Народная Сибирь», оренбургский общественно-юмористический журнал «Пыль». Стихи ее не отличаются большими литературными достоинствами, они писались по заказу, на заданные темы, обычно в очень короткие сроки: тема всегда была злободневной. Интерес представляют не стихи, как таковые, а тот вопль души о горе народном, о жестокостях власть предержащих, который всегда в них прорывался. Интересны они также и как живое отражение реальных условий и политических событий того бурного времени. Цензура, конечно, не дремала, и потому многие стихотворения Павлы Федоровны не появились в печати вообще»¹.

В Словаре псевдонимов Масанова о П. Ф. Лукиной сообщается, что она поэтесса и публицистка и приводятся три ее псевдонима: Колочка; П. М. и Мертваго П.².

После семейного разлада с мужем около 1898 года она переезжает из Самары в Оренбург. У нее было восемь детей, из них взрослых оставались трое: Григорий, Константин и Владимир. Сын Григорий был музыкантом. Константин умер молодым. Владимир, отец Галины Кычаковой, родился в 1885 г. в Самаре. Еще будучи гимназистом, в 1901 году он был впервые арестован «за подстрекательство» ремонтных рабочих к забастовке из-за обчетов, и исключен из Оренбургской гимназии. Позднее ему удалось экстерном закончить гимназию и поступить в Казанский университет, но учиться там ему не пришлось. В 1907 году его вновь арестовали за «участие в деятельности группы, имеющей целью свержение существующего государственного строя». По словам Г. В. Кычаковой, «ему вменялось в вину: агитация в казачьих казармах, изготовление и распространение антиправительственных листовок, хранение оружия и боеприпасов, участие в подготовке покушения на генерал-

¹ Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 18.

² Масанов И. Ф., указ. соч., т. 2, с. 185, т. 4, с. 288; Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 14, 18.

губернатора Таубе, участие в налете на тюрьму. При аресте он оказал вооруженное сопротивление, и таким образом участь его была почти решена. Страшно было представить себе, что пережила бедная бабушка, для которой ее «Володька» был не просто обожаемый сын: это был ее бог, она молилась на него. И, по правде сказать, он этого заслуживал. Все, кто его знал, всегда были единодушны в оценке его ума, мужества, благородства и доброты»¹.

Самарский суд приговорил В. Г. Лукина к смертной казни.

Его спасло только то, что ему до 21 года недоставало нескольких дней. Поэтому ему, как несовершеннолетнему, смертный приговор был заменен тюремным заключением и пожизненной ссылкой². О сибирской ссылке и дальнейшей судьбе отца Г. В. Кычакова подготовила интересную рукопись, отдельные отрывки из которой мы, с любезного разрешения автора, здесь использовали.

Павла Федоровна умерла в 1927 году, погребена на Введенском кладбище в Москве. Ее сын, Владимир Григорьевич Лукин, во время службы в Красной Армии на Украине умер в январе 1921 года в г. Богодухове от тифа. Его дочь, Галина Владимировна, автор рукописи, родилась в с. Знаменке (пристань на реке Лене) в 1910 году³.

Закончим главу рассказом о дочерях Степана Борисовича Мертваго. Александра Степановна Мертваго вышла замуж за Александра Дмитриевича Мордвинова, отставного поручика (1801), впоследствии оренбургского губернского предводителя дворянства (1823—1826). У них был сын Дмитрий, родившийся в 1820 г. и женившийся в 1850 г. на графине Софье Михайловне Толстой. Дмитрий Александрович Мордвинов, действительный статский советник, в 1875—77 гг. был самарским губернским предводителем дворянства. Он имел дочь Софью, родившуюся в 1853 г., и сына Дмитрия, 1857 года рождения⁴.

Надежда Степановна Мертваго получила от матери, тоже Надежды Степановны Мертваго, урожденной Крот-

ковой, надел в с. Новая Мертовщина (Михайловское) до 1846 г.¹. Ее муж, Егор Иванович Березовский поручик, затем губернский секретарь, был сыном надворного советника Ивана Ларионовича Березовского, личности, хорошо известной в Уфе в конце XVIII и начале XIX веков. И. Л. Березовский служил секретарем Уфимского наместнического правления, документы с его подписью встречаются с 1785 года². Семен Михайлович Ребелинский в своем дневнике 16 ноября 1803 г. писал: «Приехал сюда [в Уфу] военный губернатор, князь Г. С. Волконский, остановился в доме Березовского», а далее, в записи 19 января 1812 г., надворный советник Березовский упоминается как поручитель невесты при венчании автора дневника с дочерью надворного советника, Надеждой Петровной Евсипгиной³.

Не доезжая из Уфы до ст. Иглино одного километра, можно заметить железнодорожный мост через почти пересохшую речку Березовку (Ключевую), а выше по речке, в двух километрах, расположено село Березовское (Старое Березовское, Ключевое). Теперь это село слилось с рабочим поселком Иглино, составляя его юго-западную окраину. В Уфимском архиве сохранились планы села Березовки, старейший из них — копия плана генерального межевания 1799 г. Земельный участок 3516 десятин вытянутым многоугольником располагался с северо-запада на юго-восток, в середине его находилось сельцо Березовское (99 жителей), севернее которого проходила «большая столбовая дорога» из Уфы в Челябину. Ныне это автодорога, чуть южнее ее — железная дорога. Имение принадлежало в то время Надежде Васильевне Березовской и граничило на юго-востоке, по речке Топля (Шида) с пустошью Моравской, принадлежавшей ее мужу, надворному советнику Ивану Ларионовичу Березовскому, свекру Надежды Степановны Мертваго. Надежда

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 8.

² ЦГА БССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 211; д. 606, л. 441—446; Новиков В. А., указ. соч., с. 256; Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 407, 558, 561, 698.

³ Дневник М. С. Ребелинского частично опубликован. См. Юдин П. Из дневника М. С. Ребелинского — Русский архив, 1897, кн. 3 (т. 1), с. 464—482; 1896, кн. 9 (т. 3), с. 52—72. Генерал от кавалерии Григорий Семенович Волконский, отец декабриста, Сергея Григорьевича Волконского, был Оренбургским военным губернатором в 1803—1817 гг. См. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 г. Уфа, Уф. губ. стат. комитет, 1906. 3-я нг., с. 27.

¹ Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 17, 33, 35.

² Там же, с. 37.

³ Кычакова Г. В., указ. рукопись, с. 86, 85, 49.

⁴ Сиверс А. А., указ. соч., с. 6, 8; Руммель В. В., указ. соч., т. 2, с. 86, 87. Оба автора о том, что жена А. Д. Мордвинова — урожденная Мертваго, упоминают с сомнением, ставя знак вопроса о А. Д. Мордвинове см. Новиков В. А. Материалы к истории уфимского дворянства, Уфа, 1879, с. 89—146.

Васильевна Березовская имела водяную мельницу в один постав на речке Белегес, ниже устья речки Березовки¹. Надежда Васильевна Березовская в первом браке была за владельцем Архангельского (Шаранского) медеплавильного завода прапорщиком Петром Григорьевичем Красильниковым, умершим не позднее 1797 и не ранее 1790 года. Сельцо Березовское (Ключевое) по шестой ревизии 1811 года принадлежало семи владельцам Березовским, в том числе Надежде Васильевне и ее мужу по 9, сыновьям Александру, Дмитрию и Егору по 15, сыну Ивану — 10 и дочери Евгении — 5 крестьян мужского пола². Возможно, эти дети были от второго брака И. Л. Березовского с Надеждой Васильевной. Впоследствии Егор Иванович Березовский в северной части имения при речке Белегесе основал сельцо Егоровку (Березовку). Он умер раньше своей жены, Надежды Степановны Березовской: по ревизской сказке 1850 года (девятая ревизия) в этой деревне его малолетним детям принадлежало 66 крестьян, опекуной же была их мать, Надежда Степановна, урожденная Мертваго. Из детей Егора Ивановича нам известен только его сын Степан Егорович Березовский, поручик, мировой посредник; он был женат на Елизавете Капитоновне Тимашевой и имел сыновей: Степана (1864 года рождения), Сергея и Николая (1860 года рождения) и дочь Марию (1862 года рождения)³. Это были правнуки аксаковского Степана Борисовича Мертваго.

Фамилия семейства Березовских отразилась в названиях трех населенных пунктов, дав им шесть наименований. Кроме того, по этой же фамилии названа речка, что вообще случай в топонимике редкий.

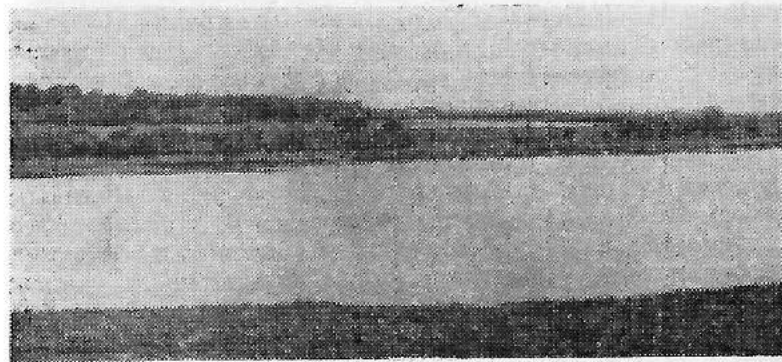
У И. Л. Березовского были еще три дочери: Ольга, Наталья и Аграфена. Возможно, что дочь Ольга тоже была от второго брака. Ее имение было при деревне Новая Березовка (Ивановка, Чумаковка), в 11 верстах к югу от станция Иглино⁴. Она была замужем за надворным советником Егором Афанасьевичем Шахуриным и

¹ ЦГА БАССР, ф. 351, оп. 1, д. 10607.

² Там же, ф. 138, оп. 2, д. 96, л. 210—215; Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 530; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., АН СССР, 1982, с. 511.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 207, 208, 213; ф. 294, д. 1, 3 и 5, Метрические книги Ильинской церкви.

⁴ Там же, ф. 351, оп. 1, д. 12878, л. 1; ф. 138, оп. 2, д. 608, л. 53—56.

имела дочь Юлию, вышедшую замуж за князя Александра Иовича Кугушева. Внук Ольги, князь Вячеслав Александрович Кугушев (1863—1944) — известный революционный деятель, был женат на Анне Дмитриевне Цюрупы, сестре заместителя председателя Совета Народных Комиссаров Александра Дмитриевича Цюрупы (1870—1929). О В. А. Кугушеве, правнуке И. Л. Березовского, имеется большая литература; здесь же укажем лишь, что сведения о нем помещены в Полном Собрании сочинений В. И. Ленина.

Сестра В. А. Кугушева, Ольга, вышла замуж за мирового судью Уфимского округа Николая Александровича Ралля, племянник которого, адмирал Юрий Федорович Ралль, был начальником штаба Балтийского флота и прославился в дни обороны Ленинграда от фашистов¹.

Две старшие дочери Ивана Ларионовича Березовского, Наталья, умершая девицей в 1860 г. в возрасте 90 лет, и Аграфена, вышедшая замуж за Михаила Федоровича Кирилова, титулярного советника, дворянского заседателя Стерлитамакского уездного суда, были от его первого брака. По формулярному списку Михаила Федоровича Кирилова, составленного в 1803 году, их старшему сыну Евграфу было 22 года, Василию — 18, Степану — 7 и младшему Ивану — полгода².

¹ Ведерников Д. Из ледового плена. — Советская Башкирия, 25 февраля 1978; его же, Красный адмирал. — Вечерняя Уфа, 17 февраля 1976; ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 31, Метр. кн. Покровской церкви, л. 5 об., 6; Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 г., Уфа, 1891, с. 5, 132, 133.

² ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 207, 208, 213; ф. 294, оп. 2, д. 1, Метр. кн. Ильинской церкви, п. 1; ф. 1, оп. 1, д. 212, л. 183 об., 184.

Внук И. Л. Березовского, Иван Михайлович Кирилов, титулярный советник, жил в г. Оренбурге, где служил дворянским заседателем уездного суда, затем в Бузулуке, а последние годы своей жизни — в Уфе. Он имел сыновей: Якова, Михаила, Александра и Владимира¹.

Яков Иванович Кирилов женился на Александре Николаевне Соколовой, о чем рассказано в главе «Бунины». Александр Иванович Кирилов родился 4 апреля 1842 г. в Бузулуке, в 1861 г. поступил на физико-математический факультет Казанского университета, но за участие 8 октября того же года в студенческих волнениях был исключен и выслан в Уфу под надзор полиции на два года, о чем в Уфимском архиве хранится целое дело².

Младший сын, Владимир Иванович Кирилов (1844—1903), женился в 1879 г. на учительнице с. Енгальши Уфимского уезда, Анне Михайловне Ледомской, двоюродной сестре Прасковьи Кузьминичны Ледомской — матери Маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова³. У В. И. и А. М. Кириловых была дочь Надежда — мать Г. Ф. Гудкова⁴.

Глава V

АНИЧКОВЫ.

Из всех лиц, окружавших семью родителей С. Т. Аксакова, едва ли на самое большое влияние на духовное развитие матери и особенно ее маленького Сережи оказал Сергей Иванович Аничков. С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука» пишет об этом так: «Благодетельная судьба скоро послала мне неожиданное новое наслаждение, которое произвело на меня сильнейшее впечатление и много расширило тогдашний круг моих понятий. Против нашего дома жил в собственном же доме С. И. Аничков, старый, богатый холостяк, слывший очень умным и даже ученым человеком; это мнение поддерживалось

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 71.

² ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 540.

³ Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. Изд. второе дополненное, М.: Изд. Министерства Обороны СССР, 1982, с. 35; ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 20. Метрическая книга Александровской церкви, л. 49 об., 50; ф. 109, оп. 2, д. 843, л. 1; ф. 294, оп. 2, д.

⁴ Метрич. книга церкви Богоугодных заведений, л. 13 об. 14; д. 5, Метрич. книга Троицкой церкви, л. 3 об., 4.

тем, что он был когда-то послан депутатом от Оренбургского края в известную комиссию, собранную Екатериною Второй для рассмотрения существующих законов. Аничков очень гордился, как мне рассказывали, своим депутатством и смело поговаривал о своих речах и действиях, не принесших, впрочем, по его собственному признанию, никакой пользы. Аничкова не любили, а только уважали и даже прибаивались его резкого языка и негибкого нрава. К моему отцу и матери он благоволил и даже давал взаймы денег, которых просить у него никто не смел. Он услышал как-то от моих родителей, что я мальчик прилежный и очень люблю читать книжки, но что читать нечего. Старый депутат, будучи просвещеннее других, естественно был покровителем всякой любознательности. На другой день вдруг присылает он человека за мною; меня повел сам отец. Аничков, расспросив хорошенько, что я читал, как понимаю прочитанное и что помню, остался очень доволен; велел подать связку книг и подарил мне... о счастье! «Детское чтение для сердца и разума», изданное безденежно при «Московских ведомостях» Н. И. Новиковым. Я так обрадовался, что чуть не со слезами бросился на шею старику и, не помня себя, запрыгал и побежал домой, оставя своего отца беседовать с Аничковым.

Помню, однако, благосклонный и одобрительный хохот хозяина, загремевший в моих ушах и постепенно умолкавший по мере моего удаления. Боясь, чтоб кто-нибудь не отнял моего сокровища, я пробежал прямо через сени в детскую, лег в свою кроватку, закрылся пологом, развернул первую часть — и позабыл все меня окружающего. Когда отец воротился и со смехом рассказал матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась, потому что не знала о моем возвращении. Меня отыскали лежащего с книжкой. Мать рассказывала мне потом, что я был точно помешанный: ничего не говорил, не понимал, что мне говорят, и не хотел идти обедать. Должны были отнять книжку, несмотря на горькие мои слезы. Угроза, что книги отнимут совсем, заставила меня удержаться от слез, встать и даже обедать. После обеда я опять схватил книжку и читал до вечера. Разумеется, мать положила конец такому иступленному чтению: книги заперла в свой комод и выдавала мне по одной части, и то в известные, назначенные ею, часы. Книжек всего было двенадцать, и те не по порядку, а разрозненные. Оказалось, что это не полное собрание «Детского чтения», состоявшего из двадцати

частей. Я читал свои книжки с восторгом и, несмотря на разумную бережливость матери, прочел все с небольшим в месяц. В детском уме моем произошел совершенный переворот, и для меня открылся новый мир... Я узнал в «рассуждении о громах», что такое молния, воздух, облака; узнал образование дождя и происхождение снега. Многие явления в природе, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и с любопытством, получили для меня смысл, значение и стали еще любопытнее. Муравьи, пчелы и особенно бабочки с своими превращениями из личек в червяка, из червяка в хризалиду и, наконец, из хризалиды в красивую бабочку — овладели моим вниманием и сочувствием; я получил непреодолимое желание все это наблюдать своими глазами. Собственно нравоучительные статьи производили менее впечатления, но как забавляли меня «смешной способ ловить обезьян» и басня «о старом волке», которого все пастухи от себя прогоняли! Как восхищался я «золотыми рыбками»!..

По книжной части библиотека моя, состоявшая из двенадцати частей «Детского чтения» и «Зеркала добродетели», была умножена двумя новыми книжками: «Детской библиотекой» Шишкова и «Историей о Младшем Кире и возвратном походе десяти тысяч Греков, сочинения Ксенофонта». Книжки эти подарил мне тот же добрый человек, С. И. Аничков; к ним прибавил он еще толстый рукописный том, который я теперь и назвать не умею. Я помню только, что в нем было множество чертежей и планов, очень тщательно сделанных и разрисованных красками. Ничего не понимая, я с великим наслаждением перелистывал эту книгу вместе с моей сестрицей и растолковывал ей, что какая фигура представляет и значит. Я должен был все сочинять и выдумывать, потому что не имел ни малейшего понятия о настоящем деле. Как бы я желал теперь услышать мою тогдашнюю болтовню!..

С. И. Аничков не переставал осведомляться о моих занятиях. Он опять потребовал меня к себе, опять сделал мне экзамен, остался отменно доволен и подарил мне такую кучу книг, которую Евсейч едва мог донести; это была уж маленькая библиотека. В числе книг находились: «Древняя Вивлиофика», «Россиада» Хераскова и полное собрание в двенадцати томах сочинений Сумарокова. Заглянув в «Вивлиофику», я оставил ее в покое, а «Россиаду» и сочинения Сумарокова читал с жадностью и с восторженным увлечением. Зараженный примером одного из моих дядей, который любил декламиро-

вать стихи, то есть читать их нараспев, я принялся подражать ему. Матери и отцу моему, видно, нравилось такое чтение, потому что они заставляли меня декламировать при гостях...

Я не преминул похвастаться чтением наизусть стихов из «Россиады» пред моим покровителем С. И. Аничковым: он, выслушав меня, похвалил и обещал подарить Ломоносова...» (1; 297—299, 360, 399—401).

Здесь рассказано только о том решающем влиянии, которое оказал С. И. Аничков на развитие интереса будущего писателя к чтению; о других взаимоотношениях его с семьей Аксаковых рассказано в некоторых других очерках.

С. И. Аничков происходил из очень древнего рода, представители которого в наш край попали еще в начале XVII века. За прошедшие с тех пор столетия уфимская ветвь Аничковых, размножилась и дала десятки своих обедневших представителей, большинство из которых ничем не были примечательны. Некоторые Аничковы дали по своей фамилии названия нескольким деревням и селам в окрестностях Уфы.

Но прежде чем переходить к подробному рассмотрению родословной Аничковых, вернемся к биографии одного из самых видных представителей уфимской ветви этой фамилии — Сергею Ивановичу. Секунд-майор, он в 1767 году был избран депутатом в Комиссию нового уложения от дворян Уфимского уезда, впоследствии был товарищем воеводы Уфимской провинции, советником Уфимской казенной палаты в чине надворного советника, детей не имел¹.

Последнее утверждение Руммеля и Голубцова нуждается в уточнении; дело в том, что по ревизской сказке 1811 года (шестая ревизия) владельцем 12 душ крепостных мужского пола в сельце Сергеевке Уфимского уезда значится коллежский советник Алексей Федорович Моисеев, получивший крестьян по завещанию в 1800 г. от покойного деда надворного советника Сергея Ивановича Аничкова². Отсюда можно сделать вывод, что умерший в 1800 году С. И. Аничков имел дочь.

Императрица Екатерина II была возведена на престол переворотом 22 июня 1762 года. Первые годы своего царствования она, воспитанная еще на родине французен-

¹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1, СПб., 1888, с. 48.

² ЦГА БАССР, ф. 188, оп. 2, л. 120, л. 451.

ками, придерживалась духа передового для того времени французского просвещения, демонстративно выставляя напоказ свои взгляды. В России к тому времени действующим кодексом законов все еще продолжало считаться «Соборное уложение» 1649 года, практически устарелое и непригодное после реформ Петра I.

14 декабря 1766 г. был издан манифест о созыве в Москве на 30 июля 1767 г. Комиссии для составления нового уложения. К открытию съехалось 564 депутата, в том числе 28 — от учреждений, 161 — от дворян, 208 — от городов и 167 от остального населения. Порядок выбора депутатов предусматривал избрание их от государственных учреждений (по одному от каждого), от дворян (по одному от уезда), от купечества, к числу которых относились черносотенные, «экономические», то есть бывшие монастырские, ясачные люди, однодворцы, казаки и кочующие народности. Духовенство было представлено только одним депутатом от Синода. Крепостные крестьяне представительства в Комиссии не имели.

Каждый депутат получал наказ с изложением нужд и пожеланий избравшего его общества.

Маршалом, то есть председателем, Комиссии Екатерина II назначила генерала Бибикова. Комиссия выделила из своей среды вначале три частных комиссии, а позже для разработки отдельных частей будущего уложения было создано еще 19 частных комиссий.

Для истории деятельность Комиссии интересна не с точки зрения законодательных работ, которые так и не были завершены и нового уложения не было создано, а как картина взглядов, настроений и интересов тогдашнего общества. На одном из заседаний Комиссии с сильным протестом против крепостных порядков выступил депутат Козловского дворянства Григорий Коробьин, что встретило самое враждебное отношение со стороны дворянского большинства.

Все же Комиссия, несмотря на неумелое руководство своего маршала, собрала и отчасти подготовила в сравнительно короткий срок большой материал. Под предлогом начала войны с Турцией Екатерина II распустила Комиссию.

Образованный и передовой дворянин своей эпохи С. И. Аничков был недоволен и разочарован политикой Екатерины II, которая под прикрытием «вольнлюбивых фраз» проводила самодержавную реакционную политику.

Когда стало в Уфе известно о смерти Екатерины II,

то С. И. Аничков оказался в числе тех немногих дворян, которые не разделяли траур.

По словам С. Т. Аксакова, «С. И. Аничков... не мог простить покойной государыне, зачем она распустила депутатов, собранных для совещания о законах, и говорил, что «пора мужской руке взять скипетр власти» (1; 403).

Возможно, что С. И. Аничков даже был единственным в уфимском обществе «идейным противником» Екатерины II, так как другие недовольные императрицей (военный губернатор и его адъютант) радовались воцарению Павла I, рассчитывая при нем сделать карьеру. Подробнее об этом рассказано в очерке «С. К. Вязмитинов».

Глава VI

Н. И. МИРЗАХАНОВ.

Накануне свадьбы родителей С. Т. Аксакова невеста приказала «купить английскую новенькую карету, только что привезенную из Петербурга одним уфимским помещиком Мурзахановым, успевшим промотаться и проиграться в несколько месяцев» (1; 177).

Автор предисловия к пятому тому «Материалов по истории Башкирской АССР» С. М. Васильев относит надворного советника Николая Ивановича Мирзаханова (Мурзаханова) к местным феодалам; однако документов, подтверждающих это, не приводит¹.

Нам неизвестно откуда Мирзаханов появился в Уфе и куда потом исчез; никаких сведений ни о его предках, ни о его потомках нет.

В «Материалах по истории Башкирской АССР» опубликованы лишь четыре документа на покупку Н. И. Мирзахановым земель.

Приведем их ниже.

Надворный советник Н. И. Мирзаханов купил 3 декабря 1787 г. у башкир Ногайской дороги Чуби-Минской волости Уфимской округи огромную территорию между реками Белой, Демой и Чесноковкой за 500 рублей. Причем в купчей упоминается деревня Таптыкева (Таптыкова), уже принадлежавшая в то время Мирзаханову².

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 16.

² Там же, с. 219, 220.

9 июля 1789 г. Мирзаханов купил у сестер поручицы Татьяны Селиверстовны Таптыковой и капитанши Анны Селиверстовны Моисеевой, урожденных Артемьевых, имение с землями, расположенными за р. Белой по обе стороны р. Демы до р. Чесноковки за 300 рублей¹.

11 апреля 1790 г. Мирзаханов купил у башкир Ногайской дороги Уршак-Минской волости по р. Чесноковке земли за 300 руб.².

18 мая 1879 г. Н. И. Мирзаханов купил у Натальи Александровны Буксевден имение, доставшееся ей по наследству от отца, полковника Александра Ивановича Алексеева, в Сергиевской округе — деревню Кильбину

с 35 душами крепостных и землями за 3150 руб. (ныне на территории Куйбышевской области)³.

Все приобретенные Мирзахановым участки земли, кроме последнего имения, были смежными и находились около г. Уфы. Из этого можно сделать вывод, что Мирзаханов был довольно крупным уфимским помещиком.

По шестой ревизии 1811 г. деревня Таптыкова принадлежала уже не Мирзаханову, а Баженовым — титулярному советнику Григорию Филатовичу (дворовых 10 и крестьян 24 души мужского пола) и его жене Марии Никитичне (дворовых 6 и крестьян 20 душ мужского пола), то есть в деревне уже в то время было около 120 душ крепостных обоого пола⁴.

В 1850 г. по девятой ревизии сельцо Таптыково (Мурзаханово) принадлежало детям Г. Ф. и М. Н. Баженовых: дочери — коллежской секретарше Александре Григорьевне Бреевой (38 душ крепостных обоого пола) и сыну, поручику

Глебу Григорьевичу Баженову (70 душ крепостных обоого пола)¹. В том же сельце 373 души обоого пола крепостных принадлежали штаб-ротмистру Виктору Яковлевичу Стобеусу, часть этих крестьян достались ему по наследству от отца — надворного советника Якова Мартыновича и матери — Олимпиады Ивановны и были перенесены в 1849 г. из сельца Высокого Бузулукского уезда².

В 1870 г. в деревне Таптыкова (Мурзаханова) при р. Деме в 15 верстах от Уфы проживало 404 человека (67 дворов)³.

Ныне село Таптыково — центр одноименного сельсовета Уфимского района, центральная усадьба колхоза «Ленинский путь». В 1968 г. здесь было 472 жителя⁴.

Глава VII

МИСАЙЛОВЫ.

Год смерти деда писателя, Степана Михайловича Аксакова, в родословных Руммеля и Голубцова и Сиверса не сообщается. Из аксаковского текста «Детских годов Багрова-внука» видно, что это произошло в зиму 1796—1797 гг. Однако, как отмечает С. И. Машинский в примечаниях к собранию сочинений С. Т. Аксакова, в черновой рукописи «Семейной хроники», в пятом отрывке после нынешнего эпилога имелся еще один абзац, более точно определяющий время кончины деда писателя. Вот он: «Для особенно любопытных читателей и читательниц я скажу, что Степан Михайлович прожил еще пять или шесть лет после рождения внука, что он имел удовольствие видеть и даже благословить его за день до своей кончины... Месяцев за семь перед смертью, а именно в июне 1796 года, он был утешен рождением второго внука, Николая, что обеспечивало продолжение рода Багровых; имя внука Николая он также собственноручно вписал в свою дворянскую родословную. Степан Михайлович скончался в январе или феврале 1797 года. Арина Васильевна пережила его несколькими годами; она постоян-

¹ ЦГА БАССР, д. 606, л. 239—244; л. 279—284.

² То же, д. 610, л. 275—306.

³ Списки населенных мест Российской империи, т. 45, Уфимская губерния, 1877, алфавит.

⁴ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сент. 1991 г.; то же на 1 января 1969 г., Уфа: Башкиргоиздат, алфавит.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, с. 256—258.

² Там же, с. 284, 285.

³ Там же, с. 253, 254.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 188, оп. 2, д. 120, л. 31, 32, 36, 36 об., 43.

но грустила о своем супруге, грустила, что ей уж некого бояться».

Из окончательного текста рукописи этот абзац С. Т. Аксаков исключил по совету Л. Н. Толстого (1; 616).

В детских воспоминаниях С. Т. Аксакова сохранилось получение известия из села Ново-Аксаково о том, что дедушка Степан Михайлович тяжело болен и находится при смерти. Родители спешно стали собираться из Уфы в зимнюю дорогу.

«Приехал отец, вошел в спальню торопливо и сказал как будто весело, что меня очень удивило: «Слава богу, все нашел! Возок дает нам С. И. Аничков, а кибитку — Мисайловы. Ну, матушка, теперь собирайся поскорее. Мне завтра же дадут отпуск, и мы завтра же поедем на переменных». Мать, очень огорченная, печально отвечала: «У меня все будет готово, лишь бы твой отпуск не задержал». В тот же вечер начались у нас сборы, укладыванье и приготовление кушанья на дорогу. Мне позволили взять с собою только несколько книжек. Я высказал все свои сомнения и страхи матери; иных она не могла уничтожить, над опасением же, что «мы замерзнем», рассмеялась и сказала, что нам будет жарко в возке.

На другой день к обеду действительно все сборы были кончены, возок и кибитка уложены, дожидались только отцова отпуска. Его принесли часу в третьем. Мы должны были проехать несколько станций по большой Казанской дороге, а потом нам привели почтовых лошадей, и вечером мы выехали...

Эта дорога, продолжавшаяся почти двое суток, оставила во мне тягостное и неприятное воспоминание. Как только мы вышли садиться, я пришел в ужас от низенького кожаного возка с маленькою дверью, в которую трудно было пролезть, — а в возке следовало поместиться мне с сестрицей, Параше и Аннушке. Я попросился в кибитку к матери, но мороз был страшный и мне строго приказали лезть в возок. Я повиновался с раздражением и слезами. Мать не могла зимой ездить в закрытом экипаже: ей делалось тошно и дурно; даже в кибитке она сидела каким-то особенным образом, вся наружи, так что воздух обхватывал ее со всех сторон. Скоро в возке сделалось тепло и надобно было развязать платок, которым я, сверх шубы и шапочки, был укутан. Мы скоро скакали по гладкой дороге, и я почувствовал неизвестное мне до сих пор удовольствие скорой езды. В обеих дверях

возка находилось по маленькому четверугольному окошечку со стеклом, заделанным наглухо. Я кое-как подполз к окошку и с удовольствием смотрел в него; ночь была месячная, светлая...» (1; 405).

С. Т. Аксаков, описывая в «Семейной хронике» по молвку своих родителей, сообщает: «В тот же день вечером пригласили Алакаеву с женихом Тимофеем Степановичем Аксаковым, старинных зубинских знакомых, Аничкова и Мисайловых...» (1; 172).

Фамилия Мисайловых в нашем крае встречалась не часто и все представители ее принадлежат к одному семейству¹.

В 1760—1770-х годах в Челябинске служил секретарем Исетской провинциальной канцелярии депутат от г. Челябинска в Уложенную комиссию 1767 года, Андрей Иванович Мисайлов². У него известен сын Алексей Андреевич; первое о нем упоминание встречается 17 сентября 1824 года, когда он, титулярный советник, со своей женой Настасьей Александровной представлялся Александру I на бале в Уфе. Н. А. Мисайлова была сестрой декабриста А. А. Фока³.

Мы полагаем, что С. Т. Аксаков, описывая поездку в 1797 году, имел в виду Мисайлова отца, то есть Андрея Ивановича, который к тому времени мог жить в Уфе. Сын же его, Алексей, был тогда еще малолетним, это видно из того, что дети Алексея родились: Софья — около 1838 и Владимир — около 1840 годов. Нам известны два сына и две дочери А. А. и Н. А. Мисайловых: Владимир, Александр, Софья и Мария.

Владимир Алексеевич Мисайлов в 1862 г. юнкер Оренбургского линейного № 10 батальона, впоследствии отставной подпоручик, умер 49 лет от паралича сердца 16 февраля 1890 г.⁴

Александр Алексеевич Мисайлов в 1860—1862 гг. — студент Казанского университета⁵.

¹ Фамилия эта происходит от редко встречающегося православного имени Мисаил, означающего на еврейском языке «кто, как бог».

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 47, 717.

³ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 256, 257; ЦГА ВАССР, ф. 351, оп. 1, д. 13160, л. 1.

⁴ ЦГА ВАССР, ф. 294, оп. 2, д. 3, Метрическая книга Ильинской церкви, л. 46 об., 47; То же, д. 31, Метрич. кн. Успенской церкви, л. 108 об., 109; то же, д. 4, метрич. кн. Александровской церкви, л. 19 об., 20.

⁵ То же, д. 1, Метрич. кн. Ильинской церкви, запись о рожд. № 45.

Отметим здесь, что известность семейству Мисайловых принесли не сыновья, а две его дочери Софья и Мария.

Софья Алексеевна Мисайлова вышла замуж за Дмитрия Александровича Заварицкого. В записи о бракосочетании их 1 октября 1862 г. отмечается, что невесте 24, а жениху 30 лет, он титулярный советник, депутат дворянства Уфимского уезда.

Фамилия Заварицких в нашем крае появляется в середине XIX века. Племянник Дмитрия Александровича, Александр Николаевич Заварицкий (1884—1952) академик, известный советский геолог, специалист в области петрографии и петрохимии. Его имя присвоено Институту геологии и геохимии Уральского научного центра АН СССР в Свердловске. Он окончил Уфимскую мужскую гимназию с золотой медалью в 1902 г.¹ Гимназия была преобразована после революции в среднюю школу № 2, а затем № 11. В музее истории школы № 11 собраны богатейшие материалы об академике. В старом гимназическом здании (ул. Ильинская, ныне Фрунзе № 48) помещается Башкирский медицинский институт им. 15-летия ВЛКСМ; на фасаде здания установлена мемориальная доска о А. Н. Заварицком.

Вторая дочь Мисайловых, Мария Алексеевна, вышла замуж в 1854 г. за тридцатитрехлетнего коллежского асессора служившего в уфимском губернском правлении, Виктора Михайловича Тиманова².

О Викторе Михайловиче Тиманове известно, что он в 1835 году окончил первую казанскую гимназию и поступил в том же году в Казанский университет³.

Вице-губернатор Е. И. Барановский в книге приказов 18 января 1854 года распорядился выдать В. М. Тиманову «надлежащее свидетельство» на вступление в брак⁴.

Одна из четырех дочерей В. М. и М. А. Тимановых, самая старшая, Вера Викторовна Тиманова (6(18) февраля 1855—1942) родилась в Уфе и получила впоследствии мировую известность как одна из самых выдающихся пианисток.

Она была правнучкой аксаковских Мисайловых. Из

¹ Поликарпов А. Краткий исторический очерк семидесятилетия Уфимской мужской гимназии. Уфа, 1904, с. 74, 84.

² Фамилия Тиманов происходит от православного имени Тимон — почитающий (греческ.).

³ Владимиров В. Историческая записка о первой Казанской гимназии XVIII столетия, Казань, ч. 2, 1867—1868, с. 20 прилож.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2706, л. 112 об., 113.

ее трех сестер нам известно имя только одной, младшей Софьи, родившейся 8 октября 1860 года, то есть через два дня после смерти отца¹.

Дворянская фамилия Тимановых имеет казанское происхождение; дед Веры Викторовны — Михаил Егорович Тиманов записан по определению Казанского депутатского собрания от 2 мая 1816 г. в 3-ю часть родословной книги, что свидетельствует о приобретении дворянства за гражданскую службу или присвоение ордена².

Родственники со стороны матери, М. А. Мисайловой, также были связаны с Казанской губернией: среди казанских дворян упоминается Иван Мисайлович Мисайлов³.

Вера Тиманова рано лишилась отца, он умер в Уфе сорока лет от чахотки 6 октября 1860 г.⁴ Детство Веры Тимановой прошло в Уфе. Ее бабушке Настасье Александровне и тетке Софье Алексеевне Мисайловым принадлежало небольшое имение в деревне Подымаловой, расположенное в 20 верстах к северо-западу от Уфы по дороге на село Топорнино (ныне Кушнаренково). Эта небольшая деревня имела запутанную историю владения и несколько названий: сельцо Подымалово, Аничково, Алексеевское. С восточной стороны к деревне Подымаловой примыкало сельцо Жабицкое (Мисайлово) и с северо-восточной — Новая Гуровка (Гуровка). Впервые деревня Подымалова встречается нам в ревизских сказках шестой ревизии 1811 г., тогда там были владельцы: — коллежский секретарь Александр Спиридонович Ломоносов (3 души крепостных),

- майор Иван Иванович Серебренников (5 душ),
- недоросль, сын отставного подпоручика, Николай Иванович Аничков (11 душ),
- отец предыдущего, Иван Михайлович Аничков (12 душ),
- подпоручик Матвей Григорьевич Мошеев (4 души), и его жена
- Прасковья Михайловна Мошеева (17 душ),

¹ ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 1, Метрическая книга Ильинской церкви, запись о рождении № 45.

² Алфавитный список родам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии, Казань, 1898, с. 82.

³ Там же, с. 54.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 1, Метрич. кн. Ильинской ц., запись о смерти № 26.

- титулярный советник Виктор Григорьевич Веригин (2 души) и
- его жена Екатерина Михайловна (3 души),
- жена капитана Анна Михайловна Хирьякова, урожд. Аничкова, (6 душ). Всего 57 душ мужского пола принадлежало десяти владельцам из семи семейств¹.

По девятой ревизии 1850 г. в сельце Подымалово (Алексеевское) надворной советнице Настасье Александровне Мисайловой принадлежало 168 душ крепостных обоего пола. Из ревизской сказки видно, что большинство крестьян были куплены Н. А. Мисайловой у различных помещиков в 1834—1844 гг. Там же было имение губернского секретаря Фадея Адамовича Жабицкого — 156 душ; у прапорщика Николая Михайловича Овчинникова и его брата Виктора Михайловича — 8 душ. Всего в д. Подымалово насчитывалось 332 души крепостных².

По десятой ревизии 1858 г. в сельце Подымалово (Алексеевское) числилось 217 душ в имении умершего надворного советника и кавалера Алексея Андреевича Мисайлова (деда В. В. Тимановой), опекушкой названа его вдова Настасья Александровна. Там же числилось 90 душ за Софьей Алексеевной Мисайловой (теткой В. В. Тимановой), причем отмечается, что Софье имение это досталось в 1854 г. по дарственной записи от матери ее. Там же было 10 душ поручика Виктора Михайловича Овчинникова. Среди крепостных сельца Подымалова очень немногие имели фамилии, например: Ильин Петр Николаевич, отданный в рекруты в 1846 г., Юдин Алексей Степанович, старик 86 лет³.

Как известно, после отмены крепостного права между помещиками и крестьянами составлялись договоры о выкупе последними «полевых угодий и усадебной оседлости». Договоры эти подлежали утверждению губернским по крестьянским делам присутствием, после чего представлялись в Главное выкупное учреждение для разрешения выдачи ссуды крестьянам на выкуп земли. Помещик получал деньги, а крестьяне в течение нескольких десятилетий обязаны были погасить ссуду. Информация

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 308; д. 117, р. с. № 88, д. 120, л. 306, 302; д. 120, л. 309, 310; д. 117, р. с. № 60, 61 и № 11.

² То же, ф. 138, оп. 2, д. 607, л. 543—554; л. 17—24; л. 533—538; л. 906—917; л. 902—905; л. 898—901.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 713, л. 177—193, 195—203, 362—365.

о договорах и ссудах обычно помещалась в губернских ведомостях. 27 января 1865 г. подобный договор крестьян сельца Подымалова (Аничкова) с их бывшими владельцами — коллежской советницей Марией Алексеевной Тимановой и ее двумя братьями прапорщиком Владимиром и дворянином Александром Мисайловыми был утвержден постановлением Оренбургского по крестьянским делам присутствием. 77 ревизским душам (мужского пола) надлежало получить ссуду 9240 рублей¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что после смерти бабушки В. В. Тимановой, это имение досталось ее матери и двум дядям.

По сведениям 1870 г. в д. Подымалово при озере Овчинниковом было 335 жителей (61 двор). В деревне была почтовая станция и ветряная мельница². К концу века среди жителей встречались фамилии: Воробьевы, Казанцевы, Кастановы, Корягины, Николаевы, Шурпины.

Ныне село Подымалово находится в Дмитровском сельсовете Уфимского района в 9 км от центра сельсовета и центральной усадьбы совхоза «Дмитриевский» — села Дмитриевки; в 1968 г. там проживало 683 человека³.

В годы войны в с. Кушнаренково бывал секретарь Коминтерна Георгий Михайлович Димитров и есть сведения, что зимой 1941—1942 гг. проездом в Уфу он бывал в Подымалово.

Но вернемся к Вере Викторовне Тимановой.

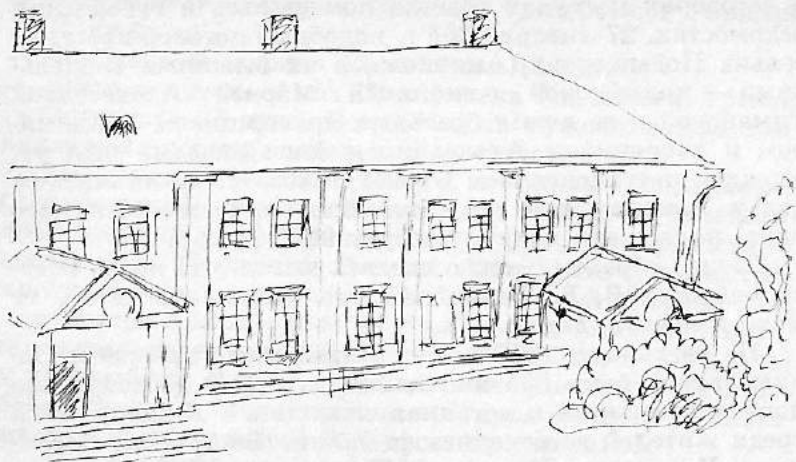
Свыше 70 лет продолжалась концертная деятельность В. В. Тимановой. Ее первый концерт состоялся в Уфе 21 января (2 февраля) 1865 г., а последний — в Ленинграде в 1937 г.⁴ За несколько десятилетий концертной деятельности В. Тимановой в газетных заметках появлялись сотни восторженных рецензий на многих языках мира. Но вот перед нами самая первая из них, опубликованная в 1865 г. в Уфе: «21.1.1865 г. в Уфе давался довольно замечательный концерт, в котором главную партию на фортепиано исполнила девятилетняя девочка, дочь покойного советника Тиманова, обнаружившая раннее музы-

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 10, ч. оф. с. 71.

² Списки населенных мест Российской империи, т. 45, Уфимская губерния, алфавит.

³ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сент. 1981 г. Уфа, Башкиргоиздат, 1981, алфавит; то же на 1 января 1969 г. Уфа, Башкиргоиздат, 1969, алфавит.

⁴ Музыкальная энц., т. 5, М., 1981, стб. 526; Атанова Л. Наша выдающаяся землячка. — Вечерняя Уфа, 1970, 26 января.

кальное дарование. Играла она под руководством композитора Новицкого, и оказала замечательное по ее летам искусство в исполнении пьес довольно трудных¹.

Напомним, что в это время в Уфе губернатором служил Григорий Сергеевич Аксаков (сын писателя), жена которого, Софья Александровна, и по своему положению и по личным склонностям принимала активное участие в общественной жизни города и организовывала театральные и концертные представления. Надо полагать, что она, а возможно и другие члены семьи Аксаковых, присутствовали на первом концерте Веры Тимановой.

Кто же был автором первой рецензии? Он скрыл себя под псевдонимом — С, псевдонимом весьма распространенным: в далеко не полном словаре псевдонимов Масанова упоминается 138 фамилий литераторов, писавших под ним. Можно высказать предположение, что под этим псевдонимом в «Оренбургских губернских ведомостях» писал редактор — Сосфенов Иван Прокопьевич.

Рецензия на второй концерт Веры Тимановой в Уфе в печати была помещена 24 февраля 1868 г. в Уфимских губернских ведомостях. Вот что там сообщалось.

«Местные известия. Концерт девицы Веры Тимановой в пользу жителей северных губерний, страждущих от голода.

В понедельник 19 февраля [1868 г.] в зале Уфимского городского собрания дан был сказанный концерт нашей

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 7, часть неофиц., с. 44.

юной талантливой пианисткой, при участии г-на Новицкого — на фортепиано и гг. Мизчера и Клевенского — на скрипке. С теплым сочувствием встретило наше общество объявление об этом благотворительном концерте: во-первых, потому что вспомоществование бедствующим нашим братьям воодушевляет теперь все наше отечество; во-вторых, по удачному назначению дня для концерта — дня светлого и великого праздника на Руси, где большие праздники всегда знаменуются делом благотворения [имеется в виду день отмены крепостного права], и, в третьих, в особенности, по живому интересу, с которым ожидала наша публика послушать даровитую уроженку нашего города, которая изумляет ранним и сильным не по летам развитием своего музыкального таланта и весьма много обещает в будущем. Интерес послушать игру девицы Тимановой был особенно возбужден в нашем городе, в последнее время, громкой хвалой и блестящими отзывами, которые Вера Тиманова, приобрела нынешней зимой своими концертами в Казани и Симбирске, о чем дошли до нас печатные и изустные вести.

Мы слышали три года тому назад игру девочки Тимановой, мы восхищались тогда милыми приемами, в которых явились проблески развивавшегося таланта [в девять лет]; теперь перед нами была тоже девочка, немного постарше, — но мы услышали уже игру, сильно и методически развитую, мы узнали талант, возросший уже до значительных размеров, и увидели уже серьезные выработанные приемы механизма с большим знанием мелодии и гармонии — и остаемся в полном убеждении, что если судьба поблагоприятствует девице Тимановой, то она — наша будущая знаменитость. Мы именно говорим наша, в тесном смысле, т. е. уфимская, потому что В. Тиманова вполне принадлежит Уфе — по происхождению, рождению и, наконец, музыкальному образованию. Она родилась в Уфе (6 февраля 1855 г.) и со стороны матери своей принадлежит к старинному здешнему дворянскому роду. Музыкальное воспитание Веры Тимановой большей частью совершилось в Уфе.

Передаем краткий очерк музыкального образования Веры Тимановой, сообщенный нам письменно матерью ее, Марией Алексеевной Тимановой. Когда Вере Тимановой было три года, мать заметила в ней необыкновенный слух, по нескольким песням, которые она пела совершенно верно; это дало ей повод думать о музыкальных способностях своей дочери и, едва дождавшись 6-летнего возраста, в 1861 г., мать пригласила г-жу [М.]

Игнатович давать ее дочери уроки музыки. Под руководством г-жи Игнатович занимаясь до 1863 г., В. Тиманова могла уже выполнять довольно бегло и отчетливо композиторов Гюндера, Бейера и других известных и начала уже этюды Краммера. В том же году приехал в Уфу г-н Новицкий; г-жа Игнатович, узнавши его методу преподавания и игру, посоветовала Марии Алексеевне передать ему дальнейшее музыкальное воспитание ее дочери, что и было сделано, — и с того времени, занимаясь систематически, Вера Тиманова еще более делала успехов, так что в 1865 г. 21 февраля она уже могла дать [свой первый] концерт в г. Уфе, на котором исполнила концерт Моцарта, сочинения Шопена и Калькбрэннера. В сентябре того же года она играла в Петербургской консерватории, в присутствии директора консерватории г. Рубинштейна, который письменно заявил, что метода игры девицы Тимановой чрезвычайно хороша и что она подает большие надежды на будущее.

В январе 1866 г. Вера Тиманова поступила в консерваторию, где пользовалась уроками полгода, по наступлении же каникул, продолжающихся от мая до сентября, она не пользовалась ни чьими уроками. Потом мать принуждена была, по своим домашним обстоятельствам, взять Веру Тиманову в Уфу, где она опять поступила в 1867 г. под руководство Новицкого, занимающегося с ней до сих пор. В октябре 1867 г. она давала два концерта в Казани, о которых отзыв можно найти в Казанских справочных листках, и два в Симбирске. В этот последний год ее занятий, по заявлению г. Новицкого, она делает неимоверные успехи, удивляющие даже его самого»¹.

Девичья фамилия матери знаменитой пианистки нигде до сих пор в литературе не упоминалась.

Внучка Д. Б. Мертваго, Мария Петровна Ватаци, вспоминая Веру Тиманову, писала: «Жизнь семьи Депрейсов в городе (Казани), хотя не носила того широкого, беспредельного гостеприимства, как в былые времена, все-таки гостиная наша была всегда полна народом, и приходили все без приглашения на огонек... У нас много занимались музыкой, и часто для бабушки, которая уже в то время не могла выезжать, устраивали репетиции концертов. Помню, когда у нас играл целый оркестр в зале и как приезжала известная пианистка Тиманова, тогда еще девочка, играть у нас, чтобы доставить удо-

вольствие бабушке. Старый дворянский круг, многолюдный, соединенный еще в то время тесными, нерасторжимыми узами родства и дружбы, продолжал беззаботно жить в свое удовольствие»¹.

Когда Вере Тимановой исполнилось 12 лет, ее уфимский учитель Л. К. Новицкий заявил, что он передал ей все свои знания и больше заниматься с ней не может. «Новицкий настоял на том, чтобы Веру послушал Антон Рубинштейн. Великий русский пианист принял горячее участие в судьбе одаренной девочки... По его рекомендации 13-летнюю Веру Тиманову принял в число своих учеников выдающийся польский пианист Карл Таузиг»².

В Высшей музыкальной школе К. Таузига в Берлине Вера Тиманова занималась около трех лет (1868—1870)³.

После этого Вера Тиманова занималась с Антоном Рубинштейном, который подготовил с ней несколько концертных программ. В архиве В. В. Тимановой хранится портрет Рубинштейна с надписью «От старого друга и учителя».

«Подготовив Тиманову к концертной деятельности, Рубинштейн дал ей рекомендательное письмо к видному парижскому дирижеру, в котором писал: «Посылаю вам блестящую пианистку. «...Тиманова блистательно подтвердила рекомендацию своего учителя, ее концерты в Париже и Лондоне прошли с шумным успехом... Завоевав славу и признание за рубежом, 18-летняя Вера приехала на родину, в Россию. Ее дарование сразу было замечено крупнейшими русскими музыкантами».

Композитор и музыкальный критик Цезарь Антонович Кюи (1835—1918) об игре юной Веры Тимановой писал: «Г-жа Тиманова — очень молодая пианистка, но, несмотря на свою молодость, владеющая уже прекрасной техникой: тон ее хороший, беглость и ровность игры замечательна, разработка, развитие левой руки превосходны... игра смелая и почти сплошь верная, подчас не хватает силы для надлежащего эффекта... в молодой артистке индивидуальность, конечно, еще не проявилась; характер ее игры — совершенный сколок, фотография с игры ее учителя г. Таузига: тот же вкус, та же легкость в игре, то же легкое получувство, которым всегда сопровождалось исполнение г. Таузигом мелких пьес, та же

¹ Ватаци Мария. Быль минувшего. — Исторический вестник, 1913, июль, т. 133, с. 39.

² Атанова Л., указ. соч.

³ Музыкальная энцикл., т. 5, М., 1981, стб. 526.

¹ Уфимские губернские ведомости, 24 февраля 1868 г., с. 66, 67.

«сдержанность и некоторая холодность... Г-жа Тиманова оба раза играла с значительным успехом, и в самом деле, ее молодость, даровитость, милая игра, достигнутый уже результат, надежды на будущее, — все это вместе не могло не производить на слушателей весьма приятное впечатление». Спустя лет десять тот же критик писал: «Г-жа Тиманова давно известна у нас как сильная пианистка. Она начала играть с самых молодых лет и постоянно делала успехи. Но до нынешнего раза игру ее невозможно было признать вполне неукоризненной. Особенно вредила исполнению торопливость, овладевавшая обыкновенно г-жою Тимановой в середине пьесы и не оставлявшая ее до конца. Ныне этот недостаток исчез бесследно, а прежняя грация, беглость, сила, блеск остались и развились еще более. Пусть же энергия в труде, которую до сих пор проявляла артистка, не покидает ее и впредь; пусть и впредь она еще больше привлекает и подчиняет себе слушателей»¹.

Петр Ильич Чайковский об игре Веры Тимановой и о ней самой отзывался так: «Эта ученица покойного Таузига восприняла от своего учителя многие его прекрасные качества, в особенности его безукоризненную техническую чистоту, изящный тон, элегантно осмысленность исполнения... Или я сильно ошибаюсь, или г-же Тимановой предстоит весьма завидная будущность... Эта юная пианистка делает успехи не по дням, а по часам; она поразила меня так же как и всю публику, ловким, пылким, блестящим исполнением превосходного мендельсоновского произведения... Г-жа Тиманова, об изумительных успехах которой я упомянул в моем прошлом обзоре, на своем концерте превзошла себя. Сколько уверенности, мастерства, тонкой осмысленности в этой молодой девушке! Какая чистота, какое отсутствие изысканности и расчета на внешние эффекты в ее высшей степени артистическом исполнении», — писал П. И. Чайковский после исполнения Тимановой скрипичной сонаты Антона Рубинштейна².

«Успехи не вскружили голову молодой пианистке. Стремясь совершенствовать свое мастерство, она поехала в Веймар, где в то время жил «король пианистов» Ференц Лист. Дом Листа в Веймаре был своеобразным му-

зыкальным центром, своего рода консерваторией, куда съезжались пианисты со всего света. Лист не брал за уроки денег, но попасть к нему было очень трудно, он занимался лишь с очень талантливыми и трудолюбивыми. Тиманова стала любимицей Листа. В своих воспоминаниях о Ференце Листе замечательный русский композитор А. П. Бородин образно описывает великого мастера и его учеников. Несколько строк посвятил он своей талантливой соотечественнице и ее игре: «Когда дошла очередь до Тимановой, он (т. е. Лист) заставил ее сыграть рапсодию, которую она готовила к концерту... Сделав несколько мелких, но дельных замечаний, он сел за рояль и наиграл своими железными пальцами некоторые места. «Это должно быть торжественно, как триумфальное шествие! — воскликнул Лист, вскочил со стула, подхватил Тиманову и начал шагать величественно по комнате, напевая тему рапсодии... Когда Тиманова сыграла второй раз рапсодию и, действительно, превосходно сыграла, с огнем, с соблюдением самых точных оттенков, — пишет Бородин, — Лист обратился ко мне и сказал: «Эта маленькая Вера — славный парень!» «Если вы также сыграете и в концерте, — обратился он к Тимановой, — то знайте — какие бы овации вам ни выпали на долю, все это будет меньше того, что вы стоите!»

Лист очень интересовался русской музыкой и восхищался тем, как Тиманова исполняла виртуознейшую фортепианную фантазию Балакирева «Исламей».

После занятий у Листа концертная деятельность В. В. Тимановой возобновилась и приняла еще больший размах. Совместно с известным скрипачом Сере она совершила концертные поездки по Германии и Австрии. Девять раз Тиманова гастролировала в Лондоне, играла в Венгрии, Дании, Швеции, Голландии, Париже, Турции. Только за концертный сезон в 1900 году она дала 80 концертов. На отдых Тиманова возвращалась в Россию. Она не порывала связь с родиной, в своих концертах она постоянно играла русскую музыку, произведения Даргомыжского, Балакирева, Глинки, Рубинштейна, Направника. Не забыла она и город своего детства. В. В. Тиманова несколько раз была в Уфе с концертами. Последний ее концерт в Уфе состоялся в 1896 году¹. В Уфимских губернских ведомостях тогда сообщалось: «С высоким истинно эстетическим наслаждением прослушан был этот концерт, программа которого состояла из отборней-

¹ Атанова Л., указ. соч.

¹ Кюи П. А. Избранные статьи об исполнителях. М., Гос. муз. изд. 1957, с. 82, 83, 147, 148. Карл Таузиг (1841—1871) — немецкий пианист-виртуоз и педагог.

² Чайковский П. И. Музыкально-критические статьи. М., Гос. муз. изд., 1953, с. 110, 114, 134, 137, 138.

ших и труднейших пьес великих мастро: Листа, Рубинштейна, Шуберта, Таузига и др., а высокое и бесподобное исполнение концертанткой было именно достойно великих композиторов... Поистине могут пожалеть те из уфимцев, которые, считая себя любителями и знатоками музыки, не послушали теперь игры Веры Викторовны»¹.

С 1907 года Вера Викторовна постоянно живет в Петербурге. Она выступала с концертами, занималась педагогической деятельностью: она преподавала на курсах Раппофа, затем во 2-м и 3-м музыкальных техникумах и в Институте музыкального просвещения².

«Свой последний концерт Вера Викторовна дала в 1937 году в возрасте 82 лет. Она была бодрой, несмотря на свой преклонный возраст, живо интересовалась музыкальными делами, вела переписку с выдающимися музыкальными деятелями страны. Когда началась Великая отечественная война, Вера Викторовна отказалась эвакуироваться из Ленинграда, где и скончалась в 1942 г. Она была очень интересным и обаятельным человеком, ее личный архив содержит письма Ф. Листа, А. Рубинштейна, Э. Направника, А. Римского-Корсакова и ряда других музыкальных деятелей. Вся жизнь В. В. Тимановой была наполнена постоянным творческим трудом и стремлением к артистическому совершенствованию»³.

¹ Второй концерт В. В. Тимановой. — Уфимские губернские ведомости, 27 апреля 1896, № 91, с. 2.

² Музыкальная энциклопедия, т. 5, М., 1981, стб. 527.

³ Атанова Л., указ. соч.

В обширном репертуаре В. В. Тимановой выделялось исполнение произведений А. Г. Рубинштейна, П. И. Чайковского, Ф. Листа, клавесинистов, а также виртуозных сочинений различных авторов (в том числе «Исламей» Балакирева). Она сыграла важную роль в популяризации русской музыки за рубежом. Ее искусство высоко ценили А. П. Бородин и П. И. Чайковский, посвятивший ей «Юмористическое скерцо» для фортепьяно (ор. 19 № 2).

Глава VIII

ЗУБОВЫ.

О Зубовых, как впрочем и о других родственных Аксаковым фамилиях, аксаковедение знает только то, что сообщил лишь сам автор в своих произведениях. Случилось так, и на то были свои причины, о которых мы упоминали во введении, что ни литературоведы, ни историки ничего к этим сведениям нового не добавили.

Напомним, что писал С. Т. Аксаков о Зубовых.

«В городе Уфе, где постоянно находилась воеводская канцелярия, постоянно жил товарищ наместника коллежский советник Николай Федорович Зубин, человек умный и честный, но слишком нежный и слабый. Он овдовел, и у него осталось трое детей: дочь Сонечка, двенадцати лет, и два малолетних сына... Года через полтора после смерти первой жены, горячо им любимой, выплакав сердечное горе, Николай Федорович успокоился и влюбился в дочь известного помещика Оренбургского края, тамошнего помещика П. А. Рычкова, и вскоре женился. Молодая жена, Александра Петровна — умная, гордая, красивая...» (1; 140).

Далее автор упоминает, что Зубин вторично овдовел; от второго брака были две дочери и сын Николенька, рождение которого стоило жизни матери; причем имен дочерей от второго брака автор не называет.

О своей родной бабушке — первой жене Н. С. Зубова — у С. Т. Аксакова обронена только одна фраза. Приводя мнение родных отца о своей матери, С. Т. Аксаков пишет: «...вот какое мнение составилось о Софье Николаевне. Во-первых, Зубиха (так называли ее сестры и мать Алексея Степановича в своих тайных заседаниях) — низкого рода; дедушка у ней был уральский казак, по прозвищу Зуб, а мать (Вера Ивановна Кандалинцова) — из купеческого звания» (1; 148).

За долгие годы своих занятий по краеведению мы собрали картотеку персоналий, в которой около 300 тысяч карточек. Это дает нам возможность сказать, что фамилия Кандалинцовых весьма и весьма редкая в нашем крае. Кроме купца Ивана Кандалинцева — прадеда С. Т. Аксакова, о котором узнаем от самого автора «Семейной хроники», мы встретились с этой фамилией еще только трижды: 1. Она упоминается в материалах к истории уфимского дворянства в числе доворянских родов периода 1800—1818 гг.¹ 2. В 1857 г. в Оренбурге Кандалинцева открыла частное училище рукоделия². 3. Прапорщик Кандалинцев в 1773 г. находился с командой в Авзяно-Петровском заводе³.

Не исключена возможность, что фамилию своей бабушки С. Т. Аксаков изменил.

Возвращаемся вновь к аксаковскому тексту. О своих старших дядях автор пишет довольно подробно: «В доме [в Уфе] нас встретили неожиданные гости, которым мать очень обрадовалась: это были ее родные братья, Сергей Николаевич и Александр Николаевич; они служили в военной службе, в каком-то драгунском полку, и приехали в домовый отпуск на несколько месяцев. С первого взгляда я полюбил своих дядей; оба очень молодые, красивые, ласковые и веселые, особенно Александр Николаевич: он шутил и смеялся с утра и до вечера и всех других заставлял хохотать. Они воспитывались в Москве, в университетском благородном пансионе, любили читать книжки и умели наизусть читать стихи; это была для меня совершенная новость: я до сих пор не знал, что такое стихи и как их читают. Вдобавок ко всему дядя Сергей Николаевич очень любил рисовать и хорошо рисовал; с ним был ящичек с соковыми красками и кисточками... одно уж это привело меня в восхищение. Я любил смотреть картинку, а рисовать их казалось мне чем-то волшебным, сверхъестественным: я смотрел на дядю Сергея Николаевича как на высшее существо...

После чтения лучшим моим удовольствием было смотреть, как рисует дядя Сергей Николаич. Он не так любил ездить по гостям, как мой другой дядя, меньшей

¹ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства, Уфа, 1879, с. 47.

² Оренбург. Письмо редактору (без подписи), в кн.: Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1860 г. Уфа, 1861, с. 59—63.

³ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, Уфа: Башкирское книжное издательство, 1975, с. 53, 344, 349, 444.

его брат, которого все называли ветреником, и рисовал не только для меня маленькие картинки, но и для себя довольно большие картины. Я не мог бывало дожидаться того времени, когда дядя сядет за стол у себя в комнате, на котором стоял уже стакан с водой и чистая фаянсовая тарелка, заранее мною приготовленные. За несколько времени до назначенного часа я уже не отходил от дяди и все смотрел ему в глаза; а если и это не помогало, то дергал его за рукав, говоря самым просительным голосом: «Дяденька, пойдемте рисовать». «...Видя такую мою охоту, дядя вздумал учить меня рисовать... он не ошибся: в короткое время я сделал блистательные успехи для своего возраста. Дядя был в восторге и пророчил, что из меня выйдет необыкновенный рисовальщик...» (1; 356, 359, 360).

Обратимся теперь к найденным нами архивным документам. Важнейшие из них оказались в «Деле об утверждении раздельного акта на землю, составленного наследниками умершего помещика Зубова Н. С.»¹. В раздельном акте сообщается, что 20 марта 1808 года два брата Зубовы, отставной майор Сергей Николаевич и капитан Александр Николаевич, исполняя волю своего покойного отца, коллежского советника Николая Семеновича Зубова, выраженную им в духовном завещании 11 мая 1789 года, разделили между собой наследство. Согласно воле отца Сергею досталось сельцо Никольское (Касимово), Александру — сельцо Зубовка. В сельце Никольском было 1619 десятин, а в Зубовке — 1555 десятин земли. Оба брата, согласно завещанию, выделяли законную долю своим двум меньшим сестрам. Одна из них к тому времени, Надежда, была замужем за подпоручиком Дмитрием Александровичем Леонтьевым, другая, Екатерина — девица².

В том же деле имеется еще один документ. 21 июля 1825 года Оренбургская палата гражданского суда получила рапорт Уфимского уездного суда, в котором упоминается вторая сестра братьев Зубовых — поручица Екатерина Макарова, к тому времени уже умершая³.

Мать С. Т. Аксакова, Мария Николаевна и ее меньший брат Николай в разделе не упоминаются. Выходя замуж еще при жизни отца, она свою долю наследства

¹ ЦГА ВАССР, ф. 100, оп. 2, д. 473.

² ЦГА ВАССР, ф. 100, оп. 2, д. 473, л. 2, 2 об.

³ Там же, л. 17, 17 об.

получила в качестве приданого, брат же ее, видимо, умер еще в детстве.

Важность найденного отдельного акта прежде всего в том, что мы из него впервые узнаем правильное отчество Николая Зубова.

С. Т. Аксаков в своих произведениях изменил не только фамилию деда, именуя его Зубиным, вместо Зубов, но и отчество — Федорович, вместо Семенович.

Подготавливая текст собрания сочинений С. Т. Аксакова, С. И. Машинский приложил список действительных имен упоминаемых лиц, в котором дед писателя ошибочно назван Зубовым Николаем Федоровичем. (1; 632). Верную фамилию деда С. И. Машинский взял из «Воспоминаний» С. Т. Аксакова, который упоминал там о своих тетках Зубовых. Конечно, некоторым уфимцам, и не только историкам, могло быть известно, что у Зубина настоящая фамилия Зубов, так как он занимал крупный пост в администрации. А вот искажение отчества оказалось незамеченным даже для такого крупного знатока истории Оренбургского края, как В. Н. Витевский. В своей исторической монографии «И. И. Неплюев и Оренбургский край...» В. Н. Витевский большое место уделяет деятельности Семена Зубова — секретаря Уфимской провинциальной канцелярии, «на которого был возложен и прокурорский надзор»¹.

Уфимскую администрацию тогда, в 1740—1744 гг., возглавлял вице-губернатор Петр Дмитриевич Аксаков — весьма и весьма дальний родственник С. Т. Аксакова. Он приходился последнему восьмипородным трижды прадедом (семипородным братом Алексею Еремеевичу Аксакову — прапрапрадеду С. Т. Аксакова).

За удовольствие сообщить читателям степень этого родства мы должны поблагодарить В. В. Руммеля и В. В. Голубцова — авторов родословной Аксаковых².

В. Н. Витевский подробно описывает в вышеупомянутой монографии конфликт, возникший между Семеном Зубовым и П. Д. Аксаковым, но, по-видимому, даже не догадывается, что пишет о прадеде С. Т. Аксакова. Во всяком случае, в другом месте своей работы Витевский особо отмечает родственников писателя. У нас и ранее,

еще до нахождения правильного отчества деда Аксакова, возникало сомнение в возможности в ту эпоху столь быстрого продвижения по службе при незнатном происхождении рода. Так оно и оказалось на деле. Не только дед, но и прадед писателя занимали видное место среди уфимской администрации. Это не означает, конечно, отрицания казачьего происхождения рода Зубовых. Такой казачий род действительно существовал в Уфе. В фонде Уфимской приказной избы Центрального Государственного Архива древних актов хранится документ 1679 года, в котором упоминается казак С. Зубов, владевший кузницей в Уфе, в Большой Репной слободе на берегу р. Сутолоки¹. По времени возможно допустить, что казак С. Зубов мог быть прадедом Николая Семеновича Зубова.

О Н. С. Зубове, отставном капитане и коллежском советнике, в «Материалах по истории Башкирской АССР» опубликовано несколько документов о покупке и продаже земли около деревни Зубовки в 1771—1788 гг. и документ о покупке им дворовых людей у отставного капитана М. Н. Аничкова в 1771 г.²

О нем же, как о прокуроре, упоминается и в рапорте пугачевских полковников в повстанческую Военную коллегия (март 1774 г.)³.

Вспоминая свои университетские годы, С. Т. Аксаков отмечает, что в ноябре 1806 года все семейство родителей с двумя сестрами его матери переехало в Казань. Мать его «...познакомилась с лучшим казанским обществом, делала визиты, принимала их, вывозила своих сестер на вечера и балы, давала у себя небольшие вечера и обеды» (2; 157, 160).

По-видимому, обе сестры вышли замуж за казанских офицеров: Надежда — за Леонтьева, а Екатерина — за Макарова. Во всяком случае, в упоминаемом нами выше «Сборнике материалов» В. А. Новикова дворянский рода Леонтьевы и Макаровы в нашем крае не упоминаются. В то же время среди казанского дворянства известны два рода Леонтьевых и два рода Макаровых. В середине XIX века в списке казанских дворян числился Николай

¹ История Уфы, Уфа, 1976, с. 44, 45.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, М., 1956, с. 352, 353, и т. 5, М., 1960, с. 179, 189, 190, 216, 225, 226.

³ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., Наука, 1975, с. 118; Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов, Уфа, 1975, с. 118.

¹ Витевский В. Н., И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1890, вып. 2, с. 196, 199, 201, 205, 207, 212 и вып. 5, с. 847.

² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, 1888, т. 1, СПб.

Дмитриевич Леонтьев — не сын ли это Надежды Николаевны Зубовой? ¹

Незадолго до своего отъезда из Казани в 1805 году С. Т. Аксаков встречался там со своей теткой Н. Н. Зубовой, тогда еще незамужней, о чем он позже вспоминал: «В одно скверное осеннее утро получил я записку от моей родной тетки Н. Н. Зубовой, которую очень горячо любил; она жила тогда в доме В-х, и я часто видался с нею. «Милый мой Серж (писала она), сегодня, в шестом часу после обеда, приезжай к нам в мундире и со шляпкой. Сегодня у нас свадьба; ты шафер у Лизы, будешь ее обувать и провожать в церковь» (2; 94).

Было бы очень интересно проследить дальнейшую судьбу Надежды Николаевны Леонтьевой и Екатерины Николаевны Макаровой и их семейств. Нас они интересуют не только как тетки С. Т. Аксакова, но и как внучки знаменитого историка и географа нашего края — Петра Ивановича Рычкова, упоминаемого С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» под именем П. А. Рычкова (1; 140).

Сообщим теперь архивные находки о дядьях С. Т. Аксакова: Сергее и Александре Николаевичах Зубовых. Прежде всего постараемся определить время их рождения. У С. Т. Аксакова сказано, что его матери — Марии Николаевны Зубовой, в то время, когда умерла мачеха, было семнадцать лет, ее братьям — Сергею — 12, а Александру — 10 лет (1; 142, 143).

Нигде, ни в каких известных нам литературных или архивных источниках не указывается год рождения матери С. Т. Аксакова и ее братьев.

С. Т. Аксаков родился в 1791 году. Если принять возраст матери в это время около 20 лет, то тогда ее год рождения будет около 1771, ее брата Сергея — 1776, и Александра — 1778. Мария Николаевна умерла в 1833 г. по дороге с Серных вод ².

Есть один архивный документ, косвенно подтверждающий правильность наших расчетов — это ведомость беднейших дворян Уфимского уезда, составленная уездным предводителем дворянства и приложенная к рапор-

ту уфимского уездного исправника оренбургскому гражданскому губернатору. Рапорт имеет дату 10 января 1849 г. Ведомость составлена на несколько лет раньше. Это видно по возрасту дворян, упоминаемых в ведомости. Например ¹, о Иване Васильевиче Базилеве сообщается, что ему 45 лет, а год рождения его — 1801 — нам известен по другому документу ². Следовательно, ведомость составлялась в 1846 г. В той же ведомости упоминается Сергей Николаевич Зубов в возрасте 70 лет ³. Отсюда вывод: он родился в 1776 г., то есть наше предположение верно.

В той же ведомости о Сергее Николаевиче Зубове сообщается, что он — отставной майор и кавалер, проживает в своем имении и «по неимению зрения ничем не занимается». Там уже упоминаются его дети: сын Петр — 8 лет, дочь Надежда 33 лет замужем за крестьянином Барышниковым, дочь Вера — 28 лет замужем за чиновником Михайловым и дочь Мария 19 лет замужем в г. Уфе за чиновником Поликарпом Андреевичем Сокуровым.

В другом архивном документе 1849 г. о сыне Петре 11 лет сказано, что он в Уфе обучается в гимназии, а о самом Сергее Николаевиче Зубове сообщается как об умершем ⁴.

Уфимская мужская гимназия — ныне средняя школа № 11, торжественно отметившая в 1978 году свое столетие. Петр Сергеевич Зубов, родившийся в 1838 году, упоминается еще в двух архивных документах 1858 и 1860 гг. как писец первого разряда ⁵.

О дальнейшей судьбе Петра Сергеевича и его двух сестрах Надежде Барышниковой и Vere Михайловой сведений не имеем. К сожалению, неизвестно даже имя Барышникова, поэтому поиск затруднителен. Удалось лишь найти, что в 1846—1850 гг. Михайлов был титулярным советником и звали его Иваном Ивановичем ⁶.

О муже третьей сестры, Марии, — Поликарпе Андреевиче Сокурове известно, что он сын титулярного советника, в 1824 г. поступил на подготовительное отделение

¹ Алфавитный список родам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии, с обозначением имени и отчества тех из них, кои впервые записали свои роды в сию книгу с 1787 по 1895 г. Казань, 1898, с. 47, 51.

² Сиверс А. А. Генеалогические разведки, вып. 1. СПб., 1913, с. 92. В кн. Аксаков И. С. Письма к родным. 1844—1849. М., Наука, в примечаниях ошибочно указана дата рождения М. Н. Аксаковой — 1862 г. см. с. 659.

¹ ЦГА ВАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 198.

² Там же, ф. 114, оп. 1, д. 226, л. 40 об., 41.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 194, 195.

⁴ ЦГА ВАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 188; д. 2380, л. 1 об.

⁵ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 512, л. 1234, 1238; ф. 294, оп. 2, д. 1, Метрическая книга Ильинской церкви.

⁶ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 607, л. 753—757. И сейчас в дер. Касимово проживают Барышниковы.

Уфимского уездного училища, полный курс которого окончил в 1831 году¹. В 1846—1850 гг. он был коллежским регистратором².

Второй дядя С. Т. Аксакова — Александр Николаевич Зубов, как сказано выше, родился около 1778 года, капитан. Впоследствии он, видимо, был на гражданской службе, так как в документе 1850 года упоминается как умерший титулярный советник, оставивший малолетнего сына Петра³, жену его звали Александрой Силовой⁴.

Вспоминая о приезде Александра Николаевича Зубова в Казань в начале 1804 года, С. Т. Аксаков писал: «...в это время приехал в Казань мой родной дядя, А. Н. Зубов; он свозил меня два раза в театр, разумеется с позволения моего воспитателя: в оперу «Песнолюбие» и в комедию «Братом проданная сестра». Эти два спектакля произвели на меня почти такое же впечатление, как и ружейная охота. Я питал особенное пристрастие к театральным сочинениям и по рассказам составил себе кое-какое понятие об их сценическом исполнении. Но действительность далеко превзошла мои предположения. Я презил виденными мною спектаклями и день и ночь и так рассеялся, что совершенно не мог заниматься учением» (2; 119).

Из найденных документов видно, что у С. Т. Аксакова со стороны матери было два двоюродных брата и три двоюродных сестры: Петр Сергеевич Зубов, Петр Александрович Зубов, Надежда Сергеевна Барышникова, Вера Сергеевна Михайлова и Мария Сергеевна Сокурова.

Несколько слов о селце Зубовке и селце Никольском (Касимово).

В 1870 г. Зубовка состояла из двух примыкавших друг к другу частей, расположенных на левом берегу речки Берсиянки: деревни и селца. В деревне Зубовке было 50 жителей (8 дворов), имелись две водяные мельницы, жители занимались плетением лаптей; и в селце Зубовке было 244 жителя (42 двора), имелась водяная мельница; жители занимались извозничеством⁵. Речка Берсиянка ниже д. Чесноковки приближается к Белой до четверти километра, но в нее не впадает, а течет к севе-

¹ ЦГА БАССР, ф. 114, оп. 1, д. 98, л. 3.

² Там же, ф. 138, оп. 2, д. 610, л. 319—324; ф. 1, оп. 1, д. 1863, л. 146.

³ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 607, л. 37—42.

⁴ Там же, ф. 138, оп. 2, д. 117, рев. сказка № 84.

⁵ Списки населенных мест Российской империи на 1870 г., т. 45, Уфимская губерния, СПб., 1877, алфавит.

ру, почти параллельно Белой, до Архимадритского (Монастырского озера).

По дороге в Стерлитамак в 13 км от Уфы по правую сторону от тракта расположена д. Зубовка, а по левую — д. Чесноковка.

В 1969 году село Зубово — центр Зубовского сельсовета Уфимского района, в 13 км от железнодорожной станции Уфа, население — 559 человек¹.

В селце Никольском (Касимово) майор С. Н. Зубов по шестой ревизии 1810 г. имел дворовых 16 и крестьян 20 душ мужского пола².

В 1850 году, по девятой ревизии, там две дочери майора С. Н. Зубова, титулярная советница Вера Сергеевна Михайлова имела 17 душ (3 двора) и коллежская регистраторша Мария Сергеевна Сокурова — 5 душ (1 двор) крестьян. Почти все крестьяне у них имели фамилии, что в то время встречалось не всегда, среди них были Ратовские, Сучковы, Востокины. Малолетнему брату их, Петру Сергеевичу Зубову там же принадлежали 51 душа (7 дворов) крестьян. Там же упоминается новая владелица — подполковница Елена Михайловна Ригонье, имевшая 80 душ крепостных (14 дворов), из них 10 дворов была переведены ею в 1826 году из села Анненского (Каравай) Перятинского уезда Полтавской губернии. У переведенных крестьян также почти у всех были фамилии, среди них встречались Горовенко, Коломиец, Стадники, Салмановы, Терещенко³.

В 1870 году село Касимово, расположенное от Уфы в 25 верстах при речке Шакше имело 122 жителя (28 дворов), там была церковь, водяная мельница. Жители занимались пчеловодством⁴.

В 1969 году село Касимово в Князевском сельсовете Уфимского района, в 4 км от станции Шакша, население — 235 человек⁵, а в 1988 г. оно включено в границы г. Уфы.

Глава IX

ВУНИНЫ.

В «Литературных и театральных воспоминаниях» за 1825—1826 годы С. Т. Аксаков упоминает своего род-

¹ Башкирская АССР, Административно-территориальное деление на 1 янв. 1969 г., Уфа, 1969, с. 301.

² ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 117, рев. ск. № 25.

³ Там же, д. 607, л. 753—758; д. 610, л. 319—324; л. 47—54.

⁴ Списки населенных мест Российской империи., алфавит.

⁵ Башкирская АССР, Административно-территориальное деление на 1 янв. 1969 г., с. 302; Вечерняя Уфа, 26. 2. 1988.

ственника уездного судью Бунина, с которым он встречался в городе Белебее, когда жил со своим семейством в селе Надеждино, или, как он называет «Надежине», в семи верстах от Белебея (3; 54, 59).

«Наступила зима 1825 года. Все было тихо и спокойно в нашей пустынной глуши. Ничто не предвещало важности грядущих событий, а между тем историческая драма уже начиналась... 6 декабря¹, на именинах у кого-то из соседей, где находились, между прочим, все белебеевские чиновники и живший в этом городке прежний наш губернатор М. А. Наврозов, получили мы известие, что государь Александр Павлович скончался в Таганроге» (3; 57).

«...первая мысль представилась: кто будет царем? Все присутствующие, кроме меня и Наврозова, не сомневались, что преемником Александра Павловича будет цесаревич Константин; но мы с Наврозовым были убеждены в противном. Мы очень хорошо помнили, что в 1820 году был расторгнут брак цесаревича с его законною супругою и последовал манифест, которым узаконялось, что всякий член императорской фамилии, вступивший в брачный союз с лицом, не принадлежащим к владельческому дому, не может сообщать ему права императорской фамилии и что дети их на престол никогда взойти не могут. Вслед за тем цесаревич женился на графине Лович, полячке и католичке, — как же можно было ей сделаться русской императрицей? Притом впоследствии носились темные слухи, что цесаревич Константин потом и получил согласие императора Александра на развод и вторичную женитьбу, что отрекся от права наследия на русский престол. Каково же было мое удивление, когда на другой день поутру уведомили меня из города, что с нарочным курьером получен указ правительствующего сената, извещающий о кончине императора Александра I и о присяге законному наследнику его Константину Павловичу. Сильно смущенный, поехал я немедленно в Белебей, чтоб потолковать с Наврозовым. Тут уж все присягнули. Людям, понимавшим сколько-нибудь дело, крепко не нравилась новая императрица, хотя, по слухам, она была превосходная женщина. «Веру-то переменит, — говорил мой родственник, уездный судья Бунин. — Это пустое, будто католички веры не меняют. Для всероссий-

¹ Александр I умер 19 ноября 1825 года, известие об этом до Белебея дошло только через 17 дней. Интересная деталь, характеризующая связь той эпохи — авт.

ского престола можно и две веры переменить. Да вот беда: кровь — то в ней польская; будет руку поляков держать, а Константин Павлович, говорят, и без того в них души не чаёт». Оставшись наедине с Наврозовым, сообщили мы друг другу свои тревожные опасения и расстались убежденными, что дела так идти не могут. Недели через три прочли мы в «Московских ведомостях» известие от 14 декабря и вслед за тем новый указ о присяге новому императору Николаю Павловичу, а также его манифест с приложением всех бумаг, касающихся до отречения Константина Павловича сначала от права наследия, а потом от престола, — когда уже была принесена ему присяга во всей России» (3; 58).

Как звали судью Бунина? Какая степень родства связывала его с писателем? С тех пор, как были опубликованы в печати впервые в журнале «Русская беседа» за 1856 и 1859 гг. «Воспоминания» С. Т. Аксакова, прошло более 120 лет, но за это время не было дано ответа на поставленные вопросы.

Найденные нами архивные материалы в сочетании с литературными источниками, а также воспоминаниями, сохранившимися у потомков аксаковского Бунина, позволяют дать исчерпывающий на них ответ.

Историю раскрытия этого вопроса необходимо начать с деда аксаковского Бунина, который происходил со стороны матери из старинного уфимского княжеского рода Ураковых. «Из грамоты царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны 1687 года 25 июня видно, что Рудак Мурза, по крещению Андрей Федоров Ураков (родоначальник князей Ураковых) поверстан землей в 1591 г., а из отказной книги 1687 г. оказывается, что по отдельным книгам 1629 г. земля эта отведена ему за рекой Белой, близ Соснового озера (в 10 верстах от города Уфы)»¹.

Небогатый и вначале род Ураковых в последующие сотни лет дробился и беднел, но отдельные представители его играли в истории нашего края заметную роль. К числу их можно отнести генерал-лейтенанта Василия Егоровича Уракова — деда со стороны матери известного поэта и революционера Михаила Илларионовича Михайлова, родившегося 4(16) января 1829 года² в Уфе. (Его мать — урожденная Уракова Ольга Васильевна).

¹ Новиков В. А. Сборник материалов для уфимского дворянства, Уфа, 1879, с. 26.

² Фатеев П. С. Михаил Михайлов — революционер, писатель, публицист. М., 1969, с. 41.

Ссылаясь на документ Оренбургской консистории о крещении М. И. Михайлова в Спасской церкви города Уфы, П. С. Фатеев ошибочно пишет, что он родился в Оренбурге, по традиции повторяя ошибку многих авторов, утверждавших это на том основании, что отец М. И. Михайлова служил в Оренбургской казенной палате. Эти авторы или не знали, что оренбургские губернские учреждения находились тогда в Уфе, или, если и знали, то, по-видимому, не хотели нарушать уже сложившуюся ошибочную традицию.

Личное знакомство С. Т. Аксакова и М. И. Михайлова осталось вне поля зрения литературоведов, изучавших их биографии. С. Т. Аксаков в письме Е. И. Барановскому 9 июня 1856 г. писал об этой встрече так: «Г. Михайлов был у меня в Москве. Вообразите мое удивление, когда он мне сказал, что он родной внук того Михайлушки, о котором я говорил в рассказе о Куролесове! Он уфимский уроженец, и я от него много надеюсь»¹.

Один из представителей рода — Роман Уразлин в середине XVIII века был переводчиком оренбургской губернской канцелярии. В 1752 г. башкир Ногайской дороги Илкей-Минской волости Кунзяпа Утекеев дал купчую переводчику Роману Уразлину на свою часть общей вотчины по рр. Деме и Уфе. В комментарии к тексту этой купчей далее сообщается: «Продажа земли впоследствии вызвала судебное дело между наследником Р. Уразлина, М. Н. Уразлиным и башкирами Илкей-Минской вол., в 1786 г. воспротивившимися ее фактическому осуществлению... и в 1787 г. подавших в свою очередь жалобу на самовольный захват Уразлиным волостной земли. Жалоба была вызвана незаконностью единоличной продажи своего пая в общинной земле, тогда как каждая сделка на землю требовала согласия всех вотчинников. По-видимому, сделка была совершена благодаря служебному положению Р. Уразлина»². В текст комментария вкралась ошибка: следует читать не М. Н. Уразлин, а Михаил Иванович Уразлин³. Поручик, князь Михаил Уразлин (Ураков) упоминается как командир карательного отряда в документах о Крестьянской войне 1773—1775 гг.⁴.

¹ Уфимский край, 1 мая 1909, № 95.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, с. 63, 64, 392.

³ Там же, с. 448.

⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М.: Наука, 1975, с. 127, 375, 408, 504.

Дочь Михаила Ивановича Уразлина (Уракова), Наталья, вышла замуж за подпоручика Ивана Бунина. Получив от отца по наследству спорную землю, она продолжала судебное дело, которое закончилось только при жизни ее сына, майора Михаила Ивановича Бунина. В указе Правительствующего сената от 6 апреля 1821 г. «положено наследникам Уразлина в иске их отказать, присвоенную ими землю по крепости 1752 г. оставить по-прежнему за владельцами ее Илкей-Минской волости башкирцами»¹.

Переходим теперь к вопросу о родстве майора Михаила Ивановича Бунина с С. Т. Аксаковым. Тетка писателя, Ксения Степановна (Аксинья) упоминается в «Семейной хронике» как вдова Коптяжева, выпешшая замуж за Нагаткина (1; 138).

Что Коптяжев был мужем Ксении Степановны Аксаковой, подтверждают и Руммель и Голубцов, сообщая о втором ее муже, Нагаткине, его имя и отчество — Борис Ананьевич².

Имя и отчество Коптяжева мы нашли в архивном деле — Иван Андреевич; умер он до 1788 г.³ В том же деле сообщаются и имена детей Ксении Степановны и Бориса Ананьевича Нагаткиных: дочь Вера и сыновья Николай и Василий⁴.

Об этих же детях (своих двоюродных братьях и сестре) упоминает и С. Т. Аксаков, не называя их имен (1; 211). О Vere много позже, уже в «Детских годах Багрова — внука» С. Т. Аксаков пишет как о невесте богатого соседа Аксиньи Степановны, Ивана Петровича Куроедова, но и здесь не называет ее имени (1; 530). Вера Борисовна Нагаткина, двоюродная сестра С. Т. Аксакова, вышла замуж за Ивана Петровича Куроедова. Их дочь Екатерина Ивановна вышла замуж за майора Михаила Ивановича Бунина⁵, которого С. Т. Аксаков назвал судьей и своим родственником.

Бунины, как об этом подробнее мы скажем ниже, древнейший дворянский род, проживавший в губерниях центральной России. В конце XVIII века появляются Бунины в Оренбургском крае, есть основание предполагать, что это было только одно семейство. Самое раннее

¹ ЦГА ВАССР, ф. 1, оп. 1, д. 616, л. 183, 183 об.

² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, СПб., 1888, т. 1, с. 28.

³ ЦГА ВАССР, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 341.

⁴ Там же, л. 25, 25 об.

⁵ Там же, ф. 188, оп. 2, д. 508, л. 103—108, 111—119.

упоминание о Буниных встретилось нам в отпускной — документе об освобождении от крепостной зависимости, выданной женой вахмистра Пелагеей Степановной Мальцевой своему дворовому человеку Ивану Фадееву 28 сентября 1811 года. В отпускной сказано, что дворовый был ранее куплен «у коллежского протоколита Ивана Федотова сына Бунина», который в свою очередь купил его 3 мая 1798 года в Бугульминском уезде у коллежской ассессорши Анны Афанасьевны Кротковой¹. Коллежский протоколит Иван Федотович Бунин и подпоручик Иван Бунин, вероятнее всего, одно и то же лицо, сменившее гражданскую службу на военную.

В ревизских сказках помещичьих крестьян Белебеевского уезда за 1811 год (шестая ревизия) по сельцу Токаево (Михайловка) упоминаются владельцы: поручик Михаил Иванович Бунин и титулярная советница Агафья Петровна Бунина². В том же документе упоминается подпоручик Николай Бронский, сын Агафьи Петровны Буниной, которому она в 1801 г. отдала один крестьянский двор. Это наводит на мысль, что Агафья Петровна приходится мачехой Михаилу Ивановичу Бунину. По сельцу Токаево за М. И. Буниным и Агафьей Петровной записаны по два крестьянских двора.

В ревизских сказках 1834 года (восьмая ревизия) М. И. Бунин, уже майор, имеет три крестьянских двора по сельцу Илькино (Арьелга), причем отмечается, что крестьяне достались ему по наследству в 1819 г. от его сестры, штабс-капитанши Ольги Ивановны Черновой. По тому же сельцу имеет десять крестьянских дворов и жена Михаила Ивановича, Екатерина Ивановна Бунина. Здесь же отмечается, что крестьяне ей достались по раздельному акту в 1821 г. от отца Ивана Петровича Куроедова³.

Михаил Иванович Бунин умер до 1850 г. В ревизских сказках 1850 г. (восьмая ревизия) его жена названа вдовой, за нею записано 22 крестьянских дворов по сельцу Михайловка (Илькино)⁴. Из сказанного видно, что Бунины имели одно сельцо, известное под различными названиями: Токаево, Михайловка, Илькино и Арьелга.

В большом количестве просмотренных нами архивных материалов никаких других Буниных в то время в нашем крае не встречалось.

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 96, л. 10.

² Там же, л. 188—190.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 508, л. 103—108, 111—119.

⁴ Там же, д. 671, л. 201—205, 207—217.

Дальнейшая история семьи Буниных сохранилась в памяти у ныне живущих потомков и излагается нами по их письмам и устным рассказам.

У Михаила Ивановича Бунина был сын Иван и дочь Наталья. Иван Михайлович Бунин был женат на Софье Михайловне Потаповой, у них была огромная семья: детей было 22 человека. Имена 17 из них нам известны, а пятеро умерли в раннем детстве. Многочисленные внуки и правнуки И. М. Бунина и сейчас проживают в различных местах страны. Внучка И. М. Бунина, Мария Васильевна Бунина, — Лауреат Государственной премии, кандидат геолого-минералогических наук, проживает в Алма-Ате. Ее брат, тоже геолог, Михаил Васильевич Бунин, проживает в Казани. Они с Аксаковыми находятся в двойном родстве: по линии отца Василия Ивановича Бунина они — праправнуки двоюродной сестры С. Т. Аксакова — Веры Борисовны Куроедовой, урожденной Нататкиной. По линии матери, Марии Яковлевны, урожденной Кириловой, являющейся внучкой врача Николая Ивановича Соколова и Натальи Михайловны, урожденной Буниной, они трижды правнуки Веры Борисовны Куроедовой. Бунина Наталья Васильевна, сестра геологов, о которых сказано выше, погибла во время войны, сражаясь в партизанском отряде, в 1943 году, когда ей было 20 лет.

В Киеве проживает внучка Ивана Михайловича Бунина — Татьяна Георгиевна Чикилевская, дочь Натальи Ивановны Буниной, по мужу Неклюдовой, со своими детьми и внуками.

Другая внучка Ивана Михайловича Бунина, Шкулова Ольга Александровна, дочь Ларисы Ивановны Буниной, по мужу Вильгельмовой, учительница, проживала в Новосибирске. В годы войны в Белгороде затерялись следы еще четырех внучек Ивана Михайловича Бунина — сестер Змиградских: Анны, Киры, Софьи и Ксении — детей Ольги Ивановны Буниной, по мужу Змиградской.

Сестра Ивана Михайловича Бунина, Наталья, вышла замуж за врача Николая Ивановича Соколова — родоначальника известной белебеевской семьи врачей Соколовых. Из этого семейства назовем их сына Якова Николаевича Соколова — основателя Белебеевской земской больницы; их внука Александра Яковлевича Соколова, заслуженного врача РСФСР и БАССР, организатора здравоохранения в Белебеевском районе после революции, почетного гражданина города Белебея, дважды награжден-

ного орденом Ленина и орденом «Знак Почета»¹, умершего в 1968 году; и их правнука — Виктора Михайловича Соколова — кандидата медицинских наук, ныне проживающего в Уфе и являющегося троюродным трижды правнуком С. Т. Аксакова. О Я. Н. Соколове, как о земском участковом враче, своим самоотверженным трудом способствовавшим улучшению медико-санитарного обслуживания населения Башкирии, упоминает в своей книге В. А. Скачилов².

В дополнение к рассказанным выше семейным воспоминаниям Буниных сообщим еще новые сведения, найденные в различных источниках.

Оказалось, что у аксаковского Михаила Ивановича Бунина было не двое, а семеро детей. Кроме упомянутых выше Ивана и Натальи, были еще сыновья Василий и Борис, и дочери Александра, Ольга и Вера. В приложении к одному из номеров губернских ведомостей нам встретился список владельцев земельных дач, подлежащих полюбовному размежеванию. Среди них упоминается майорша Екатерина Ивановна Бунина и ее выше-названные семеро детей, владевших в сельце Илькино Белебеевского уезда 1000 десятинами земли³.

О Василии и Ольге у нас других сведений нет. Борис Михайлович Бунин в 1852 г. был коллежским регистратором и служил в Уфе столоначальником Оренбургского губернского правления; в том же году ему дважды представляли по прошению отпуска — в мае на 28 дней для поездки в Оренбург, и в сентябре на 7 дней для поездки в г. Белебей, о чем сохранилась запись в книге приказов⁴.

Александра Михайловна Бунина вышла замуж за капитана Доллеровского; это известно из газетного сообщения о дарственной записи, совершенной 11 июля 1858 г. в Белебеевском уездном суде от имени ее матери на подаренных ей двух дворовых и 40 десятин земли в сельце Илькино⁵.

Теперь о Вере Михайловне Буниной. У нас есть основание предполагать, что она вышла замуж за Аполлона Николаевича Третьякова. Сразу оговоримся: письменных источников об этом не имеем, но считаем относящимся

¹ Ленинец, 4 июля 1974 г.

² Скачилов В. А. Люди подвига и долга. 2-е изд., Уфа, 1979, с. 24.

³ Оренбургские губернские ведомости, № 18, 1846, часть оф. прил.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2706, л. 3 об., 25.

⁵ Оренбургские губернские ведомости, № 27, 1859, ч. оф., с. 185.

к этому вопросу заслуживающим внимания рассказ профессора Башкирского медицинского института Владимира Всеволодовича Третьякова (1890—1971), записанный Г. Ф. Гудковым в беседе с ним и его женой, тоже профессором того же института Евгенией Николаевной Третьяковой, 29 октября 1968 г.: «Моим дедом был Аполлон Николаевич Третьяков, а бабушкой — Вера, из Аксаковского рода, которую мы все почему-то звали «черной бабушкой». У них было два сына: Леонид, ставший впоследствии профессором Казанского ветеринарного института, и Всеволод, мой отец — штабс-капитан. Моей матерью была Екатерина Ивановна, дочь свияжского купца, Ивана Григорьевича Любина. Мой брат Гаврил — инженер, живет в Омске. Мой сын Андрей — доктор технических наук — в Свердловске, а дочь Нина Кобышева живет в Ленинграде».

Род Третьяковых — один из древнейших в нашем крае, известен по дворянскому списку 1635 года¹.

Так вот мы и полагаем, что бабушкой Верой — не Аксаковского, а «из Аксаковского рода», и могла быть, вероятнее всего, Вера Михайловна Бунина, троюродная внучка С. Т. Аксакова.

В советской генеалогической науке известна обстоятельная статья «Предки И. А. Бунина» воронежского писателя Юрия Даниловича Гончарова². В этой статье автор дает капитальное исследование родословной Буниных. За основные им приняты две линии Буниных: «Для удобства, — пишет автор, — назовем первых белевскими — по городу, где они служили, вторых — ряжскими, по Ряжску, куда прадеды подателей родословной были переведены из Владимира. Белевские Бунины, начиная счет своим предкам с тех же времен, что и ряжские, показали своим родоначальником Архипа Буниковского. Ряжские — Семиона Бониковского. Белевские Бунины и ряжские выступают в документах не как ветви одного рода, а как два самостоятельных рода, не имеющих между собою ничего общего».

Далее автор обосновывает свое сомнение в существовании различных родов Буниных так: «Начало свое Бунины относят к одной и той же исторической эпохе. Предки их участвовали в одних и тех же событиях... и все время несли схожую службу по городам, которые

¹ Новиков В. Сборник материалов для уфимского дворянства... с. 25.

² Гончаров Ю. Д. Предки И. А. Бунина. — Подъем, 1971, № 1.

очень близки географически, были созданы для одной цели: прикрытия южной границы Московского государства... Все это, несмотря на разные имена показанных родоначальников, заставляет остановиться на мнении, что это две родственные ветви и идут они от одного корневого ствола, лишь по неизвестным причинам к моменту подачи родословных утратили «родственное согласие», а прежде их отношения «были гораздо теснее и ближе».

Наряду с этим Ю. Д. Гончаров дает подробную родословную писателя Ивана Алексеевича Бунина и считает эту линию третьей, так как она нигде не примыкает ни к белевским, ни к рязским Буниным. В отличие от двух первых, автор называет третью ветвь — мценской, «по Мценскому уезду, где находились земельные владения Якова Савельевича Бунина, четырежды прадеда писателя И. А. Бунина. Географическая близость третьей ветви мценских Буниных к первым двум ветвям дает основание автору считать всех Буниных «сродственниками». Из рода Буниных, кроме писателя И. А. Бунина, вышли и такие выдающиеся представители, как поэт В. А. Жуковский (незаконный сын А. И. Бунина), поэтесса А. П. Бунина, географ П. П. Семенов-Тянь-Шанский (внук поэтессы А. П. Буниной). Однако отношение этих Буниных к той или иной ветви не определено.

Установить связь белебеевских Буниных, родственников С. Т. Аксакова, со всеми рассмотренными выше Буниными пока также не представляется возможным: не достает связующих звеньев.

У авторов хранится маленькая шкатулка, вырезанная из бересты, с дарственной надписью: «От бабушки Е. Ив. Буниной дедушке Михаилу Никитьевичу Потапову. 1850 г.»

Шкатулка эта — подарок двоюродной племянницы С. Т. Аксакова тестю своего сына. Внутри шкатулки еще одна запись: «В 1904 году 21 августа перешла к Е. И. Буниной через Инну Цитович». Инна Гермогеновна Цитович — внучка Ивана Михайловича Бунина, дочь Надежды Ивановны Цитович, урожденной Буниной. Екатерина Ивановна Бунина — одна из дочерей Ивана Михайловича Бунина.

До 1965 г. шкатулка хранилась у Александры Николаевны Кириловой, племянницы Марии Яковлевны Кириловой, по мужу Буниной, а затем перешла к ее троюродному брату Георгию Федоровичу Гудкову.

Племянница Инны Гермогеновны Цитович, дочь ее брата Георгия, погибшего во время войны в 1914 г., Люд-

мила Георгиевна, по мужу Учаева, родилась в 1910 г., была преподавателем музыки, ныне пенсионерка, проживает с семьей в Москве. В переписке с нами Л. Г. Учаева сообщила о Г. В. Кычаковой и ее рукописных Записках.

Глава X

ЕВСЕИЧ.

Нельзя представить себе биографии А. С. Пушкина без упоминания его няни, Арины Родионовны, — так значительно было ее влияние в детские годы на поэта и так велика была память о ней у Пушкина. Влияние Арины Родионовны на формирование духовного облика ребенка, на развитие его поэтического восприятия народной жизни через мир сказок и преданий нашло прямое отражение в творчестве поэта. Под Ленинградом в селе Кобрино восстановлен домик, на фасаде которого мемориальная доска сообщает, что здесь жила няня А. С. Пушкина, этот объект включен в туристский маршрут «По пушкинским местам Ленинградской области». Биографии няни, ее родословной и поискам потомков, живущих в наши дни, посвящена большая монография А. И. Ульянинского¹.

На Сергея Тимофеевича Аксакова подобное же влияние оказал приставленный к нему с ранних лет дядька Евсеич. Значение Евсеича в жизни писателя было столь велико, что образ дядьки стал одним из самых светлых в его произведениях.

С. И. Машинский в своей монографии отмечал, что образ Евсеича, «выписанный крупно и пластично, — одна из немалых удач Аксакова — художника. Евсеич — тихий, душевный человек, восторженно влюбленный в природу и равнодушный к живописи. В нем много от пушкинского Савельича, но он более поэтичен и проникновенен. Мальчик инстинктивно тянется к Евсеичу, поверяет ему свои самые сокровенные детские тайны. Серее же особенно дорого в этом человеке его тонкое чувство природы, которого лишены почти все «господа». Вообще юный Багров чувствует, что, кроме его отца, никто из господ по-настоящему не любит природу. А это кажется ему признаком их душевной черствости»².

¹ Ульянинский А. И. Няня Пушкина. М.-Л., АН СССР, 1940; Советская Башкирия, 1983, 8 марта.

² Машинский С. И., указ. соч., с. 497.

Архангельский, отмечая влияние Евсеича на Серезу Аксакова, писал: «Этому Евсеичу необходимо отвести вообще видное место в ряду ближайших воспитателей будущего писателя. Евсеич — одно из самых симпатичных лиц, выведенных в «Хронике». Оберегая ребенка от всего дурного и безнравственного, Евсеич покровительствует ему в его здоровых увлечениях, вместе с ним живет одною жизнью с природой, и образным своим языком знакомит своего питомца с живою народною речью... Язык будущего писателя уже здесь, в беседах с Евсеичем, обогащается обширным запасом тех живых, чисто народных слов и оборотов, знание которых и умение пользоваться которыми составили впоследствии одну из важнейших особенностей писателя... Влияние Евсеича, впрочем, шло и дальше; ребенок вообще любит «рассуждать с ним обо всем» и нередко приводит старика втупик своими вопросами»¹.

Первое упоминание С. Т. Аксакова об Евсеиче встречаем в «Семейной хронике». Родители писателя вскоре после свадьбы в 1788 году стали жить в Уфе в приобретенном в Голубиной слободке доме. «В городе довольно поговорили, порядили и посудили о том, что молодые Багровы купили себе дом и живут сами по себе. Много было преувеличенных и выдуманных рассказов; но Алексей Степаныч угадал: скоро узнали настоящую причину, отчего молодые оставили дом отца; этому, конечно, помог более всего сам Калмык, который хвастался в своем кругу, что выгнал капризную молодую госпожу, раскрашивая ее при сей верной оказии самыми яркими красками. Итак, в городе поговорили, порядили, посудили и — успокоились».

И вот, наконец, остались совершенно вдвоем молодые Багровы. По утрам уезжал Алексей Степаныч к своей должности в Верхний земский суд. Отправляясь туда, он завозил жену к ее отцу [Николаю Семеновичу Зубову — авт.], а возвращаясь из присутствия, заезжал сам к тестю и, пробыв у него несколько времени, увозил свою жену домой. Умеренный обед ожидал их... Софья Николаевна, несмотря на свое болезненное состояние и самые скудные средства, умела убрать свой домик, как игрушечку. Вкус и забота заменяют деньги, и многим из приезжавших в гости к молодым Багровым показались их

¹ Архангельский. Среда, где рос Аксаков, и культурные влияния на него в детстве. В кн.: Сергей Тимофеевич Аксаков. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей. Сост. В. И. Покровский. М., 1912, с. 12.

дом убраным богато. Всего труднее было устроить прислугу: приданого лакея Софьи Николаевны Федора Михеева женили на приданой же горничной, черномазой Параше; а молодого слугу из Багрова Ефрема Евсеева, честного, добродушного и очень поллюбившего молодую барыню (чего нельзя было сказать про других слуг), обвенчали с молоденькою прачкой Софьи Николаевны, Аннушкой. Честного Ефрема также очень поллюбила молодая барыня, и недаром. Этот редкий человек целою жизнью доказал ей свою преданность» (1; 252, 253).

В «Детских годах Багрова внука» особенно много упоминаний об Евсеиче: почти все самые яркие воспоминания детства связаны с его именем.

«Нам помогал Ефрем Евсеев, очень добрый и любивший меня слуга. Он не вил, а сучил как-то на своей коленке толстые лесы для крупной рыбы; грузила и крючки, припасенные заранее, были прикреплены и навязаны, и все эти принадлежности, узанные мною в первый раз, были намотаны на палочки, завернуты в бумажки и положены для сохранения в мой ящик. С каким вниманием и любопытством смотрел я на эти новые для меня предметы, как скоро понимал их назначение и как легко и твердо выучивал их названия!».

Ефрем, или Евсеич, как я его звал, держа меня крепко за руку, вошел со мною на плот и сказал одному башкирцу: «Айда знаком, гуляй на другой сторона». И башкирец очень охотно, отвязав плот от причала, засучив свои жилистые руки, став лицом к противоположному берегу, упершись ногами, начал тянуть к себе канат обеими руками, и плот, отделяясь от берега, поплыл поперек реки [Демы — авт.]; через несколько минут мы были на том берегу, и Евсеич, все держа меня за руку, походив по берегу, повысмотрев удобных мест для ужения, до которого был страстный охотник, таким же порядком воротился со мною назад... Евсеич приготовил мне самое легонькое удилице и навязал тонкую лесу с маленьким крючком; он насадил крошечный кусочек мятого хлеба, закинул удочку и дал мне удилице в правую руку, а за левую крепко держал меня отец: ту же минуту наплавок привстал и погрузился в воду, Евсеич закричал: «Тащи, тащи...», и я с большим трудом вытащил порядочную плотичку. Я весь дрожал, как в лихорадке, и совершенно не помнил себя от радости. Я схватил свою добычу обеими руками и побежал показать ее матери; Евсеич провожал меня. Мать не хотела верить, чтоб я смог сам поймать рыбу, но, задыхаясь и заикаясь

от горячности, я уверял ее, ссылаясь на Евсеича, что точно я вытащил сам эту прекрасную рыбку; Евсеич подтвердил мои слова. Мать не имела расположения к уженью, даже не любила его, и мне было очень больно, что она холодно приняла мою радость...» (1; 304, 308, 309).

Родители С. Т. Аксакова, уезжая в Оренбург, оставили сына у деда в с. Ново-Аксаково на попечении Евсеича: «Евсеич в продолжение этих тяжелых пяти недель сделался совершенно моим дядькой, и я очень полюбил его. Я даже читывал ему иногда «Детское чтение». Однажды я прочел ему «Повесть о несчастной семье, жившей под снегом». Выслушав ее, он сказал: «Не знаю, соколик мой (так он звал меня всегда), все ли правда тут написано; а вот здесь в деревне, прошлой зимой, доподлинно случилось, что мужик Арефий Никитин поехал за дровами в лес, в общий колок, всего версты четыре, да и запоздал; поднялся буран, лошаденка была плохая, да и сам он был плох; показалось ему, что он не по той дороге едет, он и пошел отыскивать дорогу, снег был глубокий, он выбился из сил, завяз в долочке — так его снегом там и занесло. Лошадь постояла, отдохнула, видно, прозябла и пошла шагком, да и пришла домой с возом. Дома Арефья ждали; увидали, что лошадь пришла одна, дали знать старосте, подняли тревогу, и мужиков с десяток поехали отыскивать Арефья. Буран был страшный, зги не видать! поехали, искали, да так ни с чем и воротились. На другой день вся барщина ездила отыскивать и также ничего не нашла. Уж на третий день, совсем по другой дороге, ехал мужик из Кудрина; ехал он с зверовой собакой, собака и причуяла что-то недалеко от дороги и начала лапами снег разгребать; мужик был охотник, остановил лошадь и подошел посмотреть, что тут такое есть; и видит, что собака выкопала нору, что оттуда пар идет; вот и принялся он разгребать, и видит, что внутри пустое место, ровно медвежья берлога, и видит, что в ней человек лежит, спит, и что кругом его все обтаяло; он знал про Арефья и догадался, что это он. Мужик поскорее прикрыл дыру снежком, пал на лошадь, да и прискакал к нам в деревню. Народ мигом собрался. Поскакали с лопатами, откопали Арефья, взвалили на сани, покрыли шубой и привезли домой. Дома его в избу не вдруг внесли, а сначала долго оттирали снегом, а он весь был талый. Арефий от стужи и снегу ровно проснулся: тогда внесли его в избу, но он все был без памяти. Уж на другой день пришел в себя и есть попро-

сил. Теперь здоров, только как-то говорить стал дурно.— Вот это, мой соколик, уж настоящая правда. Коли хочешь, то я тебе покажу его, когда он придет на барский двор: (1; 347, 348).

Под впечатлением рассказа Евсеича впоследствии С. Т. Аксаков напишет повесть «Буран».

Вскоре после смерти деда, Николая Семеновича Зубова, родители писателя поселились в его доме. «Приходская церковь¹ наша, — пишет С. Т. Аксаков, — стояла на возвышении, и снег около нее давно уже обтаял. Великим моим удовольствием было смотреть, как бегут по косовету мутные и шумные потоки весенней воды мимо нашего высокого крыльца, а еще большим наслаждением, которое мне не часто дозволялось, — прочищать палочкой весенние ручейки. С крыльца нашего дома была видна река Белая, и я с нетерпением ожидал, когда она вскрыется... И, наконец, пришел этот желанный день и час! Торопливо заглянул Евсеич в мою детскую и тревожно-радостным голосом сказал: «Белая тронулась!» Мать позволила, и в одну минуту, тепло одетый, я уже стоял на крыльце и жадно следил глазами, как шла между неподвижных берегов огромная полоса синего, темного, а иногда и желтого льда... Лед все еще шел крепкою, сплошною, неразрывною, бесконечною глыбою. Евсеич, опасаясь сильного и холодного ветра, сказал мне: «Пойдем, соколик, в горницу; река еще не скоро взломается, а ты прозябнешь. Лучше я тебе скажу, когда лед начнет трескаться». Я очень неохотно послушался, но зато мать была очень довольна и похвалила Евсеича и меня. В самом деле, не ближе как через час Евсеич пришел сказать мне, что лед на реке ломается. Мать опять отпустила меня на короткое время, и, одевшись еще теплее, я вы-

¹ Речь идет о небольшой деревянной Ильинской церкви и стоявшей рядом тоже деревянной церкви Фрола и Лавра. Обе эти церкви относятся, по преданию, к началу построения г. Уфы. Близ этих церквей были две деревянные башни — Ильинская и Фроловская — с воротами, местоположение которых соответствовало началу городских улиц Ильинской и Фроловской (ныне ул. Фрунзе и Тукаева). Обе башни и стена сгорели от грозы в 1759 г. В 1816 г. за ветхостью была сломана церковь Фрола и Лавра, и на ее месте заложена каменная Ильинская церковь красивой архитектуры в древнем Византийском стиле (одноглавая). После окончания строительства каменной церкви в 1861 г. деревянная Ильинская церковь была разобрана и перевезена в с. Авдон. См. Игнатъев Р. Г. Праздники в городе Уфе. В кн.: Справочная книжка Уфимской губернии..., Уфа, 1883, отдел 2, с. 5, 6; История Уфы, Краткий очерк, Уфа: Башкиргоиздат, 1976, с. 32, 33. Ныне на месте Ильинской церкви, разобранной в конце 1930-х г. находится 14-ти этажное здание (ул. Фрунзе).—авт.

шел и увидел новую, тоже не виданную мною картину: лед трескался, ломался на отдельные глыбы; вода всплескивалась между ними; они набегали одна на другую, большая и крепкая затопляла слабейшую, а если встречала сильный упор, то поднималась одним краем вверх, иногда долго плыла в таком положении, иногда обе глыбы разрушались на мелкие куски и с треском погружались в воду. Глухой шум, похожий по временам на скрип или отдаленный стон, явственно долетал до наших ушей. Полюбовавшись несколько времени этим величественным и страшным зрелищем, я воротился к матери и долго, с жаром рассказывал ей все, что видел. Приехал отец из присутствия, и я принялся с новым жаром описывать ему, как прошла Белая, и рассказывал ему еще долее, еще горячее, чем матери, потому что он слушал меня как-то охотнее. С этого дня Белая сделалась постоянным предметом моих наблюдений» (1, 375, 376).

С. Т. Аксаков описывает жизнь в селе Ново-Аксаково в доме уже умершего деда, Степана Михайловича Аксакова, и свои новые наблюдения природы. «Приближение весны в деревне производило на меня необыкновенное, раздражающее впечатление. Я чувствовал никогда не испытанное мною, особого рода волнение. Много содействовали тому разговоры с отцом и Евсеичем, которые радовались весне, как охотники, как люди, выросшие в деревне и страстно любившие природу, хотя сами того хорошенько не понимали, не определяли себе и сказанных сейчас мною слов никогда не употребляли. Находя во мне живое сочувствие, они с увлечением предавались удовольствию рассказывать мне: как сначала обтают горы, как побегут с них ручьи, как спустят пруд, разольется полая вода, пойдет вверх по полям рыба, как начнут ее ловить вятелями и мордами; как прилетит летняя птица, запоют жаворонки, проснутся сурки и начнут свистать, сидя на задних лапках по своим сурчинам; как зазеленеют луга, оденется лес, кусты и зальются, защелкают в них соловьи... Простые, но горячие слова западали мне глубоко в душу, потрясали какие-то неведомые струны и пробуждали какие-то неизвестные томительные и сладкие чувства. Только нам троим, отцу, мне и Евсеичу, было не грустно и не скучно смотреть на почерневшие крыши и стены строений и голые сучья дерев, на мокреть и слякоть, на грязные сугробы снега, на лужи мутной воды, на серое небо, на туман сырого воздуха, на снег и дождь, то вместе, то попеременно падавшие из потемневших низких облаков... Ев-

сеич видел нырков и кряковых уток, опустившихся на пруд, видел диких голубей по гумнам, дроздов и шигалиц около родников. Сколько волнений, сколько шумной радости! Вода сильно прибыла. Немедленно спустили пруд — и без меня. Погода была слишком дурна, и я не смел даже проситься... Наконец, Евсеич с азартом объявил, что «всякая птица валом валит, без перебежки!» Переполнилась мера моего терпенья. Невозможно стало для меня это слышать и не видеть, и с помощью отца, слез и горячих убеждений выпросил я позволение у матери, одевшись тепло, потому что дул сырой и пронзительный ветер, посидеть на крылечке, выходящем в сад, прямо над Бугурусланам. Внутренняя дверь еще не была откупорена. Евсеич обнес меня кругом дома на руках, потому что везде была вода и грязь. — В самом деле, то происходило в воздухе, на земле и на воде, чего представить себе нельзя, не видавши, и чего увидеть теперь уже невозможно в тех местах, о которых я говорю, потому что нет такого множества прилетной дичи... Не зная, какая это летит или ходит птица, какое ее достоинство, какая из них пищит или свистит, я был поражен, обезумлен таким зрелищем. Отец и Евсеич, которые стояли возле меня, сами находились в большом волнении. Они указывали друг другу на птицу, называли ее по имени, отгадывая часто по голосу, потому что только ближнюю можно было различить и узнать по перу... Я слушал, смотрел и тогда ничего не понимал, что вокруг меня происходило: только сердце то замирало, то стучало, как молотком; но зато после все представлялось, даже теперь представляется мне ясно и отчетливо, доставляло и доставляет неизъяснимое наслаждение!.. и все это понятно вполне только одним охотникам! Я и в ребячестве был уже в душе охотник... Мало — помалу привык я к наступившей весне и к ее разнообразным явлениям, всегда новым, потрясающим и восхитительным; говорю привык в том смысле, что уже не приходил от них в исступление» (1; 491—493).

«Евсеич выучил меня крыть лучком птичек, в нашем саду и огороде было их очень много... И вот чем был неогценный человек Ефрем Евсеич: он во всякой охоте горячился не меньше меня!..» (1; 573, 574).

В годы учебы в Казанской гимназии и университете Евсеич был неразлучно с Аксаковым, он даже имел должность комнатного служителя в гимназии (2; 17).

О дальнейшей судьбе Евсеича С. Т. Аксаков сообщал в примечании к первому упоминанию о нем в «Семейной

хронике»: «Евсейч (его звали всегда по отчеству) впоследствии был дядькой ее старшего сына, за которым ходил с отцовскою горячностью. Я знал коротко этого почтенного старика. Лет пятнадцать тому назад я видел его уже слепого, доживавшего свой век в Пензенской губернии у одного из внуков Степана Михайловича Багрова. Мне случилось прогостить там целый летний месяц. Каждый день, рано поутру, приходил я удить в проточном пруде на речке Какарме, при впадении ее в прекрасную реку Инзу; на самом берегу пруда стояла изба, в которой жил Евсейч. Каждый день, подходя к пруду, видел я этого, уже дряхлого, сторбленного, седого как лунь старика, стоявшего, прислонясь к углу своей избы, прямо против восходящего солнца; костлявыми пальцами обеих рук опирался он на длинную палку, прижав ее к своей груди и устремив слепые глаза навстречу солнечным лучам. Он не видел света, он чувствовал теплоту его, столь приятную в свежести утреннего воздуха, и грустно-радостно было выражение его лица. Слух его был так чутко, что он издали узнавал мою походку, и весело, как старый рыбак приветствует молодого, приветствовал меня, хотя мне самому было уже пятьдесят лет. «А, это ты, соколики! (Так привык он звать меня в молодости). Пора! Дай бог клев на рыбу!» — Года через два он скончался на руках дочери и жены, которая пережила его несколькими годами» (1; 253).

Хотя Евсейч последние годы жизни и провел в Пензенской губернии, но по ревизским сказкам он числился в Уфимском уезде в имении брата писателя, Николая Тимофеевича Аксакова в деревне Николаевка. Читателю Аксакова должна быть хорошо памятна деревня Сергеевка под Уфой по одноименной главе в «Детских годах Багрова внука». Небольшая эта деревня имела много названий: Никольское, Аксаково, Сергеевка, Николаевка и Рыбная Слободка; находилась она на озере Кишшки вблизи реки Белой, рядом с татарской деревней Новые Кишшки, в 30 верстах от Уфы¹.

По этой деревне в Уфимском архиве нами найдена ревизская сказка девятой ревизии 1850 г., в которой за-

¹ Списки населенных мест..., алфавит. В 1870 году там было 17 дворов (114 жителей). Около 1906 года эта деревня перестала существовать, так как все ее жители переехали в соседние деревни и в г. Уфу, а место это было заселено крестьянами соседней деревни Новые Кишшки, ныне — в Кармаскалинском районе. Это установлено авторами при посещениях деревни Новые Кишшки в беседах со старожилками.

писан дворовый Ефим Евсеев, там же сообщалось, что он умер в 1846 г. и что по предыдущей ревизии, 1834 года, ему было 74 года. В 1850 г. жене Евсейча, Анне Николаевне было 76 лет, а сыну Александру — 38 лет¹.

В ревизских сказках, как правило, показывалось число исполнившихся лет, отсюда следует, что Евсейч родился в 1759 или 1760, его жена Анна Николаевна — в 1773 или 1774, а сын Александр — в 1811 или 1812 годах. С. Т. Аксаков последний раз встречался с Евсейчем в Пензенской губернии летом 1842 г., Евсейчу тогда было 82 или 83 года: «Мне самому было уже пятьдесят лет» — писал автор. Получается, по Аксакову, что Евсейч умер 84 или 85 лет, что отличается от данных ревизской сказки только на один год, а такое расхождение вполне естественно в мемуарных записках по памяти.

С. Т. Аксаков назвал Евсейча Ефремом, в действительности же его имя — Евфим (Ефим).

У Николая Тимофеевича Аксакова, брата писателя, в Пензенской губернии было имение в селе Благовещенском (Репьевка), в сельце Колдаис — Кравково (Ильинское) и в сельце Репьевка (Дмитриевка)².

Последняя встреча С. Т. Аксакова с Евсейчем происходила в Репьевке Пензенской губернии Городищенского уезда.

Глава XI

БРАТЯ И СЕСТРЫ С. Т. АКСАКОВА.

У Сергея Тимофеевича Аксакова было четыре сестры и два брата. Первым ребенком в семье родителей писателя была дочь, умершая в младенческом возрасте. О ее рождении в «Семейной хронике» повествуется так: «Степан Михайлович [дед писателя — авт.] так уверил себя, что у него родится внук, наследник рода Багровых, что не вдруг поверил появлению на свет внучки. Наконец, прочитав собственными глазами письмо сына, ...приказал назвать новорожденную Прасковьей в честь любимой своей сестры Прасковьи Ивановны Куролесовой. Угадывая наперед его желание, малютке еще на молитве дали имя Прасковьи» (1; 256, 259). Нигде других упоминаний об ее имени не встречается. Но так как настоя-

¹ ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 606, л. 51—60.

² ГАПО, ф. 60, оп. 4, д. 407, ревизские сказки № 2—4.

щее имя Прасковьи Ивановны Куролесовой — Надежда Ивановна Куроедова, то едва ли может быть сомнение в том, что старшая сестра С. Т. Аксакова была названа Надеждой.

18 мая 1794 г. в Уфе родилась вторая сестра писателя, ее также назвали Надеждой. Она была в первом браке за Н. И. Мосоловым, а во втором — за Г. И. Карташевским, воспитателем С. Т. Аксакова в Казанской гимназии, а затем в Казанском университете¹.

Следующим по возрасту был брат Николай, о рождении которого С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова внука» писал: «Сходили за моим отцом. Он пришел и, услыша издали мои рыдания, подходя ко мне, закричал: Что ты, Сережа! Надо радоваться, а не плакать. Слава богу! Мать будет здорова, у тебя родился братец... Он взял меня на руки... Не скоро унялись судорожные рыдания и всхлипывания, внутренняя и наружная дрожь. Наконец, все мало-помалу утихло, и прежде всего я увидел, что в комнате ярко светло от утренней зари, а потом понял, что маменька жива, будет здорова, — и чувство невыразимого счастья наполнило мою душу! Это происходило 4 июля...» (1; 435). И хотя год рождения не упоминается автором, но по ходу повествования можно определить, что это было в Уфе около 1797 года. И действительно, в родословных указан год — 1797, но место и даты рождения не сообщаются. Из родословных же узнаем, что его жена — Екатерина Алексеевна Панова (6.11.1809—25.9.1857) погребена в Донском монастыре².

В очерке «Знакомство с Державиным» С. Т. Аксаков писал: «В половине декабря 1815 года приехал я в Петербург на короткое время, чтоб взглянуть на брата, которого я в 1814 году определил подпрапорщиком в Измайловский полк. Брат жил у полковника Павла Петровича Мартынова, моего земляка и короткого приятеля, который, как и все офицеры, квартировал в известном

¹ Здесь эта тема подробно не рассматривается, так как Н. Т. Карташевской и ее семейству посвящена нами отдельная книга: Незаконченная повесть С. Т. Аксакова — Наташа. Историко-краеведческий комментарий, Уфа; Башкиргоиздат, 1988 г. 232 с.

² Сиверс А. А., указ. соч., с. 93. У его тестя, Алексея Дмитриевича Панова, было имение в с. Воротники и в д. Дмитриевка Саранского уезда Пензенской губернии, перед отменой крепостного права там было 360 крестьян и 20 дворовых. См.: Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости..., т. 2, СПб., 1860, с. 52.

Гарновском доме; я поместился также у Мартынова» (2; 314).

Так как имя брата в очерке не названо, то С. И. Машинский, автор примечаний, к стр. 314 отметил: «Имеется в виду Аркадий Тимофеевич Аксаков (1803—1860)» (2; 490). Это явная ошибка: здесь речь шла не о брате Аркадии, а о брате Николае, который был на шесть лет старше.

С. Т. Аксаков упоминает о брате Николае в «Истории моего знакомства с Гоголем», описывая обед у Карташевских в Петербурге 16 ноября 1839 года, на котором присутствовали «два тайных советника: весьма известный и любимый прежде литератор Хмельницкий и другой, тоже литератор, мало известный, но не без дарования, Марков. Несколько раз разговор обращался на Гоголя. Боже мой, что они говорили, как они понимали его — этому трудно поверить! Я тогда же написал об них в письме к моей жене, что это были калибаны в понимании искусства, и это совершенная правда. Зная свою горячность, резкость и неумеренность в своих выражениях, я молил только бога, чтоб он дал мне терпение и положил хранение устам моим. Я ходил по зале с Верой и Машенькой, где, однако, были слышны все разговоры, и удивлялся вместе с ними крайнему тупоумию и невежеству высшей петербургской публики как служебной, так и литературной. Брату Николаю Тимофеевичу было даже совестно за старинного его приятеля Хмельницкого, а Григорию Ивановичу — за Маркова»¹ (3; 174).

«Записки об ужении рыбы» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» были написаны С. Т. Аксаковым с посвящением «Моим братьям и друзьям Н. Т. и А. Т. Аксаковым». Это свидетельствует о большой близости братьев Аксаковых прежде всего в отношении их к природе и охоте. В рассказе «Речной кулик» из «Записок ружейного охотника...» С. Т. Аксаков специально отметил: «Один настоящий охотник и образованный наблюдатель, Н. Т. Аксаков, которому я обязан за многие сведения, сказывал мне, что нахаживал куличат и гнезда речных куликов в моховых болотах сосновых больших лесов» (4; 212).

¹ Николай Иванович Хмельницкий (1789—1845) — драматург; Михаил Александрович Марков (1810—1876) — генерал-майор, беллетрист, поэт и драматург. (3; 794, 804). Вера — дочь писателя; Машенька — племянница писателя, дочь Григория Ивановича Карташевского — авт.

По своим политическим взглядам, в отличие от С. Т. Аксакова и его детей, Николай Тимофеевич придерживался правого направления. Я. В. Соловьев в своих «Записках о крестьянском деле», говоря о крепостнических настроениях Николая Тимофеевича, писал, что он «по своему направлению нисколько не был похож на «своего брата»¹.

В 1850—58 гг. Н. Т. Аксаков в чине статского советника был губернским предводителем дворянства Симбирской губернии². В связи с этим в своем дневнике 10 апреля 1855 года Вера Сергеевна Аксакова о своем дяде записала, «что он представлялся новому государю [Александру II] как губернский предводитель с депутацией из Симбирска, который их очень обласкал, благодаря несколько раз за пожертвования»³.

Об имениях Н. Т. Аксакова в Пензенской и Уфимской губерниях уже сказано в главе «Евсейч». В Самарской губернии в Ставропольском уезде село Вишенки (Куроедово) Надежды Ивановны Аксаковой, по мужу Куроедовой, в эпоху освобождения крестьян принадлежало Сергею Тимофеевичу и Николаю Тимофеевичу Аксаковым, имевшим там 2700 дес. земли⁴.

Какая-то доля имения в селе Новое Аксаково также ему принадлежала, так как в родословную книгу Самарской губернии он был записан по Бугурусланскому уезду⁵. В Симбирской губернии свой наследственный участок земли 805 дес. между селом Старым Аксаковым и д. Безымянкой в 1838 г. он продал ученому управителю Петру Ираклиеву Козлову⁶. У него было и другое имение в Симбирской губернии, но нам оно неизвестно.

Приведем некролог: «Сегодня, 13 марта, в 4 часа утра, на 85-ом году жизни, скончался в Петербурге Николай Тимофеевич Аксаков, последний из оставшихся в живых братьев автора «Семейной хроники» — Сергея Тимофеевича Аксакова. В молодости своей Николай Тимофеевич Аксаков, по общему правилу отдал долг военной службе и служил в измайловском полку, был

впоследствии адъютантом у гр. Паскевича. Выйдя в отставку, Николай Тимофеевич Аксаков служил по дворянским выборам, был четыре трехлетия подряд симбирским губернским предводителем дворянства, обладая значительными поместьями в Симбирской губернии. Будучи до конца жизни таким же страстным любителем и знатоком природы, как и брат его, С. Т. Аксаков, и обладая далеко не дюжинными познаниями в области естественной истории, покойный собрал в симбирском имении своем избранную и дорогую библиотеку по этим наукам. Она очень богата также и сочинениями по общей литературе, так как Николай Тимофеевич не переставал постоянно следить за ходом последней. В молодости своей он постоянно вращался в литературных кружках Державина, Карамзина, Шишкова, Дмитриева и других литераторов»¹.

Большой известностью в России и еще большей известностью за границей в свое время пользовался сын Н. Т. Аксакова, Александр Николаевич Аксаков — автор статей и ряда книг по спиритизму. Биографические сведения о нем можно найти в Энциклопедическом словаре Брокгауза, у А. А. Сиверса и в статье В. И. Прибыткова. Он родился 27 мая 1832 года в пензенском имении отца в селе Репьевке, в 1857 году окончил Александровский лицей и в следующем году поступил на службу в Министерство внутренних дел, где был послан в экспедицию Мельникова-Печерского в Нижегородскую губернию для исследования раскола. В 1858 году нижегородский губернатор, А. Н. Муравьев, бывший декабрист, пригласил Александра Николаевича Аксакова в Палату государственных имуществ на должность советника хозяйственного отделения. В 1860 году он выходит в отставку, «чтобы устроить свое имение согласно положению о крестьянах». В 1868—1878 гг. он служит в Государственной канцелярии и уходит в отставку в чине действительного статского советника. Еще будучи лиценстом, он обстоятельно знакомится с учением Эммануила Сведенборга, шведского ученого и теософа (1688—1772). А. Н. Аксаков с ранней юности был расположен к изучению религиозных и философских вопросов. Обладая созерцательным и вместе с тем точным и систематическим складом ума, он старался в любом заинтересовавшем его деле доискаться до сути вопроса. Так, для более основательного знакомства с библией, он изучает еврейский язык. Убедившись, что

¹ Русская старина, 1884, № 2, с. 258.

² Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, Симбирск, 1868, с. 139.

³ Аксакова В. С. Дневник (1854—1855). Ред. и примеч. Н. В. Голицына и П. В. Щеголева, СПб., Огни, 1913, с. 103.

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 6, СПб., 1901, с. 409.

⁵ Чемодуров, указ. соч., с. 120.

⁶ Мартынов. Селения Симбирского уезда., с. 139.

¹ Газета Новое время, 1882, № 2170, с. 3.

духовная жизнь человека зависит от его физического состояния, он поступает вольнослушателем на Медицинский факультет Московского университета и два года изучает анатомию, физиологию, химию и физику.

Лондонский журнал «The medium and daivgeak» в 1881 году назвал Александра Аксакова пионером спиритуализма в России. Там же говорилось о нем: «Замечательно, что он совсем не увлекался столоверчением, когда в 50-х годах оно из Америки и Европы проникло и в Россию». Научные исследования медиумических явлений проводились А. Н. Аксаковым со «строгим отделением факта от различных теорий, его объясняющих, а тем более от разных своеобразных учений мистического и религиозного свойства, исповедуемых многими из последователей спиритуализма».

Авторы не считают себя компетентными в вопросах истории спиритизма. Отметим лишь здесь, на наш взгляд, совершенно бесспорное положение, что наряду с явными шарлатанами, этими вопросами занимались и люди, которые стремились дать научное объяснение психическим явлениям, к их числу из наших соотечественников можно отнести А. Н. Аксакова и А. М. Бутлерова. Другой вопрос: насколько им эта задача удалась. Это требует специальных исследований и, прежде всего, составления полной библиографии их трудов в этой области. Здесь не будем называть многочисленные работы А. Н. Аксакова по спиритуализму, написанные или самим или переведенные с других языков на русский или немецкий. Скажем лишь, что его труд «Спиритизм и наука» был издан в Петербурге в 1872 г., а одна из его книг была издана в Уфе¹. Встретив затруднение в издательской деятельности по спиритизму в России, он развернул ее необычайно широко в Германии, где издал многотомную «Спиритуалистическую библиотеку для Германии» и, сверх того, много лет издавал в Лейпциге ежемесячный журнал «Psychische Studien», посвященный теоретическим и фактическим исследованиям малоизвестных явлений психической жизни. Занятия А. Н. Аксакова спиритизмом разделяли в России В. И. Даль и А. М. Бутлеров.

¹ Аксаков Александр Николаевич. Анимизм и спиритизм. Критическое исследование медиумических явлений и их объяснения гипотезами «нервной силы», «галлюцинации» и «бессознательного». Ответ Э. Ф. Гартману. 3-е изд., Уфа, электр. тип. Печать, 1910, 679 с. Первое изд. было в СПб. в 1893, и второе — там же, в 1901 году.

Умер А. Н. Аксаков 4 января 1903 года в Петербурге, погребен в Москве в Донском монастыре вместе с матерью, Е. А. Аксаковой. В Московском Некрополе указано, что там же погребена Софья Александровна Аксакова (1 мая 1835—14 октября 1880), вероятно, его жена¹.

На Всероссийских Аксаковских чтениях в Абрамцеве 4 октября 1983 года в докладе С. В. Сучкова отмечалось значение А. Н. Аксакова в русской литературе и общественной мысли.

Сестра, Анна Тимофеевна Аксакова, родилась в 1799 году². Сведения о ней в литературе почти отсутствуют, неизвестна даже ее фамилия в замужестве. Но вот находка в Уфимском архиве. В ревизской сказке 1834 года (восьмая ревизия) за майоршей Анной Тимофеевной Воейковой числилось по деревне Медведка Белебеевского уезда 5 семейств дворовых (12 душ) и 49 дворов крестьян (394 души). Все крестьяне и одно семейство дворовых достались ей в приданое по отдельной записи в 1819 году от отца ее, титулярного советника Тимофея Степановича Аксакова; одно семейство дворовых было получено по духовному завещанию в 1831 году от матери, Марии Аксаковой. В 1822 году одно семейство дворовых она покупает у капитана Александра Николаевича Зубова и в том же году продает ему другое семейство дворовых. Нам известно, что капитан Александр Николаевич Зубов был братом ее матери. В том же уезде по д. Сиушка Анна Тимофеевна Воейкова имела 14 дворов (184 души) крестьян, которые также достались ей в приданое в 1819 году от отца³. Сын писателя, Иван Сергеевич Аксаков, не зная имени и фамилии мужа своей тетки, Анны Тимофеевны, сообщает его инициалы: В. И. и упоминает их имение в селе Григорово в 30 верстах от г. Козельска

¹ Энци. Брокгауза, т. 1, 1890, с. 303; Сиверс А. А., указ. соч., с. 95, 96; Прибытков В. И. Александр Николаевич Аксаков как спиритуалист. — Ребус, 1883, № 9, с. 1—8. (Сайтов В. И., Модзалевский В. Л.). Московский некрополь, т. 1, СПб., 1907, с. 13.

² Сиверс А. А., указ. соч., с. 93.

³ ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 1, д. 508, л. 147—169. В списках населенных мест... в 1870 г. упоминается деревня Большая Анненская, имевшая еще два названия: Медведка и Сиушка при речке Медведке, в пяти верстах от г. Белебея: в деревне было тогда 49 дворов, 318 жителей, там было три кирпичных и один маслобойный завод (алфавит). Д. Медведка, как отдельный населенный пункт, здесь уже не упоминается. Полагаем, что, находясь вблизи д. Сиушки, она слилась с ней в один населенный пункт.

(Оптиной пустыни) Калужской губернии. В другом месте И. С. Аксаков именование тетке называет Перемышлем¹.

У Владимира Ивановича и Анны Тимофеевны Воейковых были сыновья Александр, Николай, Алексей и Аркадий и дочь Мария. Умерла Анна Тимофеевна в 1850 г.².

Младший брат писателя, Аркадий Тимофеевич Аксаков родился 23 января 1803 г.³ С. Т. Аксаков в это время учился в Казанской гимназии. Лето 1803 г. С. Т. Аксаков провел с родителями в с. Ново-Аксаково Бугурусланского уезда, но о своем младшем брате в «Воспоминаниях» не пишет. После возвращения в Казань осенью 1803 г. С. Т. Аксаков тяжело заболел. И вот тогда мы встречаем первое упоминание о младшем брате: «Моя мать, испуганная и встревоженная, еще не оправившаяся после родов (семейство наше умножилось третим братом), немедленно приехала в Казань одна, наняла квартиру, перевезла меня к себе, пригласила лучшего доктора и принялась за мое лечение» (2; 99). Мария Николаевна, мать писателя, возвратилась в бугурусланское Аксаково к остальному своему семейству «уже в феврале 1804 года» (2; 100). В повести «Наташа», описывая несостоявшуюся поездку своих родителей в сентябре 1810 года в Москву, С. Т. Аксаков семилетнего Аркадия называет Петрушей (2; 419).

Своему младшему брату С. Т. Аксаков посвятил несколько стихотворений: в ноябре 1824 года из с. Надеждино «Осенью» (Брату Аркадию Тимофеевичу в Петербург); в мае 1830 года из Москвы «Послание в деревню» (К А. Т. Аксакову) и в сентябре 1823 года из с. Надеждино «Послание к брату» (Об охоте). По мнению И. С. Машинского, последнее стихотворение также было адресовано Аркадию (3; 661—667, 673—675, 773, 774).

Около 1820 года Аркадий Тимофеевич служит в Петербурге в гвардии прапорщиком, впоследствии он — коллежский секретарь. 5 июля 1836 года он женится на Анне Степановне Кротковой (21.1.1819—10.9.1888). У них были дети. Сын Сергей родился 2 сентября 1837 года, в 1857 году окончил Александровский лицей, в чине коллежского советника служил во втором отделении соб-

ственно его величества канцелярии; 8 сентября 1875 г. женился в Саратове на бугурусланской мещанке Христине Андреевне Киреевой, 20-ти лет.

Сын Николай родился 1 июля 1838 года, в 1857 г. окончил вместе со старшим братом Александровский лицей, в чине надворного советника служил в министерстве внутренних дел, умер в 1887 г.

Дочь Надежда родилась 26 августа 1839 года, была замужем за действительным тайным советником, сенатором Алексеем Порфирьевичем Безобразовым (30.5.1828—29.4.1905). Умерла она в 1907 г., вместе с мужем погребена на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры.

Сын Александр родился 27 июля 1842 г., умер 1 марта 1880 г. и погребен вместе с матерью в Троице-Сергиевской лавре¹.

После службы в гвардии Аркадий Тимофеевич Аксаков в 1835—1838 гг. избирается бугурусланским уездным предводителем дворянства². Проживал он тогда в бугурусланском селе Ново-Аксаково, но имел еще 4400 десятин земли при с. Старое Аксаково (Троицкое) в Симбирском уезде, позже эта земля перешла к его сыну, Николаю Аркадьевичу³.

Аркадий Тимофеевич часто приезжал к своему брату в Абрамцево. Об этом имеется упоминание в Дневнике Веры Сергеевны Аксаковой за 13 сентября 1855 года: «Приехал дядя Аркадий Тимофеевич, привез много рассказов о выборах в Симбирске, о Самаре и о предстоящем ополчении в Самаре и Оренбурге»⁴.

Дата смерти А. Т. Аксакова — 1 ноября 1862 г. устанавливается по надписи на надгробном камне в селе Ново-Аксаково. Фотография надгробного камня хранится в Абрамцево⁵.

Вскоре после смерти мужа, в 1865 году, вдова Анна Степановна Аксакова продает свое имение, доставшееся ей, видимо, в приданое от ее родителей, Кротковых. Объявление о продаже имения ею было опубликовано несколько раз в Оренбургских губернских ведомостях: «Са-

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 93, 96.

² Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 89, 146.

³ Россия..., с. 399; Мартынов П. Селения Симбирского уезда..., с. 130, 131.

⁴ Аксакова В. С., указ. соч., с. 145; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 1, с. 380, 382.

⁵ Абрамцево, ф. 447, д. 9, л. 10. В картотеке Аркадий ошибочно назван Григорием.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 1, с. 364, 366. Ныне с. Перемышль — районный центр одноименного района Калужской области, в 27 км от г. Калуги. См. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. М., 1946, с. 60.

² Аксаков И. С. Письма к родным (1844—1849). М.: Наука, 1988, с. 314, 591, 637, 659. Примечания к письмам.

³ Сиверс А. А. Генеалогические разведки. Вып. 1, СПб., 1913, с. 93.

марской губернии Бугульминского уезда продается 4800 дес. отличного чернозема при с. Воскресенском, Чекал — тож, оставшиеся от надела крестьян. Село расположено на берегу р. Ика; перевоз в самом селе. По ту сторону Ика находится лесная дача в 1450 дес. строевого и дровяного и горы с богатыми медными рудниками. При имении продается каменная большая рига, молотильня, веелка, амбары, каменный большой флигель и деревянный для приезжих, кухня, все надворные строения, отличная ветряная мельница трех поставах, весь скот, овец черкасской хорошей породы до 1350 голов. Владелец продает вместе с землей всю большую базарную площадь, дающую в год от ярмарки, еженедельных базаров и кабака до 1400 рублей сер. При имении продается 118000 кирпича, готового для кладки больших каменных амбаров на базарной площади, для закупи хлеба, сала, кож, так как в продолжение целого года тут происходит закупь на них. Изобилие леса дает возможность выстроить большие винный или поташный заводы. Имение это находится от пристаней Челны и Бельки в 118 верстах, от Чистого Поля в 240 в., от Мензелинска — 120 в., от Бугульмы — 60 в. Цена 60000 р. сер. Продавщица готова принять в счет уплаты 5-процентные выкупные свидетельства, или ренту по 87 коп. за рубль, на половину всей суммы. Об условиях узнать от А. С. Аксаковой, в Казани по Покровской в собственном доме»¹.

О своей самой младшей сестре, Софье, С. Т. Аксаков пишет в «Воспоминаниях». Сообщая с смерти Надежды Ивановны Куроедовой в 1806 году, автор далее пишет: «Вскоре я получил известие, что у меня родилась третья сестра...» (2; 152). Имя ее не названо. В генеалогических трудах А. А. Сиверса, а также В. В. Руммеля и В. В. Голубцова она вообще отсутствует. Самое раннее упоминание об имени сестры мы встретили в журнале «Русский архив», где сообщалось, что в 1818 г. ее в Москве лечили от нервных припадков².

С. Т. Аксакова упоминается в одной из книг издательства Академии Наук СССР, но это явная опечатка, речь там идет о дочери писателя, Софье Сергеевне Аксаковой³.

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 4, ч. не офиц., с. 27. Ныне с. Чекал находится в Азнакаевском районе Татарской АССР, на границе с Шаранским районом Башкирской АССР.

² Русский архив, 1894, кн. 3, с. 99—132.

³ Письма о Гоголе. В кн.: Материалы и исследования, т. 1, под ред. В. В. Гиппиуса. М.-Л., АН СССР, 1936, с. 502.

Ф. Г. Попов писал: «Сестра Сергея Тимофеевича Аксакова, Сонечка, о которой он часто говорит в своих воспоминаниях детства, вышла замуж за Михаила Глумилина»¹. Здесь есть неточность: как упоминалось выше, в «Воспоминаниях» лишь один раз упоминалось о рождении в 1806 г. младшей сестры и даже имя ее не было названо. Более подробно о ней рассказано в главе «Глумилины».

Глава XII

ПОТОМКИ С. Т. АКСАКОВА.

Ах, если бы побольше было таких отцов у нас в России, как старик Аксаков, который сумел дать такое честное направление своим сыновьям, тогда бы можно было умереть спокойно, веруя, что новое поколение побольше нашего принесет пользы России.

В. Г. Белинский².

В произведениях С. Т. Аксакова почти ничего не говорится о начале его семейной жизни. Сын его, Иван Сергеевич, собирался написать биографию своего брата, Константина Сергеевича. Однако успел дать только введение к этому труду: «Очерк семейного быта Аксаковых», где содержится и характеристика его родителей. После смерти И. С. Аксакова в 1886 году его вдова, Анна Федоровна и племянница, Ольга Григорьевна Аксаковы издали часть его большого эпистолярного наследия³.

Издание это открывается «Очерком семейного быта Аксаковых», отдельные места из которого нами и использованы ниже.

После продолжительного пребывания у родителей в Бугурусланской деревне Ново-Аксаково, в конце 1815 года С. Т. Аксаков переезжает в Москву. От деревенского уединения и увлечений всякого рода охотой молодой Ак-

¹ Попов Ф. Г. Потомки С. Т. Аксакова. Альманах Волга, Куйбышев, 1962, № 27, с. 124.

² Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. — В кн.: В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1962, с. 300.

³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Часть первая. Учебные и служебные годы, т. 1—3, М., 1888—1892; Часть вторая. Письма к разным лицам, т. 4, СПб., 1896.

саков попадает в столичное общество. Вскоре он знакомится и начинает бывать в доме своего будущего тестя, полковника Семена Григорьевича Заплатина, «жившего на самой окраине города, близ Донского монастыря»¹.

Небогатый курский помещик С. Г. Заплатин служил на военной службе, участвовал «во всех походах Суворова, — в Польше, в Турции, был при осаде Очакова, имел георгиевский крест; при Павле командовал полком своего имени и вышел в отставку генерал — майором. При Александре, во время войны с Наполеоном, он командовал ополчением. Вся жизнь его протекла в походах и провинциях. Его жена и мать Ольги Семеновны [будущей жены С. Т. Аксакова] была турчанка, Игель — Сюма, взятая 12-ти лет, при осаде Очакова. Она была из рода Эмиров, как известно, производящих себя от Магомета и пользующихся правом носить зеленую чалму. Немного рассказов сохранилось о ее детстве. Когда русские пошли на штурм, отец ее, схватив саблю, побежал к стенам, а тетка (матери у нее в живых не было), взяв ее и других детей, присоединилась к толпе других женщин. Все они побежали по мосту, которого перила обвалились, и тетка Игель-Сюмы упала в ров.

Войны с Турцией при Екатерине были за обычай в России; пленные турки и турчанки размещались по обывателям. Игель-Сюма попала в семейство генерала Воинова. Ее скоро окрестили и выучили читать и писать по-русски. При Екатерине было даже издано учебное руководство для пленных турок: с одной стороны текст турецкий, с другой русский. Необыкновенная красавица, она привлекла к себе сердце молодого Заплатина, который и женился на ней. По окончании войны, когда разрешен был размен пленных, родственники в Турции требовали ее возврата. Рассказывают даже, что один из них нарочно приезжал в Россию, чтобы разыскать ее, и извездил всю Курскую губернию, — но напрасно. Мария — так звали теперь Игель-Сюму — была скрыта.

Она жила недолго, — умерла тридцати лет с небольшим... У нее было четверо детей, из которых двое умерли еще в детстве. Она сопровождала Семена Григорьевича в его походах — и там, на походе в Польшу, в 1792 году родилась у нее дочь Ольга...

¹ Шенрок. Аксаков в зрелую пору и нравственные устои его семейной жизни. — В кн.: Сергей Тимофеевич Аксаков. Его жизнь и сочинения. Сборник. М., 1912, с. 56.

Овдовев и поселившись в деревне Обоянского уезда, Семен Григорьевич взял свою старшую дочь из пансиона, — и она стала его товарищем, секретарем и другом. В обществе старого воина — отца она почерпнула тот дух доблести, которым так резко отличалась от других женщин. Она постоянно читала отцу своему исторические сочинения в русском переводе, ...описания военных походов, реляции сражений, газеты. Старик внимательно следил за политикой...

Вот в какой школе воспиталась Ольга Семеновна. Неумолимость долга, целомудренность, поразительная в женщине, имевшей стольких детей, отвращение от всего грязного, сального, нечистого, суровое пренебрежение ко всякому комфорту, правдивость, ... презрение к удовольствиям и забавам, чистосердечие, строгость к себе и ко всякой человеческой слабости, негодование, резкость суда, при этом пылкость и живость души, любовь к поэзии, стремление ко всему возвышенному, отсутствие всякой пошлости, всякой претензии, — вот отличительные свойства этой замечательной женщины»¹.

Свадьба Ольги Семеновны Заплатиной и Сергея Тимофеевича Аксакова происходила в Москве 2 июня 1816 года в церкви Симеона Столпника на Поварской. Через несколько недель после свадьбы, по тогдашнему обычаю, на долгих отправились Аксаковы в Бугурусланское имение Тимофея Степановича — Ново-Аксаково.

«Пять лет прожил безвыездно Сергей Тимофеевич Аксаков в доме родителей. Семья ежегодно прибавлялась, помещение было в высшей степени тесно и неудобно и в материальном, и в нравственном отношении. Особенно тяготилась этим Ольга Семеновна... Неопрятность, нелюбовь к цветам и зелени, совершенное равнодушие к интересам общественным томили ее. Некогда блистательная, страстная Мария Николаевна превратилась в старую, болезненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мучимую сознанием ничтожества своего супруга и в то же время ревновавшую, ибо она чувствовала, что он только ее боится, но что она утратила его сердце. Страстно любимый Сережа был разлюблен ею, как скоро он женился. Оба старика чувствовали, что

¹ И. С. Аксаков в его письмах, ч. 1, т. 1, с. 14, 15. На с. 83 указана дата рождения Ольги Семеновны — 1 марта 1792 г. У Сиверса ее даты жизни: 1 марта 1793 — 2 мая 1878, погребена вместе с мужем в Симоновом монастыре (с. 93).

Сереженька вышел из их среды. В доме все боялись только Марии Николаевны. Главою дома была она.

[Там 29 марта 1817 года родился сын Константин].

В 1821 году Тимофей Степанович согласился наконец выделить сына Сергея, у которого уже было тогда четверо детей, и назначить ему в вотчину село Надеждино¹ в Белебеевском уезде, Оренбургской губернии... Прежде чем переехать туда, Сергей Тимофеевич отправился с женою и детьми в Москву, где и провел зиму 1821 года.

В Москве он тотчас возобновил знакомства с приятелями, весь отдался жизни общественной, литературе, искусству, театру, и мигом окружился множеством друзей и приятелей. В тесной его квартире, на Сенной, Смоленской площади (где у него весной 1822 года родилась еще дочь), толпились с утра до вечера гости, производились чтения, твердились роли, играли в карты. Его тогдашними посетителями были: А. И. Писарев, Верховцев, Загоскин, Дмитриев, Н. Ф. Павлов, еще воспитанник театрального училища, Шаховский, иногда Кокошкин и др.

Летом 1822 года он опять отправился с семейством в Оренбургскую губернию — ради экономии, и прожил там безвыездно до осени 1826 года².

На этот раз С. Т. Аксаков возвращался в деревню с тяжелым чувством. Впоследствии он вспоминал: «Всегда весело расставался я с обеими столицами, всегда с радостным волнением спешил в благословенную деревню... и мне больно было, что я не испытывал прежнего чувства. Конечно, были и другие причины: я уезжал не в милое свое Аксаково, не на берега Бугуруслана, а в другое имение, находящееся в глухом Белебеевском уезде. Кроме того, что местоположение его было ровно и скучно, без освежающей тени дерев, без реки, следовательно не привлекало охотника; кроме того, что я не любил этой деревни, меня ждало другое горе: я должен был заняться хозяйством, которого терпеть не мог!.. Я смутно предчувствовал, что только там ляжет на меня вся тяжесть ложных и печальных отношений...» (3; 54).

Более чем четырехлетнее пребывание в Белебеевском имении, в деревне Надеждино, сравнительно мало отразилось в произведениях С. Т. Аксакова, если говорить о хронологии семейных событий. Хозяйственная деятельность проходила неудачно, прежний опыт его управления хозяйством пригодился мало, так как и земля, и кли-

мат в Надеждино отличались от Бугурусланского имения. «Два неурожайных года сряду, — писал Аксаков, — лишили меня бодрости. Нетерпение и недостаток твердого постоянства были свойственны моей впечатлительной природе — и я бросил хозяйство. Хорошо, что я скоро догадался не мешать старосте: все пошло по-прежнему, и хозяйственные дела пошли гораздо лучше; но зато нравственное мое чувство беспрестанно оскорблялось, и сознание в собственном «бессилии быть полезным» отравляло мою тихую, уединенную деревенскую жизнь.

Ружейная охота, степная, лесная и болотная, ужение форели (другой рыбы поблизости около меня не было), переписка с московскими друзьями, чтение книг и журналов и, наконец, литературные занятия наполняли мои летние и зимние досужные часы, остававшиеся праздными от внутренней, семейной жизни. Общества не было или было такое, какое хорошо только в художественном произведении, а не в действительности» (3; 55).

Приведем только один эпизод из охотничьей жизни в Надеждино, который представляет интерес не только для охотников.

«...чем позднее осень, тем жирнее становятся вальдшнепы и, наконец, совсем заплывают салом... Мне особенно памятен в этом отношении 1822 год. Осень стояла долгая, сначала очень ясная и холодная, а потом теплая и мокрая; все вальдшнепы, без исключения, свалились в мелкие кусты, растущие по сырым и потным местам, держались там до 8 ноября и разжирили до невероятности! Брося все другие охоты, я неутомимо, ежедневно ходил за вальдшнепами: 6 ноября я убил восемь, 7-го двенадцать, а в ночь на 8-е выпал снег в четверть глубиною и хватил мороз в пятнадцать градусов... Двадцать вальдшнепов, облитые салом, застреленные 6-го и 7-го ноября и висевшие в анбаре, замерзли как камень. С этого времени началась жестокая зима, и я до самого великого поста лакомился от времени до времени совершенно свежими вальдшнепами, что, конечно, может считаться большой редкостью» (4, 439, 440).

Занятия охотой и наблюдения за природой в белебеевский период дали богатейший черновой материал, использованный впоследствии С. Т. Аксаковым в его охотничьих рассказах и записках.

В Надеждине, «будучи человеком экспансивным, невольно приобщил [С. Т. Аксаков] своего малютку-сына [Констанина] своим литературным интересам. «Евгений Онегин» присылался тетрадами. Все это читалось вслух,

¹ В тексте — Надеждино — авт.

² Там же, с. 187.

громко, с каким то увлечением. Все это не мешало ни охоте, ни картам... Изредка ездил Сергей Тимофеевич обедать к своей матери [в Ново-Аксаково] на подставных за сто верст. Скоро сгорел у него дом от неосторожности; второй ребенок его простудился и умер; скончалось еще двое детей (два сына), за то и родилось четверо, (между ними сын Иван 26 сентября, в 1823 году).

Между тем Константин Сергеевич рос, упражнялся в чтении, а это чтение были все произведения тогдашней классической литературы, начиная с Хераскова. Едва ли не один из всех своих сверстников знал Константин Сергеевич Хераскова, Княжнина, Ломоносова и т. д. Когда ему минуло восемь лет, отец подарил ему в богатом переплете том стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева. По этой книге, которую Константин Сергеевич скоро знал наизусть, Ольга Семеновна учила читать детей своих:

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать!

Или:

Мои сыны питомцы славы,
Красивы, горды, величавы.

Вот на каком героическом чтении воспитывала Ольга Семеновна своих детей.

Константин Сергеевич любил вспоминать (он вообще с нежностью относился к своим детским годам) свое пребывание в Надеждине и чем с ранних лет воспитывалось в нем русское чувство. Прежде всего он отказался звать отца иностранным словом папаша, а называл его уменьшительным от слова отец — отесенька и так сохранилось до кончины...

Влияние отца окружало Константина Сергеевича с детства, сопровождало всю жизнь, и едва ли можно себе представить связь более тесную той, которая соединяла отца с сыном. С своего рождения до самой кончины Сергея Тимофеевича Аксакова в 1859 году Константин Сергеевич расстался со своим отцом только однажды и то всего на четыре месяца. По смерти отца, он буквально зачах и, будучи от природы геркулесовского сложения, умер чахоткой в 1860 году, 7 декабря, пережив его только 19-ю месяцами»¹.

Ольга Семеновна «вся принадлежала русскому быту.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 1, с. 12, 19.

Русские обычаи, особенно церковные, русская кухня, русская природа — все это было ее родное»¹.

Дети подрастали, нужно было позаботиться о их учебе. Деревня окончательно надоела Сергею Тимофеевичу, по этому поводу он писал: «Надеждино никогда мне не нравилось, а тут сделалось даже противным. Я решился ускорить мой переезд в Москву, и в августе [1826 г.], вместе с остальным семейством, навсегда простился с Оренбургским краем» (3; 59).

С тех пор С. Т. Аксаков приезжал в Надеждино по хозяйственным делам всего три раза². В 1851 г. он был там с сыновьями Константином и Иваном³.

В сентябре 1826 года Аксаковы с четырьмя сыновьями: Константином, Григорием, Иваном и Михаилом, и двумя дочерьми: Верой и Ольгой из Надеждино переехали в Москву. В Москве вскоре С. Т. Аксаков с помощью А. С. Шишкова, тогдашнего министра народного просвещения, получил место цензора.

«Театр, участие в издании «Московского Вестника» Погодина, служба, карты и клуб охватили Сергея Тимофеевича... Дом его был открыт для всех друзей и знакомых... Новыми и преданными его друзьями были: М. П. Погодин, Ю. И. Венелин, профессора П. С. Щепкин, М. Г. Павлов, потом Н. И. Надеждин. День назначенный для сбора, были субботы, — обедали и оставались до поздней ночи»⁴.

Частым гостем был актер М. С. Щепкин, Мочалов и другие актеры приходили советоваться насчет своих ролей.

«В семействе Аксаковых дети были постоянно с родителями, со старшими, жили их жизнью, интересовались их интересами (гости принимались всей семьей)»⁵.

Константин принимал живое участие во всех интересах отца и учился «у Венелина латинскому языку, Долгомостьева греческому языку, у Фролова географии. Он много читал и в особенности любил чтение русской истории... Будучи старшим в многочисленной семье, Константин Сергеевич, конечно, давал направление всем своим братьям и сестрам... [Он], будучи лет 12-ти, установил праздник Вячки 30-го ноября. В этот день, вечером, наря-

¹ Там же, с. 14.

² Там же, с. 20.

³ Аксаков И. С. Письма к родным (1846—1849). М.: Наука. 1988. с. 568.

⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах., с. 20.

⁵ Там же, с. 24.

жался Константин Сергеевич с братьями в железные латы, шлемы и проч., маленькие сестры в сарафаны — все вместе водили хоровод и пели песню, сочиненную Константином Сергеевичем для этого случая. Песня была длинная и рассказывала подробно подвиг Вячки. Она... начиналась так:

Запоемте, братцы, песню славную,
Песню, славную, старинную,
Как бывало храбрый Вячко наш и проч.

Затем следовало угощение, — непременно русское, — пили мед, ели пряники, орехи и смоквы...

Он учредил дружину из воинов; главным начальником был, разумеется, он, воинами — его братья и некоторые знакомые мальчики. Исключение из воинов было самым жестоким наказанием. Вооружение готовилось дома... Помогал тут много домашний крепостной столяр Андрей, который делал и деревянные мечи, а дети сами их окрашивали синькой. Были и копья... В довершение всего этого, Константин Сергеевич писал повесть о приключениях дружины молодых людей, «любивших древнее русское вооружение». По мере написания, повесть прочитывалась вслух и поражала умы аудитории разнообразием и загадочностью приключений. Несмотря на то, что она постепенно достигла объема целого тома..., она никогда не была кончена¹.

«...ни лошадок, ни кукол, ни игрушек, не знал Константин Сергеевич, да почти и никто в доме Аксаковых. Разыгрывались иногда по выбору и по инициативе самого Константина Сергеевича сцены из «Чудаков» Княжнина, из «Трисотин» Дмитриева и некоторые другие.

Нельзя не рассказать и еще об одной затее, характеризовавшей будущего славянофила. Употребление французского языка в разговоре резко осуждалось Константином Сергеевичем, — да и вообще великосветскость была предметом постоянной его насмешки... Большой свет как бы не существовал для этого семейства...

Одаренный счастливыми способностями, энтузиаст, исполненный самых чистых и возвышенных стремлений и в то же время непосредственной любви к России, русскому народу и Москве, в мире интересов литературы и искусства возрастал Константин Сергеевич, удивлял приятелей отца своими дарованиями².

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., с. 22.

² Там же, с. 23.

Здесь мы ограничимся лишь сообщениями о детстве Константина Сергеевича Аксакова, так как о его деятельности сказано в отдельном очерке.

Вторым ребенком в семье Аксаковых была дочь Мария, она родилась в 1818 году и умерла в раннем детстве. По данным Оренбургского краеведческого музея она умерла на первом году жизни¹. Однако, в «Очерке семейного быта Аксаковых» И. С. Аксаков, не называя сестру по имени, относит ее смерть к периоду жизни Аксаковых в Надеждино, т. е. к 1822—1826 гг.

7 февраля 1819 года в селе Ново-Аксаково родилась Вера Сергеевна Аксакова, умерла она 24 февраля 1864 года, прогребена рядом со своими родителями в Симоновом монастыре в Москве. «Годом моложе Константина, [Вера Сергеевна] была весьма даровитая личность; разделяя с детства уроки и занятия Константина, она сроднилась с его духовным строем и умственными интересами». Вера Сергеевна вела дневник за 1854—1855 годы, который был опубликован после ее смерти племянницей Ольгой Григорьевной Аксаковой².

Вера Сергеевна получила воспитание более серьезное, более мужское, чем остальные сестры. В характеристике Ольги Григорьевны Аксаковой Вера Сергеевна рисуется, как натура «богато одаренная, как индивидуальность, как чрезвычайно обаятельное существо». Она «могла многое понимать, была образована, прекрасно рисовала карандашом и писала масляными красками. Она была не чужда экзальтации, сильно увлекалась и чувствовала большую склонность к мистицизму и философии. И действительно, перечитывая дневник, видим женщину не совсем обыкновенную. Это человек любящий, очень религиозный, чрезвычайно серьезно настроенный; вопросы общественные для нее столь же близки и волнующи, как и для ее братьев»³.

В 1820 году в селе Ново-Аксаково родился сын Григорий, о котором подробнее расскажем ниже.

9 мая 1821 года родилась дочь Ольга (1821—1861). Она страдала «от нервной очень сложной и продолжительной болезни. Эта болезнь сделала ее средоточием

¹ Гудков Г. Ф., Гудкова В. И., С. Т. Аксаков. Краеведческие очерки. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981, с. 120.

² Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854—1855. Ред. и примеч. кн. В. В. Голицина и П. Е. Щеголева, СПб., Огни, 1913; частично дневник печатался в 1908 г. в журн. «Минувшие годы под назв. «Последние годы жизни Гоголя».

³ Исторический вестник, 1913, август, с. 677—679.

самых нежных и постоянных забот и попечений отца и матери и всего остального семейства... Так как Ольга должна была остаться под постоянным наблюдением врача, то была нанята для нее дача на Башиловке, в соседстве знаменитого Овера, врача и друга семейства Аксаковых. Он ежедневно посещал больную, которой предписал весьма оригинальное лечение. Она в продолжение долгого времени должна была питаться исключительно мороженым и виноградом.

Отец и мать и старшая сестра Вера жили попеременно с больной Ольгой, а остальное семейство в Абрамцеве»¹.

В 1823 году, как отмечалось выше, родился Иван Сергеевич Аксаков. Здесь скажем несколько слов о его детстве, деятельности же его посвящен отдельный очерк. С десятилетнего возраста мальчик Иван «страстно читал газеты, страстно следил за политическими событиями в Европе; его уже волнует революционное брожение в Испании. Наказанием за какую-нибудь провинность служит ему лишение читать газеты. В нем уже сказывался будущий страстный публицист»².

В 1824 году в селе Надеждино родился младший сын Михаил (1824—1841). Он воспитывался в Петербурге в Пажеском корпусе, «скончался почти внезапно 5 марта 1841 года на руках Ивана Сергеевича», учившегося тогда в Петербурге в училище правоведения. «Эта неожиданная смерть была тяжким ударом для семейства и более всех поразила Ольгу Семеновну, которая сама строго права, не менее того любила с особенною нежностью этого сына, всегда веселого, оживленного, остроумного. Она очень гордилась его замечательными музыкальными способностями, возбуждавшими удивление и среди посторонних. Несколько юношеских сочинений доставили ему уже известность среди специалистов. Тогдашние знатоки музыки сулили ему блестящую артистическую будущность»³.

В 1829 году в Москве родились две дочери: Анна, которая умерла в том же году, и Надежда (1829—1869). Из воспоминаний сестры Веры Сергеевны известно, что Надежда имела голос и пела под руководством Гоголя⁴.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах., ч. 1, т. 1, с. 39, 40, 41, 124.

² Там же, с. 24.

³ Там же, с. 32.

⁴ Аксаков В. С. Последние годы жизни Гоголя. — Минувшие годы, 1908, № 7, с. 273—278.

26 ноября 1830 г. родилась дочь Любовь (1830—1867).

В 1831 г. в Москве родилась дочь Мария (1831—1906). Она упоминается в Дневнике Е. И. Поповой (с. 40), «была девочкой на защите 6 марта 1847 г. Константином Сергеевичем своей магистерской диссертации о Ломоносове»¹.

Мария Сергеевна Аксакова была замужем за Егором Антоновичем Томашевским². Ее свекор, Антон Францевич Томашевский (1803—1883) был ближайшим другом С. Т. Аксакова, заведывал почтовым училищем и был цензором иностранных газет на Московском почтамте³.

Марии Сергеевне посвящено стихотворение брата Константина: «Мой Марихен так уж мал...», впоследствии положенное на музыку П. И. Чайковским с изменением имени на «Лизочек»⁴.

9 апреля 1835 г. в Москве родилась дочь Софья (9.4.1835—2.9.1885)⁵.

Ниже приведем интересные воспоминания о семействе Аксаковых.

«Посещая в это лето 1853 г... некоторых моих знакомых, живших в окрестностях Москвы, я однажды предпринял более дальнюю поездку в Троице-Сергиевскую лавру, на обратном пути заехал к Сергею Тимофеевичу Аксакову, проживавшему с семейством близ Хотькова монастыря в своем имении Абрамцево. До того времени я редко видел Сергея Тимофеевича и его семейство и рад был случаю ближе с ним познакомиться, в надежде, что впоследствии я буду часто посещать их и сделаюсь, подобно моему отцу, другом их дома. Принятый хозяином, хозяйкою и всеми детьми самым радушным образом, я провел у них целый день.

Аксаков был человек уже весьма пожилой и болезненный и носил, подобно всем славянофилам, русское платье, т. е. кафтан и красную рубашку с косым воротом. Длинные волосы его, гладко и тщательно причесанные с пробором посреди головы, и окладистая белая борода придавали его лицу вид чисто библейский, а самое лицо, старческое, благообразное и выразительное с одним добрым и умным глазом (он был крив на один глаз),

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 95.

² Там же, с. 95.

³ Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., АН СССР, 1960, с. 254.

⁴ Там же, с. 253.

⁵ Абрамцево, картотека, алфавит.

привлекало к нему всякого, видевшего его даже в первый раз. Не менее его была привлекательна и жена его Ольга Семеновна (рожденная Заплатаина). Старая, тучная, седая, с круглым, смуглым лицом калмыцкого типа, она была высокодобродетельная и редкая во всех отношениях женщина. Крайне простая в обращении, она умом и образованием много отличалась от дам своего времени. Вообще доброта и гостеприимство ее, как и Сергея Тимофеевича, привлекали в их дом людей разных слоев общества, но только людей умных и образованных — пустым светским болтунам там не было места.

Кроме трех сыновей, у них было несколько дочерей (из них только одна вышла за Томашевского), из которых одна, уже немолодая, была постоянно больна. Все дочери, подобно родителям и братьям, отличались умом, образованием и начитанностью и нисколько не походили на большинство девиц московского общества, с которыми они, впрочем, и не были знакомы.

Должен сознаться, что, посещая с того времени, как я стал выезжать в свет, семейства вполне почтенные и уважаемые, но по уму и познаниям ничем не превышающие общий уровень, я в первый раз и на целый день попал в среду не светскую, но где образование и начитанность сразу и совсем придавили меня... Несмотря на самый радушный прием всего семейства и неоднократные поцелуи Константина Аксакова, душившего меня в своих геркулесовых объятиях, я чувствовал себя не на своем месте: мне было как-то неловко, и я мало разговаривал из опасения сказать какой-нибудь вздор или высказать мое невежество и особенно полное незнание славянофильского учения, чего, конечно, Аксаковы не могли ожидать от сына их друга, истинно русского человека, постоянно вращающегося в их кружке. Пробыв у них весь день, я был очень рад наступлению вечера и возможности уехать в Москву. С тех пор, к стыду моему, я с Аксаковыми более не сближался, о чем позднее часто и от души сожалел, сознавая, что общество людей, у которых можно было встретить лучших представителей тогдашней литературы и ученого мира, было бы для меня несравненно полезнее того, в котором я продолжал вращаться»¹.

На акварели художника К. А. Трутовского изображен

¹ Воспоминания С. М. Загоскина. — Исторический вестник, 1900 (апрель, май, июнь), т. 80, с. 58—60.

С. Т. Аксаков, теряющий в тот период зрение и диктующий свои воспоминания дочери Вере (4; 646).

Шенрок о семействе Аксаковых писал, что семья эта имела «полное право на звание образцовой». Сергей Тимофеевич был «добрый друг, благодушный хозяин, приятный собеседник, а нередко и живой, и увлекающий-ся партнер в карточной игре. У него в доме все держали себя с полной непринужденностью, и дети не составляли исключения. Они не росли в отчуждении от родителей, но принимали участие, насколько это им было доступно, во всех интересах старших, и даже литературные дела и труды отца были им также близки, как и ему всякая мелкая подробность их домашней или училищной жизни. Не будучи удалены от общества взрослых, они относились с самой искренней любовью к знакомым и родным, а не играли только с их детьми. Иногда, может-быть, они даже черезчур свободно осыпали ласками гостей, судя по тому, что Погодин однажды записал в своем дневнике о том, что у Аксакова дети «облепили его», но, насколько мы знаем, эта приветливая развязность детей производила скорее хорошее впечатление и могла с своей стороны только способствовать общему отрадному настроению в этом доме, где знакомые привыкли отдыхать душой. «Девять человек детей около стола!» — восклицал в умилении Погодин.

Все члены семьи были соединены редким единодушием, полным согласием вкусов, наклонностей и привычек, а с годами на этой почве утверждалась глубокая внутренняя связь, заключавшаяся в общности убеждений и симпатий... В этой семье все члены были безусловно преданы друг другу, но при общем семейном ладе все боготворили особенно «отесеньку» (так называли дети С. Т. Аксакова), которого притом видели окруженным общей любовью даже посторонних; неудивительно, что своя семья относилась к нему с чувством умиленной привязанности и задушевного благоговения. В письмах друг другу у Аксаковых было принято подписываться не иначе, как «твой отец и друг», «твой брат и друг», и это имело глубокий смысл и вовсе не было бессодержательной формой»¹.

Во всем многочисленном семействе Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых следующие поколения известны только по линии Григория Сергеевича Аксакова.

¹ Шенрок, указ. соч., с. 58, 59.

Григорий Сергеевич родился 4 января 1820 года в бугурусланском селе Ново-Аксаково. В детстве Григорий отличался вспыльчивостью и походил в этом отношении на своего прадеда, Степана Михайловича. В забавных играх отец не мог удержаться, чтобы не подразнить сына, но вскоре должен был это прекратить, опасаясь тяжелых последствий.

С. Т. Аксаков оставил ценнейшее описание характера Григория в альбоме, который подарил его невесте, Софье Александровне Шишковой. Запись эта заканчивается следующими словами: «Впоследствии, работая беспрестанно над собою, Гриша совершенно овладел своим характером... О, сильна и благонадежна любовь такого сердца! Глубокое чувство, безграничная преданность, полное самоотвержение и неизменное постоянство лежит в основании этой пылкой души» (2; 416).

Григорий Сергеевич, как и все остальные сыновья Аксаковых, получил домашнее образование и только на 16-м году был определен в старший класс Училища правоведения в Петербурге. В 1840 году он окончил училище, а летом того же года С. Т. Аксаков вместе с Григорием и Константином предпринял поездку за Волгу (3; 194). То же самое Училище правоведения двумя годами позже окончил и Иван Сергеевич. В этот период Аксаковы были озабочены и искали себе в Подмоскovie усадьбу для летнего проживания там всем семейством. «Концу 1843-го года, поиски Григория Сергеевича увенчались успехом. Для семейства Аксаковых было приобретено село Абрамцево, прелестный уголок на берегах речки Вори, близ Хотьковского монастыря и не очень далеко от Троицко-Сергиевской лавры. Это имение соединяло в себе все, что могло удовлетворять требованиям Сергея Тимофеевича; прелестное местоположение, удобный старинный дом, среди прекрасного парка, громадный пруд под мельницей с богатою ловлею рыб, хорошее купанье на реке Вори, обширные леса, изобилующие грибами...»¹

В письме Н. В. Гоголю 16 ноября 1844 года С. Т. Аксаков сообщал о своих сыновьях: «Костя переписывает набело свою диссертацию; Иван возвращается с ревизии из Астрахани, где он действовал с неожиданным, изумительным даже для меня, достоинством мужа, а не юноши; Гриша служит товарищем председателя Гражданской палаты во Владимире и хотя не изумляет меня, но утешает более Ивана» (3; 305). Н. В. Гоголь всегда

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., ч. 1, т. 1, с. 40.

следил и интересовался служебной деятельностью сыновей С. Т. Аксакова и в своих письмах давал ценные советы отцу.

О дальнейшей службе Г. С. Аксакова сообщалось так: «Коллежский ассессор, и. д. товарища председателя Владимирской гражданской палаты Аксаков назначен и. д. Оренбургского губернского прокурора и вступил 4 февраля 1846 года к отправлению этой должности»¹. В апреле 1847 года Г. С. Аксаков едет в Петербург и получает назначение на должность прокурора в Симбирск². Здесь он 8 января 1848 года женился на Софье Александровне Шишковой (около 1830—27 июня 1883)³, дочери Александра Федоровича Шишкова, которого С. Т. Аксаков в повести «Наташа» назвал Ардальоном Семеновичем Шатовым; это отвергнутый жених сестры писателя, Надежды Тимофеевны Аксаковой.

О Шишковых подробно рассказано в очерке «Шишковы».

Здесь лишь скажем, что мать Софьи, Мария Алексеевна, урожденная Булгакова, покровительствовала браку своей дочери Софьи с Григорием Аксаковым, видимо, вопреки воле отца. Сохранилось письмо Г. С. Аксакова своей теще в день свадьбы, в котором он сообщает ей о состоявшемся браке:

«Марии Алексеевне дорогой нашей матушке
(надпись на конверте)

8 января 1848 г.

Слава богу Соничка моя пока здорова, что я счел долгом известить Вас о том, милый мой добрый и снисходительный друг матушка, и, следовательно, Вы моя дорогая родная, можете быть совершенно покойны на ее счет, так что и право можно Вам себя не беспокоить... Еще не исчезла та причина, по которой мы поспешили со свадьбой...

Любящий покорный сын Григорий Аксаков»⁴.

Незадолго перед свадьбой, С. Т. Аксаков подарил будущей невестке альбом, который открывался его собственноручной записью: «Всякий клочек бумаги долговечнее самой дорогой человеческой жизни. Ты сохранишь эти

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1846, 9 февраля, № 6, с. 58.

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах..., ч. 1, т. 1, с. 436.

³ Сиверс А. А., указ. соч., с. 94.

⁴ ИРЛИ, рукописный отдел. Архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С., ф. 3, оп. 16, д. 10. О родстве тещи Г. С. Аксакова с уфимскими Булгаковыми рассказано в главе Булгаковы.

листы, милая Софья, и они сохраняют тебе живое воспоминание прошедшего. С. Аксаков. 1847. 27 декабря. Москва»¹. Этот альбом хранится в Абрамцево. До самой свадьбы в этот альбом все члены семьи Аксаковых записывали свои стихи и пожелания Софье и Григорию.

По свидетельству современников Г. А. Аксаков был туманный человек с либеральными взглядами и «немало положил сил в борьбе за оздоровление пореформенного суда». Об этом свидетельствует его собственное письмо, характеризующее его отношение к тогдашнему симбирскому обществу и служилому чиновничеству: «Сколько беспорядков, интриг, нарушений законов намеренно и ненамеренно, такое равнодушие к своим обязанностям... Отсутствие стремления ко всему благородному и живому и такие дикие понятия о чести, что приходишь в отчаяние»².

В письме к Гоголю 3 декабря 1850 г. С. Т. Аксаков писал: «Гриша мой служит в Петербурге, а Иван продолжает подвизаться в Ярославской губернии». (З; 379). Г. С. Аксаков в июне 1850 г. был назначен в Петербург в комиссию для введения нового общественного управления с поручением устройства торговой депутации³. 23 апреля 1852 г. он был назначен вице-губернатором Оренбургской губернии и служил в Уфе. 20 июня 1853 г. он уволен по прошению от этой службы. 16 июля того же года он отправился за границу. 27 ноября 1855 г. он получает назначение в Самару вице-губернатором. С 23 января 1861 г. по 1865 г. С. Аксаков был гражданским губернатором Оренбургской, а с 1865 по 1867 г. — Уфимской губернии⁴. В эти годы проводилось в жизнь устройство крестьян после отмены крепостного права.

Г. С. Аксаков в Уфе входил в состав Комитета для составления проекта об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян Оренбургской губернии.

«При разработке проекта положения в Оренбургском комитете, как и в других губернских дворянских Комитетах, шла борьба между крепостниками и либералами по вопросу об условиях освобождения крестьян. Ярыми

крепостниками были Топорнин, предлагавший урезать крестьянские наделы до 2,5 десятин, и Сергеев, стремившийся продлить переходное состояние до 40 лет. Аксаков, Карташевский, Дашков и Тимашев придерживались либерального направления, по их предложению было принято решение о наделении дворовых крестьян усадебным участком и полевой землей»¹.

В Уфе 17 декабря 1860 года было открыто казенное женское шестиклассное училище, преобразованное в 1865 году в Мариинскую Женскую гимназию².

В 1865 году губерния была разделена на Уфимскую и Оренбургскую, а Златоустовский завод был сделан уездным городом. Г. С. Аксаков торжественно открыл 26 ноября 1865 г. г. Златоуст³.

Писатель-демократ, страстный публицист второй половины XIX века, П. И. Добротворский оставил интересные воспоминания о Г. С. Аксакове. «В Уфимскую губернию, — писал он, — я отправился на время, чтобы помочь матери устроить быт наших крестьян. Но, понавши в Уфу, я устроил свой собственный быт, женившись и оставшись там навсегда.

По приезде в Уфу я сделал кое-кому визиты, ...и поехал к губернатору. Губернатором в то время был Г. С. Аксаков, отдавший всю свою душу на проведение освободительной реформы. Чуть ли не с первых слов он начал уговаривать меня остаться в Уфимской губернии.

— Помилуйте, да разве теперь такое время, чтобы молодому образованному человеку оставаться на военной службе? Оставляйтесь здесь. У нас людей нет, нам люди нужны.

И опять через минуту:

— Оставайтесь! Меньше чем через год мировым посредником будете.

— А Академия то как же?

— Бросьте вашу Академию. Не такое теперь время, чтобы оставаться на военной службе. Подумайте.

Я обещал подумать, а на другой день, приехавши к Аксакову, заявил ему о своем согласии.

¹ Библиографический указатель рукописного фонда Аксаковых, Абрамцево, 1981, с. 19.

² Селиванов К. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969, с. 94.

³ ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, Формулярный список о службе Г. С. Аксакова, л. 11.

⁴ Там же, л. 13—17 об.; ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2828, л. 5—6.

¹ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2, Уфа, 1959, с. 121. Речь идет о членах комитета Александре Андреевиче Топорнине, Петре Сергеевиче Сергееве, Якове Григорьевиче Карташевском, Андрее Дмитриевиче Дашкове и Николае Егоровиче Тимашеве.

² История Уфы, Уфа, 1976, с. 85, 86.

³ Справочная книга Уфимской губернии на 1883 г., отд. 2, с. XXIV.

— Вот и прекрасно. Подавайте сейчас же мне прошение, я представлю Вас немедленно в кандидаты к мировым посредникам, — говорил мне Григорий Сергеевич, пожимая мою руку, точно ему лично я сделал какое-нибудь одолжение.

Вот какое тогда было время!..

Все устроилось так, как обещал Григорий Сергеевич, скоро я был утвержден кандидатом к мировым посредникам в Уфимский уезд... В 1863 году я получил наконец место мирового посредника в Бирском уезде, но там я пробыл недолго, с небольшим год, а в начале 1865 года... был уже мировым посредником Белебеевского уезда, где и служил все время до самого уничтожения мировых посредников. Целых 12 лет я заведывал одним и тем же участком... Русских крестьян в моем участке было мало... а все больше башкиры.

Что это за прекрасный народ.

В участке меня очень любили...»¹.

Как жена губернатора, Софья Александровна Аксакова участвовала в общественной жизни города: она была попечительницей женской гимназии, занималась благотворительностью². Ее активная общественная деятельность выходила далеко за рамки формальных обязанностей губернаторши. По ее инициативе в Уфе был разбит городской сад на участке, ограниченном ныне улицами Матросова, Фрунзе, Цюрупы и Тукаева; он так и назывался «Софьин сад». До 1861 года в Уфе не было театрального здания, и первое такое здание было построено не казною, «а усердием Софьи Александровны Аксаковой на пожертвования разных лиц». Это было в 1861 году. Театр помещался в «Софьином саду», он был деревянный³.

Построенный театр принадлежал женской гимназии. В его помещении устраивались литературные и музыкальные вечера, мысль об устройстве которых «и главнейшие заботы об осуществлении этой мысли» принадлежали Софье Александровне Аксаковой. В опубликованном в 1865 году театральном отчете спектакли любителей, устраиваемые С. А. Аксаковой, не только почти вполне погасили долг от постройки театрального здания,

но и дали возможность выделить средства на благотворительные цели: на содержание детского приюта, оказание помощи погорельцам Архирейской слободки, а также на благоустройство самой женской гимназии. В литературно-музыкальных вечерах выступала и лично сама С. А. Аксакова с чтением стихов Н. А. Некрасова и А. К. Толстого, а ее старшая дочь, Ольга Григорьевна, играла на фортепиано⁴.

В 1874 или 1875 году здание театра сгорело.

В 1875 году в Уфе начата была «постройка деревянного театра на суммы, пожертвованные г. Базиловским и другими. Театр назван Базиловским»⁵.

«...через 7—8 месяцев архитектором Р. Карзовским на том же месте был построен новый театр, торжественно открытый, 9 мая 1876 года»⁶.

В 1890 году в этом театре выступал семнадцатилетний Федор Иванович Шалапин, прибывший на гастроли в Уфу из Казани в составе труппы Семенова-Самарского⁷.

31 января 1892 года и это здание театра сгорело⁸.

Страховая сумма сгоревшего в 1892 году театрального здания, числившаяся в банке и составившая с процентами около 24 тысяч рублей, в 1909 году была использована на строительство Аксаковского народного дома, в котором предусматривались и театральные помещения⁹.

20 января 1867 года Г. С. Аксаков был назначен губернатором в Самару⁷.

Отъезд Г. С. Аксакова из Уфы в связи с назначением его в Самару был отмечен торжественным обедом, отчет о котором был опубликован Н. А. Гурвичем: «В воскресенье 12 февраля уфимское соединенное общество всех сословий давало прощальный обед в честь отъезжающего... Обед этот был устроен в помещении... в дворянском доме, городским собранием и сколько нам, здешним старожилкам, помнится, обед этот принадлежит к числу таких, какие весьма редко давались в Уфе: во-первых, по многолюдству (в обеде участвовало 114 человек); во-вто-

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 15—16, ч. не оф., с. 102—104.

² Справочная книжка Уфимской губернии... 1882—1883 г. Уфа, 1883, отд. 11, с. XXV.

³ Волков-Кривуша, указ. соч., с. 8.

⁴ Федор Иванович Шалапин. М.: Искусство, т. 3. Статьи и высказывания, 1979, с. 251.

⁵ Волков-Кривуша, указ. соч., с. 9.

⁶ Уфимский край, 1909, 13 сентября, № 195.

⁷ ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, л. 18 об.

¹ Добротворский П. И. Моя исповедь. М., 1904. (На правах рукописи). с. 12, 13, 15.

² Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 3, с. 21; № 25, с. 172.

³ Волков-Кривуша. Русский театр в Уфе. Исторический очерк. Уфа, 1959, с. 8.

рых, по соединению сословий...; в-третьих, обед этот отличался тем неподдельным единодушным сочувствием, которым воодушевлено было все собрание к своему гостю, и которое так живо высказалось во время тостов. На обеде произносились многочисленные речи и Г. С. Аксаков поднял гост со словами: «Есть слово, выражающее собою всех жителей земли в известной местности; есть слово, в котором сливаются все сословия отечества! Это слово — народ!»¹

О самарском периоде жизни Г. С. Аксакова очень интересные воспоминания оставил Александр Иванович Иванчин-Писарев (1846—1916). Воспоминания эти были изданы в 1929 году и редактор И. В. Невский в предисловии к ним об авторе писал: «Воспоминания А. И. Иванчина-Писарева, сначала народника-пропагандиста, а затем народовольца... представляют замечательный памятник той героической эпохи народничества, когда народники являлись действительными революционерами и не на словах, а на деле шли в гущу того самого народа, во имя которого они отказывались от своего привилегированного положения, состояния, собственности, чинов и привольной жизни»².

Автор воспоминаний с 1874 года находился на нелегальном положении, странствуя по России в самых разнообразных ролях слесаря, кучера, железнодорожного агента. В 1875 году эмигрирует за границу, где принимает участие в революционных изданиях «Вперед» и «Работник». Возвратившись в 1877 году, он примкнул к «Земле и воле» и жил нелегально в Самарской губернии, работая волостным писарем около двух лет, ведя пропаганду среди крестьян. При назначении волостным писарем в Страховскую волость Бузулукского уезда предводитель дворянства предупреждал его: «...в Страхове волостной писарь должен вести себя вполне безукоризненно. Там имение Григория Сергеевича Аксакова, поль-

¹ ИРЛИ, рукописный отдел, архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С., ф. 3, оп. 16, № 88. Аксаков Григорий Сергеевич. Материалы для его биографии. Статья Н. Гурвича, Пропальный обед Григорию Сергеевичу Аксакову. В деле имеется вырезка без названия газеты и даты. Судя по формату, это Уфимские губернские ведомости. Николай Александрович Гурвич (1827—1914) — врач, уфимский статистик и краевед.

² Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. (Революционное движение России в мемуарах современников, под ред. В. И. Невского и В. Анатольева. Предисловие В. И. Невского). М.-Л.: Молодая гвардия, 1929, с. 5.

зующегося большим влиянием, и вы будете находиться под его постоянным надзором. «Еще начальство!» — невольно подумал я...

На первых же порах своей службы в с. Страхове я убедился, что значит «находиться под постоянным наблюдением» такого влиятельного генерала, каким был Григорий Сергеевич Аксаков.

Брат известного славянофила, Ивана Сергеевича Аксакова, Григорий Сергеевич в начале 70-х годов был самарским губернатором. Благодушный человек, он старался в своей административной деятельности руководствоваться «законом» и требовал того же от своих подчиненных. Естественно, что при таком губернаторе ни земские, ни городские деятели не встречали обычных препон, оживилось и общество в своих стремлениях приносить пользу на почве просвещения и благотворительности. Зато поклонники произвола были крайне недовольны таким «либеральным» губернатором и путем интриг убедили в конце концов Петербург, что Г. С. Аксаков «распустил» Самарскую губернию.

«Подтянуть» губернию явился Ф. Д. Климов, бывший сподвижник виленского Муравьева. В качестве представителя такой узкой программы он и к голоду, постигшему население Самарской губернии в 1873 году, отнесся с предвзятой идеей о распущенности и открыл борьбу с земством и крестьянами. Земство при нем лишилось выдающегося общественного деятеля, председателя губернской земской управы, А. Н. Хардина, удаленного по высочайшему повелению, а голодные крестьяне были приведены в состояние такой подавленности, что боялись и заикнуться о правительственной помощи.

Достаточно привести один факт из деятельности этого губернатора [Климова], чтобы видеть, в чьих руках находилась судьба населения в тот злосчастный период.

Доложили Климову, что крестьяне Самарского уезда не только испытывали крайнюю нужду в хлебе, но удручены еще состоянием своих полей, предвещающим на осень плохой урожай пшеницы. Климов, захотев лично проверить эти слухи, отправился в коляске в ближайшее село. Крестьяне были предупреждены о приезде губернатора и встретили его на дороге. Наивные люди, они упали на колени и стали просить о помощи. Губернатор велел им встать и проводить его в поле. Там, окруженный толпой, он приказал старосте сорвать один колос, растер его на ладони и крикнул: — Смотрите. Вот вам зерно — на подати, зерно — на семена, а для еды... вот

еще сколько осталось! И вы смеете кричать, что у вас голод! ...Всех перепорю, мерзавцы!..

Аксаков, конечно, не разделял губернаторских воззрений на голод. В качестве частного лица, он в тот же 1873 год сумел организовать помощь крестьянам и на свои средства и путем сбора пожертвований, превысивших два миллиона рублей.

Климову не нравилось это «противодействие власти» и, хотя он пытался пресечь «преступную» деятельность Аксакова, все-таки не мог преодолеть влияния его связей, не считавшихся с губернаторскими доносами.

Крестьяне, земские гласные, дворяне, вся лучшая часть общества были глубоко возмущены политикой Климова и, по мере того как росла неприязнь к губернатору, все более и более закреплялись симпатии к Г. С. Аксакову. Стоило ему только обратиться с какой-нибудь просьбой в земскую управу, присутствие по крестьянским делам, даже к исправнику, как сейчас же следовало удовлетворение.

В Страховской волости его значение сказалось в двух направлениях: крестьяне безбоязненно шли к нему с каждой нуждой, а должностные сельские и волостные лица часто менялись по жалобе недовольных крестьян. В особенности не засиживались на своем месте волостные писаря, возбуждая преследования то пристрастием к пьянству, то к вымогательству, то крайней неисполнительностью по своей безграмотности. Часто в волостном правлении не было вовсе писаря, и его обязанности исполнял сельский писарь. Естественно, что при таких условиях в канцелярии волостного правления царил полный хаос, и при поступлении на должность мне прежде всего предстояло разобраться в нем и привести дела в порядок»¹.

В имении Г. С. Аксакова был управляющий.

— «Вы довольны управляющим? — спросил я одного крестьянина. — Не обижает вас?»

— Пофыркает когда, а большой обиды нет... Нам ведь пути на барский двор не заказаны: чуть что и — к Григорию Сергеевичу!

— А он всегда за вас?

— Как придется... По правильности рассудит».

Уж из того факта, что крестьяне звали Аксакова не баринном, не генералом, а просто по имени и отчеству, можно было заключить, что он пользуется и любовью и авторитетом.

¹ Иванчин-Писарев А. И. Указанные сочинения, с. 54—58.

Убеждение в его справедливости, сложившееся путем опыта, отражалось и на числе дел волостного суда: многие споры и недоразумения кончались при участии самого Аксакова, не доходя до волостного разбирательства...

Аксаковские крестьяне, получившие полный надел [земли при отмене крепостного права], пользовались еще большим участком и платили за него такую, сравнительно, ничтожную аренду, что у крестьян соседних волостей возбуждали зависть.

— А, храни бог, — говорили арендаторы, — неурожай али другое что — к примеру, скотина пала — толкнись к Григорию Сергеевичу, и отсрочит уплату, а в голодный год и вовсе простил...»¹

Из сказанного выше становится ясным, почему Г. С. Аксаков оставил сам пост губернатора и перешел на работу в земство. Это был «своеобразный протест против реакции Александра III»².

В чине тайного советника Г. С. Аксаков в 1884—1891 гг. был самарским губернским предводителем дворянства. Умер он в 1891 г.

Неизвестный корреспондент Н. Э. Эверсманна в своем письме к нему в Уфу писал следующие подробности похорон.

«24 февраля скончался в Самаре Григорий Сергеевич Аксаков, а 27 тело его должно было прибыть на станцию Марычевку, отстоявшую на 18 версте от Страхова. Еще накануне многие из крестьян отправились на станцию — одни, чтобы нести гроб, другие, чтобы сопроводить его до Страхова. Вечером 27-го вокзал и платформа Марычевской станции были полны народом, пришедшим и приехавшим встретить гроб. В 11 часов вечера пришел печальный поезд. Вагон с гробом отцепили, а также и еще два вагона, в которых ехали родные и знакомые, провожавшие гроб усопшего из Самары... Утром около 7 часов отслужили краткую литию... Гроб вынесли на станцию и на плечах понесли до Страхова. За гробом следовала масса пешего народа, а также провожавшие из Самары.

Проходя через село Марычевку, против церкви остановились и служили литию. В Коноваловке (тоже попутное село) все население встретило процессию с хоругвями

¹ Иванчин-Писарев А. И. Указанные сочинения, с. 59, 60.

² Попов Ф. Г. Потомки С. Т. Аксакова. Альманах Волга, 1962, № 27, с. 1—12.

и иконами близ церкви. Местным священником также была отслужена валенская панихида... Не доходя верст 5—6 до Богдановки (деревня, примыкающая к Страхову) стали чаще и чаще попадаться толпы крестьян, вышедших на версту, присоединялись, увеличивая собой толпу, следовавшую за гробом. В Страхове, во дворе дома, в котором прожил столько лет Григорий Сергеевич, ...была отслужена лития... гроб был поставлен в церкви... на следующий день были похороны»¹.

Некролог Г. С. Аксакова был опубликован в Уфе Н. А. Гурвичем:

«В два часа ночи на воскресенье 24 февраля скончался самарский губернский предводитель дворянства, тайный советник Григорий Сергеевич Аксаков, бывший оренбургским, а затем уфимский губернатор с 1860 по 1867 год. В среду 27 февраля в Уфимском Кафедральном соборе была отслужена... панихида по усопшем. На панихиде присутствовали уфимский губернатор генерал Норд, вице-губернатор граф Адлерберг и многие из бывших сослуживцев и подчиненных, а также знакомых покойного.

Покойный Григорий Сергеевич был высокочтим в Уфимской губернии, как во время управления им губерниею, так и до настоящего времени и добрая память о его службе и его личных высоких качествах надолго будет жить в сердцах уфимцев в летописях губернии. Мир праху этого достойнейшего русского человека»².

А. И. Баландин приводит интересные сведения о службе Г. С. Аксакова в самарский период.

Павел Иванович Якушкин (1822—1871) писатель-демократ, известный собиратель фольклора был особенно дружен в 1850-е годы с Иваном Сергеевичем, братом Г. С. Аксакова. Известный артист и театральный критик Модест Иванович Писарев жил в Самаре, когда туда из астраханской ссылки был переведен П. И. Якушкин. Писарев был принят в доме губернатора Г. С. Аксакова, жена которого Софья Александровна была большой любительницей театра. По просьбе Писарева губернатор принял участие в судьбе Якушкина, которого и сам хорошо знал, так как московский дом Аксаковых в свое

¹ ИРЛИ, ф. 3, оп. 16, д. 91, л. 1—3 об.

² ИРЛИ, рукописный отдел, архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С., ф. 3, оп. 16, № 88. Там сохранилась вырезка из газеты без названия и даты; в Уфе тогда издавалась одна газета — Уфимские губернские ведомости.

время гостеприимно встречал собирателя народных песен Якушкина.

Впоследствии Писарев по этому поводу писал: «Григорий Сергеевич Аксаков был сыном своего отца и не только по крови, но и по духу. Он принял самое горячее участие в Павле Ивановиче Якушкине: благодаря ему и медицинскому свидетельству В. О. Португалова, Якушкин остался в Самаре и был отдан мне на поруки»¹.

Свои впечатления о встречах с Г. С. Аксаковым в Уфе П. П. Добротворский оставили в статье «Первая голодовка»: «Мой настоящий рассказ относится к первой половине 60-х годов, когда уфимским губернатором был глубокоуважаемый Григорий Сергеевич Аксаков. Башкиры вверенного мне участка голодали, — тогда я уже был мировым посредником Белебеевского уезда и только что принял башкир в свое заведывание. Я приехал в Уфу, — прискал, чтобы хлопотать о скорейшей выдаче мне денег как на продовольствие голодающих, так и на обсеменение полей нуждавшихся башкир.

— Как вы кстати! — такими словами встретил меня Аксаков, поднимаясь с своего кресла, когда я вошел в его кабинет, где он сидел за какой-то работой около большого письменного стола, стоявшего посредине комнаты.

— А я только что о вас думал, — продолжал он, протягивая мне свою руку и усаживая меня рядом с собой в кресло. — Мы вам ассигновали тысячу рублей на продовольствие голодающих и две тысячи на обсеменение полей. Больше не могли, — добавил он, разводя руками и как бы извиняясь передо мной.

Затем Григорий Сергеевич принялся обстоятельно расспрашивать меня о положении моего участка, а я подробно передавал ему все, что видел, да и все то, что чувствовал в ту минуту, под свежим впечатлением того, что мне довелось только что видеть, объезжая мой участок. А чувствовал я тогда много, потому что был молод, а, главное, был еще чист сердцем, не искусившись в житейской мудрости. Я рассказал ему, как голодают башкиры, чуть не целыми деревнями, что я видел людей худых, похожих на скелеты, видел распухших и посиневших от голода, видел нагих — и не в одиночку, а целыми семьями. Наконец, что я видел много больных и умирающих с бредом о хлебе, об одном хлебе.

¹ Баландин А. И., П. И. Якушкин. Из истории русской фольклористики. М.: Наука, 1969, с. 107, 319; Русский архив, 1915, вып. 9—10, с. 58. Вениамин Осипович Португалов (1835—1896) — известный писатель-публицист и врач.

— Ах, бог мой! Это ужасно! — такими восклицаниями Аксаков, то и дело, прерывал рассказ мой о всех ужасах нужды и голода, при чем я не раз заметил набегавшие на его глаза слезы. Когда же я выразил жалобу и даже неудовольствие на скудость ассигнованной в мое распоряжение суммы, то он, перебивая меня, сказал:

— Знаю, знаю, что нужда велика и что денег, отпущенных вам, мало, чтобы помочь всем нуждающимся, но что же будете делать: ваш участок не один, в губернии есть места, в которых население находится в еще более худшем положении, чем ваши башкиры. Будет можно — прибавим на ваш участок еще. Я уже писал в Петербург и даже лично просил министра, — добавил он как бы мне в утешение...

Сказавши это, Григорий Сергеевич проводил меня до дверей кабинета и на прощанье опять крепко пожал мою руку.

Кажется, ничего особенного свидание мое с Аксаковым в себе не заключало. Ну, просто это был прием вежливого, деликатного, вполне интеллигентного человека, — но вот, подите-ж, я вышел из его кабинета как бы окрыленным. Такова была сила сознания, что к тому делу, которому ты призван служить, относятся не только не безучастно, но и сердечно»¹.

Нам известны четверо детей Григория Сергеевича и Софьи Александровны Аксаковых: Ольга, Сергей, Наталья и Константин. Старшая дочь Ольга родилась в Симбирске 26 декабря 1848 г.²

Ольга Григорьевна Аксакова (1848—1921), любимая внучка писателя, это ей он посвятил «Детские годы Багрова внука». Среди потомков писателя ей принадлежит особая роль прежде всего потому, что она, собрав богатейший архив талантливых представителей семейства Аксаковых, сохранила его, частично опубликовав, и остальное передала на хранение.

В 1889 г. она основала кумысолечебное заведение, ныне санаторий им. С. Т. Аксакова вблизи г. Белебей. Здесь она до революции «владела небольшим образцовым имением, поставлявшим в ее же кумысолечебницу молочные продукты, мясо, овощи». Старожил, полковник Михаил Акимович Лазаревский помнит Ольгу Григорьевну Аксакову. Он «Видел несколько раз в 1910—

1912 гг. в сельской церкви [в с. Надеждино] на богослужении, ему запомнилось и казалось странным то, что все молились стоя, а ей ставили стул.

Была она низкого роста, очень полная, седая, с розовым лицом. Ее обычно сопровождала другая старушка — сутулая, почти горбатая, худая, стриженная, с черными с проседью волосами». Говорили, что они сестры»¹.

В статье куйбышевского историка — краеведа, недавно умершего, Федора Гавриловича Попова «Потомки С. Т. Аксакова» были опубликованы сведения о последних годах жизни Ольги Григорьевны Аксаковой. Приводим их ниже. С 1914 года Ольга Григорьевна жила в селе Языково, Могутовской волости, Бузулукского уезда, ныне — Борский район Куйбышевской области. Там же она и умерла 7 апреля 1921 года. В 1920 году «по предложению уездного комитета партии Бузулукский исполком назначил ей постоянную пенсию... Старожилы села Языково с уважением вспоминают Ольгу Григорьевну, подчеркивая ее гуманность, патриотизм.

О прогрессивных взглядах Ольги Григорьевны свидетельствуют такие факты. После Октябрьской революции в школах было отменено преподавание закона божия. Под влиянием агитации враждебных элементов многие крестьяне с. Языково перестали пускать в школу детей. Тогда Ольга Григорьевна собрала родителей, поговорила с ними и убедила в неразумности этой своеобразной «забастовки». И ребята снова стали посещать школу.

В апреле 1919 года Языково оказалось в «ничейной» полосе, между частями Колчака и дивизией В. И. Чапаева. Как раз в день пасхи в село заскочил небольшой отряд белогвардейцев. Как и везде, куда они приходили, белогвардейцы начали искать тех, кто активно поддерживал советскую власть. Но доносчиков среди крестьян не нашлось. Тогда колчаковцы предъявили крестьянам обвинение в том, будто они «обижали барыню», то есть О. Г. Аксакову. Крестьяне ожидали большие неприятности. Узнав об этом, Ольга Григорьевна приехала в сельское правление, где хозяйничали колчаковцы, и категорически опровергла обвинение, заявив, что ее никто и никогда не обижал.

В годы гражданской войны, когда страна была в

¹ Добротворский П. И. Первая голодовка. — Русские ведомости, М., 1892, № 32.

² ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, л. 11.

¹ Журбенко Е. Строки об аксаковских местах. — Вперед (г. Белебей), 1983, 4 октября. М. А. Лазаревский ошибается. Сестру Ольгу звали Натальей, она умерла до 1886 г.: в Формулярном списке отца указаны только дети Ольга и Сергей. См. ГАКО, ф. 430, оп. 1, д. 1985, л. 11.

огненном кольце интервентов и белогвардейцев, Ольга Григорьевна сочувственно относилась к борьбе советского народа. Она говорила крестьянам: «Пусть будет советская власть: если победят чужеземцы, от них нельзя ждать хорошего для русского народа».

Принимала Ольга Григорьевна и посильное участие в культурно-просветительной работе на селе. Несмотря на преклонный возраст, она живо интересовалась деятельностью сельского драмкружка, приходила на репетиции, помогала своими советами. В дружеских беседах с молодежью она выражала уверенность в том, что наш народ преодолеет разруху в стране и добьется небывалых успехов. Крестьяне с уважением относились к внучке писателя и старались, чем могли, услужить и помочь ей в эти тяжкие годы¹.

В Уфе у Аксаковых родился сын Константин Григорьевич 14 января 1864 года, на его крестины приезжала Ольга Семеновна Аксакова с дочерью Верой и сыном Иваном². О судьбе Константина Григорьевича нам, к сожалению, ничего неизвестно.

В разделе объявлений Оренбургские губернские ведомости сообщали в 1865 г.: «Отъезжает в Германию и Бельгию действительная статская советница [Софья Александровна] Аксакова с дочерьми Ольгой и Натальей»³.

28 августа 1861 г. в Уфе у Аксаковых родился сын Сергей, на крестины которого в Уфу приезжали Ольга Семеновна Аксакова и Александр Максимович Княжевич, последний записан крестным отцом⁴.

Сергей Григорьевич Аксаков служил в земском отделе (1887), комиссаром по крестьянским делам Влоцлавского уезда Варшавской губернии (1888), земским начальником Бузулукского уезда (1891), умер 8 ноября 1910 года в Петербурге, погребен в имении Страхово Самарской губернии. 29 апреля 1884 года он женился в Петербурге на дочери капитана 1 ранга, Серафиме Ивановне Свешниковой⁵.

У Сергея Григорьевича и Серафимы Ивановны Аксаковых было четверо детей.

¹ Попов Ф. Г., указ. соч., с. 124, 126, 127.

² ЦГА БССР, ф. 294, оп. 2, д. 5, Метрическая книга Ильинской церкви, л. 2 об. 3.

³ Оренбургские губернские ведомости, 1865, № 18, 1 мая, с. 121.

⁴ ЦГА БССР, ф. 294, оп. 2, д. 2, Метрич. книга Троицкой церкви, л. 25 об. 26.

⁵ Сиверс А. А., указ. соч., с. 97.

Мария Сергеевна Аксакова родилась 6 марта 1885 года в Петербурге.

Елизавета Сергеевна умерла на втором году жизни, в 1888 году, погребена в Петербурге в Новодевичьем монастыре вместе с бабушкой своей, женой контрадмирала Елизаветой Николаевной Свешниковой, урожденной Софири.

Константин Сергеевич Аксаков родился 4 октября 1888 года в Царском селе.

Сергей Сергеевич Аксаков родился 24 декабря 1890 года в Самаре, воспитывался в Александровском лицее¹.

К сожалению, о первых троих нам ничего неизвестно.

Правнук писателя, Сергей Сергеевич Аксаков, известный композитор, «музыкальное образование получил в Москве под руководством крупнейших музыкальных деятелей: композитора А. Т. Гречанинова и профессора К. Н. Игумнова. С 1916 года Сергей Сергеевич жил в Китае, сначала в Харбине, работал на Китайско-Восточной железной дороге, преподавал в городской высшей музыкальной школе. Затем он был приглашен в качестве профессора в Китайскую государственную консерваторию в Шанхае, где проработал 25 лет.

В 1954 году С. С. Аксаков вернулся с семьей (супруга и две дочери) на родину. Министерство культуры направило его для музыкально-педагогической работы в Минск», где он преподавал в музыкальном училище. Он был членом Союза композиторов СССР, автором многих музыкальных произведений. В 1961 году Союз композиторов и общественность Минска отметили его семидесятилетие².

Широко известна его симфоническая поэма «В Туровской пуще», написанная на стихи поэта В. Дубовки, посвящена воинам Советской армии и партизанам, сражавшимся в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. На мотивы стихов поэта Якуба Колоса им написана поэма для оркестра «Лесная сказка»³.

С. С. Аксаков умер на 78-м году жизни, 4 сентября 1968 года в Минске⁴.

В некрологе С. И. Машинский писал: «Когда уходят из жизни представители прославленных фамилий, возни-

¹ Сиверс А. А., указ. соч., с. 98.

² Попов Ф. Г., указ. соч., с. 125, 126.

³ Тверской Игорь. Продолжается «династия» Аксаковых. Советская Башкирия, 1963, 9 октября.

⁴ Вернад Г. В., Ямпольский И. М. Советские композиторы и музыковеды, т. 1, М., 1978, с. 19.

кает такое ощущение, словно обрывается какая-то живая нить истории... И вместе с тем еще острее чувствуешь, сколь неразрывно связаны между собой век нынешний и век минувший, сколь едино и непрерывно в своем историческом развитии то, что мы называем духовной культурой народа¹.

Клавдия Степановна Аксакова, жена композитора, сообщила интересные подробности о своей семье: «Ирина Сергеевна старшая с 1939 г. 31 августа рождения носит фамилию Аксакова, у нее сын Сергей Витальевич Аксаков с 1963 г. 6 апреля рождения. По просьбе Сергея Сергеевича носит фамилию, как дочь, чтобы не угасал род Аксаковых. Ирина Сергеевна закончила Минский театральный институт и работает художественным руководителем в Московском физико-математическом институте.

Младшая дочь Ольга Сергеевна с 1942 г. 1 ноября рождения носит также фамилию Аксакова, у нее дочь Наталья Валериевна Зайцева с 1966 г. 16 декабря рождения. Сейчас живут в Минске. Ольга Сергеевна Аксакова работает в Минском музее изобразительных искусств».

Из дальнейшей переписки с К. С. Аксаковой нам известно, что у нее есть еще одна внучка Катенька Зайцева, которой в 1980 году исполнилось шесть лет.

Внуки С. С. и К. С. Аксаковых — Сергей, Наталья и Екатерина являются прапраправнуками С. Т. Аксакова.

Глава XIII

И. С. АКСАКОВ.

Иван Сергеевич Аксаков — известный общественный деятель, писатель и публицист-славянофил, третий сын Сергея Тимофеевича Аксакова. И. С. Аксаков родился 26 сентября (8 октября) 1823 года в с. Надеждино, вблизи города Белебея Уфимской губернии; умер он 27 января (8 февраля) 1886 года в Москве. Окончил курс в училище Правоведения в Петербурге в 1842 году. Служил в Москве в Сенате секретарем, потом в Калуге товарищем председателя Уголовной палаты; затем перешел на службу в Министерство Внутренних дел; в 1852 году вышел в отставку. Во время Крымской войны он вступил в Мос-

ковское ополчение. В 1866 году он женился на Анне Федоровне Тютчевой (1829—1891), дочери поэта Ф. И. Тютчева.

Ценным материалом для изучения его биографии служит издание его писем. Биография И. С. Аксакова до сего времени не написана. Краткие биографические сведения о нем можно найти в энциклопедических словарях; более подробные сведения о творческом пути его даны во вступительной статье А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского к сборнику стихотворений и поэм И. С. Аксакова. Там же помещена и автобиография автора, написанная в апреле 1861 года¹.

В последние два десятилетия интерес к общественной и литературной деятельности И. С. Аксакова возрос: были опубликованы обстоятельные исследования по этим вопросам М. Н. Зубкова, Н. И. Цимбаева и А. С. Курилова.

М. Н. Зубков, подробно разбирая аксаковскую поэму «Бродяга», писал: «Первая часть поэмы «Бродяга» была закончена к концу 1848 года. Аксаков приступил к работе над второй, продолжая, однако, вносить изменения и дополнения в уже написанную первую часть. В письме от 23 ноября 1849 года он писал из Ярославля А. Смирновой: «Оцепенение разбилось» и «Бродяга» поплыл своим потоком. Недели с три тому назад, после 10-месячного молчания, принялся я снова за стихи... Написал целую главу, в которой изображается кабак во всей своей трагической красоте. Если успею... напишу и вторую главу, которая приводит Алешку в Астрахань. Это будет половина второй части». «Первую часть «Бродяги» Аксаков опубликовал в первом томе «Московского сборника» за 1852 год с подзаголовком «Очерки в стихах», а затем в газете «Парус» (№ 2, 1859) напечатал отрывки из последующих глав. Аксаков и далее работал над поэмой, но очень медленно, от случая к случаю. Основная работа над поэмой приходится на вторую половину 40-х годов, когда идеи Белинского, Герцена, «натуральная школа» оказывали исключительное воздействие на русскую литературу, и в частности на поэзию. Влиянием Белинского, демократическим направлением объясняем мы столь необычный для того времени по своей смелости и глубине замысел написать поэму, широко, многосто-

¹ Машинский С. С. С. Аксаков. — Литературная газета, 1968, № 42, с. 5.

¹ Дементьев А. Г., Калмановская Е. С. Иван Сергеевич Аксаков. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта, большая серия. Второе изд., Л., 1960.

ронне отражающую народную жизнь. В 1849 году Аксаков был арестован. На допросе в 111 отделении ему был предложен вопрос: «Объясните, какую главную мысль предполагается выразить в поэме «Бродяга» и почему избрали беглого человека предметом сочинения?» Аксаков отвечал: «Отчего выбрал я бродягу предметом сочинения? Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным, оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни, оттого, что бродяга, гуляя по России как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах, оттого, наконец, что этот тип мне, как служащему столько лет по уголовной части, хорошо знаком. Крестьянин, отправившийся бродить вследствие какого-то безотчетного влечения по всему широкому пространству русского царства (где есть разгуляться), потом наскучивший этим и добровольно являющийся в суд, — вот герой моей поэмы».

«Во второй части поэмы Аксаков собирался... показать низовья Волги с ее беглым народом... Поэма, как видим, — большого эпического размаха, поэма о народе, о России, о России народной. Сюжет здесь такой же емкий, как и в поэме «Кому на Руси жить хорошо». И в той и в другой поэмах отправляются в путь крестьяне; беглые крепостные стали главными героями высокого жанра... Герой в поэме «Бродяга», как и в поэме «Кому на Руси жить хорошо», — народ. Дельцы, подрядчики, чиновная бюрократия даны сатирически. У Аксакова помещиков, собственно, нет, но о них говорят беглые крестьяне и говорят, как о своих врагах, преследователях... Картины и образы поэмы автор пронизал пафосом вольнолюбия, стремлением народа к лучшей доле.

Как и Некрасов, Аксаков поэтизирует труд... Аксаков прекликается здесь с представителями передовой русской литературы. Своим особым путем, путем славянофильских исканий народной души он шел к демократизму»¹.

Н. И. Цимбаев в своей книге обстоятельно осветил общественную деятельность И. С. Аксакова в пореформенной России².

К сожалению, не все выводы автора, на наш взгляд, достаточно обоснованы. Как известно, И. С. Аксаков не-

¹ Зубков М. Н. Предшественники Некрасова в создании народной героической эпопеи (И. С. Аксаков, И. С. Никитин). В кн.: Некрасовский сборник, т. 4, Некрасов и русская поэзия. Л.: Наука, 1967, с. 40—56.

² Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., изд. МГУ, 1978.

которое время служил в обществе взаимного кредита. С. А. Розанова по этому поводу пишет: «И. С. Аксаков сочетал издательскую деятельность со службой в Московском обществе взаимного кредита, что облегчало его положение как издателя»¹.

Н. И. Цимбаев также справедливо отмечает, что «Служба в Правлении Московского купеческого общества взаимного кредита упрочила материальное положение Аксакова, позволила частично расплатиться с долгами по изданию «Дня». Однако в той же книге, ниже, автор, противореча фактам и собственным выводам, называет И. С. Аксакова банковским дельцом².

А. С. Курилов подготовил сборник литературно-критических статей братьев Константина и Ивана Аксаковых, дал к нему комментарии и написал вступительную статью, некоторые положения из которой мы ниже приводим³.

4 марта 1849 года был арестован и заключен в Петропавловскую крепость славянофил Ю. Ф. Самарин, выступивший в своих «Письмах из Риги», которое получили широкое распространение в рукописи, с критикой прибалтийских дворян-немцев, а 17 марта такая же участь постигла Ивана Аксакова (правда до крепости дело не дошло), который посмел в своих письмах к московским друзьям возмутиться арестом Самарина и советовал им быть поосторожнее.

Письма И. С. Аксакова «были перехвачены полицией и дали основание подозревать в их авторе и адресатах участников какого-то заговора против правительства. Найти «подпольную организацию» не удалось, тем не менее Самарин был сослан в Симбирск, а Иван Аксаков милостиво отпущен... под негласный надзор полиции. Вскоре Ивана Аксакова перевели на службу в Ярославль, а попросту говоря, отправили подальше от Петербурга»⁴.

В 1852 году Иван Сергеевич Аксаков принимает на себя редактирование славянофильского «Московского

¹ Розанова С. А. Примечания к письму от 7 февраля 1891 г. Н. С. Лескова Л. Н. Толстому. В кн.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями, изд. 2-е, в 2-х томах, М.: Худ. лит., 1978, т. 2, с. 242.

² Цимбаев Н. И., указ. соч., с. 217.

³ Курилов А. С. Константин и Иван Аксаковы. В кн.: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М.: Современник, 1981.

⁴ Курилов А. С., указ. соч., с. 19.

Сборника». Первый том (всего предполагалось издать 4 тома) вышел в 1852 году и сразу же привлек к себе внимание не только литературной общественности, но и царской цензуры, всерьез озабоченной его направлением, выраженным прежде всего в статьях самого редактора — «Несколько слов о Гоголе» и «Об общественной жизни в губернских городах».

В первой статье, открывшей сборник, была дана, вопреки цензурным распрямлениям, восторженная оценка творчества великого русского писателя как «подвига жизни», подвига чистого, высокого и искреннего, несмотря на ошибку издание его «Выбранных мест из переписки с друзьями». Во второй И. Аксаков «яростно и со знанием дела» обличал провинциальное дворянство, своим «обличительным пафосом» напоминая «художественные произведения молодого А. И. Герцена».

Второй том «Московского Сборника» вообще был запрещен, рукопись его конфискована, а авторам, среди которых находились виднейшие славянофилы, в том числе Константин и Иван Аксаковы, было высочайше повелено все свои сочинения «представлять отныне для цензуры не в Московский цензурный комитет, а в Главное управление цензуры, в Петербург», что было равносильно запрету печататься. Сверх того, Иван Аксаков лишился «на будущее время права быть редактором какого бы то ни было издания»¹.

«Известно, что до кончины Николая I славянофилы не имели права ничего писать и состояли под явным полицейским надзором»².

«Вынужденное бездействие тяготило и угнетало Ивана Сергеевича. Он просится в кругосветное путешествие на военном корабле — ему отказывают. С огромной охотой принимает он предложение Географического общества изучить и описать украинские ярмарки и в конце 1853 года на целый год отправляется на Украину. Через четыре года его «Исследование о торговле на украинских ярмарках» было опубликовано и удостоено большой медали Общества и половинной премии Академии наук.

Осенью 1854 года началась одиннадцатимесячная героическая оборона русскими войсками Севастополя в

Крымской войне, и 18 февраля 1855 года Иван Аксаков, которому, как он писал родителям, «совестно» было находиться дома, когда «люди дерутся и жертвуют», записывается в Серпуховскую дружину Московского ополчения. Вместе с дружиной он совершает поход на Одессу и дальше — в Бессарабию. Потом некоторое время работает в комиссии по расследованию интендантских злоупотреблений во время войны, а затем, в начале 1857 года, уезжает за границу.

Там по приглашению Герцена он посещает Лондон и становится на какое-то время одним из тайных герценовских корреспондентов»¹.

Вернувшись на родину в конце 1857 года, И. С. Аксаков уходит полностью в литературную и общественную деятельность. Сначала он принимает участие в издании славянофильского журнала «Русская беседа», затем становится его редактором. Позже начал было издавать газету «Парус», которая начала выходить с января 1859 года, но была закрыта уже на втором номере.

«В 60-е годы он издает газеты «День» (1861—1865) и «Москва» (1867—1868), на страницах которых открыто критикует внутреннюю и внешнюю политику царизма, особенно в области национальной экономики и в славянском вопросе». Издание этих газет неоднократно приостанавливалось царским правительством на срок от трех до шести месяцев. В результате «День» был вынужден вообще прекратить свое существование, а «Москва» в конце концов была закрыта»².

Высокая оценка литературной и общественной деятельности Ивана Сергеевича Аксакова дана С. И. Машинским в «Краткой литературной энциклопедии», но там ничего не сказано об участии И. С. Аксакова в Вольной русской печати за границей. Нам думается, что биография И. С. Аксакова со временем должна быть дана с учетом всего выявленного литературного наследия³, включая его бесцензурные статьи в «Колоколе» и «Полярной звезде», а также переписку его с А. И. Герценом⁴.

¹ Курилов А. С., указ. соч., с. 21.

² Там же, с. 22.

³ Наиболее полная библиография А. С. Аксакова приведена в кн. История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. М.-Л., АН СССР, под ред. К. Д. Муратовой, 1962.

⁴ Письма И. С. Аксакова к А. И. Герцену хранятся в подлиннике в Рукописном отделе Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 69 (Герцена и Огарева).

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1, т. 1—3, М., 1888—1896, ч. 2, т. 4, СПб.

² Энгельгардт Николай. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1708—1903), СПб., изд. А. С. Суворина, 1904, с. 300.

Остановимся на малоизвестных фактах жизни и творчества И. С. Аксакова.

В «Автобиографии» И. С. Аксаков писал, что без его ведома в 1857 году напечатаны в Лондоне, в «Полярной звезде» его «Судебные сцены», или «Присутственный день Уголовной палаты».

Отрицание И. С. Аксаковым своего участия в **Вольной русской** печати Герцена было вынужденным — во избежание политического преследования со стороны царских властей. Н. Я. Эйдельман в своей книге «Тайные корреспонденты «Полярной звезды» обращает внимание на то, что опубликованные М. П. Драгома-

новым в его газете «Вольное слово» (Женева, 1883 г.) письма И. С. Аксакова и других лиц Герцену, впервые предавали гласности ряд секретных корреспонденций и открывали имена тайных корреспондентов Вольной русской печати¹.

В своей книге Эйдельман подробно исследует переписку И. С. Аксакова с Герценом, а также историю издания в «Полярной звезде» «Судебных сцен», которые были опубликованы Герценом в 1858 году. Как сказано выше, Иван Аксаков был за границей и в августе 1857 года встречался в Лондоне с Герценом. Тогда же они, видимо, договорились о тайных конспиративных путях и связях для передачи материалов из России в Лондон².

Однако И. С. Аксаков, за которым в России было установлено наблюдение с 1849 года, соблюдал большую осторожность. Все его письма Герцену были посланы с оказией. Не менее осторожно поступал и Герцен со своими корреспондентами из России. Поэтому все оставалось в тайне.

Высокую оценку дал Герцен Ивану Аксакову после встречи с ним в Лондоне: «Наиболее интересное лицо — сын Аксакова (брат ярого славянофила), человек боль-

¹ Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, с. 265.

² Там же, с. 84.

шого таланта, сам немного славянофил, человек с практической жилкой и принципиальностью. Он сказал, что влияние наших изданий огромно, что мир чиновников их ненавидит и боится, но что вся молодежь не желает ничего признавать, кроме «Колокола» и «Полярной звезды»¹.

О встрече с Иваном Аксаковым Герцен писал И. С. Тургеневу: «Мы с ним очень, очень сошлись»².

В «Предуведомлении» к «Судебным сценам» И. С. Аксаков писал: «Многим покажутся скучными эти сцены, но пусть они поскучают. Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения — я убежден — поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но и на самом деле и по опыту»³.

О содержании и характере «Судебных сцен» начинавшее их предисловие «От издателя» говорило следующее: «Судебные сцены» были нам присланы два раза, оба раза с другими рукописями, напечатанными в четырех книжках «Русских голосов». Мы медлили в издании этого превосходного произведения, во-первых, потому, что такое сочинение составляет значительную литературную собственность; во-вторых, думая, что при новом порядке вещей «Судебные сцены» могут быть напечатаны в России; но, кажется, что романтические преследования взяток и бесправия так далеко не идут. Через два года мы решаемся их напечатать, извиняясь о самовольном поступке перед неизвестным автором. Нам было бы очень больно, если б он был этим недоволен. Голосам из России⁴ мы не могли уступить такую пьесу, мы ее, как почетного гостя, сажаем на первое место — в наш красный угол»⁵.

А. И. Герцену и Н. П. Огареву действительно нравились «Судебные сцены», но им хотелось сказать публично

¹ Цитата Герцена приводится из его письма М.-А. фон Мейзенбург от 20 августа 1857 г., т. 26, с. 114.

² Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, кн. 2, 1976, с. 364.

³ Полярная звезда, кн. 4, Лондон, 1858, с. 6. Ссылка приводится по факсим. изд., в 1—8, М., 1966—1968; в. 9 — указатель. М., 1968.

⁴ Голоса из России — периодический сборник, издаваемый Герценом и Огаревым в Лондоне в 1856—1860 гг. — авт.

⁵ Герцен А. И. От издателя. — Полярная звезда, в. 4, с. 8.

побольше приятных слов их автору, имя которого в Лондоне отлично знали. И. С. Аксаков, прочитав предисловие Герцена, отвечал: «Благодарю Вас за отзыв в «Полярной звезде». Он так искусно написан, что мне до сих пор никаких запросов не было»¹.

Герцен называл «Судебные сцены» «гениальной вещью». Разоблачавшие всю систему царского судопроизводства, эти «сцены» сыграли «заметную роль в формировании антикрепостнических настроений, в подрыве устоев существующей системы общественных отношений. В 1861 году Герцен публикует еще одно сочинение Ивана Аксакова — мистерию «Жизнь чиновника», которая была написана молодым автором в 1843 году и отличалась сатирическим изображением русского чиновничества. Такого рода произведение не могло быть издано в России; оно получило распространение в списках, один из которых и попал в Лондон. Естественно, что оба сочинения увидели свет без имени автора»².

В 1931 году Президент Академии наук СССР А. П. Карпинский сообщал дочери А. И. Герцена, Н. А. Герцен, о подготавливаемом Академией наук переиздании «Колокола»: «Издание Академии наук имеет, однако, в виду не только воспроизведение великого памятника русской общественной мысли в виде «Колокола», но и снабжение его обширным научным аппаратом. Этот последний будет иметь своей ближайшей задачей установление авторства статей и корреспонденций «Колокола», путей, по которым редакция последнего получала свои сообщения, установление доли участия в «Колоколе» таких деятелей, как И. С. Тургенев, В. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков и т. д.»³.

В упомянутой выше книге Эйдельман отмечает: «Историческая справедливость требовала найти имена тайных корреспондентов Герцена и Огарева. Корреспонденты не искали славы. Каждая статья и заметка могла быть оплачена ссылкой в Сибирь... Читатели в России ждали и получали все это впервые с большим риском, конспиративно, вопреки всем цензурам и запретам.

О тесном сотрудничестве И. С. Аксакова в «Колоколе» Герцена стало известно лишь после издания «Систематизированной росписи», которая установила авторство

статей и заметок корреспондентов журнала «Колокол»¹. Несмотря на то, что «Систематизированная роспись статей и заметок» была опубликована еще в 1857 году, до сих пор в литературоведении не было достаточно заострено внимание на этой стороне деятельности, весьма важной для оценки общественно-политической характеристики И. С. Аксакова.

Активное участие И. С. Аксакова в Вольной русской печати Герцена не означало, конечно, полного совпадения взглядов его с издателем. Герцен боролся за Ивана Аксакова, помещая на страницах «Колокола» критический разбор газеты «День», издаваемой И. С. Аксаковым в России.

И. С. Аксаков выступал в «Колоколе» под псевдонимом — Касьянов. Его авторству принадлежит 37 статей и заметок обличительного характера². Рассмотрим некоторые из них.

«Мы получили от польского корреспондента, которого искреннейшим образом благодарим, — имена лиц, которые находятся теперь за границей, и которых прогрессивное правительство петербургское велело задержать на первой польской станции железной дороги... Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний — и какая исполинская колоссальная глупость нашего правительства»³. В списке названо 21 имя, среди них Ф. Достоевский, В. Стасов, П. Загоскин, Н. Рубинштейн и другие. Польским корреспондентом Герцен именует И. С. Аксакова, а под польской станцией следует подразумевать пограничную русскую.

В статье «От Центрального, Народного, Польского Комитета в Варшаве гг. издателям «Колокола»⁴ И. С. Аксаков излагает основы польского движения: признание права крестьян на землю, обрабатываемую ими, и право каждого народа на самоопределение; призыв к братскому союзу между русскими и польскими народами. На эту статью И. С. Аксакова Герцен помещает в следующем номере «Колокола» ответ «Центральному Польскому Комитету в Варшаве»⁵, где отмечает: «...что касается до нас, нам легко с Вами идти. Вы идете от признания прав крестьян на землю, ...вы признаете право всякого на-

¹ Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок. М.: изд. Всесоюзной Книжной Палаты, 1957.

² Там же, с. 412.

³ Колокол, 15 августа, 1862, с. 1172.

⁴ Там же, 1 октября, 1862, с. 1205—1206.

⁵ Там же, 15 октября 1862, с. 1213.

¹ Эйдельман Н. Я., указ. соч., с. 82.

² Курилов А. С., указ. соч., с. 21, 22.

³ Рогова Н. С. К истории архива А. И. Герцена. — Исторический архив, 1962, № 1, с. 95.

рода располагать своей судьбой. Это наши основы, это наши догмы, наши знамена». И. С. Аксакова продолжает волновать судьба польского восстания и в 1863 и 1864 гг., о чем свидетельствуют его статьи «Первое мая» — о роли западноевропейских государств в подавлении Польского восстания¹, и «Освобождение крестьян в Польше»².

Статья «Восточная Галиция» о замышляемой русским правительством интриге в Галиции напечатана Герценом по материалам И. С. Аксакова³.

В связи с осуждением и ссылкой Н. Г. Чернышевского на каторгу Герцену очень необходимы были материалы сенатского следствия. Эти материалы отправил Герцену И. С. Аксаков. Опубликовав «Дело Чернышевского»⁴, Герцен разоблачил сфабрикованное 111 Отделением обвинение Чернышевского в том, что он намеревался издавать «Современник» за границей вместе с Герценом⁵.

Мы назвали лишь несколько статей, но и по ним уже можно судить о деятельности в Вольной русской печати И. С. Аксакова как публициста.

Н. Я. Эйдельман в своей книге подробно останавливается на борьбе В. И. Ленина против части левацки настроенных (К. Левин и др.), считавших Герцена либералом, не видевших его исторической роли⁶. Эйдельман пишет: «В. И. Ленин не хотел отдавать Герцена противникам. В первых же строках статьи «Памяти Герцена» В. И. Ленин пишет о революционере Герцене, выделяя слово «революционер» курсивом⁷. Отсюда ясно, что на герценовскую Вольную типографию — великое практически революционное дело — В. И. Ленин обращает особое внимание: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчанье было нарушено»⁸.

Вместе с Герценом заслугу создания Вольной русской печати разделяют десятки корреспондентов, выступавших в ней с обличительными статьями, в их числе находится и И. С. Аксаков.

¹ Колокол, 15 мая 1863, с. 1341.

² Там же, 20 марта 1864, с. 1498.

³ Там же, 1 сентября 1866, с. 1860.

⁴ Там же, 1 января 1865, с. 1581—1586.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах, т. 18, с. 487.

⁶ Эйдельман Н. Я., указ. соч., с. 271.

⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений, 1966, т. 21, с. 255.

⁸ Там же, с. 258—259.

Теперь проследим, каким же образом обличительные материалы о зверской эксплуатации крестьян на горных заводах Оренбургской губернии попали от Аксаковых к Герцену.

В 1859 году умирает отец, Сергей Тимофеевич Аксаков. Вскоре прекращает свое существование «Русская беседа». «Отказывают Ивану Сергеевичу Аксакову в просьбе об издании новой газеты — «Дело». Было от чего прийти в отчаяние»¹.

«Иван Сергеевич Аксаков выехал из Москвы 4 января 1860 года — это была его вторая поездка за границу»².

Переехав границу, Иван Сергеевич Аксаков сразу же отправляет по почте Герцену в Лондон большую посылку, в которой, видимо, и находились материалы по заводам. Во всяком случае, на такой вывод наводит ответное письмо Герцена и Огарева И. С. Аксакову от 31 января 1860 года. Приводим здесь это письмо:

«Здравствуйте на Западе, любезнейший Иван Сергеевич, — письмо ваше и посылка были праздником для нас. Мы искренно и много любим и уважаем вас. Хорошо бы вы сделали, если б приехали освежить нас неводской водой (не ваша вина, что она не чище откупной водки).

Что это за комическое лицо — Алекс[андр] II! Слабость не только мать пороков, но ошибок. И жаль его, а я думаю, придется сделать ему по службе строжайший выговор со внесением в «Колокол» и оставить его на Барановых и Адлербергов.

С тех пор, как мы не виделись, партии обозначились больше.

Мне досадно, что вы не говорите о ряде моих статей «Русские немцы» в «Колок[оле]», особенно о последней (15 декабря). Если теперь славяне не видят, что мы представляем разное, но родственное с ними направление, а с западниками — разное и враждебное, — не наша вина. Напишите мне об этом (если у вас нет, я тотчас вышлю №№) и скажите ваше мнение. Нам очень бы надобно повидаться для того, чтобы взять общие меры, настоящую линию действий.

Рукой Н. П. Огарева: ...Не вздумайте отправиться в путешествие, не повидавшись, тем более, что ваше путешествие не так легко, как, может, вам теперь кажется.

Рукой А. И. Герцена: т. е. нам кажется, что в австрийских владениях вам надобно очень остерегаться, —

¹ Курилов А. С., указ. соч., с. 22.

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, с. 348.

там такое озлобление против русских и такая боязнь панславизма.

У нас пошли слухи, что у Юр[ия] Самарина был удар; правда это? Неужели и он пленился чернильными лучами бюрократии?

Пишите, пожалуйста, поскорее, а главное — приезжайте. Посланное вами пришло исправно.

Дружески обнимаю вас.

Вот еще — что же западники? как они нас — побранивают или нет? ¹.

Связь И. С. Аксакова с Герценом видна и из других писем. Так 28 февраля 1860 года Герцен писал И. С. Аксакову в Мюнхен об известиях о Н. Серно-Соловьевиче, обещал ему выслать лист 64 «Колокола», просил его передать письмо Т. П. Пассек и прочесть о нем «анекдот насчет Александра II и «Колокола» ².

28 апреля 1860 года Герцен в ответ на письмо И. С. Аксакова от 16 апреля сообщал, что «посланные им бумаги получены; адрес дворянства Владимирской губернии «очень хорош», обещал напечатать его вместе с «гнусным петербургским» и т. д. ³.

Во все пребывание И. С. Аксакова за границей живая переписка с Герценом не прекращалась; это видно и из письма Герцена И. С. Тургеневу от 11 или 12 января 1861 года:

«О смерти [Константина] Аксакова писал мне Иван Сергеевич. Он умер на острове Занде, куда его послал Шкода для лечения. Иван Сергеевич его перевез в Триест и теперь поехал в Россию с ним. Письмо его ужасно — gloomy ⁴, даже фризирует отчаяние ⁵. Я написал от души несколько строк ему в память» ⁶.

Таким образом, хотя личная встреча с Герценом и не состоялась, связь между ними прослеживается довольно отчетливо; а главное — из их писем видно, что Герцен не раз получал материалы от И. С. Аксакова для «Колокола».

В эту поездку за границу И. С. Аксаков очень интенсивно пополнял свое образование: слушал многочислен-

ные лекции лучших профессоров в различных европейских университетах.

Вернувшись из-за границы, И. С. Аксаков продолжал жить со своей семьей, «из которой смерть постепенно уносила всех членов ее, — пока наконец пережившая почти всех дочерей своих, Ольга Семеновна не переселилась в Киев» ¹. В Киеве в это время проживала ее замужняя дочь, Мария Сергеевна Томашевская.

«Оказавшись на родине в самый разгар предреформенных баталий, И. Аксаков сразу же включается в литературно-общественную борьбу, которая не прекращается до последних дней его жизни» ².

«В 70-е годы широко развернулась деятельность Ивана Аксакова как руководителя Московского славянского комитета. Он принимает непосредственное и самое активное участие в оказании помощи Сербии и Черногории в их войне против Турции, начавшейся в 1876 году. От имени комитета он пишет воззвание к «русской общественной совести», помогает переправлять через границу генерала М. Г. Черняева и отряды русских добровольцев, организует заем сербскому правительству и сбор средств на нужды сербской армии. Московскому славянскому комитету удалось собрать около 800 тысяч рублей, из которых, как отмечал Иван Аксаков, «две трети пожертвований внес... наш бедный, обремененный нуждою, простой народ...»

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Иван Аксаков проводит огромную работу по сбору средств, покупке оружия и переправке его болгарским дружинам. Это «стало его весомым вкладом в борьбу за освобождение балканских славян». 22 июня 1878 года Иван Сергеевич выступил на Собрании Московского славянского благотворительного общества (так с осени 1876 года стали называться славянские комитеты) с резкой критикой решений Берлинского конгресса и позиции, занятой на нем русской делегацией. Позор, заявил он, «Русь — победительница сама добровольно разжаловала себя в побежденную», а сам конгресс есть «не что иное, как открытый заговор против русского народа», против «свободы болгар», «независимости сербов». Царская реакция последовала незамедлительно: Аксаков был выслан из Москвы, а Славянские благотворительные общества вообще ликвидированы.

¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, с. 514.

² Курилов А. С., указ. соч., с. 22.

¹ Герцен А. И., Сочинения в 9 томах, т. 9. М.: Гос. изд. Худож. лит., 1958, с. 457, 458.

² Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, кн. 3, с. 100.

³ Там же, с. 111.

⁴ Мрачно-англ., примеч. Герцена.

⁵ Граничит с отчаянием, с франц., примеч. Герцена.

⁶ Герцен А. И. Собрание соч. в 30 томах, т. 27, кн. 1, с. 127.

Речь Ивана Аксакова стала вершиной его публицистической деятельности, принесла ему «международную известность и признание всех славянских народов, страдавших от турецкого и австрийского гнета». Огромное впечатление произвела она на болгарские демократические круги, внесла заметный вклад в укрепление дружбы наших народов, а часть прогрессивно настроенной болгарской молодежи даже выдвинула его кандидатуру на болгарский престол. Одна из центральных улиц Софии с тех пор носит имя Ивана Аксакова.

В последние годы жизни, получив разрешение на издание газеты «Русь» (1880—1886), Иван Аксаков возвращается в активной литературно-общественной деятельности. Однако вскоре и над этой газетой также нависает угроза закрытия. Положение публициста, издателя, редактора, постоянно неуверенного в завтрашнем дне, удручающе действует на Аксакова. «Как трудно живется на Руси!.. — горько вырывается у него в одном из последних писем. — Есть какой-то нравственный гнет, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не дает установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас».

Предчувствие грядущей расправы на этот раз оказалось для Ивана Сергеевича роковым: сердце его не выдержало и 27 января 1886 года остановилось...»¹

В 1866 году Иван Сергеевич женился на Анне Федоровне Тютчевой, авторе известных мемуаров. Мемуары эти были изданы с обстоятельной вступительной статьей и подробными примечаниями С. В. Бахрушина². Ниже мы приводим из этих материалов некоторые биографические сведения о А. Ф. Тютчевой.

Анна Федоровна Тютчева родилась 21 апреля 1829 года в Мюнхене, где ее отец служил при русской миссии, воспитание получила в Мюнхенском Королевском институте. Отец ее возвратился в Россию в 1844 году. Вскоре, в 1847 году, окончательно переехала в Россию и его дочь Анна, поселившись в отцовском имении Овстуг (Брянский уезд Орловской губернии) вместе со своей мачехой, и часто бывала в Санкт-Петербурге, где в Смоль-

¹ Курилов А. С., указ. соч., с. 22, 23.

² Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания-дневник. Перев. Е. В. Герье. М., изд. М. и С. Сабашниковых, ч. 1—1928, ч. 2—1929.

ном институте воспитывались ее младшие сестры Дарья и Екатерина.

Ф. И. Тютчев, испытывая материальные затруднения, хлопотал через вел. кн. Марию Николаевну о назначении одной из его дочерей фрейлиной к супруге наследника, будущего Александра II — Марии Александровне. В январе 1853 года Анна Федоровна оказалась в царском дворце и пробыла там 13 лет вначале фрейлиной при цесаревне, потом — при императрице и, наконец, гувернанткой при детях Александра II — дочери Марии и младших сыновьях Сергее и Павле. В январе 1866 г. ее служба при дворе прекратилась в связи с замужеством и она переезжает в Москву.

«Попав в среду фрондирующих славянофилов, она восприняла их взгляды и чувства к правящим петербургским сферам...»¹

Как сказано выше, в 1878 г. за речь И. С. Аксакова в Славянском комитете с резкими выпадами по адресу русской дипломатии его выслали из Москвы. Он вместе с женой вынужден был удалиться на время в имение к ее сестре, Екатерине Федоровне Тютчевой, — Варварино. Через полгода опала была снята².

«Законодательница славянофильских салонов Москвы, «неумолимая громовержница», — по словам И. С. Тургенева, — она пользовалась сохранившимися связями с

¹ Тютчева А. Ф., указ. соч. с. 10.

² Там же, с. 10.

царской семьей, чтобы влиять на молодое поколение ее в духе... славянофильских идей»¹.

А. Ф. Аксакова умерла 11 августа 1889 года; остаток жизни она посвятила изданию сочинений и переписки мужа.

Отмечая запущенное состояние аксаковской усадьбы в Бугурусланском районе, Владимир Альтов в статье «Шумят аксаковские ветлы» писал: «Просто стыдно становится, когда узнаешь такое: недавно пришло в Оренбург письмо из Болгарской народной республики, из села Аксакова, названного в честь сына писателя Ивана Сергеевича — известного поэта и общественного деятеля, так много сделавшего в свое время для освобождения Болгарии от османского ига. Руку дружбы протягивают болгарские аксаковцы оренбургским, предлагают обменяться делегациями. Оренбуржцы славятся своим гостеприимством, но, честно говоря, просто неудобно приглашать гостей в наше Аксаково»².

У нас в Башкирии аксаковские места в Белебеевском районе находятся в еще более запущенном состоянии, чем в Оренбургской области. Ничего не сделано в селе Надеждино для увековечения памяти Аксаковых.

До сего времени нигде не упоминалось о пребывании И. С. Аксакова в Уфе. В ЦГА БАССР нами найдена метрическая запись по Ильинской церкви о рождении в Уфе 14(26) января 1864 года у Григория Сергеевича Аксакова сына Константина. Восприемниками были Аксаковы Иван Сергеевич, Вера Сергеевна и их мать — Ольга Семеновна³.

Глава XIV

И. С. АКСАКОВ.

Константин Сергеевич Аксаков — старший сын Сергея Тимофеевича Аксакова — публицист, историк, филолог и поэт. Родился он в селе Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии 29 марта (10 апреля) 1817 года, умер 7 (19) декабря 1860 года в Греции, на острове Закинф (Занте), где он лечился.

Блестяще подготовленный дома отцом, пятнадцатилетний Константин поступает в 1832 году в Московский

¹ Тютчева А. Ф., указ. соч., с. 11.

² Урал, 1978, № 9, с. 100—104.

³ ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 5, л. 2 об. 3.

университет на словесный факультет и в 1835 году оканчивает его. «Это были годы не только увлекательной учебы, но и формирования философских воззрений, гражданской позиции Константина Аксакова, годы общения и дружбы с такими выдающимися людьми того времени, как Н. В. Станкевич и В. Г. Белинский, в то время также учившимися в университете. Именно Белинский предвзрывает первую публикацию К. Аксакова в 1835 году в газете Н. И. Надеждина «Молва» — отрывка из стихотворной драматической пародии «Олег под Константинополем» — шутивным предисловием, где называет автора «человеком с необыкновенным поэтическим дарованием».

После окончания университета Константин Аксаков активно сотрудничает в «Молве», а затем в «Московском наблюдателе», который в 1838—1839 гг. редактировал Белинский... В эти годы происходит сближение Константина Аксакова с И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым, его увлекает развиваемая ими идея преобразования русского общества на народных, самобытных началах. Он становится одним из самых ревностнейших сторонников и пропагандистов этого учения и принимает деятельное участие в его разработке.

Обладая даром страстной, эмоциональной, выразительной речи, умением приковать к себе внимание любой аудитории, Константин Аксаков подумывает о том, чтобы занять университетскую кафедру и с ее высоты прямо и открыто нести молодому поколению будущей России идеи славянофильства. С этой целью он готовит, в 1846 году издает и 6 марта 1847 года защищает диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» на степень магистра русской словесности, где доказывает, что творчество Ломоносова представляет собою важный момент в историческом развитии отечественной поэзии — момент перехода от периода исключительно устного народного творчества к профессиональной литературной деятельности, «изящной» поэзии. Перед молодым ученым открывалась дорога на кафедру. Но в Московском университете вакансий не было, а уезжать из дому в другой город не хотелось, и тогда Константин Аксаков целиком отдается литературно-художественному творчеству. Он пишет пьесы, публицистические и критические статьи, исторические и филологические сочинения, отстаивает и пропагандирует преимущества русского быта и русской одежды перед иностранными.

Его литературно-критические выступления всегда отличались оригинальностью и неизменно вызывали на

спор... Внимательно следила за его деятельностью и царская цензура. Запрещается после первой постановки 14 декабря 1850 года — в день 25-летия восстания на Сенатской площади, что носило в известной мере символический характер, — его драма «Освобождение Москвы в 1612 году». Особенно возмутительными властям показались слова: «Глас народа — глас божий», а также мысль о том, что именно в народе вся правда жизни и вся сила страны и что презирать народ, возвышаться над ним — недопустимо — это прямой путь к потере свободы и независимости, к гибели государства.

Неудачей оканчивается и попытка опубликования в 1852 году статьи о богатырях великого князя Владимира. Цензору показались «неприличными» процитированные автором строки:

Собака, проклятый ты, Калинин-царь.

Вас-то, царей, не бьют, не казнят.

Не бьют, не казнят и не вешают.

...Талант Константина Аксакова как литературного критика, публициста ярко раскрывается во второй половине 50-х годов на страницах славянофильских изданий — «Русской беседы», «Молвы» и «Паруса». Широкою известностью приобрели его передовицы в «Молве» — броские, афористичные, открыто вызывающие своим подчеркнутым народолюбием и категоричностью суждений.

Венцом публицистической деятельности К. Аксакова становится статья «Опыт синонимов. Публика — народ», резко обличающая образ жизни правящих сословий. В ней говорилось: «Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки: народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ — по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ — в русском. У публики — парижские моды. У народа — свои русские обычаи... Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большею частью ногами по паркету), народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ, народ прощает публике. Публике всего полтора года лет, а народу годов не сочтешь. Публика преходяща: народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте; в народе — золото в грязи...»¹.

¹ Курилов А. С. Константин и Иван Аксаковы. В кн.: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М.: Современник, 1981, с. 16—18.

Статья эта, в которой Константин Аксаков прямо заявил, что «у аристократической публики» нет ничего общего с русским народом, обеспокоила правительство. Александр II высказался о ней так: «Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объяснить редакции «Молвы», что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редактор и цензор подвергнутся строгому взысканию». От дальнейшего издания «Молвы» К. С. Аксаков, фактический редактор газеты, и его брат И. С. Аксаков, который хотел выпускать «Молву» и в следующем 1858 году, вынуждены были отказаться»¹.

Полный силы и здоровья, богатырского телосложения, Константин Аксаков был в буквальном смысле сражен смертью отца, последовавшей 30 апреля 1859 года. Не стало «отесеньки» — так ласково, уменьшительно, от слова «отец», называли в их семье Сергея Тимофеевича. Привязанность сына к отцу была настолько велика, что он не смог перенести утраты. Охватившая его невыносимая тоска скоро перешла в чахотку. Его повезли лечиться за границу»².

Мать Константина, Ольга Семеновна Аксакова, «будучи не в состоянии перенести долее разлуку с больным сыном, 27 октября [1860 года] выехала за границу с двумя старшими дочерьми Верою и Любовью. 8 ноября Иван Сергеевич встретил их в Бреславле вместе с Константином Сергеевичем и все вместе поехали на остров Занте, где больной должен был провести зиму; но ровно через месяц его уже не было в живых, и они совершали обратное скорбное путешествие за гробом его в Москву, где бедная мать схоронила своего первенца рядом с могилой Сергея Тимофеевича в Симоновом монастыре»³.

И. С. Аксаков написал биографию и издал после смерти брата собрание сочинений его в трех томах⁴.

О К. С. Аксакове его современниками написано очень много и как о историке, и как о публицисте-славянофиле, и как о литературном критике.

Современная оценка деятельности славянофилов приводится в статье «Славянофильская критика 40—50 гг.»:

¹ Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века, М.: Высшая школа, 1965, с. 171—172.

² Курилов А. С., указ. соч., с. 18.

³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах, т. 3, М., 1892, с. 510.

⁴ Аксаков К. С. Полное собрание сочинений в трех томах, М., 1861, 1875, 1880.

«Хотя споры представителей западнической группы с кругом Хомякова, Киреевских и Аксаковых постепенно отходили на второй план, по сравнению с борьбой нарождавшейся революционной демократии с буржуазно-помещичьим лагерем, все же они, несомненно, сыграли тогда положительную роль, оставив заметный след в идейной жизни России XIX века»¹.

Литературная деятельность К. С. Аксакова протекала в предреформенный период, в условиях острой борьбы славянофилов и западников. В. А. Кошелев, весьма глубоко и всесторонне анализируя всю сложность этой борьбы, пишет:

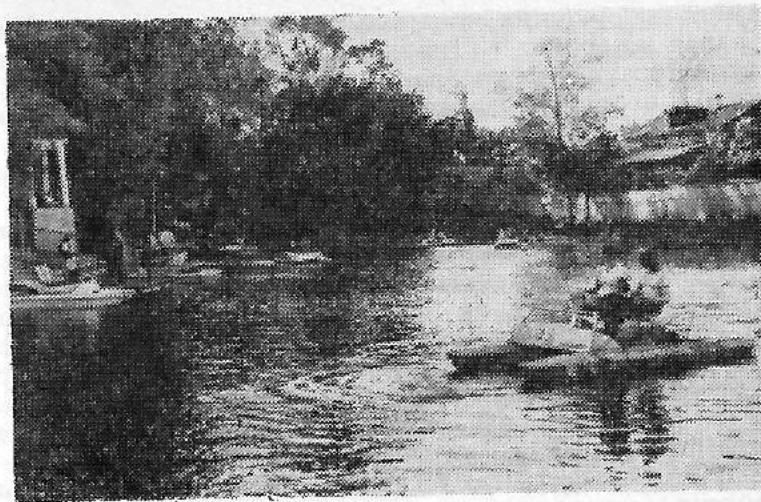
«Часто враждующие литературные течения недостаточно ясно сознают свою преемственность и борются, в сущности, за одно и то же. Еще чаще эта борьба идет на несколько флангов, и одни литературные течения не покрывают и не «зачеркивают» другие. Таковы, например, западничество и славянофильство: обе группировки в литературном движении 1840-х годов нужны и прогрессивны, хотя и антагонистичны. Каждое течение имеет свои оттенки, свои формы и свои «формулы», — иные из них с течением времени меняются, иные утрачиваются, что обуславливает сложность позднейшего восприятия этих течений. Наконец, сложность борьбы литературной обусловлена сложностью борьбы общественной, а здесь упрощенная связь недопустима. Политические взгляды писателя и его литературная позиция часто весьма непрямо соотносятся между собой...»

Осознать себя в народе и народ в себе — эта цель житейского поведения человека 40-х годов определила факт формирования национального самосознания. Все это привело к жесточайшим спорам, в результате которых в среде передовой русской интеллигенции сложились два лагеря — западников и славянофилов, вобравшие в себя лучшие интеллектуальные и художественные силы того времени.

Обе эти противоборствующие идеологии, каждая по своему, противостояли «казенной» идеологии официальной народности, сформировавшейся, в основном, в предшествующую эпоху...

Официальная идеологическая система была весьма изобретательной: апология самодержавия переплеталась в ней с вероучением и «самобытностью», реакция с «пат-

¹ История русской критики. М.-Л., АН СССР, 1958, т. 1, гл. 9, с. 326—346.

риотизмом», охранительство — с «народностью». Любая оппозиция, поднимавшая руку на деспотизм или охранительство, могла быть обвинена в оскорблении национального чувства, любая реакция против власти изображалась как посягательство на «народность». Деспотизм прямо соотносился с «гением нации» и объявлялся единственной жизнеспособной формой правления в России»¹.

Отметим здесь ту сторону деятельности К. С. Аксакова, которая до недавнего времени оставалась малоизвестной: активное участие в «Колоколе» Герцена. В «Систематизированной росписи» К. С. Аксаков назван автором 12 статей².

Этот факт участия К. С. Аксакова в Вольной русской печати за границей его биографами не освещался. Приведем содержание его некоторых статей, опубликованных Герценом в «Колоколе».

В статье «Розги долой» автор предлагает образованному меньшинству русского дворянства составить «союз воздержания от телесных наказаний»³.

По поводу статьи К. С. Аксакова, опубликованной 12 мая 1862 года в «Правдивом», в которой автор разоб-

¹ Кошелев В. А. Общественно-литературная борьба в России 40-х годов XIX века. Вологда, Вологодский Гос. педагогический институт, 1982, с. 4, 6, 7.

² Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок. М., изд. Всесоюзной Книжной Палаты, 1957, с. 412.

³ Колокол, 1 июля 1860, с. 623. Все ссылки на «Колокол» приводятся по изданию М.: Наука, 1964.

лачает быт русских придворных, Герцен написал отзыв «Старая история»: «...Тут есть все: и несчастная жертва административного разврата..., и суммы внесения Адлербергу, и бессилие государыни, и безнаказанность Сабурова... Мы это говорим со скорбью...»¹

В статье «Ученые известия» содержится ирония по поводу «независимости Академии наук»².

В статье «Из Грузии» К. С. Аксаков, разоблачая произвол чиновников в управлении Грузией, восклицает: «...Неужели Россия для того только и пролила столько крови своих сынов на Кавказе, чтобы передать затем эту страну хищничеству своих чиновников»³. «Редакция Колокола благодарит от всей души корреспондента, приславшего эту прекрасную статью, — писал Герцен⁴. Эта статья К. С. Аксакова, так же как и некоторые другие, была опубликована Герценом посмертно.

Надо полагать, что передача статей К. С. Аксакова Герцену осуществлялась через брата, И. С. Аксакова.

В «Колоколе» же Герцен поместил и некролог: «Константин Сергеевич Аксаков», в котором писал: «...Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков; больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих деятелей благородных, неумолимых, что нет этих противников, которые были ближе нам многих своих... Киреевские, Хомяков и Аксаков сделали свое дело... С них начинается перелом русской мысли. И когда мы это говорим, кажется, нас нельзя заподозрить в пристрастии»⁵.

По поводу некролога И. С. Тургенев писал Герцену: «Я должен довести до твоего сведения, что твои статьи в «Колоколе» о смерти К. С. Аксакова и об Академии — прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатление в Москве и в России»⁶.

Иван Сергеевич Аксаков благодарил Герцена за этот некролог: «Любезнейший Александр Иванович, ...Вы на мое письмо ответили такой статьей в «Колоколе», за которую я вас еще крепче полюбил и которая бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и о Хомякове у нас в России, друзьями»⁷. Некролог Герце-

на вызвал в России соответствующую реакцию. Министерством народного просвещения была запрещена лекция Н. И. Костомарова о трудах К. С. Аксакова. В России нашли невозможным, как писал сам Герцен, «чтобы в Петербургском университете профессор публично похвалил человека, о котором «Колокол» хорошо отозвался»¹. Позже лекция все же состоялась, несмотря на запрет властей, и профессора Костомарова восторженные студенты вынесли на руках вместе с креслом, за что потом студенты подвергались преследованию.

Интересная характеристика дана К. С. Аксакову Герценом в его воспоминаниях: «Аксаков остался до конца жизни вечным восторженным и беспредельно благородным юношей, он увлекался, был увлекаем, но всегда чист сердцем. В 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотели встречаться, я как-то шел по улице; К. Аксаков ехал в санях. Я дружески поклонился ему. Он было проехал, но вдруг остановил кучера, вышел из саней и подошел ко мне. — Мне было слишком больно, — сказал он, — проехать мимо вас и не проститься с Вами. Вы понимаете, что после всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду к вам ездить; жаль, жаль, но делать нечего. Я хотел пожать вам руку и проститься. — Он быстро пошел к саням, но вдруг воротился; я стоял на том же месте, мне было грустно; он бросился ко мне, обнял меня и крепко поцеловал. У меня были слезы на глазах. Как я любил его в ту минуту ссоры!»²

На смерть К. С. Аксакова появились многочисленные отклики в русских журналах и газетах. В них писалось: «К. С. Аксаков носил в себе несокрушимую веру в светлую будущность России. Он любил свою родину с энтузиазмом»³. Русский народ любил он от всего сердца; он благоговел перед ним»⁴.

В 1861 году в Лейпциге И. С. Аксаков издал книгу брата под названием «Замечания на новое административное устройство крестьян в России», в которой автор гневно протестует против намерения освободить крестьян от крепостной зависимости без земли: «Вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу русскую свободу, нашу общину, наш мир, — писал

¹ Колокол, 22 июня 1862, с. 1140.

² Там же, 15 февраля 1860, с. 530.

³ Там же, 15 сентября 1862, с. 1199—1201.

⁴ Там же.

⁵ Там же, 15 января 1861, с. 753.

⁶ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах, М., Наука, 1956—1958, т. XV, с. 294.

⁷ Там же, с. 294—295.

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 томах, М.: Наука, 1956—1958, т. XV, с. 73.

² Там же, т. IX, с. 162—163.

³ Там же, т. XV, с. 295.

⁴ Там же, с. 295.

К. С. Аксаков, обращаясь к членам Редакционных комиссий. — Задумайтесь хоть на одну минуту... Вы распинаете теперь русский народ»¹.

Конечно, в России невозможно было издать такую книгу. Вот что писал И. С. Аксаков о ней Герцену 7 июня 1861 года: «Так как все параграфы, на которые нападает брат, вошли в состав ныне действующего «Положения», что тщательно мною отмечено в подстрочных примечаниях, то сочинение имеет интерес не исторический только, но вполне живой, современный»². Далее И. С. Аксаков писал, что отдал распоряжение издателю «немедленно по отпечатании» послать экземпляр книги Герцену и Огареву: «Я бы счел себя виноватым перед покойным братом, если б пропустил минуту и не дал раздаться его протесту против искажения народных бытовых начал петербургской и либеральной бюрократией. Знаю, что многим оно здесь будет неприятно, и еще не знаю, как посмотрит на это правительство»³.

Герцен, получив книгу, горячо на нее откликнулся статьей «Книга К. С. Аксакова», в которой отвечал: «...Укором раздается из свежей могилы этот голос горячей любви к народу русскому в то время, когда опричники освободителя секут Россию, расстреливают Россию. Сколько страданий готовилось Аксакову, если б он не умер! Он не вынес бы всекаемого освобождения, мы уверены в этом — он бросился бы в ряды крестьян... больше мы не можем почтить его благородной памяти»⁴.

Глава XV

А. М. БУТЛЕРОВ.

Великому русскому ученому, создателю современной органической химии, Александру Михайловичу Бутлерову посвящены десятки исследований по изучению его научного наследия. Но, по мнению Г. В. Быкова, автора монографии о А. М. Бутлерове, все они недостаточно используют новые материалы, тем более, «что биографические очерки, посвященные ему и вышедшие около 10 лет тому назад... содержат много вымыслов и не выдерживают никакой критики в научном отношении. Но

¹ Герцен А. И., указ. сочинение, т. XV, с. 376.

² Там же, с. 375, 376.

³ Там же, с. 376.

⁴ Там же, с. 129.

написание в полном смысле слова научной биографии великого русского химика — этот труд многих лет, который едва ли по плечу одному человеку»¹.

За последние два десятилетия Академией наук СССР издано несколько сборников с публикацией новых материалов о Бутлерове. Некоторые из них, касающиеся связей А. М. Бутлерова с С. Т. Аксаковым, нами используются в данном очерке, в котором мы познакомим читателя с основными моментами биографии ученого.

Александр Михайлович Бутлеров родился 25 августа 1823 года в г. Чистополе Казанской губернии. Его отец, Михаил Васильевич Бутлеров, относился к небогатому казанскому дворянскому роду. Известно, что он был в 1802 г. воспитанником Казанской гимназии², а в 1891 г. вышел в отставку подполковником³.

После смерти матери, урожденной Стрелковой⁴, А. М. Бутлеров остался 11 дней, а после отца — 8 лет. Первоначальное воспитание до 8 лет Бутлеров получил у своего дедушки по матери, Стрелкова, в деревне Шантале; потом он был отдан в пансион Топорнина. В этом пансионе вместе с Бутлеровым воспитывался В. Н. Назарьев, который позже вспоминал: «... в Казани на Федоровской улице в мрачном доме казарменной архитектуры» размещался «пансион для благородных детей» Александра Семеновича Топорнина, в котором было несколько хороших учителей. В один из праздничных дней казанский помещик Бутлеров привез в пансионат своего милovidного, очень добродушного и терпеливого мальчика». Далее автор рассказывает об увлечении Бутлерова химией: «...у Бутлерова явилась новая страсть — он усердно возился с какими-то склянками, банками, воронками, что-то таинственно переливал из одного пузырька в другой, ему всячески мешал неугомонный Роланд, зачастую отбирал склянки и пузырьки, ставил в угол или оставлял без обеда непрошенного химика, но тот не унимался, пользуясь покровительством учителя физики. В конце концов, в углу, возле кровати Бутлерова, появился крошечный, всегда запертый шкапчик, наполненный какими-то снадобьями и разнохарактерной посудой.

¹ Быков Г. В. Александр Михайлович Бутлеров. Очерк жизни и деятельности. М., АН СССР, 1961, с. 3—4.

² Владимиров В. Историческая записка о первой Казанской гимназии. Ч. 2, 1867, с. 45.

³ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 189, л. 4, 4 об.

⁴ Стрелковы, дворяне Стерлитамакского уезда — родственники Бутлерова со стороны матери.

В один прекрасный весенний вечер, когда воспитанники шумно и весело играли в лапту на просторном дворе, а «неистовый Роланд» дремал на солнечном припеке, в кухне раздался оглушительный взрыв... Все ахнули, а Роланд, прыжком тигра, очутился в подвальном этаже, где помещалась кухня. Затем перед нами снова показался тигр, безжалостно влачивший Бутлерова с опаленными волосами и бровями, а за ним, понуриив голову, шел дядька [Бутлерова], привлеченный в качестве сообщника, тайком доставлявшего материалы, необходимые для произведения опытов.

К чести пансиона Топорнина следует заметить, что розги никогда не употреблялись в этом заведении, но так как преступление Бутлерова выходило из ряда вон, то наши педагоги на общем совете придумали новое, небывалое наказание. Раза два или три преступника выводили из темного карцера в общую обеденную залу с черной доской на груди, на которой крупными буквами красовалось «великий химик».

Страшный пожар, истребивший половину города, положил конец педагогической деятельности Топорнина. Пансион закрылся, воспитанники разъехались по домам, и я на долгое время потерял Бутлерова из виду.

Мы снова встретились с ним, если не ошибаюсь, осенью 1847 года».

Автор этих воспоминаний учился позже вместе с Бутлеровым и в Казанском университете, встречался он с Бутлеровым-профессором и в Петербурге. Свое впечатление о Бутлерове автор воспоминаний выразил так: «Передо мной был тот же добродушный, неизменно ровный, всегда довольный собою и всем светом Бутлеров... Бутлеров-профессор так же живо напоминал мне студента Казанского университета, как Бутлеров-студент — невозмутимо добродушного самоучку художника и химика, моего товарища по пансиону Топорнина»¹.

Из пансиона Топорнина Бутлеров перешел уже в 3-й или 4-й класс первой Казанской гимназии, которую окончил в 1844 г. В том же году он поступил и в 1849 окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. Участь в университете, Бутлеров большую часть своего времени посвящал занятиям химией и его любимыми преподавателями были

¹ Назарьев В. Н. Жизнь и люди былого времени. — Исторический вестник, 1890, т. 42, с. 424—428.

лучшие русские химики того времени К. Клаус и Н. Зинин.

Еще участь в университете, по предложению своего наставника профессора Эдуарда Александровича Эверсмана, А. М. Бутлеров в 1846 г. принял участие в экспедиции в степи Букеевской орды (между Волгой и Уралом). Результатом этого путешествия было собрание хорошей коллекции бабочек, о которой упоминал С. Т. Аксаков (2; 179). Исследование Бутлерова «Дневные бабочки Волго-Уральской фауны» было его диссертацией на степень кандидата естественных наук¹.

По окончании университета Бутлеров оставил зоологию и работал у профессора Зинина по химии, но дружбу с Э. А. Эверсманном сохранил. Уже будучи химиком, Бутлеров продолжал интересоваться насекомыми и после смерти Эверсмана к нему перешла часть коллекции бабочек Эверсмана². В 1881 г. Бутлеров пожертвовал все свои коллекции бабочек Казанскому университету.

Через год по окончании университета, в 1850 году, Бутлеров был назначен преподавателем в университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре химии. Тогда же ему было поручено преподавание физики и физической географии с климатологией студентам медицинского факультета, а также — неорганической химии студентам первого курса естественного и математического отделений.

11 февраля 1851 г. Бутлеров защитил магистерскую диссертацию «Об окислении органических соединений» и в июле того же года был утвержден в должности адъюнкта по кафедре химии.

В конце 1853 г. он получил отпуск в Московский университет для приобретения степени доктора химии³.

«Докторская диссертация Бутлерова «Об эфирных маслах» не получила в Казанском университете единодушного одобрения, и Бутлеров защитил ее в Москве в 1854 г., после чего был избран экстраординарным профессором Казанского университета»⁴.

Э. А. Эверсманн вместе с профессором П. Н. Вагнером покровительствовали молодому ученому и в 1854 г.

¹ Богданов А. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850—1888), т. 3. М., 1893, с. 45.

² Гептнер В. Г. Указ. соч., с. 65.

³ Богданов А. Указ. соч., с. 45.

⁴ ВСЭ, т. 8, М., 1927, стб. 255.

отстаивали кандидатуру Бутлерова в экстраординарные профессора¹.

В 1858 году Бутлеров был избран ординарным профессором.

В Казани Бутлеров был до 1868 года и два раза был ректором университета.

В 1868 году по предложению профессора Д. И. Менделеева А. М. Бутлеров переведен на кафедру органической химии Петербургского университета, где им была организована лаборатория органической химии. С 1870 года он — академик. После смерти Зинина Бутлеров заведовал лабораторией Академии наук.

Блестящий период научной деятельности А. М. Бутлерова начинается со времени первой заграничной командировки в 1857—1858 гг. (один год и два месяца). В эту поездку он посетил Берлин, Висбаден, Гейдельберг, Швейцарию, Италию, Париж, Мюнхен, Лейпциг, Дрезден и Прагу. Там он познакомился со многими иностранными химиками: Кекуле, Бунзеном, Фрезениусом, Вюрцем и осмотрел лаборатории. В Париже слушал лекции почти всех тогдашних светил по химии: Вюрца, Буссенго, Пелиго, Девиля, Билара, по физике — Дебре, Беккереля и Реньо. В Париже он был избран в число членов Парижского химического общества².

«Время заграничного пребывания Бутлерова было периодом упадка старых теорий органической химии, теорий радикалов и типов и начала зарождения новой теории, лежащей в основе современного здания органической химии и обусловившей быстрый расцвет ее, — «теории строения молекулы», или структурного учения»³.

Вторая заграничная поездка Бутлерова состоялась в 1861 г. (в летнее время и два месяца осени). «В эту поездку он посетил лабораторию технического института в Берлине, управляемую профессором Раммельсбергом, лабораторию Бунзена в Гейдельберге, где познакомился с спектральным анализом, лабораторию проф. Стаса в Брюсселе и проф. Кекуле в Дании, в Генте, был на собрании немецких врачей и натуралистов в Шпейере»⁴.

На этом совещании Бутлеров сделал замечательный доклад «Нечто о химическом строении тел». Уже с этого времени талант Бутлерова, как выдающегося химика, получает всеобщее признание.

¹ Гейтнер Г. В. Указ. соч., с. 65.

² Богданов А. Указ. соч., с. 46.

³ ВСЭ, т. 8, стб. 256.

⁴ Богданов А. Указ. соч., с. 46.

«В августе 1867 г. Бутлеров отправился за границу в третий раз. В эту поездку, кроме восстановления здоровья, ...он имел в виду посетить некоторые ученые центры, чтобы путем свидания с заграничными химиками лично разъяснить им свои теоретические воззрения и таким образом восстановить свои права на участие того направления, которое приняла химия в то время. Необходимость же последнего ощущалась потому, что многие заграничные ученые того времени высказывали нередко как новость то, что было уже много раз высказано печатно Бутлеровым в различных его теоретических статьях. Сверх того, в это путешествие он имел еще в виду заняться с большим удобством редактированием немецкого перевода своего учебника органической химии, которого издание предпринял один из лейпцигских книгопродавцов»¹.

Бутлеров был «одним из главных руководителей мировой теоретической мысли в области органической химии. В разработке «теории строения» Бутлерову принадлежит, несомненно, одно из первых мест... В мировой науке, кроме важного участия в разработке теоретических положений теории строения и особенно точной и ясной их формулировки. Бутлерову принадлежит заслуга наиболее блестящего подтверждения выводов этой теории рядом замечательных экспериментальных работ... Бутлеров создал в России школу органиков, многие представители которой (Зайцев, Морковников, Вагнер, Львов, Попов) пользуются почетной известностью среди химиков-органиков всего мира»².

Интересно, что Илья Николаевич Ульянов в Казанском университете, а его сын Александр — в Петербургском, слушали лекции по химии Бутлерова. Александр Ильич Ульянов учился на естественном отделении Петербургского университета и очень любил химию. «Пораженный блестящими способностями Александра Ульянова, профессор Бутлеров выскажет пожелание, чтобы тот избрал своей специальностью химию»³.

5 августа 1886 г. А. М. Бутлеров умер в своем имении, в селе Бутлеровке Спасского уезда Казанской губернии⁴.

¹ Там же, с. 46.

² ВСЭ, т. 8, стб. 256.

³ Иванский А. И. Нет прекрасней назначения... Документальное повествование об Илье Николаевиче Ульянове. М.: Наука, 1976, с. 8.

⁴ Венгеров А. С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. 1. Петроград, 1915, с. 93.

Ныне с. Бутлеровка — центр сельсовета Алексеевского района Татарской АССР.

Научные труды А. М. Бутлерова публиковались и в России, и за границей. Он состоял почетным членом 26 университетов и обществ в России и за границей¹.

А. М. Бутлеров был женат на племяннице С. Т. Аксакова, Надежде Михайловне Глумилиной (сестра писателя, Софья Тимофеевна Аксакова, была замужем за Михаилом Васильевичем Глумилиным).

Нам известны два сына Бутлеровых.

Михаил Александрович Бутлеров, зоолог². В 1912 г. действительный статский советник М. А. Бутлеров владел земельной дачей в 493 десятины в деревне Аксакова — Сергиевка под Уфой³, ранее принадлежавшей Аксаковым. Там же был и хутор Бутлерова.

3 апреля 1864 г. у А. М. и Н. М. Бутлеровых родился сын Владимир. Владимир Александрович был, видимо, вторым сыном Бутлеровых. Владел имением в Пензенской губернии, он в 1896 г. подал прошение в Пензенское депутатское собрание о внесении его в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии⁴. 12 октября 1896 г. состоялось определение Пензенского дворянского депутатского собрания о внесении Владимира Александровича Бутлерова, владельца 381 десятины земли в с. Рельевка Городищенского уезда Пензенской губернии, в 3-ю часть дворянской родословной книги Пензенской губернии⁵.

Летом 1906 г. Владимир Александрович и его жена Анна Сергеевна подали прошение о внесении их сына Александра в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии в связи с тем, что «сын тот Александр, 13 лет, поступает... осенью в кадетский корпус в Москве»⁶.

Из метрической записи видно, что Александр родился 2 июня 1892 г., причем там указаны восприемники: статский советник Михаил Александрович Бутлеров (зоолог) и его жена Анна Александровна (дочь инженера путей сообщения Кистера)⁷.

¹ Богданов А. Указ. соч., с. 48.

² Венгеров А. С. Указ. соч., с. 93.

³ ЦГА ВАССР, ф. 351, оп. 1, д. 10084; Список лицам, имеющим право голоса в первом избирательном съезде г. Уфы, для избрания уполномоченных на земское избирательное собрание. Уфа, 1912, с. 3; Опись 1 кф. 569, с. 3.

⁴ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 189, л. 2, 3 об., 5 об., 8.

⁵ Там же, л. 6, 6 об.

⁶ Там же, л. 1а, 2а, 2 об.

⁷ Там же, л. 5а.

22 ноября 1909 г. состоялось определение Пензенского дворянского собрания о внесении согласно прошению В. А. Бутлерова сына его Александра в 3-ю часть родословной книги¹.

В 1911 году В. А. Бутлеров, кандидат университета, числился как городищенский уездный предводитель дворянства².

Большой интерес для нас представляют письма А. М. Бутлерова С. Т. Аксакову³. Часть этих писем опубликована, в них Бутлеров упоминает о затруднениях, связанных с защитой докторской диссертации. Приводим отрывки из этих писем.

1. «Всегда отраднее мне вспоминать о предстоящем лете с его деревенской жизнью, а ныне и еще приятнее думать, что предстоит проводить его всем вместе.

Пока, однако ж, мои развлечения более сухие: химия и цветоводство. Диссертацию я кончил и подал к прочтению, надеюсь, что ею будут довольны, и думаю в этом месяце приступить к экзаменам, а к лету уж быть доктором». (Письмо предположительно датируется январем 1853 г.).

2. «Сегодня для меня важный день — вечером будет заседание нашего факультета и оценка моей диссертации. Насчет ее вышли кое-какие недоразумения; немудрено, что я буду держать экзамен не в Казани и осенью, по этому случаю, попаду в Москву. — Свидание с Вами было бы для меня вознаграждением за неудачу в Казани». (Письмо от 12 марта 1853 г.)

3. «Мои университетские дела в плохом состоянии и, вероятно, заставят меня ехать в Дерпт. [Бутлеров имеет в виду Дерптский университет]. Надеюсь увидеться с Вами и все рассказать Вам; а теперь должен, к сожалению, сознаться, что в деле этом некоторые из членов факультета обнаружили себя в свете очень невыгодном. Мнение это принадлежит не мне одному — его почти весь университет разделяет со мной». (Письмо от 22 апреля 1853 г.).

4. «Что касается моего дела, то еще не решено, куда я поеду. В Дерпте меня кое-кто знает [имеется в виду, очевидно, Клаус, с которым Бутлеров переписывался в это время], в Москве — никто из профессоров; а между

¹ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 189, л. 8а.

² ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 189, л. 10а — 14а; Списки дворянских родов, внесенных в родословную книгу Пензенской губернии к 1 января 1908 г. Пенза, 1908, с. 5, 88.

³ ИРЛИ, рукописный отдел, ф. 3, оп. 13, д. 5.

тем я решительно поставлен в зависимость более экзаменатора, чем от своих знаний. Степень, которой я ищу, — это доктор химии и физики, отдельного доктора химии нет, а между тем доктор обязан знать науки вполне. Знание физики предполагает полное знакомство с математикой, следовательно, все это подробно могут от меня требовать; но где же возможность одной голове вместить все это. Знаменитые ученые посвящают всю жизнь на подробное изучение только одной части физики. — Моим экзаменатором из физики будет профессор Спасский, если я поеду в Москву. Как химика, меня интересуют Г. Г. Гейман и Лясковский, потом весь физико-математический факультет. Я просил бы Вас, милый дяденька, познакомить меня с личностью этих господ, чтоб я мог рассчитывать, в какой степени они будут не подражать нашим казанцам, у которых (слава богу, что не у всех) личные отношения стоят впереди всего и управляют их служебными действиями. Печальное положение человека, которому и в делах науки нужна протекция, чтоб защититься от происков, и притом кого-же — собратов по цели, по направлению!» (Письмо от 16 мая 1853 г.)

5. «Давно уже не имею я никакой вести из Москвы. Вагнер писал только раз, а об утверждении моем ничего еще не зная».

(Письмо от 15 апреля 1854 г.)

6. «Нынешний семестр важен для меня. В июле я получил докторский диплом от Московского университета, а недели две тому назад был баллотирован в экстраординарные и избран большинством 23-х голосов против одного.

Теперь дожидаясь утверждения. Между тем, от моего товарища Вагнера, который, вероятно, был у Вас хоть не надолго, я получил странное известие. Назимов (Попечитель Московского учебного округа) сделал факультету выговор за то, что меня в Москве прижимали и тянули мой экзамен. Это чрезвычайно удивило меня (постичь не могу до сих пор причины), и я поспешил писать профессору Спасскому — убедить его, что я не подал к тому ни малейшего повода и что, напротив, искренно благодарен факультету за возможно скорый ход дела. Не знаю, что было дальше; быть может, до Вас дошли какие-либо известия...»¹

(Письмо от 10 октября 1854 г.)

¹ Бутлеров А. М. Научная и педагогическая деятельность. Сборник документов. М., АН СССР, 1961, с. 357, 358.

В 1850-х годах С. Т. Аксаков задумал издание «Охотничьего сборника», в котором предполагалось печатать художественные и публицистические произведения, «относящиеся ко всем родам охоты без исключения». А. М. Бутлеров, тогда еще молодой ученый, желая принять участие в сборнике, живо откликнулся на это: «Очень я порадовался, милый дяденька, Вашему намерению издавать «Охотничий сборник». Быть может, и нам удастся принести что-нибудь в общую кассу»¹.

Издание этого сборника С. Т. Аксакову не было разрешено, так как вмешалось III Отделение, у которого Аксаковы были на сильном подозрении.

Как видно из писем, отношения между С. Т. Аксаковым и А. М. Бутлеровым были самыми дружественными и родственными.

Глава XVI

ГЛУМИЛИНЫ.

Фамилия Глумилиных нам не встречалась в произведениях С. Т. Аксакова, и тем не менее она заслуживает включения в сборник очерков об аксаковском окружении: Михаил Васильевич Глумилин был мужем одной из сестер С. Т. Аксакова, Софьи Тимофеевны.

Для уфимцев фамилия Глумилиных прежде всего связывается с названием пригородной деревни Глумилино, впоследствии вошедшей в черту города. Из всех деревень, вошедших в черту города Уфы, а их было свыше пятидесяти², деревню эту следует отметить особо, как одно из наиболее крупных, древних и ближе всего расположенных к центру города поселений.

Первоначально Глумилино упоминается в документах под названием д. Тарбева, или хутора Федоровского³.

Наименование населенного пункта, как правило, не бывает случайным. Обычно оно дается по имени, фамилии владельца, или первого поселенца, или членов его

¹ Машинский С. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. М.; Худож. литература, 1973, с. 342.

² Список 53 деревень, вошедших в черту города Уфы, дан в кн.: Г. Ф. Гудков, В. И. Гудкова. С. Т. Аксаков. Краеведческие очерки. Уфа: Башкирское издательство, 1981, с. 125, 126.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 227, 357, 357, 757; ЦГА БАССР, ф. 351, оп. 2, д. 2778, л. 1.

семьи. Иногда название населенного пункта определялось названием построенной там церкви, иногда особыми природными условиями. Нередко переселенцы повторяли на новом месте название прежней деревни.

Хутор Федоровский получил свое название по имени первого владельца Федора Тарбеева. Дворянский род Тарбеевых — древний, ведет свое начало с середины 16 века. При великом московском князе Василии Темном (прадеде Ивана Грозного) выходец из Золотой Орды татарский мурза Мердулах-Бий Тарбеев принял крещение и его потомство было записано в 1550 г. в тысячной книге лучших дворян и детей боярских. Многие из представителей этого рода служили воеводами в разных городах России¹. Боярский сын Федор Тарбеев оказался в Уфе в начале 17 века, и в 1612 г. был пожалован земельным наделом под Уфой, о чем сохранилась запись в «Отводной книге по Уфе...»²

В топонимике нашего края сохранилась и поныне фамилия этого рода: есть деревня Тарбеевка Дмитриевского сельсовета Уфимского района, расположенная на берегу Соснового озера.

Во второй половине 18 века хутор Федоровский стал называться деревней Анновской по имени нового владельца — жены статского советника Анны Васильевны Коптевой, ставшей собственницей этого хутора не позже 1796 г.³

Около 1800 г. деревня становится собственностью Василия Филипповича Глумилина, но новое название приобретает не сразу, и еще несколько десятилетий она чаще называется Анновской или Анненской⁴. «...в 1798 г. землемером Поповым размежевана дача сельца Анненского, что прежде был хутор Федоровский, владельца провинциального секретаря, титулярного советника Василия Филипповича Глумилина»⁵.

У В. Ф. Глумилина был сын Михаил, женившийся на сестре писателя С. Т. Аксакова — Софье. Однако не он стал владельцем этой деревни по праву наследования, а

¹ Энци. Брокгауза, т. 32, с. 633, 634.

² Отводная книга по Уфе 1591/92—1629 гг. Публикация Н. Ф. Демидовой — в кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, ВФАН СССР, 1971, с. 278.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 372.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 351, оп. 2, дд. 2778 и 3048.

⁵ Там же, д. 3048. В архивных делах упоминается Глумилин — «коптный» землемер, участвовавший в 1797 г. в генеральном размежевании. (Там же, ф. 351, оп. 1, д. 11140).

его сестры: Елизавета, вышедшая замуж за губернского прокурора Н. И. Горбовского, и Евгения, вышедшая замуж за полковника И. М. Каловского.

По материалам ревизских сказок 1811 г. (шестая ревизия), когда в условиях военного времени проводился учет только мужского податного населения, по сельцу Анненскому записано крепостных крестьян у Елизаветы — 16 душ, у Евгения — 13 и у их матери Авдотьи Тимофеевны — 6 душ¹.

По девятой ревизии 1850 г. по сельцу Анненскому, коллежской советнице Е. В. Горбовской принадлежало 183 души (13 дворов) крепостных крестьян².

По десятой ревизии 1858 г. то же сельцо принадлежало уже наследникам полковницы Е. В. Горбовской, ее двум племянникам, титулярному советнику Михаилу и подпоручику Василию Михайловичам Глумилиным, двоюродным братьям детей С. Т. Аксакова. Размер деревни за восемь лет не изменился, в тех же 13 дворах проживало 111 душ крепостных, и впервые здесь по этой деревне находим фамилию одного из них — дворового А. И. Куршова, отпущенного в 1851 г. на волю³.

В 1870 г. д. Глумилино (Анненкова) при речке Сутолоке в 4-х верстах от Уфы имела 111 жителей (30 дворов)⁴. Расстояние в четыре версты считается к северо-востоку от места возникновения города в 1574 г., которое находилось на правом берегу р. Сутолоки, вблизи ее впадения в р. Белую. Небольшая речка длиной около 8 верст в истории Уфы, ее развития и застройки, имеет значение примерно такое же, как и р. Неглинная для Москвы.

Деревня Глумилино расположилась в междуречье Уфы и Белой.

Река Белая протекала в трех верстах к северо-западу, а р. Уфа — в полутора верстах к юго-востоку, причем между деревней и р. Уфой протекала р. Сутолока. Когда-то чистый ручей, в котором водилась и рыба, а в весеннее время, по воспоминаниям старожил, сплавлялся даже дровяной лес, ныне издает зловоние и служит для стока неочищенных канализационных вод.

Еще недавно, лет 25 тому назад, исток р. Сутолоки находился в лесистой местности, где в 1930-х годах раз-

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 204, 60.

² Там же, оп. 5, д. 606, л. 829—838.

³ Там же, д. 712, л. 837—848.

⁴ Список населенных мест Российской империи, т. 45, Уфимская губерния. СПб., 1877, алфавит.

семьи. Иногда название населенного пункта определялось названием построенной там церкви, иногда особыми природными условиями. Нередко переселенцы повторяли на новом месте название прежней деревни.

Хутор Федоровский получил свое название по имени первого владельца Федора Тарбеева. Дворянский род Тарбеевых — древний, ведет свое начало с середины 16 века. При великом московском князе Василии Темном (прадеде Ивана Грозного) выходец из Золотой Орды татарский мурза Мердулах-Бий Тарбеев принял крещение и его потомство было записано в 1550 г. в тысячной книге лучших дворян и детей боярских. Многие из представителей этого рода служили воеводами в разных городах России¹. Боярский сын Федор Тарбеев оказался в Уфе в начале 17 века, и в 1612 г. был пожалован земельным наделом под Уфой, о чем сохранилась запись в «Отводной книге по Уфе...»²

В топонимике нашего края сохранилась и поныне фамилия этого рода: есть деревня Тарбеевка Дмитриевского сельсовета Уфимского района, расположенная на берегу Соснового озера.

Во второй половине 18 века хутор Федоровский стал называться деревней Анновской по имени нового владельца — жены статского советника Анны Васильевны Коптевой, ставшей собственницей этого хутора не позже 1796 г.³

Около 1800 г. деревня становится собственностью Василия Филипповича Глумилина, но новое название приобретает не сразу, и еще несколько десятилетий она чаще называется Анновской или Анненской⁴. «...в 1798 г. землемером Поповым размежевана дача сельца Анненского, что прежде был хутор Федоровский, владельца провинциального секретаря, титулярного советника Василия Филипповича Глумилина»⁵.

У В. Ф. Глумилина был сын Михаил, женившийся на сестре писателя С. Т. Аксакова — Софье. Однако не он стал владельцем этой деревни по праву наследования, а

¹ Энциклопедия Брокгауза, т. 32, с. 633, 634.

² Отводная книга по Уфе 1591/92—1629 гг. Публикация Н. Ф. Демидовой — в кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, ВФАН СССР, 1971, с. 278.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 372.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 351, оп. 2, дд. 2778 и 3048.

⁵ Там же, д. 3048. В архивных делах упоминается Глумилин — «коштный» землемер, участвовавший в 1797 г. в генеральном размежевании. (Там же, ф. 351, оп. 1, д. 11140).

его сестры: Елизавета, вышедшая замуж за губернского прокурора Н. И. Горбовского, и Евгения, вышедшая замуж за полковника И. М. Каловского.

По материалам ревизских сказок 1811 г. (шестая ревизия), когда в условиях военного времени проводился учет только мужского податного населения, по сельцу Анненскому записано крепостных крестьян у Елизаветы — 16 душ, у Евгения — 13 и у их матери Авдотьи Тимофеевны — 6 душ¹.

По девятой ревизии 1850 г. по сельцу Анненскому, коллежской советнице Е. В. Горбовской принадлежало 183 души (13 дворов) крепостных крестьян².

По десятой ревизии 1858 г. то же сельцо принадлежало уже наследникам полковницы Е. В. Горбовской, ее двум племянникам, титулярному советнику Михаилу и подпоручику Василию Михайловичам Глумилиным, двоюродным братьям детей С. Т. Аксакова. Размер деревни за восемь лет не изменился, в тех же 13 дворах проживало 111 душ крепостных, и впервые здесь по этой деревне находим фамилию одного из них — дворового А. И. Куршова, отпущенного в 1851 г. на волю³.

В 1870 г. д. Глумилино (Анненкова) при речке Сутолоке в 4-х верстах от Уфы имела 111 жителей (30 дворов)⁴. Расстояние в четыре версты считается к северо-востоку от места возникновения города в 1574 г., которое находилось на правом берегу р. Сутолоки, вблизи ее впадения в р. Белую. Небольшая речка длиной около 8 верст в истории Уфы, ее развития и застройки, имеет значение примерно такое же, как и р. Неглинная для Москвы.

Деревня Глумилино расположилась в междуречье Уфы и Белой.

Река Белая протекала в трех верстах к северо-западу, а р. Уфа — в полутора верстах к юго-востоку, причем между деревней и р. Уфой протекала р. Сутолока. Когда-то чистый ручей, в котором водилась и рыба, а в весеннее время, по воспоминаниям старожилов, сплавлялся даже дровяной лес, ныне издает зловоние и служит для стока неочищенных канализационных вод.

Еще недавно, лет 25 тому назад, исток р. Сутолоки находился в лесистой местности, где в 1930-х годах раз-

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 204, 60.

² Там же, оп. 5, д. 606, л. 829—838.

³ Там же, д. 712, л. 837—848.

⁴ Список населенных мест Российской империи, т. 45, Уфимская губерния. СПб., 1877, алфавит.

мещался Уфимский лесотехникум, примерно в 200-х метрах от ул. Лесотехникума. С постройкой дороги по улице исток речки переместился ниже примерно на полкилометра, на территорию коллективных садов, расположенных по обоим берегам р. Сутолоки. В документах XVIII века упоминаются мельницы на р. Сутолоке.

У надворного советника Михаила Васильевича Глумилино было имение в с. Яковлевке Бугульминского уезда Оренбургской губернии¹. Жене его, Софье Тимофеевне, в 1834 г. принадлежало в сельце Подлесном Белебеевского уезда 633 души крестьян, доставшихся ей в 1824 г. в приданое от отца, Тимофея Степановича Аксакова².

У М. В. и С. Т. Глумилиных были сыновья Михаил и Василий и четыре дочери: Надежда — жена великого русского ученого-химика А. М. Бутлерова; Юлия Юм; Екатерина Аристова и Мария — жена Россоловского³. О первых трех дочерях упоминает куйбышевский краевед Ф. Г. Попов в статье «Потомки С. Т. Аксакова»⁴.

Муж Марии, Ахиллес-Сильверст Россоловский, кандидат философии, в 1839 г. принадлежал к тайному обществу в Киеве, в 1842 окончил математическое отделение философского факультета Казанского университета. Впоследствии он был учителем первой казанской гимназии и находился под тайным надзором полиции⁵. Их сын Вячеслав Сильверстович (1849—1909) — журналист, принимал деятельное участие в издании и распространении писем И. С. Аксакова после его смерти, помогая сначала А. Ф. Аксаковой, а затем О. Г. Аксаковой. В 1889 г. он проживал в Уфе⁶.

О М. М. Глумилине известно как о постоянном жителе нашего края, в Белебеевском уезде у него было небольшое имение и он был избран там уездным предводителем дворянства. А о брате его Василии сохранилась дурная слава. Нап известный писатель-краевед Н. В. Ремезов писал о том, как он уже запродавную крестьянам землю заложил в банке и получил деньги вторично. За-

¹ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 229, л. 6.

² Там же, ф. 138, оп. 2, д. 508, л. 189—210.

³ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844—1849. М.: Наука, 1988, с. 595.

⁴ Альманах Волга, 1962, № 27.

⁵ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 229, л. 1—16.

⁶ Аксаков И. С. Письма к родным. 1844—1849. М.: Наука, 1988, с. 595; ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 30. Метрическая книга Александровской церкви, л. 20, 21.

тем он оказался в Париже¹ и о дальнейшей судьбе его сведений нет.

В начале 1900 г. несколько крестьянских семейств из д. Глумилино переселились на хутор Горный Дубняк на р. Деме вблизи д. Лекаревки и хутор также стал называться Глумилиным.

В д. Глумилино в 1872 г. родилась Елена Яковлевна Барсова, по мужу Цветкова, «жемчужина русской оперной сцены», как ее называют историки русского вокального искусства. Окончив Московскую консерваторию с серебряной медалью, она сразу же покорила всех своим талантом. В Москве она выступала вместе с Шаляпиным.

До середины прошлого века крестьяне деревни Глумилино, как и большинства других деревень, фамилий не имели, что видно и по ревизским сказкам и по метрическим записям, хранящимся в архиве. Процесс образования фамилий закончился здесь лишь в начале нашего века. Первыми крестьянами, имевшими фамилии еще в 50-х годах, были Курушевы, Ежовы, Павловы, Крючины. Позже появились Александровы, Дергуновы, Коврижины, Блиновы, Бусыгины и другие.

Через деревню Глумилино проходил Старо-Сибирский тракт.

В 1920 г. деревня входила в состав Степановской волости Уфимского уезда и в ней было 543 жителя (74 двора). Северо-восточнее деревни Глумилино во второй половине 19 века возникла из переселенцев новая деревня Дубовка (Новое Глумилино), в которой в 1920 г. проживало 560 жителей в 67 дворах².

Индустриальное развитие Уфы началось в 1928 г. со строительства ЦЭС в составе Уфимского промышленного комбината, и связь города с новостройкой осуществлялась через деревню Глумилино. После включения деревни в состав города улицы ее получили названия Электрификации Большая и Электрификации Малая. Главная магистраль города — проспект Октября, называвшийся с 1953 по 1959 гг. проспектом Маяковского, была проложена по краям усадеб бывшей деревни Глумилино в начале 1950-х годов.

¹ Ремезов Н. В. Очерки из жизни дикой Башкирии, кн. 2, Переселенческая эпопея. М., 1889, с. 190—192.

² Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа, 1926.

Глава XVII
КРОТКОВЫ.

Нам известно двойное родство Аскаковых с Кротковыми. Младший брат писателя, Аркадий Тимофеевич Аксаков (23.1.1803—1862), гвардии прапорщик, а затем коллежский секретарь, был женат с 5 июля 1836 г. на Анне Степановне Кротковой (21.1.1819—10.9.1888)¹.

Второе родство идет по линии тетки С. Т. Аксакова: Александра Степановна Аксакова была замужем за поручиком Иваном Петровичем Кротковым².

История дворянского рода Кротковых в основной генеалогической литературе специально не рассматривается. В энциклопедии кратко отмечается, что Кротковы — русский дворянский род, происходящий от Меньшого Андрея Кроткого, пожалованного поместьями в 1624 г. и внесенный в 6-ю часть родословных книг Московской и Самарской губерний³.

Более подробные сведения о Кротковых дает П. Мартынов. Он сообщает, что их родоначальник получил землю в Курмышевском уезде Симбирской губернии в 131 г.; можно подумать, что это опечатка. Но так было принято иногда в старой литературе сокращенно обозначать год. Надо иметь в виду, что до 1700 г. в России летоисчисление велось не от «рождества Христова», а от «сотворения мира», причем за новый год принимали 1 сентября (гражданский) или 1 марта (церковный). Указом 20 декабря 1699 года, что соответствовало по старому летоисчислению 7208 году, 1 января было объявлено новым 1700-м годом. Таким образом, разница в годах между новым и старым летоисчислением стала составлять 5508 или 5509 лет. Следовательно, 7131 год соответствовал 1622 или 1623-му году; т. е. разница во времени наделения земель составляет только один год по сравнению с данными энциклопедии.

У Меньшого Андрея Кроткова был сын Василий, внук Федор, правнук Иван (в 1678 г. помещик села Полдамадова Симбирского уезда) и праправнук Егор. У Егора показаны уже два сына: Степан и Иван и далее родо-

¹ Абрамцево, ф. 447, д. 9, л. 10; Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч., т. 1, с. 29; Саитов В. И. Московский некрополь, т. 1, с. 13.

² Александра Аксакова — третья дочь Степана Михайловича Аксакова, А. С. Сивере год ее рождения указывает 1755 (с. 92), В. В. Руммель и В. В. Голубцов — 1758 (т. 1, с. 28).

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 32, с. 827.

словная разветвляется так, что в следующих поколениях насчитываются уже десятки представителей, в то время как пять первых поколений представлены лишь единственным представителем. Обратим на это внимание: дворянский род Кротковых единственный, но не все представители его оказались включенными в родословную таблицу: в нее лишь попало потомство Егора Ивановича Кроткова. Жена Аркадия Тимофеевича Аксакова, Александра Степановна Кроткова, — правнучка Егора Ивановича Кроткова, т. е. пять раз правнучка основателя рода¹. Муж Александры Аксаковой, Иван Петрович Кротков, относится в какой-то другой ветви этого рода. Кротковы, владевшие селом Ишеевка, расположенным в 15 верстах от города Симбирска на реке Свияге, принадлежали к числу самых богатых помещиков Симбирской губернии. В воспоминаниях князя В. Баюшева «Из записок о былом» приводится любопытный эпизод случайного обогащения их. Помещик Кротков из села Ишеевки при приближении отряда пугачевцев, после их поражения в Казани, когда они переправились через Волгу и пошли на Алатырь и Пензу, а один из отрядов — на Симбирск, скрылся в лесу. Пугачевцы сделали на гумнах и огородах Ишеевки привал, но были застигнуты гусарами и бежали, оставив взятое ими в Казани имущество: золотые и серебряные вещи, драгоценные ткани и меха. В пылу преследования гусары не заметили брошенных богатств, которые и достались вернувшемуся помещику Кроткову². Князь Баишев не сообщает имени разбогатевшего Кроткова.

Дед Александры Степановны Кротковой, жены Аркадия Тимофеевича Аксакова, Степан Егорович Кротков, поручик, позднее капитан Шешминского драгунского полка и коллежский асессор на гражданской службе, в 1760-х годах неоднократно покупал земли у башкир Казанской дороги³. В 1795 году он совместно с женой и

¹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда (материалы для истории симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде), изд. Симбирской губернской ученой архивной комиссии, Симбирск, 1904, с. 171.

² Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических сведений о г. Симбирске, изд. Симб. губернской ученой архивной комиссии. Симбирск, 1893, с. 320. Этот же эпизод описан в кн.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова, т. 6, СПб., 1901, с. 387.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, с. 197, 198, 249.

сыном, подполковником Николаем Степановичем владел в селе Полдамасово Симбирского уезда 430 душами крестьян и 4859 дес. земли. Его сын Иван, женатый на Екатерине Васильевне Толстой, в 1836 году построил здесь винокуренный завод, а в следующем году — суконную фабрику. В 1790 году Степан Егорович с женой Анной Афанасьевной купили село Ишеевку, в котором имели прекрасную усадьбу с 6337 дес. земли. В 1802 году Степан Егорович построил здесь первую в Симбирском уезде суконную фабрику.

В 1816 году Ишеевское имение принадлежало его сыну, Ивану Степановичу Кроткову, после смерти которого оно перешло по наследству его дочери, Александре Ивановне Кротковой, жене полковника Н. И. Варевкина¹.

Тесть Аркадия Тимофеевича Аксакова, Степан Степанович Кротков, был богатый симбирский помещик, поручик (1 августа 1779—5 июля 1848)². Он имел трех дочерей, кроме Анны Аксаковой, Зубареву и Любомирскую.

Степан Степанович Кротков имел трех братьев, Николая, Ивана и Дмитрия, и двух сестер, Анну Звереву и Александру Порошину. О брате Иване рассказано выше. Здесь расскажем о брате Дмитрии и его семействе, о котором интересные воспоминания оставил В. А. Сологуб. Дмитрий Степанович Кротков владел имениями в селах Шигоны Сенгилеевского уезда и Городище Симбирского уезда, был самодуром, в его доме происходили разные безобразия. Был он по природе человеком недурным; семейным, чадолюбивым, хлебосольным, но с отвратительной оборотной стороной медали. Село Городище, в котором он проживал, находилось в двух верстах от села Никольского, ранее принадлежавшего Н. А. Дурасову. В половине дома, где жил хозяин, содержались сумасшедшая калмычка Шешка, дура Аришка, еще одна дура и два дурака. От постоянного пьянства барин ночью мог спать только урывками, у кровати сидели дураки и дуры с обязанностью говорить, шуметь и даже драться между собой; тут же сидел кучер, который должен был поощрять дур и дураков арапником. В другом имении, в Шигонах, он построил великолепную каменную церковь, после

¹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда., с. 265, 266, 268. Ныне село Ишеевка — рабочий поселок, центр одноименного района Ульяновской области, в 18 км от г. Ульяновска.

² Сологуб В. А. Указ. соч., с. 84; Московский некрополь, т. 2, с. 110.

чего переехал туда из села Городище. Он имел также дом в Симбирске, был женат на Марии Федоровне Манютиной и имел трех сыновей, Михаила, Николая и Павла, и трех дочерей, Александру Бестужеву, Елизавету Мельгунову и Софию Татищеву. Старший сын Михаил, по воспоминаниям Сологуба, вместе с братом Николаем в 1822 г. служил юнкером в армейской кавалерии и держал себя еще пристойно; он был не глуп и не дурной, но наследовал слабости и привычки отца. В. А. Сологубу пришлось ехать в экипаже с Михаилом в село Шигоны, об этой поездке он писал: «Я не видел ничего возмутительнее этой поездки». В обязанности дурака входило поить барина в дороге водкой. При переправе через Волгу по приказанию барина дурака гребцы бросили в воду. Умер Михаил в Симбирске от горловой чахотки. Отец, пришедший проститься с сыном, зарыдал и громко воскликнул: «Миша, Миша, встань, Миша! Пойдем, выпьем!»

Николай Дмитриевич Кротков, по воспоминаниям Сологуба, «был серьезен, читал хорошие книги и несколько философствовал».

Село Шигоны впоследствии поступило во владение младшего сына Павла; «взбунтовавшиеся крестьяне в 1839 году сожгли господскую усадьбу и бросили молодого барина в пламя»¹.

При отмене крепостного права село Шигоны принадлежало В. П. Кротковой, видимо, дочери Павла Дмитриевича Кроткова².

Далее расскажем о Кротковых — родственниках Аксаковых по линии тетки писателя; как упоминалось выше, Александра Степановна Аксакова была замужем за подпоручиком Иваном Петровичем Кротковым. Сохранив имя и отчество своего родственника без изменения, С. Т. Аксаков в «Семейной хронике» называет Кроткова — Кортаевым (I; 139).

Интересно отметить, что за сто тридцать лет после выхода в свет первого издания «Семейной хроники» никто из редакторов и комментаторов этого произведения не назвал настоящей фамилии мужа Александры Степановны Аксаковой. Даже сын писателя, Иван Сергеевич Аксаков, давая предисловие к изданию «Семейной хро-

¹ Сологуб В. А. Указ. соч., с. 85, 86, 88; Мартынов П. Селения Симбирского уезда., с. 29.

² Семенов П. Россия., т. 6, с. 411.

ники» 1886 года, также не раскрыл истинной фамилии И. П. Кроткова.

С. Т. Аксаков в «Семейной хронике» не раз упоминает о И. П. Кроткове, изменяя всегда настоящую фамилию. Описывая встречу своей матери, бывшей тогда еще невестой, со своими будущими родственниками, С. Т. Аксаков пишет, что дед, Степан Михайлович Аксаков, приказал отправиться на свадьбу своим дочерям Елизавете Ерлыковой и Александре Кротковой. «Иван Петрович Кортаев сопровождал свою супругу в Уфу... Разумеется, всему уфимскому обществу показали сестрицы жениха деревенскими чучелами. Что касается до Ивана Петровича, уже довольно обашкирившегося и всегда начинавшего с восьми часов утра тянуть желудочный травник, то он при первой рекомендации чмокнул три раза ручку у Софьи Николаевны и с одушевлением... воскликнул: «Ну, какую кралечку подцепил брат Алексей!» Много перелотала Софья Николаевна слез от злобных выходок будущих своих золовок и грубых шуток и любезностей будущего свояка» (1; 178).

Вскоре после свадьбы родители С. Т. Аксакова, делая визиты своим родственникам, должны были посетить Кротковых в их деревне: «Итак, через день назначено было ехать к Александре Степановне, и она с своим башкиролюбивым супругом отправилась накануне в свою Каратаевку¹ и пригласила, с позволения отца, старшую и младшую сестру... Дорога к Каратаевым, которые жили почти в таком же расстоянии от Багрова, как и Нагаткина, то есть немного более пятидесяти верст, шла совершенно в противоположную сторону, прямо на север. С половины пути местность делалась гористой и лесною. — Молодые отправились после раннего завтрака, и как дорога была не ездовита и тяжела, то на полдороге, между Новой и Старой Мертовщиной² (куда на возвратном пути им надо было заехать), они покормили в поле часа два и к вечернему чаю приехали в Каратаевку. Домишко у любителя башкирцев был несравненно хуже нагаткинского дома: маленькие, темные окна прежде всего бросались в глаза, полы были неровны, с какими-то уступами, с множеством дыр, проеденных крысами, и так грязны, что их и домыться не могли. С каким-то страхом

¹ В действительности — село Кротково, ныне в Покхвистневском районе Куйбышевской области, в 25 км к северу от г. Покхвистнево — авт.

² Название деревень — примеч. С. Т. Аксакова.

и отвращением вступила Софья Николаевна в это негостеприимное и противное жилье. Александра Степановна вела себя надменно, беспрестанно оговариваясь и отпуская разные колкости, как, например: «Мы рады, рады дорогим гостям, милости просим; братец, конечно, не осудит, да только я уж и не знаю, как сестрице Софье Николаевне и войти в нашу лачужку после городских палат у своего батюшки. Мы ведь люди бедные, не чиновные и живем по своему состоянию; ведь у нас жалованья и доходов нет». Софья Николаевна не оставалась в долгу и отвечала, что всякий живет не столько по своему состоянию, сколько по своему вкусу и что, впрочем, для нее все равно, где бы ни жили и как бы ни жили родные Алексея Степановича. После ужина молодым отвели для спальни так называемую гостиную, где, как только погасили свечку, началась возня, стук, прыганье, и они были атакованы крысами с такою наглостью, что бедная Софья Николаевна не спала всю ночь, дрожа от страха и отвращения... Она встала с головной болью, а хозяйка только подсмеивалась тому, «как негодные крысы напугали Софью Николаевну», прибавляя, что они нападают только на новеньких и что хозяйка к ним уже привыкла... хозяйка злобно смеялась и говорила: «Жаль, что крысы дорогой госте носа не откусили...»

Деревня Каратаевка была поселена вдоль по скату, на небольшой, из родников состоящей, речке, запруженной в конце селения и поднимавшей мельницу на один постав. Местоположение было бы недурно, но хозяйка и весь быт их были так противны, что и самая местность никому не нравилась. Каратаев, который в Багрове боялся Степана Михайловича, а дома боялся жены, иногда и хотел бы полюбозничать с Софьей Николаевной, да не смел и только, пользуясь отсутствием супруги, просил иногда у молодой позволения поцеловать ее ручку, прибавляя, по обыкновению, что такой писаной красавицы нигде не отыщешь. При повторении такой просьбы позволения он уже не получил. — Каратаев вел жизнь самобытную: большую часть лета проводил он, разъезжая в гости по башкирским кочевьям и каждый день напиваясь допьяна кумысом; по-башкирски говорил, как башкирец; сидел верхом на лошади и не слезал с нее по целым дням... стрелял из лука, разбивая стрелой яйцо на дальнем расстоянии, как истинный башкирец; остальное время года жил он в каком-то чулане с печью, прямо из сеней, целый день глядел, высунувшись, в поднятое окошко, даже зимой в жестокие морозы, прикры-

тый ергаком, насвистывая башкирские песни и попивая, от времени до времени, целительный травник или ставленный башкирский мед. Зачем смотрел Каратаев в окошко, перед которым лежало пустое пространство двора, пересекаемое вкось неторной тропинкой, что видел, что замечал, о чем думала эта голова на богатырском туловище, не разгадает никакой психолог. Нарушалось, правда, иногда совершение философа: проходила козырем по дорожке из людской в скотную избу полногрудая баба или девка, кивал и мигал ей Каратаев и получал в ответ коротко знакомые киванья и миганья... но женский образ исчезал на повороте как призрак, и снова глядел Каратаев в пустую даль» (1; 215—217).

В «Воспоминаниях» С. Т. Аксаков уже называет Каратаева Кротковым, но чтобы замаскировать настоящую фамилию тетки Александры, он называет «полубашкирца И. П. Кроткова «деверем своей незамужней тетки Евгении, названной в произведениях С. Т. Аксакова Татьяной и бывшей впоследствии замужем за В. В. Угличинным (11; 109).

По документам 1770-х годов видно, что в молодые годы Иван Петрович Кротков покупал земли в Оренбургской губернии. 11 сентября 1778 г. у капитана 4-го Оренбургского батальона Степана Федоровича Каловского он покупает за 190 рублей под Уфой землю с санными покосами и прочими угодьями вблизи впадения рч. Малый Юрмаш в рч. Юрмаш — приток р. Уфы (ныне это на территории Федоровского сельсовета Уфимского района).

26 августа 1779 г. у башкир д. Епрыково он покупает за 350 руб. земли в Кыр-Иланской волости в Казыевой тюбе по рр. Ику, Усени и Сюне¹.

В охотничьем рассказе «Необыкновенный случай» С. Т. Аксаков село Каратаевку называет настоящим именем: село Кротково, но не упоминает своих родственников в этой деревне. Этот небольшой рассказ приводим ниже почти полностью.

«Будучи еще очень молодым охотником, ехал я в исходе июля со всем моим семейством, на серные Сергиевские воды; в тридцати пяти верстах от нашего имения находилось и теперь находится богатое село Кротково, всеми называемое Кротовка. Проехав село, мы останови-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 77, 78, 97, 98. Ныне это районы Туймазинский и Шаранский Башкирской АССР и Бавлинский Татарской АССР; д. Япрыково на р. Ике в 14 км от г. Туймазы.

лись у самой околицы ночевать на прекрасной родниковой речке, текущей в высоких берегах. Солнце садилось; я пошел с ружьем вверх по речке. Не прошел я и ста шагов, как вдруг пара витютинов, прилетев откуда-то с поля, села на противоположном берегу, на высокой ольхе, которая росла внизу у речки и вершина которой как раз приходилась на одной высоте с моей головой; близко подойти не позволяла местность, и я, шагах в пятидесяти, выстрелил мелким бекасинником. Для такой дробли расстояние было далеко; оба витютина улетели, а с дерева упала крестьянская девочка... Всякий может себе представить мое положение: в первое мгновение я потерял сознание и находился в переходном состоянии человека между сном и действительностью, когда путаются предметы обоих миров. По счастью, через несколько секунд девочка, с большим бураком в руках, вскочила на ноги и ударилась бежать вниз по речке к деревне... Не стану распространяться в описании моего испуга и изумления. Бледный, как полотно, воротился я к месту нашего ночлега, рассказал происшествие, и мы послали в Кротовку разведать об этом чудном событии; через полчаса привели к нам девочку с ее матерью. По милости божьей, она была совершенно здорова; штук тридцать бекасинных дробинок испарали ей руку, плечо и лицо, но, по счастью, ни одна не попала в глаза и даже не вошла под кожу. Дело объяснилось следующим образом: двенадцатилетняя крестьянская девочка ушла тихонько с фабрики ранее срока и побежала с бураком за черемухой, которая росла по речке; она влезла за ягодами на дерево и, увидев барина с ружьем, испугалась, села на толстый сучок и так плотно прижалась к стволу высокой черемухи, что даже витютины ее не заметили и сели на ольху, которая росла почти рядом с черемухой, несколько впереди. Широко раскинувшийся заряд одним краем своего круга задел девочку. Конечно, велик был ее испуг, но и мой не меньше. Разумеется, мать с дочерью ушли от нас, очень довольные этим происшествием» (IV, 575, 576).

Упомянутая в рассказе С. Т. Аксакова фабрика была суконой.

О селе Кротково И. Н. Сырнев пишет: «К северу от Похвистнева, верстах в 25, лежит село Кротково (Архангельское или Алексеево), с населением более 2500 человек. В прежнее время здесь была суконая фабрика и винокурный завод. Ныне в селе есть метеорологическая станция, и бывают каждую неделю базары. В эпоху осво-

бождения крестьян село это принадлежало Н. Н. Кроткову, владевшему здесь 27000 дес. земли»¹.

Нами найдено архивное дело «О жестоком обращении помещика Кроткова со своими крестьянами». Это дело на 185 листах было начато 13 декабря 1822 года и окончено 19 февраля 1827 года. Николай Николаевич Кротков, владлец суконной фабрики и винокуренного завода в селе Кротково, купил у коллежской асессорши Ефимии Федоровны Похвистневой слободу Новоникольскую с 340 душами крестьян. Новый хозяин заставил работать купленных крестьян на своем винокуренном заводе и суконной фабрике в селе Кротково. Крестьяне Климентий Зиновьев, Никифор Константинов и Ермолай Матвеев в прощении, поданном царю, жаловались на притеснение нового помещика, который обременял их работами, отбирал собственное их имущество и жестоко наказывал. Находясь все время на работе на суконной фабрике и винокуренном заводе, они развозили по разным губерниям и городам «транспорты вина и сукон на собственных своих издержках, которые в оброк не зачисляются». Произведенным следствием все это подтвердилось, «но от губернского начальства помещик не усмирен и продолжает купно с приказчиками своими заковывать крестьян в тяжкие цепи и отправлять на завод и фабрику, где запирают их в пустом и холодном сарае, содержат всех по несколько дней без пищи и питья, отчего многие из них приходят в отчаяние и лишаются жизни; что Кротков от некоторых отобрал немалое количество денег под предлогом отпуска на волю, но не выполнил обещания и они доныне находятся крепостными; что разоряет все обзаведения их, как-то: пчельники и мельницы; раскрадывает детей — и наносит им другие разные гибели»².

Далее в жалобе сообщается, что, чтобы держать взбунтовавшихся крестьян в повиновении, Кротков «содержит 1-го Тептярского полка 120 казаков с лошадьми за свой счет уже три года... И наконец, по данной жалобе от начальства стали делать крестьянам несносные обиды и притеснения и тем привели их в совершенную нищету, что за изнурительными работами, налагаемыми на крестьян г. Кротковым, многие из них не успевают собрать с полей собственного хлеба и потому оный остается на зиму под снегом без пользы, а верители их остаются без

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова, СПб., 1901, т. 6, с. 431.

² ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 165—167.

достаточной для пропитания себя пропорции... По приказанию Кроткова управитель и старосты его, обще с тептярями, ворвались силою в один крестьянский дом, разграбили все бывшее в нем имущество и начали драку, в которой тептяри обнаженными саблями поразили смертельно девять человек... Уездный суд по рассмотрению дела сего, хотя определил управителя и старост удалить от предоставленной им власти, а тептярей предать военному суду, но уголовная палата перевершила таковое определение и сделала виновными одних крестьян. Г. Кротков, продолжая и даже усиливая вышеозначенные угнетения, берет за освобождение от оных по 100 рублей с человека, а когда больше или меньше. Крестьяне же остаются без покровительства законов. И наконец, что по решению уголовной палаты определено наказание многим крестьянам, для выполнения которого приезжал к ним заседатель Маков, он как они объявили на оное возражение, с тем чтобы взять дело на апелляцию, то земский исправник, прибыв вскоре за тем в деревню их, исполнил помянутое решение, а помещик Кротков, даже усугубляя месть свою, прислал начальника квартирующих у них тептярей ротмистра Туманского с управителем и старостами, которые при помощи тептярей пересекли многих крестьян плетью без всякого определения, и столь жестоко, что некоторые из них находились близко к смерти. По сим обстоятельствам просим, дабы вышеобъясненные дела рассмотреть в Правительствующем сенате, и их от крепостного состояния освободить, дозволив внести за себя помещику в продолжение 15 лет ту сумму, какая заплачена им за сие имение при покупке оного от прежней помещицы»¹.

Далее по делу видно, что крестьян снова обвинили в «своеволии», Оренбургский военный губернатор, генерал Эссен по этому поводу писал местным властям, что, если крестьяне «в поведении своем не исправятся и впадут паки в своеволие, или допустят себя к подаче подобных несправедливых жалоб, основанных на прихоти и клевете, тогда как со зловердными нарушителями внутреннего благоустройства и тишины поступлено с ними будет по всей строгости законов без малейшего послабления. По исполнении же сего мне донести»².

С. Т. Аксаков в «Семейной хронике», упоминая о владельце села Кротково Иване Петровиче Кроткове, относил

¹ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 453, л. 169, 169 об.

² Там же, л. 183 об.

события к концу 1780-х годов. Из архивного же дела видно, что в том же селе через 35 лет владельцем был Николай Николаевич Кротков.

Н. Н. Кротков упоминается во многих литературных источниках. Он — поручик, был избран Бугурусланским уездным предводителем дворянства на два срока (1823—1830). По случаю приезда в Уфу Александра I в 1824 году Н. Н. Кроткову было выдано 11 ты-

сяч рублей и поручено отправиться в Москву и закупить там предметы, «необходимые для предположенного уфимским дворянством бала»¹.

Суконная фабрика Н. Н. Кроткова ежегодно вырабатывала 118000 аршин². В 1846 году сообщалось о двух несчастных случаях на заведениях Н. Н. Кроткова. «На мельнице г. Кроткова работавшие крестьяне Федор Ефремов и Петр Платонов по неосторожности упали в водяную трубу, где и раздавлены до смерти. Государственный крестьянин деревни Султангуловой Бугурусланского уезда Иван Федоров на винокуренном заводе г. Кроткова упал в барду и «от сильного обвара помер»³.

Винокуренный завод Кроткова в 1862—1863 гг. бездействовал, так как арендатор, Иван Петрович Рычков, его перестраивал⁴.

Даты рождения и смерти Н. Н. Кроткова даны на могильной плите кладбища Алексеевского женского монастыря: родился 5 октября 1797, умер 7 сентября 1873 г.⁵.

Во второй половине XIX века и в начале XX в Уфе

проживало семейство оренбургского, а затем уфимского губернского землемера-поручика (1856—1860), затем штабс-капитана (1861) и статского советника (1883) Виктора Григорьевича Кроткова. Он несколько десятилетий возглавлял губернскую землемерную службу. Упоминания о нем встречаются во многих архивных документах, адрес-календарях и местных газетах¹. В 1906 г. он упоминается как владелец земельного участка в Белебеевском уезде. У него была большая семья: жена, Любовь Ивановна, сыновья Григорий, Виктор и Иван и дочери Анна, Вера и Елизавета. Иван Викторович Кротков родился в 1862 г., окончил уфимскую мужскую гимназию в 1884 г., в 1906 г. служил податным инспектором затоустовского уездного казначейства, в 1914 — он в чине статского советника служил земским начальником второго участка Уфимского уезда².

Сохранилось архивное дело о неудачной попытке продать свой земельный участок 350 дес. в Белебеевском уезде вблизи села Киргиз-Мияки Крестьянскому Поземельному банку за 22000 рублей. Банк отклонил сделку «из-за невысокого достоинства почвы»³.

Виктор Викторович Кротков окончил Уфимскую мужскую гимназию в 1887 г. Анна Викторовна Кроткова родилась 10 янв. 1864 г.⁴, служила писцом Уфимской городской управы. Вера Викторовна Кроткова долгие годы учительствовала в Мариинском женском двухклассном училище в Уфе.

Полагаем, что это семейство относится к тому же роду Кротковых, что был в родстве с Аксаковыми.

В нашем крае встречались Кротковы из крестьян и мецан-башкир.

Глава XVIII

БУЛГАКОВЫ.

С. Т. Аксаков, описывая рыбную ловлю в д. Сергеевке на озере Книшки (близ Уфы), упоминает И. Н. Булгакова, сестра которого, Анна Николаевна, была женой

¹ ЦГА БАССР, ф. 351, оп. 1, д. 11140.

² Там же, ф. 294, оп. 2, д. 3. Метрическая книга Спасской церкви, л. 1 об. 2.

³ ЦГА БАССР, ф. 336, оп. 1, д. 3009, л. 1—5.

⁴ Там же, ф. 294, оп. 2, д. 5. Метрическая кн. Спасской церкви, л. 4 об. 5. В 1920-х гг. она была жива, ее лично знал Г. Ф. Гудков.

¹ Новиков В. Материалы к истории уфимского дворянства..., с. 89.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. 14, ч. 2, Оренбургская губерния, СПб., 1848, с. 85.

³ Оренбургские губернские ведомости, 1846, 4 мая, № 18, с. 206.

⁴ Памятная книжка Самарской губернии на 1863—64 гг. Самара, 1864, с. 102, 103.

⁵ Московский некрополь, т. 2, с. 110.

А. П. Мансурова. Родители С. Т. Аксакова были приглашены И. Н. Булгаковым в его имение д. Алмантаево, где в это время гостил А. П. Мансуров с женой и детьми.

«Я был рад, что гости уехали, и понятно, что очень не радовался намерению ехать в Алмантаево; а сестрица моя, напротив, очень обрадовалась, что увидит маленьких своих городских подруг и знакомых: с девочками Мансуровыми она была дружна, а с Булгаковыми только знакома...

Через неделю поехали мы к Булгаковым в Алмантаево, которое мне очень не понравилось, чего и ожидать было должно по моему нежеланию туда ехать; но и в самом деле никому не могло понравиться его ровное местоположение и дом на пустолесье, без сада и тени, на солнечном припеке. Правда, недалеко от дому протекала очень рыбная и довольно сильная река Уршак, на которой пониже деревни находилась большая мельница с широким прудом, но и река мне не понравилась, во-первых, потому, что вся от берегов проросла камышами, так что и воды было не видно, а во-вторых, потому, что вода в ней была горька и не только люди ее не употребляли, но даже и скот пил неохотно. Впрочем горьковатость воды не имела дурного влияния на рыбу, которой водилось в Уршаке множество и которую находили все очень вкусно. Удить около дома было невозможно по причине отлогих берегов, заросших густыми камышами, а на мельнице удили только с плотины около кауза и вешняка, особенно в глубокой яме, или водоемине, выбитой под ним водою. Мы ездили туда один раз целым обществом разумеется, около завтрака, то есть совсем не вовремя, и ловля была очень неудачна; но мельник уверял, что рано утром до солнышка, особенно с весны и к осени, рыба берет очень крупная и всего лучше в яме под вешняком.

Хозяин, Иван Николаевич Булгаков, был большой охотник до лошадей, борзых собак и верховой езды. У них в доме все ездили верхом — и дамы и дети» (1; 392—394).

Существуют два древних рода Булгаковых: Московский и Рязанский, но к какому из них относятся уфимские Булгаковы — нам неизвестно. Среди уфимского дворянства род Булгаковых был известен как один из самых древних и богатых. В мемуарной литературе воспоминания о нем встречаются не только у С. Т. Аксакова, но также и у Г. С. Винского, описавшего свои впечатления о семье родителей аксаковских Булгаковых.

Через своего приятеля Ф. Я. Шишкова Г. С. Винский поступил на службу к Булгаковым домашним учителем, о чем оставил такие воспоминания: «...9 августа 1783 г. отправился я из Оренбурга, а 13 был уже в Уфе и помещен в доме г. надворного советника Николая Михайловича Булгакова.

Договор постановлен был для двух детей: учить французскому языку, географии, истории, арифметике, за то получать в год деньгами 300 р. и все содержание со службою и выездом для жены и меня...

Николай Михайлович, его супруга Прасковья Михайловна¹, трое детей и до 60-ти обоего пола челядинцев составляли в настоящем виде русский дворянский дом. Господин был за 40 лет, кроток, снисходителен, искателен, не корыстолюбив, хотя и не щедр. Госпожа — под 40 лет, ласкательна сначала без меры, искательна до низости, услужлива до подлости, завидлива, скупа, сварлива, тщеславна, болтуня, бесстыдница и к людям жестока. Дети, как избалованные барчата: сын Александр 9 лет, истинный ососок, дочь Анна 15 лет уже, что первое время меня удивило, заглядывалась на мужчин; Аленушка 4 лет с рожком во рту...

Госпожа управляла домом самовластно, или лучше самовольно...

Челядинцы, как и везде, составляли домашний скот»².

Далее Винский добавляет, что вскоре приехала меньшая овдовевшая сестра Николая Михайловича Булгакова — Авдотья Михайловна, «добрая, молодая, любезная, кроткая, веселая, дружелюбная. С первых же дней жена моя с нею подружилась»³. Дружба эта, впрочем, вызвала злобу хозяйки и в дальнейшем способствовала разрыву с семейством Булгаковых.

Приведем несколько документов о надворном советнике и предводителе оренбургского дворянства Николае Михайловиче Булгакове.

11 апреля 1785 г. он купил у башкир земли вблизи Уфы, по реке Уршак, за 300 рублей. Здесь же он основал свое имение в д. Алмантаево⁴.

Ровно через год он продал пятую часть этой земли

¹ Прасковья Михайловна была дочерью Михаила Лаврентьевича Тимашева. См.: Сиверс А. С. Указ. соч., с. 128.

² Винский Г. С. Мое время. СПб., Огни, 1914, с. 113—117.

³ То же, с. 127.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 178—179.

коллежской ассессорше Марии Филипповне Жедринской за 150 рублей¹.

20 апреля 1787 г. Н. М. Булгаков продал за 425 рублей землю коллежскому ассессору Василию Михайловичу Карамзину в Бузулуцкой округе при селе Богородском, раньше земля эта была куплена покойным отцом премьер-майором Николаем Ивановичем Булгаковым. По доверенности В. М. Карамзина купчую оформил стряпчий Оренбургского верхнего земского суда Тимофей Степанович Аксаков².

24 марта 1789 г. Н. М. Булгаков купил у башкир Казанской дороги земли за 50 рублей в Бузулуцкой округе по речкам Большой Муштай и Буровка³.

22 февраля 1793 г. он купил у прапорщицы Анны Федоровны Бордовской земли в Бугурусланской округе по р. Насыгай (приток р. Кинель) при деревне Александровке⁴.

В 1800 г. статский советник Н. М. Булгаков подписал ведомость оренбургского дворянского собрания о количестве крестьян в Оренбургской губернии⁵.

В том же году он составил записку о характере земельных деления на помещичьих землях⁶.

Н. М. Булгаков избирался губернским предводителем дворянства на 1794—1796 и на 1800—1802 гг. Ранее он избирался бузулуцким окружным предводителем (1791—1794)⁷.

В 1801 г. для присутствия при коронации Александра I он был уполномочен оренбургским дворянством отправиться в Москву⁸.

Его сыну И. Н. Булгакову, по шестой ревизии 1811 г., в д. Алмантаево Уфимского уезда принадлежало 147 душ крепостных крестьян мужского пола⁹.

Это та самая деревня, о которой упоминает С. Т. Аксаков. В Уфимском уезде существовали три деревни с

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 190—191.

² То же, с. 208—209; непонятно, почему в документе отец Николая Михайловича назван Николаем Ивановичем.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 251, 252.

⁴ То же, с. 324.

⁵ То же, с. 390.

⁶ То же, с. 399—403.

⁷ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 89—146.

⁸ То же, с. 140.

⁹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 120, л. 18—23 об. Винский не упоминает о сыне Иване возможно потому, что он был старшим и проживал отдельно от родителей.

этим названием, в настоящее время нет ни одной, так как они изменили названия: деревня Алмантаево, принадлежавшая И. Н. Булгакову и описанная С. Т. Аксаковым, известна теперь как деревня Камышлы Булгаковского сельсовета Уфимского района, в 33 км от Уфы и в 3 км от села Булгаково (Воскресенское).

Спустя четверть века в нашем крае в нескольких источниках упоминаются пять человек Булгаковых с отчеством Ивановичей, нет оснований сомневаться, что это дети Ивана Николаевича Булгакова: Александра, Прасковья и Елена Ивановны Булгаковы представлялись Александру I в Уфе на бале 17 сентября 1824 г. в числе присутствующих там ста дам. Среди них была и Елизавета Андреевна Булгакова, по-видимому, их мать¹. Четвертая дочь, Софья Ивановна, была замужем за французским графом Вильямом де Бомон. Об этом графе интересные материалы нами обнаружены в ЦГА БАССР.

В «Ведомостях о людях, находящихся под надзором Уфимской городской полиции за вторую половину 1829 г.», приложенных к рапорту и. о. полицмейстера кн. Кугушева на имя оренбургского гражданского губернатора, 8 декабря 1849 г. за № 1551, значится: «Французский граф Вемион Дебомо, лет 48. Прислан из города Стерлитамака, при предписании оренбургского губернатора от 9 сентября 1837 г. за № 9070, с разрешения г. Оренбургского военного губернатора, но по каким делам — неизвестно. Жительствует в г. Уфе в собственном доме, никаких занятий не имеет, также и от казны никакого содержания не получает. Имеет при себе жену Софью Ивановну, сыновей Петра 18 лет, Дмитрия 17, Павла 14 и Васафа 11 лет².

В числе лиц, состоящих под надзором полиции в Уфе в 1849 г., упоминается «Де Бомон Вильям, 48 лет. По высочайшему повелению за дерзкое письмо, писанное к г. министру финансов, с 4 мая 1836 г. Имеет жену и четырех сыновей, из которых один воспитывается в Казанском университете, двое состоят в военной службе и четвертый находится при нем»³.

В архиве нами было найдено дело по обвинению де Бомона в прелюбодеянии со свояченицей Александровой закончившееся присуждением обоих к церковному покаянию⁴.

¹ Новиков В. А. Указ. соч., с. 257.

² ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 333, л. 67.

³ То же, л. 77.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1001.

В фонде директора оренбургских училищ имеется дело о переводе с французского на русский язык двух писем графа де Бомона оренбургскому военному губернатору. В первом письме от 18 июля 1829 г. он жалуется, что был схвачен в деревне своей тещи Булгаковой 6 июля 1829 г., отвезен в Уфу, где переводился из-под одной стражи под другую, без позволения свидания с женой. Свой арест де Бомон объясняет «злонамеренностью» Мертваго, «который завидует расположению ко мне моей тещи и, так как госпожа Булгакова очень стара и слаба, то ее отчуждение им очень удобно, они могут склонить ее на свою сторону». Во втором письме от 24 июля 1829 г. он сообщает, что ему стало известно, будто бы с 1825 г. он находится под секретным надзором полиции, и далее пишет: «...я никак не могу верить, что какое-либо дали приказание, по коему меня следует содержать под стражей как преступника. В Уфе пять дней, как взяли меня с гауптвахты для посещения с женой квартиры против полиции, откуда я не могу сделать ни одного шага без сопровождения караульного всегда с запрещением выходить из города. Так поступают с людьми виновными, но я совершенно ни в чем не обличен. Позвольте мне пользоваться свободой, какую бы я мог иметь будучи французским подданным, а ныне как дворянин русский»¹.

Сын Ивана Николаевича Булгакова, Петр Иванович, действительный статский советник, камергер, упоминается во многих документах. Быть крестным отцом, видимо, было его любимым занятием, так как его имя встречается в целом ряде метрических книг. Он был крестным отцом двух сыновей Григория Сергеевича Аксакова: Сергея, родившегося 28 августа 1861 года, и Константина, родившегося 14 января 1864 года². Это было не случайно, так как Петр Иванович Булгаков был двоюродным братом тещи Г. С. Аксакова, Марии Алексеевны Булгаковой, по мужу Шишковой³.

Петр Иванович Булгаков родился в 1808 году, в 1829 окончил Александровский лицей. В 1832—1834 гг. служил в Азиатском департаменте, состоя при председателе Оренбургской пограничной комиссии, затем служил в Главном архиве Министерства иностранных дел. В

¹ ЦГА БАССР, ф. 110, оп. 2, д. 55, л. 4 об. 6.

² ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 2. Метрическая книга Троицкой церкви, л. 25 об., 26; д. 5, Метрическая книга Ильинской церкви, л. 2 об., 3.

³ Сиверс А. А. Указ. соч., с. 181.

1849 г. получил звание камергера. Последние годы своей жизни в чине действительного статского советника был директором Уфимского попечительного о тюрьмах комитета¹.

Перед отменой крепостного права у Петра Ивановича Булгакова было в Уфимском уезде в селе Булгаково (Воскресенское) 240 душ крестьян².

Сестра Петра Ивановича, Екатерина, была замужем за губернским секретарем Михаилом Степановичем Мертваго, племянником крестного отца С. Т. Аксакова, Дмитрия Борисовича Мертваго³.

Следующее поколение — сын Петра Ивановича — Сергей Петрович Булгаков упоминается в метрических книгах: 29 декабря 1889 г. у него и его жены Юлианы Петровны родился сын Владимир⁴.

В последней четверти XIX века Булгаковы как землевладельцы Уфимского уезда нам не встречались. Н. В. Ремезов упоминает Булгакова как бывшего владельца земель, проданных князю Кугушеву после 1874 г.⁵

Однако еще в XX веке это семейство Булгаковых имело собственный дом в Уфе (одноэтажный, деревянный и ныне существующий по ул. Коммунистической, бывшей ул. Успенский, № 130)⁶.

Глава XIX

РОМАНОВСКИЕ.

Среди близких друзей родителей С. Т. Аксакова в Уфе были Романовские — Василий Васильевич (1757—1827) и его жена Анна Ивановна (2; 485).

Личных детских воспоминаний С. Т. Аксаков о Романовских сохранить не мог, так как Романовские уехали из Уфы в Петербург в 1793 г., когда писателю было всего два года. Много позже семья приехала в Петербург для

¹ Сиверс А. А. Указ. соч., с. 180, 181.

² Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, вышедших от крепостной зависимости, т. 2, СПб., 1860.

³ ГАКО, ф. 150, оп. 1, д. 29, л. 482—505.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 294, оп. 2, д. 31. Метрическая книга Покровской церкви, л. 1 об., 2.

⁵ Ремезов Н. В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране, изд. 2. М., 1889, с. 44.

⁶ Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1908, с. 161.

определения семнадцатилетнего С. Т. Аксакова на службу. Здесь возобновилась старая дружба двух семейств.

В московском журнале «Русская беседа» в 1859 г. С. Т. Аксаков поместил «Встречу с мартинистами. (Воспоминания из петербургской жизни)». Это произведение, написанное в 1852 г., было последним опубликованным при жизни автора (2; 485). В. В. Романовский, условно именуемый здесь С. Т. Аксаковым — В. В. Рубановским, был убежденным масоном-мартинистом. О петербургской его жизни С. Т. Аксаков писал: «В 1808 году на Мойке, набережная которой тогда отделялась, или, скорее, переделывалась и украшалась новой узорной чугунной решеткой, неподалеку от запасных хлебных магазинов и конногвардейских казарм, находился каменный дом старинной петербургской архитектуры. Дом этот принадлежал некогда, как я после узнал, Ломоносову и потом как-то приобретен был казною. В настоящее время в нем помещался с своим семейством начальник хлебных запасных магазинов, действительный статский советник и кавалер Владимира 3-й степени, Василий Васильевич... назовем его: Рубановский. Это была его казенная квартира с отоплением и освещением, которая давала ему возможность, при небольшом жалованье, кое-как существовать в Петербурге... Рубановский, человек религиозный до мистицизма, злой мартинист, как его звали в обществе, во всю свою жизнь, с суровой строгостью и с тягостною для всех точностью, свято исполнял долг суда и правды на поприще своей разнообразной и долговременной служебной деятельности. Добившись порядочного чина, он служил и у города Архангельска председателем казенной палаты, а впоследствии и в Оренбургском крае, тоже председателем какой-то палаты. В Уфе, как и везде, был он одним и тем же чиновником непреклонной, неумолимой честности. Именно в Уфе он познакомился с моим отцом и матерью, и это был единственный дом или семейство, с которым Рубановский постоянно находился в дружеских отношениях. Он был нелюбим в обществе, ненавидим своими подчиненными, да, признаться, мудро было его и любить, но не уважать его было невозможно: будучи всегда чист в своих действиях, независим по своему бескорыстию и умеренности, он не стеснялся в своих речах законами лицемерного приличия, не держал на привязи своего языка и, когда считал это справедливым, не щадил никого. Его боялись как огня и никогда не заводили с ним ни ссор, ни споров; от него молча отходили прочь, но зато неумолимо действовали против

него тайно, как против беспокойного чиновника и злонаправленного человека. Вследствие таких происков Рубановский никогда не засиживался долго на одном месте; через каждые два, три года его переводили, и вот, наконец, перевели из Уфы в Петербург, где уже он оставался довольно долго на службе, до выслуги пенсии, и то благодаря покровительству мартинистов.

Когда в 1808 году привезли меня в Петербург, для определения на службу, то на другой или на третий день нашего приезда меня послали с визитами: к бывшему наставнику моему Г. И. Карташевскому, к крестному моему отцу, Д. Б. Мертваго, и к Рубановским. Последних я вовсе не знал, или, лучше сказать, не помнил, потому что был слишком мал, когда они уехали из Уфы, но я слышался об них как об самых добродетельных и честных людях. Семейство Рубановских произвело, однако, на меня неприятное впечатление. ...Когда я воротился домой и рассказал, какое впечатление произвели на меня Рубановские... мне объяснили подробно, что за почтенные оригиналы были эти люди. Мать смеялась и сама удивлялась, что не предупредила меня об этом; но она думала, что пятнадцатилетнее пребывание в Петербурге на таком важном, по ее мнению, месте заставило Рубановских, несмотря на природное упрямство, бросить свой странный костюм и свои архангелогородские обычаи... Тут рассказала мне она, что Анна Ивановна — архангельская уроженка, что в Уфе, да и везде она одевалась точно так, как одеваются женщины, живущие у города Архангельска, что она всегда заявляла намерение не изменять ни в чем своего костюма и никогда не обедать позже часа. Все это в Петербурге казалось невозможным, а теперь оказалось в точности исполненным. Тут я также узнал, что Рубановские испытали ужасную потерю: менее года, как они лишились старшей дочери, необыкновенной красавицы и умницы, которая была идолом своего семейства...

Когда семейство мое уехало и я остался служить в Петербурге, я продолжал посещать Рубановских и, согласно их требованию, обедал у них каждое воскресенье. Я познакомился с остальным семейством, которое состояло из двух сыновей и двух дочерей. Старший сын служил в лейб-гренадерском полку и был во всех отношениях совершенная противоположность своему суровому, но высоко нравственному отцу; он был убит в 1812 году» (2; 222—228).

В. В. Романовский пытался увлечь С. Т. Аксакова

масонством, но последний относился к этому учению весьма иронически. Он позволил себе над стариком Романовским даже весьма злую шутку. Воспользовавшись тем, что один из масонов-фанатиков, чиновник И. В. Вольф, уморил себя голодом, С. Т. Аксаков от его имени написал девять отрывков, которые «состояли из пустого набора слов и великолепных фраз без всякого смысла, но в то же время имели некоторую внешнюю связь и мистическое значение». Далее следует описание, как С. Т. Аксаков читал эти отрывки из мнимых сочинений Вольфа Романовскому. «Я приехал часа за два до обеда, мы заперлись с стариком в его кабинете, и я, не без внутреннего волнения и упреков совести, прочел ему листов шесть написанного мною вздора. Во время чтения я несколько раз останавливался, говоря: «Какая дичь, какая бессмыслица, какая галиматья!» Но старик с сожалением улыбался, повторяя любимые свои выражения, что «это не при вас и не для вас писано». — Я попросил его растолковать мне — и он толковал целый час. Мне стало так совестно, что я едва не признался ему в обмане. Наконец, кончилась эта тяжелая для меня пытка: нас позвали обедать» (2; 261, 262).

Анна Ивановна Романовская не разделяла масонских взглядов мужа и с большой симпатией относилась к молодому Аксакову.

С. И. Машинский, комментируя воспоминания из петербургской жизни, отмечает: «Едко, а порой даже с сарказмом описывает Аксаков мистическую тарбарщину мартинистов и их тщетные попытки обратить его в свою веру. «Встреча с мартинистами» содержит интересный материал, характеризующий нравы определенной части великосветского петербургского общества, а также важный период в истории духовного развития молодого Аксакова» (2; 485).

Перейдем теперь к рассмотрению литературных и архивных сведений о семье Романовских в нашем крае.

В 1740 году генерал-лейтенант Леонтий Яковлевич Соймонов, начальник Комиссии Башкирских дел¹, имел адъютанта Василия Романовского².

Капитан ландмилицкого Шешминского драгунского полка Василий Иванович Романовский упоминается в до-

кументе 25 января 1751 года¹. Можно предположить, что Василий Романовский адъютант и капитан одно и то же лицо — отец аксаковского Василия Васильевича Романовского.

Василий Васильевич Романовский, надворный советник, председатель Уфимского уездного суда, упоминается в нескольких документах в связи с тем, что его жена Анна Ивановна в конце XVIII в. покупает у разных лиц пять смежных земельных участков по левую сторону от реки Демы вблизи ее устья. Ныне на этой территории находится Демский район города Уфы и прилегающие к нему с севера земли Уфимского района (д. Романовка). Остановимся подробно на купленных А. И. Романовской земельных участках: их топография и фамилии землевладельцев представляют большой интерес для истории заселения окрестностей г. Уфы.

Первый участок куплен 19 января 1739 г. за 500 рублей у коллежского советника Николая Ивановича Тимашева «при реке Белой на луговой стороне со всем заведенным на той земле господским и крестьянским строением». Проданная земля состоит из трех частей, незадолго перед тем купленных Н. И. Тимашевым:

— 22 августа 1784 г. у отставного вахмистра Якова Игнатьевича Сокурова по речкам Камышенке и Малаевой:

— 7 июля 1786 г. у отставных из дворян солдата Игнатия Дмитриевича и вахмистра Андрея Дмитриевича Алемановых по речкам Барсугуш и Пушкаревой;

— 12 февраля 1790 г. у генерал-майора Александра Дмитриевича Карпова по речке Польской (Малаевой), за исключением участка, подаренного в 1790 г. секунд-майору Пасмурову и отданного места под усадьбу надворному советнику Ушакову².

Второй участок куплен 7 апреля 1793 г. в той же местности за 150 рублей «за рекой Демой по течению оной на левой стороне» от шести дворян Куровских³. Род Куровских владел этими землями с 1673/74 г.

Третий участок куплен 20 апреля 1794 г. за 50 рублей у Андрея Яковлевича Сокурова «за Белой и Демой реками по течению оных на левой стороне при речке Польской, называемой Малаевой»⁴.

¹ Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.-Л., АН СССР, 1950, с. 149.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 3, с. 519, 520, 523, 627.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, с. 37.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 322, 323.

³ Там же, с. 326.

⁴ То же, с. 336, 337.

Четвертый участок куплен за 200 рублей у «небывшего в службе дворянина» Максима Игнатьевича Алеманова за реками Белой и Демой на левой стороне при речках Пушкаревой и Барсугуше¹.

Пятый участок куплен 15 мая 1797 г. за 100 рублей у отставного поручика Ивана Ивановича Гладышева за рекой Демой при деревне Балановой по речке Камышенке. Часть этой земли еще с 1635/36 г. принадлежала прадеду И. И. Гладышева — Семену Гладышеву².

Купленные земли нужно было заселить. Так появилось сельцо Анненское (Романовское). Первое упоминание о нем нам встретилось в 1799 г., принадлежало оно тогда Анне Ивановне Романовской, бывшей тогда уже статской советницей³.

По ревизской сказке 1811 г. (шестая ревизия) Анна Ивановна Романовская, теперь уже действительная статская советница, имела здесь дворовых 11 душ и крестьян 8 душ мужского пола. Здесь же ее мужу, Василию Васильевичу Романовскому, принадлежали 6 душ крестьян мужского пола⁴.

По девятой ревизии 1850 г. сельцо Анненское (Романовское) принадлежало капитану Ивану Филипповичу Епанечникову, имевшему здесь 11 крестьянских дворов и 11 семейств дворовых: 114 душ, в том числе 47 душ дворовых, обоого пола⁵.

По десятой ревизии 1858 г., сельцо Анненское (Романовка) принадлежало вдове капитана Елене Михайловне и двум ее сыновьям: коллежскому советнику Василию и поручику Константину Епанечниковым. У них была всего 137 душ, в том числе дворовых, обоого пола⁶.

По данным 1870 г., сельцо Анненское (Романовка) при речке Камышенке, в 12 верстах от Уфы, имело 15 дворов, где проживало 86 человек⁷.

В настоящее время деревня Романовка Жуковского сельсовета Уфимского района (колхоз Дружба) в 5 км от станции Дёма. В 1968 г. здесь проживало 227 человек⁸.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, с. 356, 357.

² То же, с. 365, 366.

³ ЦГА БАССР, ф. 351, оп. 1, д. 13054.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 117, рев. сказка №№ 96, 96.

⁵ ЦГА БАСР, ф. 137, оп. 2, д. 607, л. 1—12.

⁶ Там же, д. 712, л. 1154—1168.

⁷ Спски населенных мест Российской империи, т. 45, Уфимская губерния. СПб., 1877, алфавит.

⁸ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 сентября 1981 г., алфавит; То же, на 1 января 1969 г., алфавит.

В «Материалах по истории Башкирской АССР» упоминается надворный советник Степан Васильевич Романовский; его жена, тоже по имени Анна Ивановна Романовская, дважды покупала у башкир земли по реке Уршаку и ее притоку речке Чувалкипу в Стерлитамакской округе Уфимского наместничества 24 мая 1789 г. и 15 ноября 1790 г.¹

Как сообщает в своем дневнике М. С. Ребелинский, коллежский советник Степан Романовский умер 2 января 1809 г. Можно полагать, что это был брат аксаковского Романовского.

Известен сын Степана — Николай Степанович Романовский, статский советник, советник оренбургской казенной палаты, с 1803 по 1810 гг. вице-губернатор Оренбургской губернии². Умер он в 1834 г.³

Н. С. Романовский, по ревизской сказке 1811 г., имел в деревне Подгородной 10 душ крестьян мужского пола⁴.

Деревня Подгородная интересна тем, что являлась единственной вошедшей в состав города Уфы еще в прошлом веке: находилась она вблизи Софроновской пристани и с развитием пароходства по реке Белой преобразовалась в Софроновскую слободу города.

Романовские происходили из смоленских шляхтичей, поселившихся в Шешминске во второй половине XVII века⁵.

Глава XX

ДУРАСОВЫ.

О Николае Алексеевиче Дурасове, бригадире, оставил свои воспоминания С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука», где автор описывает свои впечатления о поездке вместе со своими родителями летом 1799 г. из села Ново-Аксаково Оренбургской губернии в село Чуфарово Симбирской губернии, в имение своей троюродной бабушки Надежды Ивановны Куроедовой. Если современ-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 254, 255, 290, 291.

² Ребелинский М. С. Дневник.

³ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 610, л. 551—555.

⁴ Там же, д. 120, л. 93, 93 об.

⁵ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1890, с. 382.

менный читатель захочет разобраться в маршруте этой поездки, то ему потребуются географические карты Оренбургской, Куйбышевской и Ульяновской областей. Путь от села Аксаково (ныне Бугурусланский район Оренбургской области) проходил на запад через татарскую деревню Байгуган на реке Сок (ныне Клявлинский район Куйбышевской области) и далее через «огромную слободу пехотных солдат, называемую Красным поселением, расположенную на реке Кондурче» (ныне Кошкинский район Куйбышевской области), затем через деревню Вишенки, расположенную в верховьях реки Бирля, притока реки Большой Черемшан Симбирской губернии (у Аксакова р. Берля). Вблизи устья реки Бирля была переправа через реку Большой Черемшан, на противоположном берегу которой находилось село Никольское, принадлежавшее Н. А. Дурасову. Далее путь лежал к деревне Красный Яр «в двенадцати верстах от Симбирска и в десяти от переправы через Волгу». Сделав кратковременную остановку в симбирском доме Надежды Ивановны Куроедовой, Аксаковы затратили еще сутки на дорогу к западу от Симбирска до села Чуфарово (у Аксакова — Чурасово). Самым ярким впечатлением от всей этой поездки у С. Т. Аксакова осталось воспоминание о посещении имения богатого помещика Дурасова в селе Никольском. «На другой день, выехав не так рано (из деревни Вишенки — авт.), мы кормили на перевозе через чудесную, хотя не слишком широкую реку Черемшан, в богатом селе Никольском, принадлежавшем помещику Дурасову. Не переезжая на другую сторону реки, едва мы успели расположиться на песчаном берегу... как явился парадно одетый лакей от Дурасова с покорнейшею просьбою откусать у него и с извещением, что сейчас приедет за нами коляска. Дурасов был известный богач, славился хлебосольством и жил великолепно; прошлого года он познакомился с нами в Чурасове у Прасковьи Ивановны. Отец и мать сочли неучтивостью отказаться и обещали приехать... Скоро приехала щегольская коляска, заложённая четверкой, с фореятором и с двумя лакеями... Посередине большой площади, с двух боков застроенной порядками крестьянских изб, стояла каменная церковь, по-тогдашнему новейшей архитектуры. Каменный двухэтажный дом, соединяющийся сквозными колоннами с флигелями, составлял одну сторону четырехугольного двора с круглыми башнями по углам. Все надворные строения служили как бы стенами этому двору; бесконечный старый сад, с прудами и речкою, примыкал к

нему с одного бока; главный фасад дома выходил на реку Черемшан. Я ничего подобного не видывал, а потому был очень поражен и сейчас приложил к действительности жившие в моей памяти описания рыцарских замков или загородных дворцов английских лордов, читанные мною в книгах. Любопытство мое возбудилось, воображение разыгралось, и я начал уже на все смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного. Мы въехали на широкий четверугольный двор, посреди которого был устроен мраморный фонтан и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цветниками с песчаными дорожками. Великолепное крыльцо с фонарями, вазами и статуями и еще великолепнейшая лестница, посредине устланная коврами, обставленная оранжерейными деревьями и цветами, превзошли мои ожидания, и я из дворца английского лорда перелетел в очарованный замок Шехеразады. В зале встретил нас хозяин, самого простого вида, невысокий ростом и немолодой уже человек. После обыкновенных учтивостей он подал руку моей матери и повел ее в гостиную.

Обитая бархатом или штофом мебель из красного дерева с бронзою, разные диковинные столовые часы то в брюхе льва, то в голове человека, картины в раззолоченных рамках — все было так богато, так роскошно, что чурасовское великолепие могло назваться бедностью в сравнении с никольским дворцом. При первых расспросах узнав, что мать оставила мою сестрицу на месте нашей кормежки, гостеприимный хозяин стал упрашивать мою мать послать за ней коляску; мать долго не соглашалась, но принуждена была уступить убедительным и настоятельным его просьбам. Между тем Дурасов предложил нам посмотреть его сад, оранжерею и теплицы. Нетрудно было догадаться, что хозяин очень любил показывать и хвастаться своим домом, садом и всеми заведениями; он прямо говорил, что у него в Никольском все отличное, а у других дрянь. «Да у меня и свиньи такие есть, каких здесь не видывали; я их привез в горнице на колесах из Англии. У них теперь особый дом. Хотите посмотреть? Они здесь недалеко. Я всякий день раза по два у них бываю». Отец с матерью согласились, и мы пошли. В самом деле, в глухой стороне сада стоял красивый домик. В передней комнате жил скотник и скотница, а в двух больших комнатах жили две чудовищные свиньи, каждая величиною с небольшую корову. Хозяин ласкал их и называл какими-то именами. Он особенно обращал наше внимание на их уши, говоря: «Посмотрите на уши,

точно печные заслоны!» — Подивившись на свиней, которые мне не понравились, а показались страшными, пошли мы по теплицам и оранжереям: диковинных цветов, растений, винограду и плодов было великое множество. Хозяин поспешил нам сказать, что это фрукты поздней пристановки и что ранней — все давно сошли. Тут Параша привела мою милую сестрицу... Дурасов рвал без разбора всякие цветы и плоды и столько надавал нам, что некуда было девать их... Только что воротились мы в гостиную и сели отдохнуть, потому что много ходили, как вошел человек, богато одетый, точно наш уфимский губернатор, и доложил, что кушанье поставлено. Я сейчас спросил тихонько мать: «Кто это?» — и она успела шепнуть мне, что это главный официант. Я в первый раз услышал это слово, совершенно не понимал его, и оно несколько не решало моего вопроса... Пройдя несколько комнат, одна другой богаче, мы вошли в огромную, великолепную и очень высокую залу, так высокую, что вверху находился другой ряд окон. Небольшой круглый стол был убран роскошно: посредине стояло прекрасное дерево с цветами и плодами; граненый хрусталь, серебро и золото ослепили мои глаза... Только что подали стерляжку уху, которую заранее хвалился хозяин, говоря, что лучше черемшанских стерлядей нет во всей России, как вдруг задняя стена залы зашевелилась, поднялась вверх, и гром музыки поразил мои уши! Передо мною открылось возвышение, на котором сидело множество людей, державших в руках неизвестные мне инструменты... Я был подавлен изумлением, уничтожен. Держа ложку в руке, я превратился сам в статую и смотрел, разинув рот и выпуча глаза, на эту кучу людей, то есть на оркестр... Хозяин, заметя мое изумление, был очень доволен и громко хохотал, напоминая мне, что уха простынет. Но я и не думал об еде. Матери моей было неприятно мое смущение, или, лучше сказать, мое изумление, и она шепнула мне, чтоб я перестал смотреть на музыкантов, а ел... Трудно было мне вполне повиниться! Черпая ложкой уху, я беспрестанно заглядывался на оркестр музыкантов и беспрестанно обливался. Дурасов еще громче хохотал, отец улыбался, а мать краснела и сердилась. Сестрица моя сначала так же была удивлена, но потом сейчас успокоилась, принялась кушать и смеялась, глядя на меня.

Не много съел я диковинной ухи и сдал почти полную тарелку. Музыка прекратилась. Все хвалили искусство музыкантов. Я принялся было усердно есть какое-то блю-

до, которого я никогда прежде не ел, как вдруг на возвышении показались две девицы в прекрасных белых платьях, с голыми руками и шеей, все в завитых локонах; держа в руках какие-то листы бумаги, они подошли к самому краю возвышения, низко присели (я отвечал им поклоном) и принялись петь. Мой поклон вызвал новый хохот у Дурасова и новую краску на лице моей матери. Но пение меня не увлекло: слова были мне непонятны, а напевы еще менее».

В конце 1799 года семейство Аксаковых вновь совершило поездку из села Аксаково в село Чуфарово. Так как Дурасова зимой в селе Никольском не было, то Аксаковы остановились в доме одного крестьянина. С. Т. Аксаков так описывает отзыв этого крестьянина о своем барине Дурасове: «...хозяин — необыкновенно умный мужик, который своими рассказами о барине всех нас очень занял и очень смешил мою мать. Он как будто хвалил своего господина и в то же время выставлял его в самом смешном виде. Речь зашла о великолепных свиньях, из которых одна умерла. «То-то горе-то у нас было, — говорил хозяин, — чушка-то что ни лучшая сдохла. Барин у нас... добрый, милостивый, до всякого скота жалостливый, так печаловался, что уехал из Никольского; уж и мы ему не взмилились. Оно и точно так: нас-то у него много, а чушек-то всего было две, и те из-за моря, а мы доморощина. А добрый барин; уж сказать нельзя, какой добрый, да и затейник! У нас на выезде из села было два колодца, вода преотменная, родниковая, холодная. Мужики, выезжая в поле, завсегда ею пользовались. Так он приказал над каждым колодцем по деревянной девке поставить, как есть одетые в кумашные сарафаны, подпоясаны золотым позументом, только босые; одной ногой стоит на колодце, а другую подняла, ровно прыгнуть хочет. Ну всяк, кто ни едет, и конный и пеший, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду из колодцев брать перестали: говорят, что непригоже». Словоохотливый хозяин долго и много говорил в этом роде; многого я не понимал, но мать говорила, что все было очень умно и зло. Впрочем, и того, что я понял, было достаточно для меня; я вывел заключение и сделал новое открытие: крестьянин насмеялся над баринном» (1, 535—540).

Дворянский род Дурасовых — один из старейших и известнейших родов в России. Предок их, Иван Дмитриевич Дурасов, выехал из Польши в конце XV века. Представители этого рода занимали крупные административ-

ные должности и служили в армии и во флоте. Двое Дурасовых были убиты под Смоленском в 1632 г., один — под Ригой в 1656 г. Имея земельную собственность в различных губерниях, этот род был внесен в 6-ю часть родословных книг Оренбургской, Рязанской, Самарской, Санкт-Петербургской и Тамбовской губерний.

Был еще один род Дурасовых более позднего происхождения¹.

Аксаковский Николай Алексеевич Дурасов был сыном Алексея Николаевича и Аграфены Ивановны, урожденной Мясниковой, племянницы И. Б. Твердышева — основателя горнозаводской промышленности на Южном Урале. Аграфена Ивановна Дурасова и ее три сестры, Екатерина Козицкая, Ирина Бекетова и Дарья Пашкова, получили в наследство все громадное богатство горнозаводской компании братьев Твердышевых и И. С. Мясникова².

Н. А. Дурасов имел двух братьев, Егора и Федора, и двух сестер, Степаниду и Екатерину. Егор и Федор были сенаторами. Степанида была женой графа, сенатора Федора Андреевича Толстого. Екатерина была замужем за бригадиром Степаном Григорьевичем Мельгуновым.

Н. А. Дурасов жил в Москве в большой роскоши. «Н. А. Дурасов очень любил играть в карты, особенно со своим соседом по имению, бывшим в 1812 г. московским губернатором, Николаем Васильевичем Обрезковым, и когда задолжал ему около миллиона, то уступил ему знаменитое Никольское, проданное потом графу Сологубу»³.

Новый владелец имения, Владимир Александрович Сологуб (1814—1832), — беллетрист и драматург — в своих воспоминаниях писал, что Твердышев (имеется в виду Иван Борисович — авт.) в селе Никольском «воздвигнул ценную усадьбу» и долгое время владел селом и «окружающими его вотчинами». Но сам, «как кажется, никогда не жил в Никольском... туда изредка приезжал Дурасов, его преемник»⁴.

¹ Энциклопедия Брокгауза..., т. XI, 1893, с. 245.

² Подробнее об этом см. в кн.: Гудков Г. Г., Гудкова В. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Часть первая. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1985.

³ Яровой А. Биографические очерки некоторых замечательных уроженцев Симбирской губернии, в кн.: Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Симбирск, 1868, с. 192.

⁴ Воспоминания графа Владимира Александровича Сологуба. СПб., 1887, с. 79. 80.

Село Никольское имеет второе название — по реке Большой Черемшан, на которой оно расположено. В конце прошлого века местность эта выглядела так: «Верстах в 25 ниже Сингелея в Волгу с левой стороны впадает р. Большой Черемшан, берущая начало в Бугульминском уезде и имеющая в длину более 200 верст. Река эта судоходна только на протяжении 30 верст, до с. Никольского. Выше судоходству препятствует отчасти мелководье, а главным образом множество устроенных на реке мельниц... Около устья реки стоит большое, торговое село Хрящевка (Георгиевское)... Верстах в 25 выше Хрящевки на реке Черемшан расположено село Черемшан (Никольское), откуда начинается судоходство... Село имеет до 1300 жителей, волостное правление, школу, 24 лавки, солодовни, базары и ярмарки. Село это в эпоху освобождения крестьян принадлежало графу Сологубу, владевшему здесь 18000 дес. земли... Талантливый беллетрист..., войдя во владение своим имением в 1840 г., должен был при тогдашних средствах сообщения совершить всю свою поездку из Москвы в тарантасе. Под впечатлением этой поездки и была, по-видимому, написана им лучшая и наиболее известная повесть «Тарантас». К юго-востоку от Черемшана на реке Бирля расположено село Рязаново... На этой же реке Бирле находится село Вишенки (Куроедово), в XVIII веке принадлежавшее Надежде Ивановне Аксаковой... В эпоху освобождения крестьян Вишенки принадлежали Сергею Тимофеевичу и его брату Николаю Тимофеевичу Аксаковым, владевшим здесь 2700 дес. земли»¹.

Кроме села Никольского, Н. А. Дурасов имел богатейшее подмосковное имение Люблино, мало чем уступающее Кускову (имение графов Шереметевых, ныне в черте города Москвы, где размещается известный историко-бытовой музей). В Люблино были превосходные оранжереи, в которых зимой «по воскресениям хозяин-гастроном имел обыкновение обедать со своими приятелями»².

Отличаясь любовью к музыке, Дурасов имел в Москве один из лучших оркестров из крепостных музыкантов³.

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В.П. Семенова, т. 6. СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1901, с. 409.

² Де-Шуле. Отец и сын. Русский Вестник, 1875, т. 117, № 5—6, с. 111.

³ Описание заводов хребта Уральского Е. Томилова, в кн.: Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Сборник документальных материалов. АН СССР, уральский филиал, Свердловск, 1956, с. 246.

В 1803 г. Н. А. Дурасов получил по наследству Юрюзань-Ивановский чугуноплавильный и железоделательный завод и крепостных крестьян при нем 1830 душ¹. По шестой ревизии 1811 г., на этом заводе и в принадлежащих к нему деревнях Тюбеляс, Дурасовке (Миньке) и Шубиной Уфимского уезда числилось 2537 душ м. п. да примерно столько же женских душ крестьян, не учтенных ревизией².

Кроме того, Верхоторский медеплавильный завод в Стерлитамакском уезде также в 1803 г. перешел по наследству Н. А. Дурасову. Но опасаясь, что Дурасов проиграет в карты и заводы, родственники его поспешили прибрать их к рукам: так, в 1804 г. его тетка, Дарья Ивановна Пашкова, покупает у него Верхоторский медеплавильный завод³.

В 1817 году его двоюродная сестра, княгиня Анна Григорьевна Белосельская-Белозерская, приобрела Юрюзань-Ивановский завод со всеми деревнями, проданными Дурасовым и в том же году купцу Старикову⁴.

В мемуарной литературе о Дурасовых сохранились воспоминания П. В. Долгорукова: «Между Дурасовыми и родственниками их Мельгуновыми было множество оставшихся бригадиров, доживавших в Москве свой бесполезный век... Дурасовы и Мельгуновы — это семьи бригадиров: настоящая дурасовщина. Бригадир эти не отличались образованностью; один из них... Николай Алексеевич Дурасов (о нем писал С. Т. Аксаков — авт.) большой хлебосол, однажды на похвалы обедавших у него гостей, которые восхищались поданною ухюю, отвечал: Эта уха еще ничего, а вот жаль, что вы не кушали той, что у меня подавали три дня тому назад, эта уха перед нею настоящее г...»⁵.

В 1858 году, т. е. за три года до отмены крепостного права, сыну Н. А. Дурасова, Николаю Николаевичу Дурасову, принадлежало в Стерлитамакском уезде 782 души крепостных крестьян (218 дворов), проживавших в селе Покровском — 333, в том числе 5 дворовых, и в деревнях: Николаевке — 129, Дурасовке — 115, Сашине —

101, Марьевке — 22 и Ильинке — 82 человека¹. К 1870 году население села Покровского и упомянутых деревень значительно уменьшилось и составило в общей сложности (без деревни Марьевки) 1187 человек, в том числе: в с. Покровском (на речке Большой Изяк, правом притоке реки Демы) — 241, в д. Николаевке (на речке Большой Изяк) — 279, Дурасовке (на речке Каменный Изяк) — 291, Сашино (на речке Каменный Изяк) — 235, Ильинке (на речке Верхний Изяк) — 141 человек; в «Списке населенных мест...» деревня Марьевка именовалась хутором и число жителей не указывалось².

По современному административному делению имение Н. Н. Дурасова находилось на территории Федоровского района Башкирской АССР, вблизи границ Стерлибашевского района Башкирии и Шарлыкского района Оренбургской области. Число жителей упомянутых населенных пунктов, по сведениям на 1 января 1969 г., последним из опубликованных, составляло: с. Покровское, ныне д. Покровка, центр Покровского сельсовета — 85, д. Николаевка — ныне две деревни Покровского сельсовета с расстоянием между ними 2 км — Новониколаевка — 89 и Старониколаевка — 165, деревня Дурасовка, ныне д. Айтуган-Дурасово Теняевского сельсовета, — 161, д. Сашина, ныне д. Сашина Теняевского сельсовета — 75, д. Ильинка, ныне д. Ильиновка Покровского сельсовета — 125 человек³. О деревне или хуторе Марьевке сведений нет.

Захват Н. Н. Дурасовым более 10 тысяч десятин башкирских земель Слытинской волости в 1835 г., многолетняя земельная тяжба, ликвидация волости и выселение башкир из д. Айтугановой, а также природа этой местности описаны Н. В. Ремезовым⁴. Эти земли Н. Н. Дурасов заселил крепостными крестьянами, переведенными из своей пензенской вотчины и купленными у других помещиков. По данным ревизских сказок (9-я ре-

¹ Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том 2. Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям. СПб., 1860. (Показано только число мужского населения.)

² Списки населенных мест Российской империи. Вып. 45, Уфимская губерния. СПб., 1877, с. 158, 162. (Показано общее число населения.)

³ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление, изд. 5. Уфа: Башкиргоиздат, 1969, с. 315, 416.

⁴ Ремезов Н. В. Бесконечное дело. Волжский вестник, 1890, № 154.

¹ Описание заводов хребта Уральского Е. Томилова..., с. 246.

² ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 117, ревизские сказки № 117, 118.

³ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Уфа: Башкиргоиздат, 1985, с. 112.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 3, д. 204, л. 1.

⁵ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М.: Север, 1934, с. 255.

визия 1850 г.), д. Николаевка заселялась крестьянами, переведенными в 1835 г. из деревни того же названия Мокшанского уезда Пензенской губернии, а также купленными: в 1834 г. у полковницы Мансуровой в д. Дмитриевке Хвалынского уезда Саратовской губернии; в 1836 г. у штаб-ротмистрши Щербачевой в сельце Тарапове Елатомского уезда Тамбовской губернии; в 1846 г. у генерала Черторижского в сельце Озерецком Зубцовского уезда Тверской губернии¹.

Генеральша Бардакова в 1843—1844 гг. продала Н. Н. Дурасову крестьян из своих имений в деревне Сафроновке Краснослободского уезда Пензенской губернии и деревни Московки Спаского уезда Тамбовской губернии, с переводом их в д. Ильинку². Кроме того, Н. Н. Дурасову в Оренбургском уезде в деревне Азино принадлежало 119 душ крепостных³. В Белебеевском уезде в деревнях Малая Дурасовка и Михайловка было 449 душ крепостных, принадлежавших Михаилу Федоровичу Дурасову — племяннику Н. Н. Дурасова⁴.

Николай Николаевич Дурасов, действительный статский советник, камергер и оренбургский губернский предводитель дворянства в течение шести трехлетий (1844—1862), имел сына Дмитрия. Д. Н. Дурасов в течение шести лет был стерлитамакским уездным предводителем дворянства (1877—1883)⁵. В селе Покровском Стерлитамакского уезда ему принадлежал Николаевский № 1 винокуренный завод, там же у него был и конезавод⁶.

В 1907 году Д. Н. Дурасов пытался продать Уфимскому отделению Крестьянского поземельного банка свое имение в селе Покровском с 7149 дес. земли за 386815

¹ ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 652, т. л. 221—240.

² ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 652, л. л. 267—280.

³ Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Том 2. Извлечения из описаний имений по великоросским губерниям. СПб., 1860. (Показано только число мужчин.)

⁴ Там же (показано только число мужчин.)

⁵ Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Изд. Уф. стат. комитета, Уфа, 1879, с. 79—146; Гурвич Н. А. В память столетия грамоты, пожалованной императрицей Екатериной Великой российскому дворянству. Казань, 1885, с. 12.

⁶ Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912, с. 252; Добротворский П. Записки о коневодстве и коннозаводстве в Уфимской губернии — извлечение из «Журнала Коннозаводства», М., 1873, № 7.

рублей. Сделка не состоялась, так как банк оценил это имение в 231500 рублей¹.

У Д. Н. Дурасова был сын Николай Дмитриевич, который в 1905 г. был земским начальником второго участка Стерлитамакского уезда². В 1917 году он — коллежский секретарь, почетный мировой судья и председатель уездного общества любителей охоты³. У него по соседству с отцовским имением было свое в деревне Николаевке, которое он совместно с Николаем Дмитриевичем Кудрявцевым получил в дар от своего отца. В 1909 году имение это с 1368 дес. земли было продано Крестьянскому Поземельному банку за 50900 рублей⁴.

Николай Дмитриевич приходится прапраправнуком И. С. Мясникова.

Расскажем теперь о двух сестрах аксаковского Дурасова. Степанида Алексеевна была замужем за сенатором, графом Федором Андреевичем Толстым (1758—1849), умерла она в 1821 году⁵.

Дочь Ф. А. и С. А. Толстых — Аграфена Федоровна, унаследовав после смерти матери большое богатство, была очень завидной невестой. В 1817 году двор прибыл в Москву на несколько месяцев. Царя сопровождали его приближенные. Городничий Арсений Андреевич Закревский очень захотел прибрать к рукам богатство графини Аграфены Федоровны Толстой, правнучки И. С. Мясникова, и вот по его порсьбе Александр I послал князя П. М. Волконского сватать Аграфену Федоровну. Графу Ф. А. Толстому вовсе не нравилось такое родство, но влияние царя имело свое значение в этом деле и свадьба состоялась. Таким образом А. А. Закревский женился на одной из богатейших невест России. После женитьбы А. А. Закревский пошел в гору: в 1828—1831 гг. он министр внутренних дел, в 1830 получил графский титул, в 1848—1859 — московский генерал-губернатор. На последнем посту Закревский особенно «прославился мелким властолюбием и

¹ ЦГА БАССР, ф. 336, оп. 1, л. 2951. Ныне деревня Покровка — центр одноименного сельсовета Федоровского района, в 20 км от села Федоровки. В 10 км от д. Покровки, у с. Алешкино, берет начало река Дема.

² Сборник документов и материалов о революционном движении 1905—1907 гг. в Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1955, с. 110.

³ Адрес-календарь Уфимской губернии... на 1917 г. Уфа, 1917, с. 156, 170.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 336, оп. 1, д. 2950. Ныне д. Николаевка находится в Дедовском сельсовете Федоровского района, в 7 км от с. Федоровки и в 5 км от ст. Дедово.

⁵ Петров. История родов русского дворянства..., т. 1, СПб., 1885, с. 313.

стеснительными для населения мероприятиями»¹. Еще более резкую характеристику Закревскому дал П. В. Долгоруков: «Закревский 11 лет угнетал Москву, говорил дерзости москвичам, вмешивался в семейные дела, открыто покровительствовал мошенникам и сам воровал поставками гнилого сукна и разбавленного водой водки». И далее в качестве примера деятельности Закревского Долгоруков приводит такой случай: «В Москве графиня Вакревская купила торговые бани: возле находился дом небогатого дворянина, графиня вздумала купить этот дом и предложила владельцу полцены. Он отказался. Тогда ему дали знать под рукою, что граф Закревский, имеющий у себя бланки государя, сошлет его в дальний город под надзор полиции за вредные политические мнения. Бедняк уступил и продал дом за полцены»².

А. А. Закревский отличался крайней реакционностью, но как он ни был угоден царю, а все же зарвался да так, что царь был вынужден в 1859 году уволить его с поста московского генерал-губернатора. Дело было скандальное и невероятное по своей наглости. У Закревских была дочь Лидия Арсеньевна, которая будучи замужем за графом К. В. Нессельроде, «с которым, разумеется, не жила. Закревский вздумал ее, не разведенную с первым мужем, вторично выдать замуж за князя Друцкого-Соколинского»³. Ни один священник не хотел их венчать. Наконец, Закревский нашел одного, который под угрозой ссылки в Сибирь согласился их перевенчать. Об этом Закревский имел дерзость сам известить государя. Вслед за тем и состоялось его увольнение... Вся Москва была в восторге от его падения... Радость была всеобщая»⁴.

Фигура А. А. Закревского, «крайнего реакционера и грубого бурбона», даже в николаевской России носила настолько одиозный характер, что удаление его с поста московского генерал-губернатора вызвало весьма широкий отклик и нашло отражение в многочисленных воспоминаниях современников. Кроме А. В. Никитенко, о нем многократно упоминал А. И. Герцен, а также писали

¹ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания-дневник. Перевод Е. В. Герье. М., Изд. М. и С. Сабашникова, ч. 1, 1928, с. 203—220.

² Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М.: «Север», 1934, с. 415.

³ Князь Дмитрий Владимирович Друцкой-Соколинский был адъютантом А. А. Закревского — авт.

⁴ Никитенко А. В. Дневник. Гос. изд. худож. литературы. Л., 1955, т. 2, с. 84, 87; т. 3, Л., 1956, с. 539.

П. А. Валуев, В. Ф. Одоевский, П. А. Вяземский и другие¹.

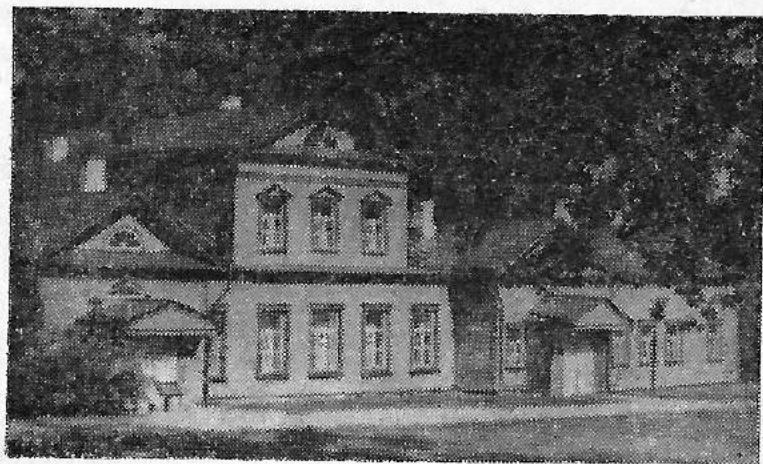
Как уже упоминалось выше, вторая дочь Алексея Дурасова и Аграфены Ивановны, урожд. Мясниковой, — Екатерина — была замужем за бригадиром Степаном Григорьевичем Мельгуновым. Писатель, педагог, биограф Никитина и Кольцова М. Ф. Де-Пуле (1822—1885) в своей статье «Отец и сын», посвященной двум поколениям самарских и казанских краеведов Второвых — Ивану Алексеевичу (1772—1844) и Николаю Ивановичу (1818—1865), подробно описывает самарское общество в начале XIX века. Остановившись на «Воспоминаниях» И. А. Второва, Де-Пуле приводит характеристику С. Г. Мельгунова, с которым был знаком И. А. Второв: «Дурасовы, Мельгуновы и Козицкие, находившиеся между собою в родстве, слыли тогда, по словам Второва, в Москве под прозвищем «евангельских богачей». С ними также находились в родстве князья Белосельские, Пашковы, Бекетовы, гр. Толстой и другие. Все эти фамилии, которые, как автор (Второв) называет богатейшими в России, владели тогда громаднейшим состоянием симбирских Крезов Мясниковых (Твердышевых), состоявшим в медных и железных заводах, в 76000 душ крестьян и в денежных капиталах. У С. Г. Мельгунова была в Москве прекрасная картинная галерея из оригинальных произведений лучших европейских школ; между прочим, здесь находилась какая-то картина Рафаэля, за которую Мельгунов, по словам Второва, заплатил 10000 рублей... С. Г. Мельгунов был до некоторой степени философом»².

С. Г. и Е. А. Мельгуновы имели трех дочерей — Екатерину, Софию, Наталью и сына Павла. Дочери совместно владели помещичьим имением в Уфимской губернии, в сельце Натальино Мензелинского уезда у них было накануне отмены крепостного права 365 душ крестьян мужского пола да почти столько же душ женского пола³.

¹ Дневник П. В. Валуева, министра внутренних дел. Изд. АН СССР, М., 1961, т. 1; Одоевский В. Ф. Литературное наследство. Кн. 22—24, 1935, с. 94; Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. X, СПб., 1886, с. 194.

² Де-Пуле. Отец и сын. Русский вестник, 1875, т. 117 (май — июнь), с. 150—151.

³ Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 2. Извлечения из описаний имений по великороссским губерниям (Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонекская, Оренбургская, Орловская, Пензенская). СПб., 1860.

Имеются сведения и о двух внуках С. Г. и Е. А. Мельгуновых: Алексей Павлович Мельгунов был членом 4-й Государственной Думы от Уфимской губернии и почетным мировым судьей Мензелинского уезда; его брат, Владимир Павлович Мельгунов, также был почетным мировым судьей в Мензелинском уезде¹.

Братья А. П. и В. П. Мельгуновы были праправнуками Ивана Семеновича Мясникова.

Глава XXI

МАНСУРОВЫ.

Встревоженное успехами Пугачевского восстания даже в условиях войны с Турцией правительство Екатерины II для решительного подавления его выделило части регулярных войск. «Все карательные силы были подчинены специально назначенному командующему генерал-аншефу А. И. Бибинову, имевшему в своем распоряжении опытных боевых генералов (П. М. Голицын, П. Д. Мансуров, Ф. Ю. Фрейман, И. А. де Колонг, С. Станиславский), а также губернаторов с генеральскими чинами (генерал-аншеф Я. И. фон Брант, генерал-поручик И. А. Рейнсдорп, генерал-майор Кречетников). Собрав карательные силы на Волге, А. И. Бибинов начал наступление в нескольких направлениях².

¹ Адрес-календарь Уфимской губернии, 1917, с. 12, 18, 140, 141.

² Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., Наука, 1969, с. 51.

В конце декабря 1773 и в январе 1774 гг. армия генералов Голицына и Мансурова развернула действия от реки Камы в направлении Бугульма — Бузулук — крепость Татищева — Оренбург. В начале апреля 1774 г. из крепости Татищевой генерал Мансуров начал наступление по Яицкой линии, 7 апреля он занял Илецкой городок, 15 числа достиг подступов Яицкого городка, а 16 апреля войска Мансурова заняли Яицкий городок. Затем генерал Мансуров «принял меры к подавлению восстания в нижеяицких форпостах и крепостях».

13 июля 1774 г. генерал Мансуров докладывал: «По отдалении» его с войсками к Яицкому городку «весь... угол, начиная от Татищевой крепости по Яику до... Гурьева городка и форпосты заняты... По Самарской линии до г. Самары, от Самары вниз по Волге до... Малыковки все нужные места прикрыты. Кочующиеся по здешней степи мятежники... некоторые истреблены, а остальные к долгу приведены. Все к Яицкому городку лежащие дороги: Оренбургская, Бузулукская, Самарская, Сызранская и Малыковская открыты и по всем спокой и безопасной от мятежников проезд с товарами и хлебом беспрепятственно происходит»¹.

Павел Дмитриевич Мансуров и после Пугачевского восстания служил в Оренбургском крае. Он был отцом аксаковского Мансурова.

В 1777 г. оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп длительное время находился в Петербурге и его должность временно исполнял П. Д. Мансуров. Известен рапорт Мансурова в сенат на запрос последнего от 22 декабря 1776 г. о числе башкирских тарханов².

С. Т. Аксаков в своих детских воспоминаниях называет генерал-майора Александра Павловича Мансурова другом своих родителей. А. П. Мансуров был тогда командиром полка, размещавшегося в окрестностях Уфы. «Командир полка, ...добрейший и любезнейший из людей, любимый всеми без исключения, генерал-майор Мансуров, прославившийся потом с Суворовым на Альпийских горах при переправе через Чертов мост...» (1; 270).

«Наконец стали приезжать к нам [в Сергеевку] гости. Один раз съехались охотники до рыбной ловли: добрейший генерал Мансуров, страстный охотник до всех охот,

¹ Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., Наука, 1969, с. 52—55.

² Вельяминов-Зернов В. В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. — Записки имп. Академии наук, СПб., 1864, т. 4, кн. 2, прил. № 6, с. 47.

с женой, и Иван Николаевич Булгаков, также с женой. Затеяли большую рыбную ловлю [на озере Кишкы] неводом; достали невод, кажется, у башкирцев, а также еще несколько лодок... Мансуров и мой отец горячились больше всех; отец мой только распорядился и беспрестанно кричал: «Выравнивай клячи! нижние подборы веди плотнее! смотри, чтоб мотня шла посередке!» Мансуров же не довольствовался одними словами: он влез по колени в воду и, ухватя руками нижние подборы невода, тащил их, притискивая их к мелкому дну, для чего должен был, согнувшись в дугу, пятиться назад; он представлял таким образом пресмешную фигуру; жена его, родная сестра Ивана Николаевича Булгакова, и жена самого Булгакова, несмотря на свое рыбацье увлечение, принялись громко хохотать... Рыбы поймали такое множество, какого не ожидали, и потому послали за телегой; по большей части были серебряные и золотые лещи, ярко блиставшие на лунном свете; попалось также довольно крупной плотвы, язей и окуней; щуки, жерехи и голотли повыскакали, потому что были вороваты, как утверждали рыбаки. Сколько тут было суматошной беготни и веселого крику! Дамы также приняли живое участие. Я часто слышал восклицания Евсеича: «Вот лещ-то! Ровно заслон!»... Мало-помалу все пришло в порядок: крупной рыбы нагрузили телегу, а остальную понесли в ведрах и ушате. Все общество весело пошло домой за телегой, нагруженною рыбой. Генерал Мансуров был довольнее всех, несмотря на то, что весь запачкался и вымочился чуть ли не по пояс. Мать ожидала нас на дворе, сидя, при дымном костре от комаров, за самоваром и чайным прибором. Шумно и живо рассказывали ей все о наших подвигах, она дивилась общему увлечению, не понимала его, смеялась над нами, а всего более над довольно толстым и мокрым генералом, который ни за что не хотел переодеться...

Гости прогостили у нас еще два дня. Мансуров не мог оставаться без какого-нибудь охотничьего занятия; в этот же день вечером он ходил с отцом и с мужем Параша, Федором, ловить сетью на дудки перепелов. Очень мне хотелось посмотреть этой ловли, но мать не пустила. Федор принес мне живого перепела, которого посадил я в какое-то лукошечко, сплетенное Евсеичем из зеленых прутьев. На другой день Мансуров ходил на охоту с ружьем также вместе с моим отцом; с ними были две лягавых собаки, привезенных Мансуровым. Охотники принесли несколько уток и десятка два разных куликов;

все это было рассмотрено мною с величайшим вниманием.

...Наконец, гости уехали, взяв обещание с отца и матери, что мы через несколько дней приедем к Ивану Николаевичу Булгакову в его деревню Алмантаево, верстах в двадцати от Сергеевки, где гостил Мансуров с женою и детьми. — Я был рад, что уехали гости, и понятно, что очень не радовался намерению ехать в Алмантаево; а сестрица моя, напротив, очень обрадовалась, что увидит маленьких своих городских подруг и знакомых: с девочками Мансуровыми она была дружна, а с Булгаковыми только знакома» (1; 388—392).

Г. С. Винский приводит интересные воспоминания о Мансурове и его невесте, Анне Николаевне Булгаковой, ставшей его второй женой. «В сие время [1783 г.], недели уже с две, я долженствовал каждый почти вечер беседовать в булгаковском доме [в Уфе] подполковнику Александру Павловичу Мансурову собственно для пикета. Сей господин, преисполненный добрых и худых качеств, был мне давно слегка знаком; на сей раз, по причине ипохондрии, не могучи сносить шумных бесед по родству тимашевского дома, в коем он был старинный друг, с домом булгаковским, все почти вечера провожал в сем, где хозяйка также за болезнью никуда не выезжала. И для пристойности, и для занятия гостя любимого им игрою я был избран, как приверженец фамилии. Беседа наша была самая приятная: дочь, не выезжающая же для матери, кокетствовала; подполковник волокитствовал; мать закидывала тенеты; я, по рассеянию сопротивника, пользовался игрою». Далее Винский пишет, как Мансуров предложил сопровождать его в Челябинск, где квартировал его батальон. «...Мансуров овдовел и был по природе влюбчив; г-жа Булгакова вознамерилась свою Анну Николаевну пристроить и меня иметь при нем поверенным, словом, их виды друг друга подтенетить; мой — воспользоваться доброхотством господина Андреевского». В Челябинске, сопровождая Мансурова, Винский лечился у врача Андреевского. «Мансуров, в конце мая возвратясь со мною в Уфу, скоро сватанье свое привел к концу и о сем сам меня известил, прибавивши: «Теперь житье твое у меня еще нужнее; мы и наши жены будем всегда неразлучны». Так он сгоряча мыслил, и я сам тому радовался; но Прасковья Михайловна, будущая теща, как заботливая барыня, совсем иначе сие распределяла. Будучи корыстолюбива, подозрительна и глупа, ей тотчас помечталось, что жена моя, а более я, можем

быть камнем преткновения для ее замыслов; посему приложила все старание отсоветывать г. Мансурову сделанный со мною договор»¹. Так теща Мансурова расстроила дружбу их с Г. С. Винским, который после этого вынужден был покинуть дом Булгаковых.

У Мансуровых было две дочери и сын. В одну из дочерей, Софью Александровну, влюбился в Оренбурге Э. А. Эверсманн и осенью 1821 г. женился на ней.

Сын Мансуровых, Николай Александрович Мансуров, — полковник, оренбургский уездный предводитель дворянства (1830—1833)². В 1840 г. у него было 17000 десятин земли в Оренбургском уезде³.

У Мансуровых под Оренбургом было большое имение в селе Спасском. Часть земли там и крепостных крестьян получила в приданое Софья Александровна Эверсманн. В 1852 г. за Николаем Александровичем Мансуровым (к тому времени он уже генерал-майор) по селу Спасскому числилось 143 души крепостных мужского пола⁴.

В 1861 г. генерал-майор Н. А. Мансуров — мировой посредник Оренбургского и Верхнеуральского уездов, из числа первых, вводивших положение об освобождении крепостных крестьян⁵.

¹ Винский Г. С. Мое время. СПб., Огни, 1914, с. 133—135.

² Новиков В. А. Сборник материалов для истории уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 89—146.

³ Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, ч. 2. Уфа, 1959, с. 56.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2726, л. 1.

⁵ Новиков В. А. Указ. соч., с. 132.

Немало лет прошло с того времени, как 1 июня 1965 года в Уфу прибыли из округа Галле первые посланцы дружбы. С этого периода прочно установились и из года в год крепились культурные связи нашей автономной республики с округом Галле ГДР. Постоянный контакт установился и между Галльским и Башкирским университетами.

Университет в Галле был основан в 1694 году. К этому времени многие более старые немецкие университеты — Гейдельбергский (1386 г.), Кельнский (1388), Эрфуртский (1392), Лейпцигский (1409) и другие — стали приходить в упадок, выражающийся в господстве бездушного педантизма и неподвижной учености. Новый университет, открытый в Галле, служил местом для насаждения новаторских идей. В другом городе Галльского округа — Виттенберге — существовал основанный в 1502 году Виттенбергский университет, который в 1817 году был соединен с Галльским, что еще более усилило последний¹.

Из выпускников Галльского университета большой интерес для нас представляет Эдуард Фридрих (Эдуард Александрович) Эверсманн, крупнейший, наряду с П. С. Палласом зоолог, натуралист и путешественник — географ, профессор Казанского университета и член-корреспондент Петербургской Академии наук, связавший всю свою жизнь с Оренбургским краем и Казанью. Эдуард Александрович Эверсманн родился 23 января 1794 года в деревне Верингаузене близ города Гаген в Вестфалии. Его отец Александр Эверсманн был крупный специалист по металлургии. В 1814 году Александр Эверсманн был приглашен русским правительством для постройки в Златоусте оружейной фабрики. Вместе с отцом отправился в Россию и Эдуард, защитивший к тому времени (9 августа 1814 года) в Галльском университете диссертацию и получивший степень доктора философии и магистра свободных наук. Перед поступлением в Галльский университет он прослушал курсы интересующих его лекций в Берлинском и других университетах. Весь университетский курс Эверсманн прошел в исключительно короткий срок — за два года. Этому способствовали

¹ Энци. Брокгауза и Ефрона, т. 12, с. 580; т. 14, с. 928.

не только блестящие способности будущего ученого, но прекрасное домашнее образование, которым руководил отец.

Поездка отца в Россию, на Урал, приблизила осуществление заветной мечты Эдуарда Эверсмана о путешествии в глубь Азии. Но, не имея необходимых средств, Эдуард решил получить сначала специальность врача, которая облегчила бы ему участие в ученых экспедициях. Для этого он поступает в России в Дерптский университет (г. Тарту). Там он в 1816 г. защищает диссертацию и получает степень доктора медицины. После этого Эдуард Александрович едет к отцу в Златоуст, где работает врачом на оружейной фабрике.

Впоследствии Эдуард Александрович в своих воспоминаниях писал: «В пять лет мой отец окончил постройку фабрики в Златоусте, которая снабжает всю русскую армию холодным оружием; за это по окончании работ он получил 9000 рублей ежегодной пенсии». Отец его вернулся на родину, где и умер, «по некоторым данным, около 1837 года»¹. Его же сын навсегда остался в России.

Врачебная деятельность принесла Э. А. Эверсманну известность не только в Златоусте, но и во всем Оренбургском крае и особенно в городе Оренбурге.

В 1820 году осуществляется мечта Э. А. Эверсмана. Он отправляется в Бухару с экспедицией, возглавляемой А. Ф. Негри, греком по национальности, дипломатом на русской службе и археологом. Целью этой экспедиции было утверждение торговых сношений России с Бухарою и возвращение русских пленных.

В результате этой поездки Э. А. Эверсманном был опубликован труд (на немецком языке) «Путешествие из Оренбурга в Бухару» (Берлин — Лондон, 1823 г.).

По возвращении из экспедиции он женится на дочери прославленного суворовского генерала, участника альпийского похода А. П. Мансурова, Софье Александровне.

С. Т. Аксаков в «Детских годах Багрова-внука» дал замечательное описание рыбной ловли на озере Кишки под Уфой с участием А. П. Мансурова, приехавшего к Аксаковым с женой и двумя дочерьми, одна из которых впоследствии и стала женою Э. А. Эверсмана.

В последующие годы Э. А. Эверсманн совершает ряд путешествий по азиатской части России:

- в 1823 г. — по берегам Каспийского моря,
- в 1825 г. — в киргизские степи,
- в 1827 г. — по Уралу,
- в 1828 г. — по Оренбургской и Астраханской губерниям.

В результате этих путешествий им были собраны богатейшие коллекции млекопитающих, птиц, насекомых; дано описание систематики, биологии, распространения различных видов животных; описан ряд новых видов. Он становится крупным знатоком фауны юго-восточной России.

В 1828 году Э. А. Эверсманн получил кафедру ботаники и зоологии в Казанском университете, где прослужил тридцать два года до своей смерти 1 апреля 1860 г.

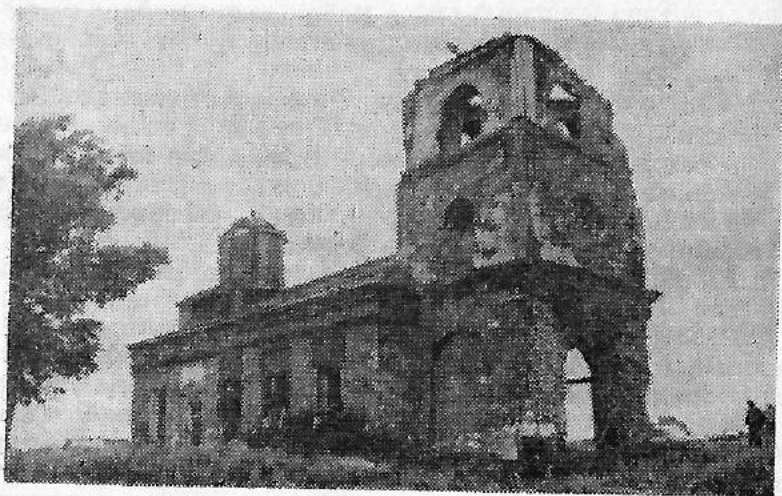
В Казани его знали и посещали очень многие, в том числе и С. Т. Аксаков. Среди учеников Э. А. Эверсмана в Казанском университете можно назвать известного зоолога М. Н. Богданова, подготовившего к печати рукопись Эверсмана по птицам Оренбургского края, Н. П. Мельникова — профессора Казанского университета, премьера Эверсмана, А. М. Бутлерова, впоследствии известного ученого-химика, и других.

В 1840 году Э. А. Эверсманн перешел в русское подданство. Он является автором 66 научных трудов. Из сочинений популярного характера следует особо отметить его «Естественную историю Оренбургского края», сохранившую познавательную ценность и до наших дней. Этот труд вышел в трех частях. Его первая часть представляет собой географическое исследование Оренбургского края. Э. А. Эверсманн был не только зоологом, но и ботаником, географом и первым почвоведом нашего края. Первая часть вышла в Оренбурге в 1840 г., причем перевод рукописи с немецкого на русский язык осуществил В. И. Даль, снабдивший книгу ценными примечаниями.

Вторая часть о млекопитающих животных была издана в Казани в 1850 г. Интересно отметить, что среди млекопитающих нашего края автор упоминает... тигров, которые водились в его время в регионе от Каспийского до Аральского моря. А третья часть о птицах была выпущена там же уже после смерти автора — в 1866 г. С этим трудом Э. А. Эверсмана можно ознакомиться в Башкирской республиканской библиотеке им. Н. К. Крупской.

Представляет интерес и судьба детей Э. А. Эверсмана. Дочь Евгения, по мужу Толмачева, оставила след в истории русской литературы и русского революционного

¹ Гейтнер В. Г. Эдуард Александрович Эверсманн зоолог и путешественник (1794—1860). М., 1940, с. 12.

движения. За декламацию стихотворения А. С. Пушкина «Египетские ночи» она подверглась травле в печати. В защиту ее выступили Ф. М. Достоевский и М. И. Михайлов. В 1861 г. она, будучи за границей, посетила Герцена. Вернувшись в Пермь, была под надзором полиции; работала в книжном магазине известного революционного деятеля, ближайшего соратника Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича. Подробнее о ней сообщалось в статьях Н. Н. Барсова и А. Блюма¹.

Сын Александр служил в Казанском университете астрономом-наблюдателем, был членом Оренбургского отделения Русского географического общества.

Сын Николай родился в 1823 г. Изучал медицину и, как и его отец, прошел обучение в нескольких университетах: в Берлинском, Галльском, Венском, Пражском и Парижском, но докторский диплом получил в Московском университете. Недолго проработав врачом в Оренбурге, он переезжает в Уфу, где живет всю жизнь, имея дом на углу улиц Сенной и Малой Вавиловской (ныне Коммунистической и Зенцова)². Дом этот не сохранился, на его месте в начале XX века разместилась усадьба реального училища. Дослужив до чина действительного статского советника, он умер в Уфе 78 лет от апоплексического удара 11 (24) сентября 1901 года, о чем нами найдена в архиве метрическая запись¹.

В «Советской Башкирии» 25 мая 1968 г. была опубликована заметка Р. Маликова «Уголок природы» с сообщением, что в Уфе по улице Кирова № 1 в саду Базилева растет тридцатилетний каштан. Владелец этого сада, пенсионер Сергей Алексеевич Базилев, праправнук суворовского генерала А. П. Мансурова и основателя Златоустовской оружейной фабрики Александра Эверсманна, правнук члена-корреспондента Академии наук, профессора Э. А. Эверсманна, внук его сына Александра. Его отец Алексей Иванович Базилев в свое время пользовался большой известностью в Уфе как ученый агроном, автор нескольких книг по сельскому хозяйству². А. И. Базилев был сыном директора уфимской мужской гимназии Ивана Васильевича Базилева и братом Прасковьи Ивановны Чеглоковой³, в доме которой в 1900 году жил В. И. Ленин и где теперь размещается Дом-музей В. И. Ленина⁴.

Глава XXIII

Е. И. БАРАНОВСКИЙ

В середине прошлого века у уфимских журналистов возник очень интересный замысел: из годового комплекта газеты делать выборку наиболее значительных публикаций на местную, краеведческую тему и издавать этот материал отдельной книгой. В Башкирской книжной палате хранятся два таких сборника за 1859 г. по газете «Оренбургские губернские ведомости», издававшейся в то время в Уфе. Таким образом газетному материалу, предназначенному для кратковременного существования, обеспечивалась долговечная жизнь в книге.

В одном из таких сборников за 1859 г. было нами найдено без подписи автора «Воспоминание о С. Т. Аксакове»⁵.

¹ ЦГА ВАССР, ф. 294, оп. 2, д. 48, л. 195 об. 196.

² Базилев А. Основы животноводства. Уфа, 1913; Разведение тыквы, Уфа, 1914.

³ Гудков Г., Гудкова З. Дом с мезонином. — Ленинец, 14 июня 1980.

⁴ Павлюченков Г. Ф. Н. К. Крупская в уфимской ссылке. Уфа, 1973, с. 74.

⁵ Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 г., с. 92.

¹ Барсов Н. Н. Безобразный поступок. Советская Башкирия, 11 ноября 1971 г. Блюм А. Инцидент с «Египетскими ночами», сб. Рифей. Челябинск, 1976, с. 149—158.

² Справочная книжка Уфимской губернии 1882—1883 гг., отдел 4, с. 91.

Ввиду большого для нас краеведческого значения как для характеристики С. Т. Аксакова, так и для характеристики самого автора, пожелавшего остаться неизвестным, воспроизводим эту статью почти полностью.

«В 1853 г. я назначен был на службу в Оренбургскую губернию. Уезжая из Петербурга к месту моего назначения, я намеревался прожить несколько дней в Москве и побывать у Сергея Тимофеевича Аксакова, который знал меня по рассказам двух сыновей своих, моих товарищей по воспитанию. С юношеских лет лежало у меня сердце к Сергею Тимофеевичу; никогда не виделши его, я знал, что его от души любят и глубоко уважают все близкие и знакомые его; мне известно было его горячее сочувствие ко всему доброму и прекрасному; в сыновьях его я видел более чем сыновнюю любовь, они благоговели перед ним, а я любил их как братьев.

Личность Сергея Тимофеевича сильно привлекала меня к себе и тогда, когда никто не подозревал в нем великого писателя. Правда, слышал я и прежде о его переводах и о книге «Об уженъи», но, признаюсь, не читал их. Незадолго до назначения моего в Оренбургскую губернию вышли «Записки ружейного охотника». С истинным наслаждением прочел я эту книгу и желание видеть человека, так увлекательно живописующего природу, сделалось для меня нравственною потребностью. Приезжаю в Москву и узнаю, что Сергей Тимофеевич живет с семейством в подмосковной деревне своей, Абрамцево, верстах в 9 от Пр. Сергия¹. Это было в мае месяце. Я уговорил одного из товарищей моих, коренного жителя Петербурга, приехавшего в первый раз в Москву, отправиться со мною к Пр. Сергию и оттуда заехать к Аксаковым. Приезжаем в Абрамцево и узнаем, что товарищей наших нет дома. Нас приняли с распростертыми объятиями. Конечно, ни спутник мой, ни я не забудем светлого дня, проведенного с Сергеем Тимофеевичем и с его семейством; так спокойно и радостно было у нас на душе, мы заслушивались его умной задушевной речи; его взгляд, согретый самою глубокою любовью к родине, живость чувств, соединенная с житейскою опытностью, его истинно русское радушие обаятельно действовали на нас. — «Как я рад, что Вы едете в прекрасную мою родину, — говорил мне Сергей Тимофеевич, — и как бы мне самому хотелось туда».

¹ Троицко-Сергиевская лавра, ныне г. Загорск — авт.

Выраженная Сергеем Тимофеевичем уверенность, что предстоящая мне в Оренбургской губернии деятельность будет не без пользы, радовала меня как нельзя более. Живя в Уфе, я совершенно неожиданно и не будучи подготовлен к тому, получил от Сергея Тимофеевича «Семейную хронику». Если везде в России это высокохудожественное, и вместе строгое, непосредственное воссоздание былого на Руси, и людей, и степной девственной природы поразило как нечто необычайное, никем неожиданное, и затронуло всех за живое, то тем сильнее должно было быть впечатление «Семейной хроники» на жителей Оренбургской губернии. Я, по крайней мере, не мог оторваться от книги и, признаюсь, забыл и дела и все, меня окружающее, пока не прочел последней страницы. В одном из отрывков, написанных после «Семейной хроники», Сергей Тимофеевич, по ходу рассказа, приведен был к описанию одной татарской деревни, недалеко от Уфы, в которой был в детстве; ему хотелось проверить художественное представление свое об этой местности с действительностью, и он написал мне, прося сообщить описание местоположения деревни. Я послал Сергею Тимофеевичу самое верное и простое описание местности; этого-то ему и хотелось; и как благодарил он меня за исполнение просьбы, как рад был великий художник, что воссозданная им местность верна была истине. Еще два раза я видел в жизни Сергея Тимофеевича; предметом бесед наших было общее дело всей России, возрождение ее к новой жизни; опять говорили мы о милой родине Сергея Тимофеевича, о том, — как бы хорошо было ему вспомнить молодость, забраться снова в оренбургские степи и на оренбургские приволье. Об охоте Сергей Тимофеевич и не думал: ему уже давно изменило зрение.

В последний раз я видел Сергея Тимофеевича год тому назад, на одре болезни; приехал к нему просить благословения, отправляясь во второй раз на новую деятельность в Оренбургский край. Я слышал из другой комнаты его радостное «не может быть», когда ему сказали обо мне; с сердечным умилением принял я от него напутствие и пожелания и простился с ним навеки».

Фамилия автора таких воспоминаний о С. Т. Аксакове, естественно, не могла нас не заинтересовать, тем более, что сам автор принадлежал к числу видных представителей администрации нашего края, поскольку получил назначение из Петербурга.

И. С. Машинский, который был знаком с текстом воспоминаний по материалам аксаковского фонда архива

Пушкинского дома, называет автора «одним из земляков писателя»¹.

Мы начали поиск автора. В «Семейной хронике» С. Т. Аксаков пишет, что, когда врачи нашли здоровье матери, Марии Николаевны Аксаковой, в опасности, ее «слабую, желтую, худую, одним словом сказать, тень прежней» отвезли на кумыс в деревню Алкино. Поэтически описывая деревню Алкино и ее окрестности, С. Т. Аксаков уточняет: «...я говорю все это, основываясь на самых точных новых сведениях, благосклонно доставленных мне Е. И. Барановским... Я видел сам прекрасную местность этой деревни, но этому прошло уже так много лет, что я не мог бы верно описать ее без пособия сведений, доставленных мне обязательными людьми» (1; 261).

Кто же такой Е. И. Барановский?

В архивных материалах находим мы дело о назначении 18 июня 1853 г. статского советника, чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел Егора Ивановича Барановского в Уфу оренбургским вице-губернатором². Из этого дела видно, что родился он в Могилевской губернии, где его родители имели поместье, 32 лет, холост, окончил императорское училище правоведения.

Обращают на себя такие совпадения: Е. И. Барановский родился в 1821 г., а сыновья С. Т. Аксакова — Григорий, родившийся в 1820 г., и Иван, в 1823 г., — были почти его ровесниками. Все трое окончили одно и то же учебное заведение — училище правоведения. Итак, сомнений быть не может: автором «Воспоминаний о С. Т. Аксакове» является Егор Иванович Барановский.

В различных архивных и литературных источниках нами найдены интересные биографические сведения о нем, с которыми мы и ознакомим читателя.

В книге приказов оренбургской казенной палаты за 1854 г. найден приказ, подписанный самим же Барановским: «По случаю вступления гражданского вице-губернатора Барановского 11 июня сего года в законный брак с дочерью полковника Карла Тимлера, девицею Екатериной, показать об этом в формулярном списке и его Барановского»³.

С 1858 по 1861 год Барановский служит в Уфе гражданским губернатором. В эти годы в России проводится

¹ Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество, изд. второе. М.: Худ. лит., 1973, с. 411.

² ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 1, д. 2814, л. 1—26.

³ То же, д. 2706, л. 159.

подготовка к отмене крепостного права, разрабатываются уставные грамоты. В декабре 1858 г. в Уфе открывается губернский дворянский комитет по устройству быта помещичьих крестьян.

Крестьянскую реформу 1861 года В. И. Ленин охарактеризовал так: «Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»¹.

В этих сложных условиях роль Барановского была положительной, в известной мере ограничивающей помещичий произвол. А. Корнилов в статье «Общественное движение при Александре II» пишет: «... между губернаторами были в то время некоторые искренно преданные делу реформы, как Арцимович — в Калуге, Муравьев — в Нижнем, Грот — в Самаре, Барановский — в Оренбурге, Купреянов — в Пензе. Валуев² тот же час вступил с ними в борьбу. В течение первых же двух лет своего правления он избавился от всех этих лиц, заменив их своими клеветами»³.

Л. Айзенберг в статье «К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае» отмечает, что «Барановский и губернское по крестьянским делам присутствие обнаружили кипучую деятельность по проведению в жизнь крестьянской реформы, выдвинув вопрос о скорейшем — до истечения года — введении уставных грамот по горнозаводским имениям»⁴.

Чтобы помешать этой «кипучей деятельности», Барановского переводят в 1862 г. в другую губернию.

Сам Барановский позже вспоминал, что он явился в Саратов, куда был переведен губернатором, «... с весьма неудобной для начальника губернии репутацией безусловного пристрастного защитника во что бы то ни стало, одного крестьянского сословия в ущерб дворянам-помещикам...

Основанное на слухах нерасположение ко мне саратовского дворянства усилилось еще тем, что я вынужден был подвергнуться уголовному следствию и удалению из имений князя Кочубея его управляющего Витвитцкого, который, по постановлению следователей, подвергнут был тюремному заключению; затем над одним из саратовских молодых помещиков, изобличенных следствием

¹ Ленин В. И. ПСС, 1966, т. 20, с. 173.

² А. П. Валуев — тогдашний министр внутренних дел — авт.

³ Минувшие годы, 1908, № 5—6, с. 178.

⁴ Архив истории труда в России, 1923, кн. 5—6, с. 138.

в злоупотреблении помещичьей властью, Запольским... Даже тогдашний министр внутренних дел Валуев, изве-щая о высочайшем назначении меня саратовским губер-натором, выразил мнение о трудности предстоящей мне деятельности и желал мне успеха на трудной, как он выразился, саратовской почве»¹.

Из вышеизложенного видно, что Барановский и в Са-ратове продолжал такую же бурную деятельность, как и в Уфе, и нажил себе еще больше врагов среди реак-ционного дворянства. Жена его, Екатерина Карловна, бы-ла женщиной образованной и, помогая мужу, «усиленно следила за злободневными вопросами политической жизни»².

Мировой посредник А. Н. Минх в своих «Записках» характеризовал Е. И. Барановского так: «Человек ум-ный, но принадлежал к партии «красных», объезжая гу-бернию, Барановский никогда не заезжал к помещикам и мировым посредникам, собирал крестьян без нас и рас-спрашивал их, не жестоко ли с ними обращались поме-щики, не теснят ли их и т. п., в то время эти расспросы были то же, что подливать масло в огонь»³.

Саратовский жандармский майор Глоба постоянно информировал III Отделение о деятельности Баранов-ского в Саратовской губернии. В архивах III Отделения сохранилось дело № 230 «О революционном духе народа России и распространении по сему случаю возмутитель-ных воззрений». В этом деле находится донос на Бара-новского, в котором майор Глоба писал управляющему III отделением А. Л. Потапову: «Я полагаю, что оста-вить губернию под управлением г. Барановского было бы небезопасно потому, что вследствие вредного направ-ления даже некоторыми чиновниками ухищренно про-водится дух непокорности между крестьянами. Ежели не прекратить вовремя опасные происки эти отозванием г. Барановского от управления губернией, то тем более невозможно надеяться на благополучное окончание кре-стьянского вопроса в Саратовской губернии»⁴.

В статье В. Сущицкого «Письма Е. К. Барановской к М. В. Авдееву» помещены три письма Екатерины Кар-

¹ Барановский Е. И. По поводу статьи В. А. Шомпулева. — Рус-ская старина, 1899, т. 98, с. 221.

² Сущицкий В. Письма Е. К. Барановской к М. В. Авдееву. — Звенья, т. 3—4. М.-Л.: Академия, 1934, с. 907—920.

³ Материалы по крепостному праву Саратовской губернии, изд. Саратовской ученой архивной комиссии, Саратов, 1914, с. 11.

⁴ Звенья, т. 3—4. М.-Л.: Академия, 1934, с. 907.

ловны — жены Барановского и одно письмо его самого из Саратова в Уфу, относящиеся к 1862 году¹.

Михаил Васильевич Авдеев (1821—1876) был в то время популярным либеральным писателем, в описывае-мое время был членом оренбургского по крестьянским делам присутствия и вместе с Барановским нажил не-мало врагов среди реакционных помещиков. В одном из своих писем к М. В. Авдееву Е. К. Барановская сооб-щает, что она в Саратове устроила благотворительный концерт и «собрала 900 руб. с. в пользу литературного фонда». В конце 1861 г. за революционную деятельность Михаил Илларионович Михайлов был сослан в Сибирь на каторгу. Чтобы предоставить ему возможность добираться до места ссылки на лошадах, а не идти пешком по этапу, передовая общественность организовала сбор средств по подписке. Напуганное вниманием обществен-ности к Михайлову правительство стало опасаться, что сбор средств ведется для организации побега его, и уси-лило надзор за его друзьями. При обыске у Авдеева, на-ряду с письмами супругов Шелгуновых, из которых ста-ло известно, что целью их поездки в Сибирь является организация побега Михайлова с каторги, были найдены письма Е. К. Барановской². В связи с чем за ней в 1862 г. в Саратове был установлен негласный полицей-ский надзор.

В 1863 г. при обыске найдено ее письмо к Кеневичу, расстрелянному по делу о «Казанском заговоре»³.

Министр внутренних дел Валуев писал к своему по-мощнику Тройницкому: «Содержание письма Баранов-ской мне уже известно и доказывает, что ее муж не умеет держать своего дома в порядке, что для губернатора не-обходимо. Я уже убедился его собственными письмами, что его надо уволить»⁴.

На посту саратовского губернатора Барановский про-служил всего несколько месяцев. В том же 1862 г. в октябре он был уволен.

Нашим краеведам хорошо известно, что в конце 1859 и в начале 1860 гг. в Лондоне в «Колоколе» А. И. Гер-цен опубликовал обличительные материалы по делам о зверской эксплуатации рабочих на Уральских горных

¹ Звенья, т. 3—4. М.-Л.: Академия, 1934, с. 907—920.

² Там же, с. 910.

³ Деятели русской революции в России. М., 1929, т. 1, ч. 2, с. 29.

⁴ Русская старина, 1905, № 4, с. 192.

заводах генералов Пашкова и Сухозанета¹ и о грабительской системе, созданной тайным советником А. Е. Жадовским², бывшим петербургским вице-губернатором, имевшим поместье в селе Анастасино Вирского уезда, ныне Дюртюлинского района БАССР.

В литературе известно также, что следственные материалы по заводу Пашкова и Сухозанета готовились при непосредственном участии гражданского губернатора Оренбургского края Е. И. Барановского, лично производившего обследование условий труда горнозаводских рабочих³.

Но каким образом эти материалы оказались у Герцена в Лондоне — оставалось неизвестным.

Изучив переписку Е. И. Барановского с С. Т. Аксаковым и А. Н. Плещеевым, нам удалось установить пути передачи этих материалов Герцену.

Как уже сказано выше, Е. И. Барановский окончил петербургское училище правоведения вместе с сыновьями С. Т. Аксакова — Иваном и Григорием. Дружба с Аксаковыми, зародившаяся в юности, сохранилась на всю жизнь. В этом ярко убеждает переписка Е. И. Барановского с С. Т. Аксаковым. Некоторые из этих писем были опубликованы в газете «Уфимский край» в 1909 г. Из этих писем видно, что Барановский отправил из Уфы в Москву Сергею Тимофеевичу следственные материалы по делам Пашкова, Сухозанета и Жадовского, при этом сообщал: «Чувства долга и любви к отечеству почти не существует во дворянстве». В другом письме он обещал прислать Аксаковым «две записки», из коих станет ясно, что «Куролесовы еще не перевелись, а только приняли другую личину» и что «может быть сравнение прошедшего с настоящим вызовет художественное представление Куролесова нашего времени»⁴. (Речь идет о Жадовском — авт.). На что С. Т. Аксаков в своем письме от 9 июня 1856 г. отвечал: «Благодарю Вас, любезнейший и почтеннейший Егор Иванович, от всей души, благодарю

¹ Ивана Сухозанета, Зазлужского и Подьячева ПОД СУДОМ за варварское управление заводами. — Колокол, вып. 10, л. 3, 15 дек. 1859.

² Дело плантатора Жадовского в Оренбургской губернии. — Колокол, вып. 10, л. 4, 15 января 1860 г.

³ Рабочее движение в России в XIX веке, т. 1, 1800—1860 гг., с. 840—876.

⁴ Барановский имеет в виду помещика Куроедова, отличавшегося своими жестокостями, описанного С. Т. Аксаковым в «Семейной хронике» под именем Куролесова. Цитата из письма Барановского приводится по тексту С. И. Машинского «С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество», изд. второе. М.: Худ. лит., 1973, с. 445.

и за сведения о сельце Алкино и за две записки о современном нам Куролесове... Записки о современном Куролесове в высшей степени любопытны и назидательны, особенно вторая, о хозяйственном устройстве имения. Я считаю этого господина выше моего Куролесова. Тот был буйный гуляка, кровопийца по инстинкту...» Современный же Куролесов — еще более страшное явление. Он — «не невежа, а более или менее человек образованный, — пишет Аксаков, — я его лично знаю. Это такой изверг, которому и имени нет. Скажите..., неужели он не сослан на каторгу?»¹.

Аксаковы были потрясены этими сведениями, тем более, что получены были из канцелярии гражданского губернатора, известного им всем Барановского.

По условиям цензуры эти материалы Аксаковы не могли использовать в России ни в каком литературном жанре, хотя в семье их к этому времени было уже три писателя: отец и два сына — Константин и Иван.

Каким образом попали эти материалы от Аксаковых в Лондон Герцену? Оказывается, очень просто. Иван Сергеевич Аксаков, сын С. Т. Аксакова, был в этот период тесно связан с Герценом. Об этой связи подробно рассказано в очерке «И. С. Аксаков».

Здесь же только отметим, что переписка Е. И. Барановского с А. Н. Плещеевым еще более убеждает в этом и наводит на мысль, что И. С. Аксаков сам отвез эти материалы во время своей второй поездки за границу в 1860 г., после закрытия цензурой его журнала «Русская беседа».

А. Н. Плещеев — поэт, петрашевец, — отбывал ссылку в Оренбургском крае сначала рядовым в Оренбургском линейном батальоне с 1849 до 1856 года, затем служил в Оренбургской пограничной комиссии, а потом чиновником канцелярии гражданского губернатора² Е. И. Барановского в Уфе. В 1858 году А. Н. Плещеев получает отпуск в Москву и Петербург, а затем в середине 1859 года — разрешение поселиться в Москве на постоянное жительство. Переписка Плещеева³ с Барановским относится к периоду 1859—1860 гг. Из писем Плещеева вид-

¹ Уфимский край, 1 мая 1909 г.

² А. Н. Плещеев. Стихотворения. Библиотека поэта, малая серия, изд. третье. Л., 1987, с. 15.

³ Четырнадцать писем А. Н. Плещеева к Е. И. Барановскому опубликованы в кн.: Шестидесятые годы (Материалы по истории литературы и общественному движению.) М.-Л., АН СССР, 1940, с. 453—468.

но, что Барановского в этот период очень интересовали все новости готовившегося тогда «освобождения» крестьян. Причем оба корреспондента не питали на этот счет никаких иллюзий.

В одном из писем Плещеев пишет: «Крестьянский вопрос продвигается медленно, и никто, наверное, не знает, как он разрешится... Ваше мнение, что за оппозицией дворян таятся самые узенькие сословные интересы — совершенно справедливо. Это начинают говорить и здесь все люди, сочувствующие искренно крестьянскому делу»¹.

С ноября 1859 г. Плещеев становится пайщиком и идейным руководителем газеты «Московский вестник». В годы редакторства Плещеева (1859—1860) эта газета отличается ориентацией на «Современник», в чем сказало его влияние. Вот как Плещеев определяет направление своей деятельности в этот период: «Всякое кумовство в сторону. Надо бить крепостников под маской либералов». В 1860 г. Плещеев пишет Барановскому, что «банда своекорыстных помещиков» вместе с царской бюрократией готовит чудовищный обман. Он ядовито замечает, что «бюрократическая и плантаторская» партии готовы отдать «бедного мужика на жертву чиновничьему грабежу... Что же проку, что крестьянин освободится от тяжелой помещичьей лапы, когда в судах он, по-прежнему, не найдет правды, и когда этот же помещик будет всегда иметь возможность притеснить, ограбить, раздавить его. Что же проку, когда простолоудину, по-прежнему, будет заперта дверь к образованию... Где же новая эра, где же рассвет? Прощайте пока, дорогой и уважаемый Егор Иванович. Пишите, когда выдастся свободная минутка. Вы один из тех немногих, которые делают и не шутят своими убеждениями, не меняют их каждый день, как перчатки, и потому к Вам лежит сердце, и ваше слово западает в него».

Между прочим, в одном из писем Барановский сообщил Плещееву, что того ругают в Оренбурге за повесть «Пашинцев». В этой повести Плещеев изобразил в сатирических тонах оренбургское светское общество. Повесть тогда наделала много шума: многие узнали себя в ней. Так В. В. Григорьев, бывший начальник Плещеева в Оренбургской пограничной комиссии, узнав себя в образе Оголина, едва ли не повез повесть в Петербург вместе с жалобой на автора.

¹ Шестидесятые годы (Материалы по истории литературы и общественному движению.) М.-Л.: АН СССР, 1940, с. 455, 456.

Далее Плещеев подробно сообщает о широкой картине борьбы дворянских партий вокруг крестьянской реформы 1861 г. Письма Плещеева очень интересны для характеристики Е. И. Барановского. В них чувствуется глубокое уважение автора к Е. И. Барановскому не только как к начальнику, сочувственно относившемуся к бывшему ссыльному, но как к человеку широких передовых взглядов, как в справедливому правоведа. Сам А. Н. Плещеев пишет об этом так: «Мне нечего льстить Вам и потому я могу прямо сказать, что Вы мне кажетесь каким-то редким исключением из правоведа. К Вам можно привязаться всем сердцем, поговорив с Вами два часа»¹.

Из этих писем ярко выступает еще одна деталь: Плещеев в Москве близок с Иваном Аксаковым и очень высоко ценит его литературную деятельность. Сообщая Барановскому о состоянии литературы и цензуры того периода, Плещеев пишет: «Вся эта материя Русского Вестника проникнута таким старческим благоразумием, что в присутствии человеку с сердцем очень холодно и неловко. За одного Ивана Аксакова я бы отдал сто Капустиных. Надо сказать правду, что в славянофилах больше жизни, энергии и любви, чем в западниках. Кста-ти об Аксакове. Он едет на год за границу»².

Спустя три месяца Плещеев спокойно сообщает Барановскому: «В «Колоколе» описаны дела по заводам Пашкова и Сухозанета и дело Жадовского. Любопытно прочесть — в каком виде все это изложено». Плещееву очень хорошо были знакомы эти дела по службе в канцелярии гражданского губернатора в Уфе в период с сентября 1858 до августа 1859 гг.

Кроме того, в «Колоколе» была опубликована статья Е. И. Барановского под названием «Г. Ф. Лестам просят нас...», корреспондентом которой вместе с Барановским назван и Авдеев. Это ответ тем, кто пытался защищать Глушкова по делу Сухозанета³.

Публикация в «Колоколе» обличительных статей вызвала переполох среди местного начальства, начались поиски «агентов Герцена». Уфимский предводитель дворянства Дурасов обвинил М. В. Авдеева в связях с Герценом, за что Авдеев был сослан в Пензу. В письме оренбургско-

¹ Шестидесятые годы (Материалы по истории литературы и общественному движению.) М.-Л.: АН СССР, 1940, с. 457.

² Там же, с. 454. Капустин М. Н. — один из сотрудников журнала «Русский Вестник».

³ Колокол, 1859—1862. М.: Наука, 1964, с. 759.

му военному губернатору А. П. Безаку Авдеев в феврале 1863 года писал из Пензы, что «крестьянское дело восстановило против меня большинство дворянства». Далее он сообщал, что «в 1857 году послал письмо в «Колокол». Герцен, знающий меня только по имени, как литератора, благодарил меня несколькими строками, но письма моего не напечатал: оно не согласовывалось с его образом мыслей. Этим сношения мои с Герценом ограничились... Привез с собой 2—3 книги «Полярной звезды», они года полтора валяются у одного лица, близко вам известного... Я лучше Герцена знаю Россию и ее нужды, чтобы разделять его мнения»¹.

Авдеев в Пензе пробыл недолго, так как его сильно защищал перед Безаком Григорий Сергеевич Аксаков, бывший тогда оренбургским гражданским губернатором, который очень хорошо знал, что это его собственный брат, Иван Сергеевич Аксаков, отвез обличительные материалы Герцену, а не Авдеев.

Тайным корреспондентом Герцена был и А. Н. Плещеев, его перу принадлежат 6 статей, помещенных в «Колоколе»². Полицейский надзор за Плещеевым продолжался до 1872 года. В своем письменном объяснении III отделению по поводу обнаруженных у него при обыске 23 февраля 1863 года фотографий Герцена и Огарева Плещеев указывал, что они «продавались известное время везде беспрепятственно». «Не разделяя политических убеждений Герцена и Огарева, я все-таки могу признать в них большой литературный талант и иметь у себя их карточки как литераторов»³.

Естественно, что в объяснениях и Авдеева и Плещеева несомненно было только одно желание — скрыть факты и время встреч, а также и истинный смысл контактов с Герценом и Огаревым.

Спустя тринадцать лет, в письме от 9 февраля 1872 г. из Петербурга Плещеев писал Барановскому: «Дорогой мой Егор Иванович! Вчера только узнал я от Ивана Аксакова, что вы вернулись и опять находитесь в Москве. Как мне досадно, что не удалось перехватить вас на возвратном пути...» Далее он пишет, что выбрал бы время

¹ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864. М.: Наука, 1988, с. 461; Прянишников Н. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1946, с. 89.

² Колокол. Систематизированная роспись статей и заметок. М., изд. Всесоюзной Книжной Палаты, М., 1957, с. 913—914.

³ Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 — июнь 1864. М.: Наука, с. 538.

побывать у Александра Ивановича, то есть у брата Е. И. Барановского, служившего тогда в Петербурге мировым судьей¹. (Плещеев имеет в виду возвращение Барановского из-за границы — авт.). Все это говорит о том, что дружба Плещеева с Барановским и Аксаковым продолжалась не один десяток лет.

Известный польский поэт Эдуард Желиговский, отбывавший ссылку в Уфе в 1854—1857 гг., где с помощью Барановского был устроен на службу в канцелярию гражданского губернатора, был дружен с семейством последнего, особенно с его женой, образ которой нашел отражение в его творчестве. «О женщина-ангел» — обращался к ней поэт в своих стихах².

Екатерина Карловна Барановская в одну из своих поездок за границу встречалась с А. И. Герценом. В письме к Н. П. Огареву от 10 ноября 1869 г. из Генуи последний сообщал об этом так: «Все обстоит благополучно. Сегодня здесь была Барановская...» По другим письмам Герцена видно, что он еще в 1868 г. ждал Барановскую в Марселе, но тогда встреча не состоялась³.

Известно, что с Барановскими жила сестра Екатерины Карловны — Ольга Карловна Тимлер⁴, принимавшая активное участие в уфимских благотворительных спектаклях, которые ставились тогда в здании манежа⁵.

Среди деятелей польского освободительного движения упоминается отставной поручик Михаил Тимлер, который «родился около 1830 г., из дворян Петербургского уезда и губернии; служил управляющим имения одного из помещиков Чериковского уезда Могилевской губернии; в 1863 г. присоединился к повстанческому отряду Л. Звездовского; приговорен к ссылке на жительство в Оренбургскую губернию»⁶. Есть основание предполагать, что Михаил Тимлер был близкий родственник жены Барановского, возможно ее брат, служивший управляющим в имении своего зятя, Е. И. Барановского,

¹ Шестидесятые годы., с. 468.

² Большаков Л. По следам оренбургской зимы. Челябинск, 1968 г.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. М.: Наука, 1963, т. 30, кн. 1, с. 261; т. 29, кн. 1, с. 345, 356, 357.

⁴ Звенья, М.-Л.: Академия, т. 3—4, 1934, с. 918.

⁵ Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859, г. с. 61—63.

⁶ Дьяков В. В. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов. (Библиографический словарь.) М.: Наука, 1967, с. 169.

в с. Выдринка Чериковского уезда Могилевской губернии.

В губернских ведомостях среди приехавших в Уфу в период с 26 июня по 2 июля 1859 года упоминались прапорщик Вологодского пехотного полка Тимлер, поручик Тимлер и дочь полковника Ольга Карловна Тимлер. В этот же период времени из Уфы в уезд выехали прапорщик Тимлер и оренбургский гражданский губернатор Е. И. Барановский¹. Поручик же Тимлер (полагаем, что это был Михаил) вместе со своей сестрой Ольгой, видимо, остались у сестры своей Екатерины, жены губернатора, в Уфе.

У Барановских были дети². В своих воспоминаниях Барановский упоминает больную дочь, с которой он был в Мюнхене³. Там же он пишет, что в 1870—1889 гг. он жил в Москве.

Е. И. Барановский прожил долгую жизнь.

Известно его письмо в октябре 1906 г. об автопортрете Т. Г. Шевченко. «Портрет этот передан мне в пятидесятых годах прошедшего столетия сосланными в Оренбургский край поляками, по поручению Т. Г. Шевченко, нарисован им самим в то время, когда томился в изгнании в пустынях Каспия с запрещением не только писать, но и рисовать. Этот дорогой мне подарок передаю, достигши 86 лет, Обществу, основанному в память Т. Г. Шевченко. Октября 1906 года. Бывший оренбургский губернатор Е. И. Барановский»⁴.

В связи с началом строительства в 1909 году в Уфе народного дома С. Т. Аксакова Е. И. Барановский, проживавший тогда у себя на родине в с. Выдринка Чериковского уезда Могилевской губернии, 21 апреля 1909 года обратился с письмом к уфимскому губернатору А. С. Ключареву, в котором сообщал о передаче будущему музею С. Т. Аксакова в аксаковском народном доме своей переписки с писателем. Об этом сообщалось в газете «Уфимский край», там же были опубликованы два письма С. Т. Аксакова Е. И. Барановскому от 9 июня 1856 и 30 января 1859 года⁵.

Умер Е. И. Барановский в 1914 году⁶.

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1859, № 27, 4 июля, с. 168.

² Звенья, М.-Л.: Академия, т. 3—4, 1934, с. 918.

³ Русская старина, 1899, т. 98, с. 221.

⁴ Вольшаков Л. Указ. соч.

⁵ Уфимский край, 1 мая 1909, № 95.

⁶ Прянишников Н. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1946.

А. Ф. ЛАНЖЕРОН.

В гробе старец Ланжерон.

В. А. Жуковский.

Среди близких знакомых своих родителей С. Т. Аксаков упоминает, вместе с полковником Л. Н. Энгельгардтом, генерала графа Ланжерона. Кто же такой Ланжерон и какая судьба привела его в Уфу?

В годовщину Бородинского сражения, 26 августа 1839 года, состоялось торжественное открытие памятника на Бородинском поле. Этому событию В. А. Жуковский посвятил стихотворение «Бородинская годовщина». Упомянув там выдающихся русских полководцев — участников Отечественной войны, не доживших до торжества, в числе пятнадцати поэт назвал и Ланжерона¹.

Ланжерон Александр Федорович (Людвик-Александр-Андро) родился в Париже 13 января 1763 года. Четырнадцать лет он поступил прапорщиком в королевскую гвардию².

В 1782 году Ланжерон в составе отряда был отправлен в Северную Америку для помощи английским колониям, которые вели борьбу за свою независимость. По возвращении во Францию в 1787 г. он был зачислен в драгунский полк. В начале французской революции Ланжерон, как и многие знатные люди, покинул Францию и стал искать убежища в Австрии, но не был принят в австрийские войска. Тогда он приехал в Петербург и в 1790 году поступил на службу к Екатерине II; он был зачислен в Сибирский гренадерский полк, находившийся в армии Потемкина на Дунае. Но на Дунай он не поехал, а остался в Петербурге и принял участие в войне со Швецией³. Он командовал канонерскими шлюпками второй дивизии и за отличие при Биоркэ получил Георгия 4-й степени⁴.

По заключении мира со Швецией Ланжерон отправился на Дунай, был при блокаде Измаила. «При зна-

менитом штурме этой крепости 11 декабря 1790 г. Ланжерон находился в колонне генерала Арсеньева, выдержавшей убийственный огонь турок, и, по словам Суворова, «оказал отличную неустрашимость в атаке неприятеля». За этот штурм он награжден золотой шагаей с надписью «За храбрость». В 1791 году Ланжерон находился под начальством князя Репнина. По заключении в 1792 году мира в Яссах, Ланжерон отправился на Рейн, был волонтером при войсках союзников, действовавших против Франции во время первой коалиции. За два года непрерывных сражений Ланжерон получил большой боевой опыт. Война неудачно окончилась для союзников, австрийские войска отступили, Ланжерон возвратился в Петербург.

«30 июля 1794 года он был переведен в Малороссийский гренадерский полк, шефом которого был граф П. А. Румянцев. Маститый полководец оценил военные дарования Ланжерона, назначил его полковником своего полка, а затем, 28 июля 1796 года, в чине бригадира, и командиром онаго. Император Павел I 22 мая 1797 года произвел Ланжерона в генерал-майоры и назначил шефом вновь сформированного мушкетерского Уфимского полка, имевшего свою стоянку в городе Уфе. Император, осмотрев этот полк в Казани, остался очень доволен им и пожаловал Ланжерону орден св. Анны 2-го класса и намеревался назначить его военным оренбургским губернатором, но согласно просьбы Ланжерона оставил его по-прежнему во фронте и при том шефом Уфимского полка»¹.

По воспоминаниям Л. Н. Энгельгардта, в 1797 году Павел I распорядился 6 оренбургских полевых батальонов, соединяя их по два, преобразовать в полки; третий батальон, которым командовал Энгельгардт, был соединен со вторым в Уфимский полк. «Шеф наш граф Ланжерон, — писал Энгельгардт, — прибыл в полк, и мы с ним сделались друзьями, каковыми остались навсегда». Отказ Ланжерона от поста военного губернатора, который занимал в то время О. А. Игельстром, бывший с ним в дружественных отношениях, объясняется тем, что для Ланжерона понятия чести и товарищества были выше интересов карьеры².

Во время службы в Уфе Ланжерон был частым гостем

¹ Жуковский В. А. Собрание сочинений, т. 1. М.-Л.: Гос. изд. Худож. литературы, 1959, с. 402, 469.

² Каменский. Граф Ланжерон. — Изборник разведчика, 1899, № 12, с. 67.

³ Русский биографический словарь, т. 10, СПб., 1914, с. 60.

⁴ Каменский. Указ. соч., с. 67.

¹ Русский биограф. словарь., с. 61.

² Энгельгардт Л. Н. Указ. соч., с. 201.

у родителей С. Т. Аксакова, которые жили тогда в зубовском доме.

При Павле I Ланжерон принял русское подданство, получил Иерусалимский командорский крест. 29 мая 1799 года Ланжерон был возведен в графское достоинство Российской империи¹.

С 1800 по 1806 гг. Ланжерон был инспектором Брестской инспекции.

В 1805 г. он «принял участие в войне русских и австрийцев против Наполеона и начальствовал одной из колонн в сражении [2 декабря] при Аустерлице. С 1807 по 1812 гг. состоял в русской армии, которая вела войну в Турции, причем в 1809 г. разбил неприятеля при Фраксине; в 1810 г. ему сдалась Силистрия, а при Дереккой (недалеко от Шумлы) Ланжерон поразил неприятельский отряд и за это получил Георгия 3-й степени; в 1812 г., во время Отечественной войны, он командовал корпусом в Дунайской армии Чичагова. В 1813 г., за участие в покорении Горна, Ланжерон награжден орденом св. Георгия 2-й степени; его корпус вошел в состав Силезской армии Блюхера. За последовавшие сражения он получил вензель на эполеты и 30 тысяч рублей ассигнациями, а за взятие Монмартрских высот под Парижем (в 1814 году) — орден св. Андрея Первозванного. С 1816 года Ланжерон был управляющим Новороссийским краем, главным начальником Бугских и Черноморских казаков и всей пограничной стражи»².

«В конце царствования Александра I обиженный своим смещением с поста новороссийского наместника Ланжерон выехал во Францию, однако позже, при Николае I, возвратился»³.

В 1828 году он уже «участвовал блестящим образом в войне с Турцией, за что пожалован шефом Ряжского пехотного полка и пушкой, из числа взятых им в крепости Кале»⁴.

Не желая подчиняться Дибичу, Ланжерон в марте 1829 года подал прошение об увольнении из армии⁵.

Сначала он поселился в Одессе, в начале 1831 года

¹ Русский биографический словарь., с. 61; Петров П. Н. История родов русского дворянства, т. 1. СПб., 1885, с. 257.

² Каменский. Указ. соч., с. 68.

³ Герцен А. И., Огарев Н. П. Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне, кн. 3. Комментарии и указатели. М.: Наука, 1971, с. 61.

⁴ Каменский. Указ. соч., с. 68.

⁵ La grande Encyclopedie, Paris, 1886, т. 21, с. 893.

переехал в Петербург, где заболел и умер от холеры 4 июля 1831 года. Похоронен в католической церкви в Одессе.

«Ланжерон любил роскошь и блеск, жил открыто и очень был щедр, он делился своими деньгами с каждым нуждающимся и не оставил после себя никакого состояния. Ланжерон был женат два раза. Первый раз женат был на вдове майора Наталии Петровне Кашиной, урожденной княжне Трубецкой; по ее кончине вступил в брак с Елизаветою Адольфовною Бриммер, известною в то время красавицей, дочерью полковника. Оба брака были бездетны.

В ранней молодости Ланжерон занимался литературой, участвовал в издании, выходившем в Париже в конце XVIII века под заглавием «Actes des Apôtres», написал комедию в прозе «Le Duel Suppose» (Париж, 1789), а позднее вел обыкновенно журнал военных действий тех войн, в которых принимал участие»¹.

«Будучи одним из образованнейших офицеров своего времени, граф Ланжерон отличался храбростью и выдающимся военным талантом. Он 40 лет провел на русской военной службе и за все время своей полной интереса и военных доблестей службы он вел весьма подробный журнал, «Journal des compagnes faites au Service de la Russie, par le comte de Langeron». Начало этих записок относится к 1796 г. В 1824 и 1827 гг. он перечитал и дополнил их своими примечаниями; причем первоначальный текст сохранил в неприкосновенности»².

«А. И. Тургенев записал, что рукопись своих обширных мемуаров Ланжерон оставил французскому консулу в Одессе, который предложил вдове графа издать их, и так как согласиться на это она не решилась, мемуары были пересланы в Париж, где стали достоянием французских историков... В России сохранились списки воспоминаний Ланжерона, в частности в архиве Вильбасова, содержащем все 6 томов позднейших копий мемуаров Ланжерона»³.

В Одессе, кроме улицы Ланжерона, сохранилось название приморской местности «Ланжерон».

¹ Русский биографический словарь., с. 65.

² Каменский Е. Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806—1812 гг. — Русская старина, 1907, т. 130, май-июнь, с. 431—432.

³ Герцен А. И., Огарев Н. П. Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне, кн. 3. Комментарии и указатели. М.: Наука, 1971, с. 62.

Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТ.

В воспоминаниях раннего детства С. Т. Аксаков отмечает наиболее близких уфимских друзей своих родителей: «Из военных всех чаще бывали у нас генерал Мансуров с женой и двумя дочерьми, граф Ланжерон¹ и полковник Л. Н. Энгельгардт; полковой же адъютант Волков и другой офицер Христофович, которые были дружны с моими дядями, бывали у нас каждый день... Из военных гостей я больше всех любил сначала Льва Николаевича Энгельгардта: по своему росту и дородству он казался богатырем между другими и к тому же был хорош собою. Он очень любил меня, и я часто сиживал у него на коленях, с любопытством слушая его громозвучные военные рассказы и с благоговением поглядывая на два креста, висевшие у него на груди, особенно на золотой крестик с округленными концами и с надписью: «Очков взят 1788 года 6 декабря». Я сказал, что любил его сначала; это потому, что впоследствии я его боялся, — он напугал меня, сказав однажды: «Хочешь, Сережа, в военную службу?» — Я отвечал: «Не хочу». — «Как тебе не стыдно, — продолжал он, — ты дворянин и непременно должен служить со шпагой, а не с пером. Хочешь в гренадеры? Я привезу тебе гренадерскую шапку и тесак». Я перепугался и убежал от него. Энгельгардт вздумал продолжать шутку и на другой день, видя, что я не подхожу к нему, сказал мне: «А, трусишка! ты боишься военной службы, так вот я тебя насильно возьму...» С этих пор я уж не подходил к полковнику без особенного приказанья матери, и то со слезами» (1; 357—359).

Здесь речь пойдет о Льве Николаевиче Энгельгардте, авторе интересных воспоминаний, в которых он подробно останавливается на родословной своей фамилии и прохождении военной службы, в том числе и в Уфе².

В истории русской культуры род Энгельгардтов известен многими видными представителями. Напомним читателям некоторых из них.

Александр Николаевич Энгельгардт (1832—1892) известный химик, декан Петербургского земледельческого института, был арестован в конце 1870 г. за внушение

студентам «демократических идеалов». После двухмесячного заключения в Петропавловской крепости был выслан из Петербурга и поселился в своем имении Батицево Смоленской губернии, где создал образцовое хозяйство — первую в России опытную агрохимическую станцию. Он известен как автор «Писем из деревни», замысел которых был подсказан Салтыковым-Щедринным. С этими письмами был знаком Карл Маркс, им дал высокую оценку В. И. Ленин¹.

Вадим Платонович Энгельгардт — астроном, член-корреспондент Академии наук, умер в 1915 г.²

Владимир Александрович Энгельгардт (4 декабря 1894 — 10 июля 1984) — академик, выдающийся советский биохимик, теоретические работы которого способствовали развитию «многих современных направлений биохимии. Результаты этих исследований стали классическими и получили широкое признание и развитие в Советском Союзе и за рубежом, явились фундаментом создания новой области науки — молекулярной биологии». Последние 35 лет жизни он возглавлял Институт молекулярной биологии АН СССР, он создал огромную научную школу. «Международным признанием научных заслуг В. А. Энгельгардта явилось избрание его членом национальных академий наук зарубежных стран. В течение многих лет он являлся активным членом Советского комитета защиты мира, участником Пагуошского движения ученых за мир, против ядерной угрозы». Заслуги его перед родиной высоко оценены.

Он удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, награжден пятью орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями, лауреат Государственных премий СССР, ему присуждена высшая награда Академии наук СССР — золотая медаль имени М. В. Ломоносова³.

Род Энгельгардтов прибалтийского происхождения. Представители лифляндских Энгельгардтов в истории России известны службой в армии. Некоторые из них имели генеральские звания: Вильгельм Карлович, Карл-Антон-Август, Густав Конрад (комендант в Пятигорске). К этой же ветви относится Егор Антонович Энгельгардт (1775—1862) — писатель и педагог, директор Царско-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 2, с. 521—528; Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем 1872—1887. М.: Сельхозгиз, 1960.

² Исторический вестник, 1916, № 2, с. 615.

³ Большая медицинская энцикл., изд. 2-е, 1964, т. 35, стб. 386—388; Известия, 13 июля 1984. Некролог.

¹ О Мансуровых и Ланжероне см. отдельные очерки.

² Энгельгардт Л. Н. Записки. М., Изд. 2-е Русского архива, 1867.

Сельского лицея в те годы, когда там учился А. С. Пушкин.

В Курляндии с XVII века известен род баронов Энгельгардтов.

Родоначальником смоленской ветви Энгельгардтов был генерал-лейтенант польской службы Вернер Энгельгардт, получивший от польского короля Сигизмунда III в начале XVII века имения в Смоленской губернии. После присоединения Смоленска к России в 1654 г. эта ветвь вскоре совершенно обрусела.

Аксаковский Лев Николаевич Энгельгардт (10 февраля 1766 — 4 ноября 1836) — полковник, затем генерал-майор, был внуком Богдана Энгельгардта, одного из потомков Вернера. Его отец Николай Богданович Энгельгардт — моголевский губернатор, был женат на Надежде Петровне Бутурлиной. В Смоленской губернии род Энгельгардтов пользовался очень большой известностью.

Двоюродный брат Л. Н. Энгельгардта, Павел Иванович Энгельгардт, при нашествии французов в 1812 г. был ими схвачен и расстрелян за то, что не хотел присягать Наполеону¹. Тройродный брат, Василий Андреевич Энгельгардт, был женат на сестре Марии князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, происходившего тоже из Смоленской губернии и оказывавшего покровительство Льву Николаевичу.

У Льва Николаевича Энгельгардта было две сестры. Старшая Александра вышла замуж за Сергея Кузьмича Вязмитинова; младшая Варвара — за Матвея Андреевича Наврозова. Оба зятя Льва Николаевича Энгельгардта служили в Уфе и о них также С. Т. Аксаков упоминает в своих произведениях².

Приезд Л. Н. Энгельгардта в Уфу был связан с назначением в конце 1794 года его зятя С. К. Вязмитинова уфимским наместником. Л. Н. Энгельгардт в своих «Записках» об этом пишет так: «Прибыв к отцу моему, узнал я, что зять мой, С. К. Вязмитинов сделан был генерал-губернатором Уфимской и Симбирской губерний и командиром Оренбургского корпуса. Он уговорил меня перейти под его начальство, чтобы быть вместе с моей сестрой. Почему в 1795 году дан мне был третий оренбургский полевой батальон, и так я переместился в столь отдаленный край»³.

¹ Русская родословная книга, изд. Русской старины. СПб., 1873, с. 252.

² О Вязмитинове и Наврозове см. отдельные очерки.

³ Энгельгардт Л. Н. Указ. соч., с. 137.

Павел I с сыновьями Александром и Константином 3 июня 1798 г. прибыли в Казань. К приезду царя на Арском поле готовился парад, для участия в котором из Уфы прибыл Л. Н. Энгельгардт со своим батальоном. Впоследствии Л. Н. Энгельгардт с горечью вспоминает: «В мае 1799 государь пожаловал мне командорство ордена св. Иоанна Иерусалимского, с 1000 руб. годового дохода. Служа в турецкую войну и противу поляков усердно и ревностно, был я в нескольких сражениях, лица от неприятеля не отворачивал и почти ничего не получил. А за марширование на Арском поле и удачные батальонные выстрелы получил два ордена. Сего же года, в исходе ноября, по просьбе моей я отставлен с мундиром, что при государе императоре Павле считалось большой милостью»¹.

Л. Н. Энгельгардт был женат на дочери казанского помещика, Екатерине Петровне Татищевой²; жил в Москве, затем в казанском имении жены. В 1816 г. Л. Н. Энгельгардт приобретает в Дмитриевском уезде Московской губернии имение Мураново. Его дочь Анастасия выходит замуж за поэта Евгения Абрамовича Баратынского (1800—1844), которому Мураново переходит после смерти Л. Н. Энгельгардта в 1836 году³.

Его младшая дочь Софья выходит замуж за писателя-историка Николая Васильевича Путьяты (1802—1877). Семейство Н. В. Путьяты поселилось в Мураново в конце 1840-х годов. Здесь о записках Л. Н. Энгельгардта знали немногие, он читал их узкому кругу родных и друзей. После его смерти записки затерялись и были найдены его зятем Н. В. Путьяты осенью 1858 года в сундуке, хранившемся в амбаре мурановского имения, и вскоре были им опубликованы⁴.

Н. В. Путьяты был в дружбе с декабристами, А. С. Пушкиным и многими известными русскими писателями. В Мураново из соседнего Абрамцево приезжал Н. В. Гоголь, гостивший у Аксаковых. Между семьями С. Т. Аксакова и Н. В. Путьяты установились самые близкие сердечные отношения.

¹ Энгельгардт Л. Н. Указ. соч., с. 214, 215.

² Петров П. Н. История родов русского дворянства, т. 1. СПб., 1885, с. 55.

³ Королева И. Мураново. Музей-усадьба им. Ф. И. Тютчева. М.: Планета, 1983, с. 1—3.

⁴ Русский вестник, 1859, №№ 1—2, 7, 12. То же, отдельный оттиск. М., 1859.

Дочь Н. В. Путяты вышла замуж за Ивана Федоровича Тютчева (1846—1909), сына известного поэта Ф. И. Тютчева и брата жены Ивана Сергеевича Аксакова — Анны Федоровны Тютчевой.

Итак, спустя полвека после детских воспоминаний С. Т. Аксакова, внучка Л. Н. Энгельгардта породнилась с семейством Аксаковых через Тютчевых.

Правнук Л. Н. Энгельгардта — Николай Иванович Тютчев — был первым директором музея-усадыбы Мураново имени Ф. И. Тютчева.

Полный текст записок Л. Н. Энгельгардта до сего времени не опубликован. Рукопись находится в ЦГАЛИ, ф. Н. В. Путяты (№ 394)¹.

Некоторые отрывки из записок Энгельгардта, «попавшие на Руси под цензурный молот», были напечатаны А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне в 1861 году².

Глава XXVI

С. К. ВЯЗМИТИНОВ.

В одном из ранних детских воспоминаний С. Т. Аксакова рассказывается об отношении уфимского общества к известию о смерти Екатерины II и вступлению на престол Павла I 6 ноября 1796 г.

«В один прекрасный осенний день, это было воскресенье или какой-нибудь праздник, мы возвращались от обедни из приходской церкви Успения божией матери, и лишь только успели взойти на высокое наше крыльцо, как вдруг в народе, возвращающемся от обедни, послышалось какое-то движение и говор. По улице во весь дух проскакал губернаторский ординарец-казак и остановился у церкви; всем встречающимся по дороге верховой кричал: «Ступайте назад в церковь, присягать новому императору!» Народ, шедший врасыпную, приостановился, собрался в кучки, пошел назад и, беспрестанно усиливаясь встречными людьми, уже густою толпою воротился в церковь. Не успели мы получить известия от кого-то из бегущих мимо, что «государыня скончалась», как раз-

¹ Альманах Прометей, № 9. М.: Молодая гвардия, 1972, с. 200—209.

² Герцен А. И., Огарев Н. П. Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне, кн. 2—1861, М.: Наука, 1971, с. 135—146.

дался в соборе колокольный звон и, подхваченный другими десятью приходами, разлился по всему городу...

Все были в негодовании на В. **, нашего, кажется, военного губернатора или корпусного командира — хорошенько не знаю, — который публично показывал свою радость, что скончалась государыня, целый день велел звонить в колокола и вечером пригласил всех к себе на бал и ужин. Я сейчас подумал, что губернатор В. ** должен быть недобрый человек; тут же я услышал, что он имел особенную причину радоваться: новый государь его очень любил, и он надеялся при нем сделаться большим человеком. Я прогневался на В. ** еще больше: зачем он радуется, когда все огорчены. Сначала я слышал, как говорила моя мать, что не надо ехать на бал к губернатору, и как соглашались с нею другие, и потом вдруг все решили, что нельзя не ехать. Мать не спорила, но сказала, что останется дома. Поехал и мой отец, но сейчас воротился и сказал, что бал похож на похороны и что весел только В. **, двое его адъютантов и старый депутат, мой книжный благодетель, С. И. Аничков, который не мог простить покойной государыне, зачем она выпустила депутатов, собранных для совещания о законах, и говорил, что «пора мужской руке взять скипетр власти...» (1; 402, 403).

Какую же личность из уфимской администрации подразумевал С. Т. Аксаков, обозначив ее буквой В.?

Ни одно издание сочинений С. Т. Аксакова и ни одна работа о его творчестве ответа на этот вопрос не дают. Ответить на это, на первый взгляд, легко: надо лишь знать дату смерти Екатерины II и время службы лиц, возглавлявших администрацию Уфимской губернии в те годы.

Известно, что Екатерина II умерла 6 ноября 1796 года. В тот же день императором был провозглашен ее сын Павел I.

Обратимся теперь к адрес-календарям Уфимской губернии, издававшимся до революции. Во многих из них сообщались годы правления губернаторов.

Известные уфимские краеведы XIX века Р. Г. Игнатьев и Н. А. Гурвич составили «Хронологический перечень лиц, состоявших во главе управления духовного и гражданского, Оренбургским краем и Уфимской губернией, от построения г. Уфы 1754 года до настоящего времени» (то есть до 1883 г.). По их данным, с 1793 по 1795 гг. уфимским наместником и генерал-губернатором Уфимским и Симбирским был генерал-поручик Сергей Кузь-

мич Вязмитинов, которого сменил в 1795 г. барон Осип Андреевич Игельстром в должности наместника, а по случаю уничтожения наместничества в 1796 г. был переименован военным губернатором, в должности которого пробыл до 1798 г. Гражданским губернатором Уфимским и Симбирским с 1792 по 1797 гг. был генерал-майор, а потом генерал-поручик Александр Александрович Пеутлинг¹.

Итак, из упомянутых трех лиц буквой В. мог быть обозначен Игельстром, мог быть Пеутлинг, но никак не Вязмитинов.

Те же сведения мы находим и в других адрес-календарях, например, на 1906 год².

Однако, при обозначении года службы начальников края Игнатев и Гурвич допустили неточность, и эта ошибка, приняв характер кочующий, переходила из одного издания в другое. В этом нас убеждает «Дневник» М. С. Ребелинского, уфимского чиновника, записывавшего ежедневные события в течение 20 лет, с 1792 по 1812 гг. Два тома рукописи дневника хранятся в Башкирской книжной палате.

Там есть такие записи:

«24 октября [1794] новости таковы, что определен наместник сюда Вязмитинов...

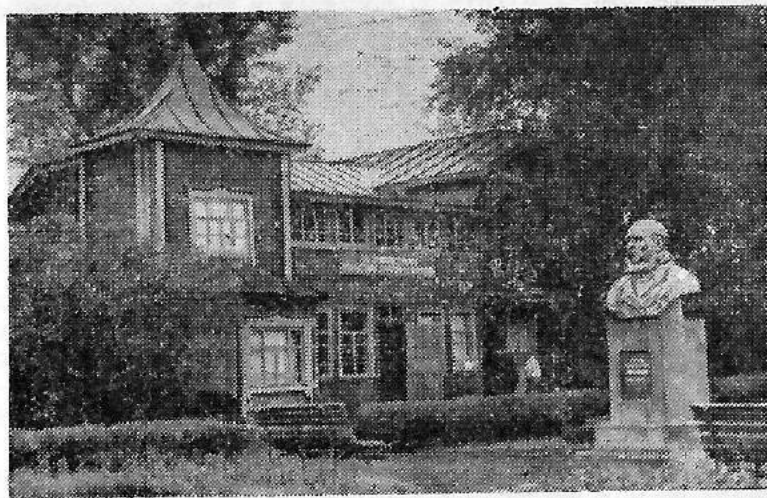
1 ноября [1794] получен указ о бытии здесь генерал-губернатором Вязмитинову...

16 декабря [1796] получен указ, чтоб здешнему генерал-губернатору быть военным губернатором в Чернигове...

22 декабря [1796] генерал-губернатор выехал из Уфы».

О назначении С. К. Вязмитинова в Чернигов пишет и Л. Н. Энгельгардт в записях 1796 года: «Зять мой... пожалован военным губернатором в Каменец-Подольск, на другой день прибыл новый курьер с известием, что вместо того он назначен в Чернигов, куда он отправился в самой скорости; и только что там пробыл два дня, пожалован был комендантом в Петропавловскую крепость»³.

Наиболее полные и точные биографические сведения о С. К. Вязмитинове мы находим в «Военной энциклопедии»: «Произведенный в 1793 г. в генерал-поручики, он

в 1794 г. назначен сенатором и исполняющим должность Симбирского и Уфимского генерал-губернатора, а в 1795 — командующим Оренбургским корпусом с особым поручением — водворить порядок среди киргизов и настоять на избрании ими ханом приверженца России Ишима. Удачно исполнив это поручение, Вязмитинов был назначен в 1796 г. шефом Московского мушкетерского полка и Оренбургским военным губернатором, в 1797 г. — комендантом Санкт-Петербургской крепости [т. е. Петропавловской], а затем членом Военной коллегии и управляющим комиссариатским департаментом, дела которого находились в крайнем беспорядке. Вязмитинов ввел в комиссариат новые штаты и быстро изготовил для армии обмундирование нового образца, чем упрочил милостивое отношение к себе государя, который в 1798 г. произвел его в генералы от инфантерии. Однако в 1799 году Вязмитинов по прошению вышел в отставку. Император Александр I в 1801 г. снова вызвал Вязмитинова на службу, поручив ему сначала управление Малороссийскими губерниями, а затем назначив вице-президентом Военной коллегии. С образованием в 1802 году министерства военно-сухопутных дел Вязмитинов был назначен министром... В 1808 г. ушел в отставку. В 1810 г. назначен членом Государственного совета. В 1812 г. сделан председателем Комитета министров и ему поручено заведывание министерством полиции и управление Санкт-Петербургом. В 1816 г. назначен Санкт-Петербургским военным

¹ Справочная книжка Уфимской губернии на 1882—1883 гг. Уфа, изд. Н. К. Блохина, 1883, отд. 11, с. XXXVI—XXXVIII.

² Адрес-календарь Уфимской губернии на 1906 г. III пр., с. 27.

³ Энгельгардт Л. Н. Указ. соч., с. 58—60.

губернатором, а в 1818 г. возведен в графское достоинство».

Умер Вязмитинов в октябре 1819 года¹.

Глава XXVII

М. А. НАВРОЗОВ.

Второй зять Льва Николаевича Энгельгардта, действительный статский советник Матвей Андреевич Наврозов, был в 1811—1822 годах оренбургским гражданским губернатором². Он был хорошо известен С. Т. Аксакову как сосед по имению в Белебеевском уезде.

В «Литературных и театральные воспоминаниях за 1825—1826 гг.» С. Т. Аксаков, сообщая о получении в Белебее известия о смерти Александра I, отмечает, что, кроме него, в белебеевском обществе только прежний губернатор М. А. Наврозов сомневался в том, что преемником на российском престоле будет Константин (3; 57).

О встрече С. Т. Аксакова с М. А. Наврозовым в Белебее подробнее упоминается в нашей книге³.

Младшая сестра Льва Николаевича Энгельгардта, Варвара, вышла замуж за М. А. Наврозова 33-х лет, в 1798 г. До службы в Уфе Наврозов в 1808—1810 гг. был вице-губернатором в губерниях Симбирской и Слободско-Украинской⁴.

Период уфимской службы М. А. Наврозова не отличался значительными событиями, кроме 1812 года, когда формировалось народное ополчение и в города губернии прибыли французские пленные. Разве что при нем был

введен Уфимский попечительный о бедных комитет, да введена должность церемониймейстера во время губернских дворянских выборов, которому вменялось в обязанность «исполнять поручения господина гражданского губернатора».

Впрочем, Наврозову вменяют вину за пожар в Уфе в 1821 году¹. Пожар возник в одиннадцатом часу утра 1 июня 1821 г. «от зажженного навоза от бывшего тогда скотского падежа. Прежде всего загорелись недавно выстроенные деревянные присутственные места, потом пламя от сильного ветра распространилось в разные стороны, сгорела половина города, и в числе строений — винные, соляные и прочие провиантские магазины, присутственные места, церкви св. Спаса и Благовещения Богородицы на Казанской².

Жене Наврозова, Варваре Николаевне, по ревизским сказкам 1834 года (8-я ревизия), принадлежало в селе Спасском (Наврозово) Белебеевского уезда 190 душ крестьян. Все крепостные крестьяне были переведены из села Богоявленского (Труево) Кузнецкого уезда Саратовской губернии в 1817 году. В том же селе Спасском Белебеевского уезда 505 душ крепостных крестьян принадлежали надворной советнице Евгении Григорьевне Осоргиной, которая купила их в 1828 г. с аукционного торгового, устроенного петербургским опекунским советом над имением Наврозовых³. С течением времени село получило третье название — Осоргино, под которым оно известно и сейчас. Деревня Осоргино Воздвиженского сельсовета Альшеевского района входит в состав колхоза «Родина»⁴.

¹ Военная энциклопедия, т. 7. Петербург, 1912, с. 123, 124.

² В дневнике М. С. Ребелинского имеется такая запись 22 октября 1811 г.: «Получен с почтою указ о бытии оренбургским губернатором статскому советнику Наврозову».

³ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Краеведческие очерки. Уфа: Башкиргоиздат, 1981, с. 40—42.

⁴ Азбучный указатель имен русских деятелей для составления Русского биографического словаря, ч. 2. СПб., 1888, с. 50. (Сборник Русского исторического общества, т. LXII.) Слободско-Украинская губерния была образована в 1824 г. и в 1825 г. переименована в Харьковскую. В XVI—XVII веках здесь появились первые русские поселения, образованные бежавшими от польских притеснений казаками. Поселки эти были укреплены и разделялись на полки, называемые Слободско-Украинскими. Вся местность, заселенная колонистами из польской правобережной Украины, включая, кроме Харьковской, Воронежскую губернию и часть Курской, в XVII—XVIII вв. называлась Слободской Украиной. (Энци. Просвещение, т. 17, с. 525).

¹ Барсов Н. Из прошлого Уфы. Пожар по распоряжению губернатора. — Советская Башкирия, 1966, 17 сентября.

² Игнатьев Р. Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии, в кн.: Справочная книжка Уфимской губернии. 1882—1883, г. Уфа, 1883, отд. 2, с. XIX, XX. Присутственные места были выстроены на высоком берегу р. Белой. После пожара на этом месте в 1828 г. был построен каменный двухэтажный архиерейский дом, где после революции размещалась горская детская больница. Ныне на этом месте новое здание Совета Министров Башкирской АССР. Казанская улица — ныне ул. Октябрьской революции. На месте сгоревших деревянной Спасской церкви и рядом стоявшей с ней Благовещенской в 1824—1845 гг. была построена по образцу петербургского Казанского собора, но в значительно меньшем размере, Спасская церковь, здание которой частично сохранилось до наших дней. (Усадьба № 39).

³ ЦГА ВАСРР, ф. 138, оп. 2, д. 508, л. 93—100.

⁴ Башкирская АССР. Административно-территориальное деление, 1981, с. 28; то же, 1969, с. 22.

В этих краях в 1901 г. Антон Павлович Чехов отдыхал в Андреевском санатории, бывал в селе Воздвиженке, которое находится в 3-х км от д. Осоргино¹. Ныне санаторий им. А. П. Чехова.

Семейство Наврозовых жило не по средствам. Об их долгах свидетельствует объявление в «Оренбургских губернских ведомостях» 2 февраля 1846 г. о вызове заинтересованных лиц в палату гражданского суда (г. Уфа) «для выслушивания решения о казенных и частных долгах действительного статского советника Матвея Наврозова и супруги его».

Сын Наврозовых, Владимир Матвеевич, гвардии штабс-капитан в начале 1830 годов был Бугурусланским уездным предводителем дворянства².

В селе Покровском Бугурусланского уезда в 1843 г. у В. М. Наврозова было родовое имение его жены — Анны, за ней там числились 320 душ и за ним — 68 душ крепостных крестьян³.

В 1841—1848 гг. В. М. Наврозов был виленским вице-губернатором⁴.

В селе Степановке Бугурусланского уезда у Наврозовой была суконная фабрика⁵.

Глава XXVIII

Д. Е. БЕНАРДАКИ.

В «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксаков описывает совместную с Н. В. Гоголем поездку в Петербург осенью 1839 года. Аксаков с дочерью Верой ехал устраивать своего четырнадцатилетнего живого и веселого сына Мишу в Пажеский корпус, где он был давно кандидатом⁶.

Гоголь ехал за своими сестрами, Анной и Елизаветой, окончившими Патриотический институт. Это учебное заведение предназначалось для дочерей «бедных благо-

¹ Шмаков В. «...Завтра я уезжаю». — Ленинец, 11 июня, 1974.

² Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879, с. 89, 146.

³ ЦГА ВАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1940, л. 1; 5, 21.

⁴ То же, л. 1; Азбучный указатель имен русских деятелей для составления Русского биографического словаря, ч. 2, с. 50.

⁵ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859, с. 406.

⁶ Михаил Сергеевич Аксаков умер 16-ти лет в 1841 г. (3; 190).

родных родителей» и название свое получило от петербургского патриотического общества дам, в ведении которого находилось¹.

По приезде в Петербург Гоголь оказался в весьма стесненном материальном положении: он рассчитывал по сообщению В. А. Жуковского получить на своих сестер пособие от императрицы Александры Федоровны (жены Николая I). Но императрица была больна и сестры Гоголя оказались без пособия. К тому же сам Гоголь потерял в Петербурге свой кошелёк с деньгами.

С. Т. Аксаков, зная затруднения Гоголя, предложил ему займы деньги. Но не имея своих денег, Аксаков взял для Гоголя в долг две тысячи рублей у откупщика Дмитрия Егоровича Бенардаки. «...этот грек Бенардаки, — писал Аксаков, — очень умный, но без образования, был единственным человеком в Петербурге, который назвал Гоголя гениальным писателем и знакомство с ним ставил себе за большую честь» (3; 169, 171, 174).

С. Т. Аксаков знал Бенардаки еще по Оренбургской губернии, где тот начинал подрядами свою коммерческую деятельность². Гоголь тоже был знаком с Бенардаки. М. Н. Погодин, сообщая о встречах Гоголя с Бенардаки в 1839 году в Мариенбаде, писал: «Бенардаки, знающий Россию самым лучшим и самым коротким образом, бывший на всех концах ее, рассказывал нам множество разных вещей, которые поступили в материалы «Мертвых душ», а характер Костанжогло во второй части писан в некоторых частях прямо с него»³.

Ниже мы подробнее расскажем о деятельности Бенардаки в нашем крае, сейчас же остановимся на путях приобретения им состояния. В молодости Бенардаки был на военной службе (поручик). Затем занимался подрядами.

Л. Ф. Пантелеев, принимавший участие в революционном движении, после сибирской ссылки написал воспоминания, в которых отмечал: «главным фундаментом fortunes Д. Е. Бенардаки... было прямое мошенничество. Он в начале 40-х годов, живя в Петербурге, занимался ведением тяжёбных дел. У Голубкова по крайне богатому золотопромышленному делу (Платоновскому прииску Енисейской северной системы) шел процесс с Рязановыми. Голубков взял себе в ходатаи Бенардаки на условия

¹ Энци. Просвещение. 1905, т. 9, с. 329.

² Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960, серия: Литературные памятники, с. 255.

³ Там же, с. 255.

получения четверти пая (дело было разделено на десять паев) в случае выигрыша. Голубков, бездетный человек, больной, во всем полагался на своего секретаря; Бенардаки подкупил секретаря, и тот в беловой копии представил два с четвертью пая, но с получением через три года, рассчитывали, что Голубков дольше не проживет и, значит, никакой скандальной огласки не будет. Голубков подписал, не перечитывая, условие. Дело в последней инстанции решилось в пользу Голубкова. Три года прошло. Голубков жив; на монетном дворе наконец отчислили в пользу Бенардаки золота на два с четвертью пая. Попытка Голубкова начать дело против Бенардаки кончилась ничем»¹.

Рассказывая со всевозможными подробностями об афере ловких дельцов, Н. А. Добролюбов высмеивает членов акционерного общества «Сельский хозяин», учрежденного в России Бенардаки, Кокоревым и другими². В программу этого общества входило в основном приготовление консервов из мяса и торговля ими с Францией.

Тульский краевед Г. Г. Жуков шесть лет разыскивал исчезнувших крепостных крестьян двух крупных сел Ивановского и Георгиевского Епифановского уезда Тульской губернии. Он обращался в архивы Тульской, Оренбургской, Саратовской и Херсонской областей, а также в архивы Москвы и Ленинграда. Но все поиски были безуспешны, документы не отвечали на вопрос, когда и куда были вывезены крестьяне этих сел. Потеряв надежду на поиск сведений в архивных документах, Жуков вспомнил слова своей бабушки, умершей в 1912 году. (Г. Г. Жуков родился в 1898 г. в селе Люторичи Епифановского уезда Тульской губернии.) Бабушке было 13 лет, когда крепостные крестьяне сел Ивановского и Георгиевского ехали обозами со всем домашним скарбом и скотом через село Люторичи в Уфимскую губернию к новому барину. По воспоминаниям бабушки, граф Бобринский, прежний их барин, проиграл в карты своих крепостных. По данным Жукова, число проигранных в карты крепостных составляло 2616 душ. Граф В. А. Бобринский был внуком Екатерины II, от ее незаконнорожденного сына Алексея Григорьевича Бобринского. Цари же Александр I и Николай I графу В. А. Бобринскому были двоюродными братьями.

В литературе известно, что незаконнорожденный сын Екатерины II, Алексей Григорьевич, будущий Бобринский, отцом которого был граф Григорий Григорьевич Орлов, родился в Зимнем дворце, еще при жизни ее мужа Петра III. Екатерине удалось скрыть от придворных и мужа рождение сына. Впоследствии она приобрела для сына Бобринскую и Богородицкую волости в Тульской губернии, которая находилась тогда в дворцовом ведомстве. До тринадцатилетнего возраста Екатерина II скрывала сына в Германии под именем князя Сицкого, а по возвращении его в Россию в 1774 году присвоила ему фамилию Бобринский по названию вотчины. Павел I признал незаконнорожденного сына матери как родного брата, утвердил его в графском достоинстве и оставил владельцем Бобринской и Богородицкой волостей.

Жуков обратился в Уфимские организации: Центральный архив и редакцию «Советской Башкирии» с просьбой помочь найти нового владельца проигранных в карты крепостных Тульской губернии. С письмами Г. Г. Жукова был ознакомлен Г. Ф. Гудков, который в то время изучал ревизские сказки Уфимской губернии. Вскоре им было обнаружено 21 семейство бывших крепостных графа В. А. Бобринского, купленных инспектором Оренбургской врачебной управы статским советником Григорием Петровичем Рязанцевым в 1843 году и переведенных в деревню Знаменка (Жуково), ныне Авдонский сельсовет Уфимского района, из села Петровского Епифановского уезда Тульской губернии¹. А несколько позже при содействии научного сотрудника архива В. Г. Хазиева были найдены переселенцы из сел Георгиевского и Ивановского в восьми деревнях Белебеевского уезда, принадлежавших Д. Е. Бенардаки. Эти деревни имеют следующие названия: Елизаветина, Александровка, Дмитриевка, Екатериновка, Анновка, Большая Николаевка, Малая Николаевка и Леонидовка².

Таким образом жители исчезнувших деревень Епифановского уезда нашлись в Уфимской губернии.

В 1837 году Д. Е. Бенардаки покупает у Осокина Верхне-Троицкий, Нижне-Троицкий и Усень-Ивановский медеплавильные заводы в Белебеевском уезде Оренбургской губернии; при этих заводах было 2088 душ муж-

¹ Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 326.

² Добролюбов Н. А. Собрание сочинений, в 9 томах. М.-Л., 1963, т. 7, с. 375—388.

¹ ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 610, л. 5—26. Мария Петровна Рязанцева, внучка Г. П. Рязанцева была женой А. Д. Цюруны, а ее сестра Людмила — женой А. И. Свидаевского.

² ЦГА ВАССР, ф. 138, оп. 2, д. 671, л. 231—447.

ского пола крепостных крестьян, 73932 десятины земли и 5 действующих медных рудников¹. На этих-то землях Бенардаки и расселил в различных деревнях крепостных крестьян из Тульской губернии и заставил их работать на своих землях и на медеплавильных заводах.

В 1840 г. заводоладелец на одном заводе прекращает выплавку меди и устраивает Нижне-Троицкую суконную фабрику²: на его обширных землях было много скота и овец.

В Петербурге Д. Е. Бенардаки считался крупным винным откупщиком и широко вел оптовую торговлю³.

Позже Д. Е. Бенардаки стал банкиром, золотопромышленником и крупным промышленником-металлургом.

В 1857—1859 гг. Н. П. Аносовым (сыном знаменитого златоустовского металлурга П. П. Аносова) было найдено золото по системе реки Амура; в 1866 году в Амурской и Приморской областях правительство разрешило частную горнопромышленную деятельность⁴. Д. Е. Бенардаки сразу же взял Н. П. Аносова к себе на службу и основал в том же году Верхне-Амурскую компанию для разработки золота в районе верховьев реки Амура⁵.

В 1954 г. Д. Е. Бенардаки принадлежала Сормовская механическая фабрика в Нижегородской губернии, основанная в 1849 г. компанией Волжского буксирного пароходства⁶.

В Вологодской губернии у Бенардаки были три чугуноплавильных и железодельных завода: Нювчимский, Нючпасский и Кажимский, при которых было крепостных крестьян 214 душ мужского пола, 123112 десятин земли и 43 действующих рудника.

В Вятской губернии у Бенардаки были Песковский доменный, чугуноплавильный и Кирсинский железодель-

¹ Выбор статей из Оренбургских губернских ведомостей за 1859 г. Уфа, с. 180; Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год, с. 50.

² Ремезов Н. В. Заводские люди и их земли. В кн.: Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, Баш. филиал АН СССР, 1971, с. 239.

³ О винных погребах на Невском проспекте, принадлежавших Бенардаки, с иронией упоминал А. И. Герцен. (Собр. соч. в 30 томах. М.: Наука, т. 14, с. 311.)

⁴ Боголюбовский И. Опыт горной статистики Русской империи. СПб., 1878, с. 76.

⁵ Энци. Просвещение, т. 1, с. 673.

⁶ Горный журнал, 1854, ч. 2, с. 474.

тельный заводы, при которых было 182 души мужского пола крепостных крестьян и 222570 десятин земли¹.

В Калужской губернии жене Д. Е. Бенардаки принадлежали два чугуноплавильных и железодельных заводов: Песоченский и Серенский, при которых было 453 души мужского пола крепостных крестьян и 172 десятины земли².

При отмене крепостного права Бенардаки в своих белебеевских имениях отнял у крестьян огромную степь «в 7000 десятин земли, где они до реформы содержали своих лошадей вместе с табунами владельца»³.

В 1859 году Бенардаки покупает у Николая Егоровича Тимашева два чугуноплавильных и железодельных завода: Верхний и Нижний Авзяно-Петровские в Оренбургской губернии⁴. При заводах было 2917 душ мужского пола крепостных, 28905 дес. земли и три действующих железных рудника⁵.

У Д. Е. Бенардаки был дом в Петербурге на Невском проспекте (ныне № 86 — Дом работников искусств им. К. С. Станиславского). «Это красивое здание конца XVIII века было перестроено в 1820-х годах архитектором М. А. Овсянниковым и в 1830-х — архитектором Г. Фоссати... 15 апреля 1867 г. в доме Бенардаки Тургенев выступал с публичным чтением отрывков из своего романа «Дым»⁶.

Приводим ниже полностью найденное нами в архиве духовное завещание Д. Е. Бенардаки как интересный документ той эпохи.

«Во имя отца и сына и святого духа аминь. [1870 г. апреля 12]. Заботясь о смертельном часе и желая заблаговременно распределить состояние мое, все без исключения самым мною приобретенное, составляю сие духовное заявление на случай кончины моей, не лишая себя тем права не только распоряжаться всем моим достоянием,

¹ Памятная книжка для русских горных людей на 1862 г. СПб., 1862, с. 51.

² Там же, с. 68.

³ Давлетбаев В. С. Введение уставных грамот в помещичьей деревне Башкирии. — В кн.: Из истории феодализма и капитализма..., с. 108.

⁴ Чурко М. Ф. Исторический очерк Тамьян-Катайского кантона АБССР, Уфа, 1927, с. 17.

⁵ Памятная книжка для русских горных людей на 1862 г., с. 48.

⁶ Литературные памятные места Ленинграда. Л.: Лениздат, 1959, с. 394.

но и отчуждать его законным образом по своему усмотрению. Не означая подробно, в чем именно заключается мое состояние, я распределяю оное следующим образом. Первое. Все мое имение, имущество и капиталы, без всякого изъятия, представляю трем сыновьям моим Леониду, Николаю и Константину по равной части с тем, чтобы Самарское имение было выделено на часть сына Константина, при сем я надеюсь, что сыновья мои, будучи все в зрелом возрасте, сумеют и приложить старание к сбережению завещанного им состояния.

Второе. Дочери мои, Вера, состоящая в замужестве за бароном Талейран-Першор, и Елизавета, графиня Перкенштейн, получают назначенные им капиталы по их брачным контрактам, сколько за произведенными платежами будет следовать.

Третье. Завещаю и прошу всех детей моих оказывать полное внимание и иметь заботливость о спокойствии дочери моей, а их сестры Людмилы, состоящей на попечении Новгородского Десятинного девичьего монастыря. На содержание ее до самой ее смерти, если она при жизни моей не будет мною или кем-либо из детей моих обеспечена каким-либо иным образом, назначаю из доходов с имений, сыновьям моим завещанным, не менее 4500 рублей сереб. в год, каковая сумма должна быть выдаваема настоятельнице монастыря за каждую треть года вперед. Выдачу эту производить монастырю до тех пор, пока сыновья мои будут видеть должную попечительность инокинь к моей дочери, в противном случае предоставляю полное право перевести дочь мою Людмилу в другой женский монастырь, где она пользовалась бы лучшим попечением, и тогда назначенную мною сумму выдавать тому монастырю, в котором она будет находиться.

Четвертое. Малолетней внучке моей, произведенной от покойной дочери моей Александры, Прасковье Абаза, я выдал в дар 300 тысяч рублей серебром и разные драгоценные вещи, с вручением и того и другого отцу ее, а моему зятю гофмейстеру и тайному советнику Александру Аггеевичу Абаза. Между нами условлено, чтобы он передал своей дочери означенный капитал и вещи при выдаче ее в замужество или по достижению ею совершеннолетия, с присовокуплением процентов на капитал, а проценты сколько к тому времени причитаться будет, полагая по пять на сто в год; если же дочь его, а моя внучка, боже сохрани, умрет до замужества или прежде достижения совершеннолетия, то помянутый капитал и

вещи должны быть возвращены моим сыновьям. Дарственная запись, с распиской на ней зятя моего А. А. Абаза, в принятии им капитала и вещей, находится при делах Главной моей Санкт-Петербургской конторы.

Пятое. Согласно особому моему желанию, имеющему целью передать сыновьям моим имение, не обремененное долгами, я завещаю им приложить со своей стороны всемерное старание удовлетворить по выделенным от меня разным лицам обязательствам, преимущественно же озаботиться выделом капиталов дочерям моим Вере и Елизавете, сколько такового будет следовать им по брачным контрактам.

Шестое. Сердечно благодарю Сергея Осиповича Шилкина за его долговременное усердное занятие моими делами и надеюсь, что до приведения, по смерти моей, дел по наследству в надлежащий порядок, он не откажет в своем содействии, о чем убедительнейше его прошу.

Седьмое. Окончив, таким образом, изложение воли моей, я обращаю последнее слово мое к детям. Надеюсь, что никто из них не дозволит себе противоречить моей воле, в сим завещании изложенной. Родительски завещаю детям моим свято хранить семейный союз, пребывать между собой в мире и любви, помогать друг другу советом и делом, избегая всемерно несогласия и ссор, и тем паче вражды. На сей конец, в случае каких-либо взаимных недоразумений, завещаю обращаться к посредничеству близких ко мне уважаемых особ, следуя их наставлениям, как советам людей доброжелательных. Вся моя жизнь посвящена была деятельности, плодами которой воспользуются дети. Да послужит она примером для собственной жизни сыновей моих. Я вышел на поприще этой деятельности без средств; сам изыскал их, сам, при помощи милости божьей, достигнул независимого положения и довольства. Сыновья мои вступают в жизнь со средствами, да изберут они для себя деятельность, достойную полученного ими образования. Избегая расточительности, всегда влекучей за собой гибельные последствия, да будут рассудительны в употреблении своего состояния да обращать его на дела истинно полезные, достойные людей образованных и того положения, какое их средства должны доставить им в обществе. Подобно сему, и дочери мои да не увлекутся блеском и тщеславием, всегда помня, что не в этом, а только в недрах своего семейства и в благих побуждениях собственного сердца найдут они самые высокие наслаждения, достойные человеку на земле. Всех моих детей и внучат

благословляю от всего сердца и молю господя, да управит он сердцами и умами их ко благу.

Сие духовное завещание составлено поручиком Дмитрием Егоровичем Бенардаки в здравом уме и твердой памяти и им собственноручно подписано, в том свидетелем был и руку приложил камер-юнкер двора его импер. вел. кол. асессор Иван Петрович Балашев. Что сие духовное завещание составлено и собственноручно подписано поручиком Дмитрием Егоровичем Бенардаки, которого я лично видел и нашел в здравом уме и твердой памяти, в том свидетельствуя подписуюсь кол. советник Леонид Николаевич Демис. Что сие духовное завещание составлено собственноручно и подписано поручиком Дмитрием Егоровичем Бенардаки, которого я лично видел и нашел в здравом уме и твердой памяти, в том свидетельствуя подписуюсь духовный его отец настоятель греческой церкви в Санкт-Петербурге архимандрит Неофит...»¹

Сыновья Бенардаки, видимо, не вполне точно следовали заветам отца, что и привело их к быстрому разорению и созданию над их имуществом опекунского управления. В упомянутом архивном деле встречается документ с грифом: Высочайше утвержденное опекунское управление над имуществом и делами наследников поручика Д. Е. Бенардаки (31 дек. 1879 г. № 871, СПб., Кабинетская ул., д. № 6)².

В петербургской газете «Деятельность» в двух номерах за 1870 год (118, 121) помещен материал о пышных похоронах Д. Е. Бенардаки, который был погребен 21 июня в греческой посольской церкви. Там же сообщались сведения о его детях. Он имел трех сыновей, Леонида, Николая и Константина, и двух дочерей, бывших замужем, одна за бароном Першор, другая — за маркизом д'Аш. О месте рождения самого Бенардаки сообщалось, что он уроженец греческого острова, «имя которого напоминает нам такие тяжкие испытания».

Николай Дмитриевич Бенардаки известен как библиограф и автор перевода на английский язык комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», изданной в Лондоне в 1857 году³.

Константин Дмитриевич Бенардаки был членом прав-

¹ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 149. Уставная грамота Усень-Ивановского завода заводчика отставного поручика Д. Е. Бенардаки, л. 54—55 об.

² Там же, л. 56.

³ Энци. Просвещение, т. 3, с. 81.

ления общества Комаровских железо-рудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов¹.

О третьем сыне, Леониде Дмитриевиче Бенардаки в Уфимском архиве найден нами только один документ о пожертвовании им в 1860 году 300 рублей на устройство приходского училища в г. Белебее². Более подробные сведения нашлись в Ленинградском архиве. Д. Е. Бенардаки обратился в Департамент Горных и Соляных дел 22 февраля 1862 года с прошением о выдаче денег за 6 фунтов 9 золотников лигатурного золота, добытого на Спасском и Владимирском приисках в башкирских землях Оренбургской губернии, его сыну Леониду. К своему прошению отец приложил доверенность сына, засвидетельствованную 23 октября 1861 года генеральным консульством в Париже. В том же архивном деле сохранилось письмо коллежского асессора Леонида Дмитриевича Бенардаки к отцу (сент. 1861 г.). Сын писал, что ему принадлежат золотые прииски в Оренбургской губернии и, кроме того, он участвует в разработке четырех золотых приисков в северной части Енисейского округа, открытых и заявленных в 1853 году на имя мензелинского первой гильдии купца и почетного гражданина Рукавишников. В связи со своей поездкой за границу сын обратился к отцу с просьбой «принять означенные прииски в полное и безотчетное... управление и распоряжение...»³

Дочь Елизавета была в первом браке замужем за Александром Павловичем Бенкендорфом (1819—1849), оводов, она вышла замуж вторично за бельгийского дворянина, графа фан-дер-Ноот, маркиза д'Аш⁴. В завещании отца она названа графиней Перкенштейн. Ее сыну от первого брака, гвардии полковнику А. А. Бенкендорфу, после смерти Д. Е. Бенардаки перешла во владение суконная фабрика в селе Нижнетроицком Белебеевского уезда. В конце века эта фабрика принадлежала торговому дому Алафузовых⁵.

Дочь Александра (р. 18.7.1838 — умерла в Берлине 22.4.1856, погребена в Санкт-Петербурге) была замужем

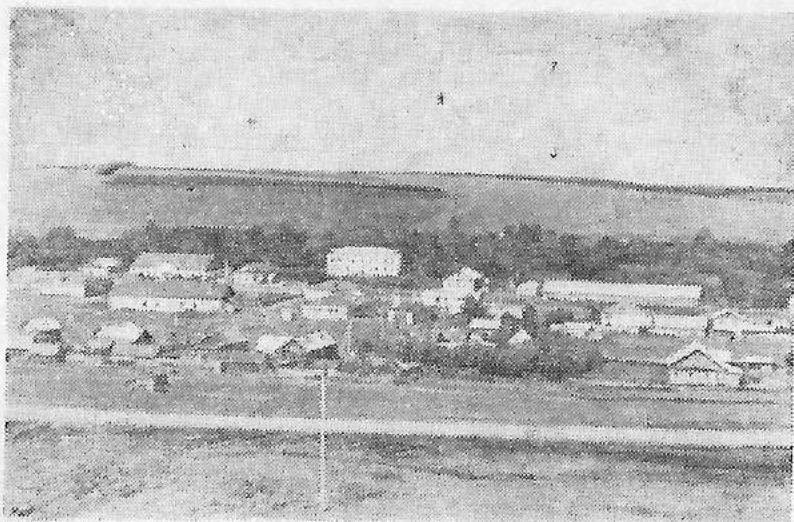
¹ Уральский торгово-промышленный календарь. Пермь, 1904, с. 234.

² ЦГА БАССР, ф. 11, оп. 1, д. 682, л. 171.

³ ЦГИА СССР, ф. 87, оп. 43, д. 693, л. 4, 5, 5 об.

⁴ Российская родословная книга, изд. П. Долгорукова. СПб., ч. 2, с. 253. А. П. Бенкендорф — двоюродный племянник графа, шефа жандармов Александра Христофоровича Бенкендорфа (1783—1844).

⁵ Памятная книжка для русских горных людей на 1863 год. СПб., 1863, с. 99, 100.

за Александром Аггеевичем Абазой, у них была дочь Прасковья. Во втором браке он был женат на Юлии Федоровне Штуббе. А. А. Абаза происходил из родовитой дворянской фамилии молдавского происхождения. Его предок, Илья Андреевич Абаза, молдавский боярин, принял русское подданство 25 мая 1711 года и в тот же день получил звание полковника¹. Крупный государственный деятель, А. А. Абаза в 1839 году окончил университет в Петербурге, затем служил в армии на Кавказе, был ранен и в чине поручика вышел в отставку. С 1857 года началась его гражданская служба, он входил в высшее общество, группировавшееся вокруг вел. княгини Елены Павловны, сестры Александра I и Николая I. При ее дворе он служил церемониймейстером и гофмейстером. В 1871 году он получает должность государственного контролера, в 1880 — он, выйдя в отставку, уезжает в Ниццу. В энциклопедии «Просвещение» он характеризуется «одним из самых убежденных и талантливых деятелей эпохи реформ». Однако в современных исследованиях отмечается, что в отчетах о финансовом положении страны, составлявшихся им как государственным контролером, «острые моменты обходятся»².

О четвертой дочери Д. Е. Бенардаки, Людмиле, известно только из завещания отца, как о «состоящей на по-

¹ Руммель В. В... Указ. соч., т. 1, с. 1.

² Энци. Просвещение, т. 1, с. 4, 5: Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., изд. МГУ, 1970, с. 83.

печении Новгородского Десятинного девичьего монастыря», видимо, по болезни.

Писатель-народник Павел Владимирович Засодимский (1843—1912) после крупного воспаления легких, перенесенного им в 1889 году, дважды, в 1891 и 1892 годах, приезжал лечиться на кумыс в село Верхнетроицкое (Кидаш) Белебеевского уезда. Это время совпало с засухой 1891 года и последовавшим за ней голодом. В своих воспоминаниях автор дал яркую картину постигшего жителей бывших деревень Д. Е. Бенардаки бедствия.

«Село Верхнетроицкое и вся местность вокруг него, почти вплоть до города Белебея, составляли некогда часть обширных владений Бенардаки. Здесь, в Кидаше, был завод с многочисленной администрацией, с управляющим во главе. В среде старожилов и до сего дня еще сохранились воспоминания о тех почти баснословных, «героических временах», когда здесь безумствовали «заводские господа», задавая приезжавшим гостям лукулловские пиры и для потехи швыряя в пруд бутылки шампанского... Все минуло. От дома, походившего на дворец, с целой анфиладой комнат, роскошно обставленных, где жил — не жил, а царствовал — управляющий, в настоящее время лишь уцелели подвалы, громадные ямы, выложенные кирпичом... «Так проходит слава мира». От сада осталось в живых лишь несколько жалких акаций да две-три сосны.

От завода осталось побольше воспоминаний. Это — шлак, массы шлака. Повсюду, куда ни идешь, шлак, серый, режущий обувь. Все улицы села вымощены шлаком, шлак залегает на дне пруда, на дне речки, и речные берега из шлака, шлак на дне оврагов и по скатам их, за селеньем груды, целые холмы шлака, уже давно поросшие травой и деревьями.

В конце 80-х годов при содействии лесничего П. Т. Гарина в Кидаше был устроен кумыс, не кумысолечебное заведение, не курорт, но просто питье кумыса — преимущественно для людей небогатых...

Тяжелое, знойное было лето. Жары доходили до 40 градусов по Реомюру. Солнце жгло и палило немилосердно. Трава на лугах посохла и погорела, сохранилась лишь кое-где на лесных полянах. Дождей не было долго, почти до конца августа. Речки обмелели, ручьи высохли... Начались пожары, — истинный бич нашей деревенской России. Выгорели деревни Кармалы-Валитово и Томак-Темирово. Где-то горели леса; даже горела, как говорили, «земля» (торф). Воздух был пропитан едким

запахом гари. Гарью пахло в домах, от платья, от кушаний...

Ветерок не подувал. Леса стояли тихо, не шелхнувшись, затканые синим дымом. Посреди дыма и зноя стояли они, словно прислушиваясь, выжидая: «Что-то будет!»...

В Кидаше и по соседним деревням нищие ходили толпами, стучали палкой под окнами и кричали: «Дай хлеба!» Нищий у нищего просил, ибо здешние деревни уже с весны оставались без хлеба, и жители их «ходили в кусочки». Доведенные до отчаяния крестьяне деревни Константиновки среди бела дня разграбили запасный хлебный магазин...

При раздаче пособий голодающим я с одним знакомым посетил несколько деревень. С двумя из них, с Константиновкой и Леонидовкой, я познакомился подробнее, и они яснее запомнились мне. Положение их в ту пору было поистине ужасно.

В Константиновке тогда было 152 двора, из них 10 — богатых, 20 — мало-мальски зажиточных, остальные 122 двора — беднота. У многих печи не топились, ибо варить и жарить было нечего, а за хлебом ходили по миру...

Как быстро в Константиновке шло обеднение, можно видеть из того, что у семьи, владевшей в 1888 году несколькими лошадьми, 6 коровами и стадом овец, в 1891 году осталась лишь одна корова на семью в 12 человек: все остальное распродано.

В то прекрасное июльское утро, когда я посетил Константиновку, деревня представляла кладбищенски унылый вид. Многие избы были заколочены; хозяева их или умерли, или ушли «в кусочки». Собаки, такие же худые, голодные и злые, как их хозяева, бродили по улице, поджав хвост, и с неистовством бросались на прохожих. На ребят нельзя было смотреть без содрогания: на них, вместо одежды, болтались грязные лохмотья, а из-под лохмотьев было видно худощавое, истощенное тело...

Деревня Леонидовка произвела на меня еще более тягостное впечатление. Это — одна из самых бедных, жалких деревушек, затерявшихся среди лесов, одна из тех несчастных деревушек, которые живут, словно забытые богом и людьми (не забываемая только сборщиками податей).

Леонидовцы — бывшие крепостные. Переселили их сюда в 1840 году¹ из Тульской губернии и приткнули

кое-как на берегу ручья, похожего на грязную, вонючую лужу: водой здесь пользуются из родника... Леонидовка была поставлена в такие бедственные экономические условия, которые, казалось, были нарочито созданы для того, чтобы лишить леонидовцев всякой возможности легальной борьбы за существование. Судьба, словно не желая разом уничтожить леонидовцев, решила донять их измором и помаленьку-полегоньку стереть их с лица земли.

В 1861 году, при уничтожении крепостного права, леонидовцы получили даровой надел. В 1891 году ревизских душ в Леонидовке считалось 125, а в действительности их было вдвое более — 264, и на них приходилось земли 175 десятин, т. е. 1/2 десятины на душу... По поговорке, «где тонко, там и рвется», с леонидовцами при их малоземелье приключилась еще весьма прискорбная история: казна в течение 20 лет «по ошибке» владела 30-ю десятинами земли, принадлежащей леонидовцам, которые в течение 20 лет арендовали у казны свою собственную землю, уплачивая за нее последние гроши. В конце 80-х годов казна возвратила леонидовцам принадлежавшую им землю, но деньги, полученные с них «по ошибке», казна не нашла возможным возвратить...

Если в Константиновке с грехом пополам можно было насчитать дворов 20—30 зажиточных, то Леонидовка не в состоянии доставить и этого жалкого утешения. Здесь повальная беднота, полное нищенство; почти все леонидовцы ходят по миру. Они бродят по Уфимской губернии, пробираются и в Самарскую, в Оренбургскую и Вятскую...

У леонидовцев единственные средства для существования — нищенство и кража казенного леса... Леонидовцы уже давно мечтают о переселении, так как очень хорошо сознают, что их единственное спасение в том, чтобы добыть достаточное количество земли...¹

Имена членов семьи Бенардаки оставили след в топонимике нашего края. Большинство вышеперечисленных деревень Бенардаки существуют под тем же названием и в настоящее время в Белебеевском районе, а деревни Леонидовка и Николаевка — в Туймазинском. По справочнику административно-территориального деления Башкирской АССР (изд. 5-е, 1969) в упомянутых двух районах деревни Александровки нет, но есть деревня Мало-

¹ Засодимский П. В. Из воспоминаний. — Исторический вестник, 1904, сентябрь, с. 57—64.

¹ Год переселения — 1843 — указан выше — авт.

александровка в Белебеевском районе. Деревень Большая и Малая Николаевка также нет, но в Туймазинском районе существует деревня Николаевка, а вблизи ее, но уже в Белебеевском районе, есть деревня Константиновка, которая также принадлежала Бенардаки, видимо это и есть одна из двух Николаевок.

Глава XXIX

ТИМАШЕВЫ.

Познакомившись с С. Т. Аксаковым в 1856 году, Л. Н. Толстой часто бывал в Москве в доме Аксаковых. В Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в фонде С. Т. Аксакова хранятся «Замечания графа Толстого». Эти критические замечания записаны С. Т. Аксаковым после прослушивания Л. Н. Толстым некоторых глав «Семейной хроники». Одно из этих замечаний гласит: «Рассказ о похищении Сальме можно выкинуть» (1; 615).

Но как хорошо получилось, что С. Т. Аксаков не послушал совета Л. Н. Толстого и не исключил из «Семейной хроники» эпизод женитьбы И. И. Тимашева на Сальме Тевкелевой. Дело не только в том, что эта история, изложенная Аксаковым, помогла нам узнать о дальнем родстве Аксаковых с Тимашевыми, а главное в том, что эта история из жизни того общества не ухудшила, а лишь оживила воспоминания автора и насытила их интересными историко-краеведческими сведениями (1; 269—272).

Среди лиц, выведенных С. Т. Аксаковым в своих произведениях, Тимашевы занимают особое место. Особое — в силу ряда причин: Тимашевы — отдаленные родственники Аксаковых, но степень родства не установлена¹; самые богатые землевладельцы нашего края; один из представителей этого рода — Александр Егорович (1818—1893) занимал пост шефа жандармов и министра внутренних дел России, был «вершителем судеб» и известен в литературе по очень многим источникам, в том числе и

¹ Между Аксаковыми и Тимашевыми известно отношение свойства, т. е. отношение близости между лицами, возникающее не по родству, а из брачного союза. Внук Акиньи Степановны Нагаткиной, урожденной Аксаковой, Василий Иванович Куроедов, был женат на правнучке Михаила Лаврентьевича Тимашева, Марфе Михайловне Тимашевой; см.: Сиверс А. А. Указ. соч., с. 17.

по обличительным статьям герценовского «Колокола», и по остроумной сатирической «Истории России от Гостомысла до Тимашева» А. К. Толстого; семье оренбургских Тимашевых принадлежал крепостной — дворовый человек Тимофей Беляев, известный автор первого печатного произведения башкирского фольклора «Куз-Курпич».

В нашем крае два брата Михаил и Иван Лаврентьевичи Тимашевы появились в середине XVIII века. Михаил Тимашев был капитаном Алексеевского ландмилицкого полка¹. В «Материалах по истории Башкирской АССР» самый ранний документ об Иване Лаврентьевиче Тимашеве датируется 5 ноября 1751 года. Это купчая башкир Тамьянской волости Ногайской дороги капитану Шешминского ландмилицкого полка И. Л. Тимашеву на продажу ему вотчинной земли с угодьями по реке Елшанке, «которая вышла из степи и двуросошей и пала в реку Сакмару по течении оной расстоянием ниже Пречистинской крепости в 10 верстах»².

В последующие годы И. Л. Тимашев покупает неоднократно за бесценок башкирские земли в Оренбургской губернии, о чем свидетельствует ряд документов³, и становится богатейшим землевладельцем края. Ныне эти тимашевские земли находятся в Тюльганском, Сакмарском и Саракташском районах Оренбургской области.

И. Л. Тимашев с 1735 г. капитан Шешминского ландмилицкого полка. Во время следствия над участниками башкирского восстания 1755 года проявил особую жестокость, что вызвало его устранение от дел. В 1755 г. он назначен директором Оренбургской пограничной таможни, одновременно был членом Оренбургской губернской канцелярии. Идея об основании Стерлитамакской соляной пристани была подана И. Л. Тимашевым. В 1767 году он представил проект основания пристани при слия-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 2, с. 446. Ландмилиция была учреждена в Башкирии в 1731 году для охраны строящейся новой Закамской линии. Она представляла собой военные поселения. Офицеры и солдаты ландмилиции наделялись землей. В 1733 г. было организовано четыре ландмилицких полка: три драгунских — Шешминский, Билярский и Сергиевский и пехотный — Алексеевский. С организацией Оренбургской экспедиции устройство ландмилиции подверглось изменению, а в 1739 г. ландмилицкие полки были переселены и размещались по рр. Самаре, Ульве и Яику. См. — там же, с. 390.

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. 4, ч. 1, с. 45, 46.

³ Там же, с. 147, 148, 214—216, 274—275, 324—325; т. 5, с. 81—82, 164—166.

нии рек Стерли и Ашкадара, который был утвержден Екатериной II¹.

В. И. Даль в рассказе «Охота на волков», имея в виду внука Ивана Лаврентьевича — Егора Николаевича Тимашева, писал о нем так: «Под угорьем Урала, в самой Башкирии, жил барин, во всем крае том известный владелец. Дед его купил у башкир сотню тысяч десятин чернозему, лесу, гор, рек и озер, со всеми угожьями, среди непочатой дикой природы, переселился туда с целым полком крестьян, породнился через женитьбу с татарами, взял в приданое большое татарское село и все поколение этого рода славилось в крае богатством, хлебосольством и гостеприимством. Этим барином сказана была охота, как всегда водилось, на полном угощении радушного хозяина. Это делалось очень просто: он давал знать немногим окружным помещикам и в Оренбург, что в Ташлах охота»².

Но кто же такой И. И. Тимашев — герой интереснейших страниц «Семейной хроники»? К сожалению, С. Т. Аксаков не дает ни его имени, ни отчества, ограничившись инициалами, но называя его «одним из первых и богатых дворян» (1; 269). Мы можем лишь предположить, что это сын Ивана Лаврентьевича.

Хорошо известен и упоминается во многих документах другой сын Ивана Лаврентьевича — Николай Иванович Тимашев — прокурор Уфимской провинциальной канцелярии, губернский предводитель дворянства.

Вице-президент академии наук Яков Карлович Грот (1812—1893), известный историк литературы и филолог, около 40 лет изучал вопросы, связанные с личностью и творчеством Г. Р. Державина. Он подготовил издание 9-томного собрания сочинений последнего (СПб., 1864—1883), известное как образцовый «Гротовский» тип издания классиков.

Г. Р. Державин переписывался с Н. И. Тимашевым, и часть переписки была опубликована в упомянутом собрании сочинений. В примечаниях Я. К. Грот о Н. И. Тимашеве писал: «Замечательно образованный человек, воспитанный в духе французской философии 18 века», заботящийся «о сообщении познаний своим подвластным»³.

¹ Максимов Ан. Взгляд на уездный город Стерлитамак. — Оренбургские губернские ведомости, 1846, № 8, 23 февраля.

² Даль В. И. Повести и рассказы. Уфа: Башкиргоиздат, 1981, с. 33. (Золотые родники.)

³ Сочинения Державина, т. 6, с. 249.

Н. И. Тимашеву и принадлежал дворовый человек Тимофей Беляев, о чем впервые было опубликовано в собрании сочинений Г. Р. Державина, но оставалось вне поля зрения литературоведов, изучавших повесть «Куз-Курпяч» и биографию ее автора, пока не напомнил об этом Люциан Ипполитович Климович¹.

Башкирская повесть Тимофея Беляева была напечатана в типографии Казанского университета в 1812 году и в 1819 вышла там же вторым изданием. Подробно о творчестве Тимофея Беляева неоднократно писал доцент Башкирского государственного университета, кандидат филологических наук Мурат Галимович Рахимкулов. Благодаря его работам широкие круги общественности были ознакомлены с творчеством Т. Беляева. Еще в 1961 г. повесть «Куз-Курпяч» была опубликована в составленном им сборнике «Баширия в русской литературе»². Он же снабдил сборник предисловием, биографическими справками, комментариями и библиографией. В своем исследовании о русско-башкирских литературно-фольклорных связях М. Г. Рахимкулов высоко оценил эту повесть: «...повесть Т. Беляева «Куз-Курпяч» — первое произведение на русском языке, довольно полно изображающее жизнь башкирского народа. Наряду с легендарным прошлым, в ней нашли широкое отражение быт, нравы и традиции башкир, а также природа края. И в этом непреходящая ценность и значение повести»³.

М. Г. Рахимкулов отмечает также, что повесть Т. Беляева оказала и «непосредственное влияние на творчество некоторых писателей XIX века, таких, как В. И. Даль, П. М. Кудряшов, В. Зефилов, В. Юматов и других»⁴. Эта повесть заслужила внимание А. С. Пушкина. «Беляевский «Куз-Курпяч» положил начало русской литературе о Башкирии, литературе, созданной главным образом по мотивам башкирского фольклора»⁵.

Насколько велик современный интерес к творчеству Т. Беляева, свидетельствуют и материалы научной сессии, посвященной «150-летию первой публикации башкирского народного эпоса «Кузы-Курпес и Маян-Хылу», проведенной в сентябре 1962 года институтом истории,

¹ Климович Л. Наследство и современность. М., 1975, с. 333—349.

² Баширия в русской литературе. Уфа, 1961, т. 1, с. 346—422.

³ Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы. Уфа: Башкиргоиздат, 1972, с. 106.

⁴ Там же, с. 132, 133.

⁵ Там же, с. 123.

языка и литературы Башкирского филиала АН СССР совместно с Координационной комиссией по народному творчеству при Отделении литературы и языка АН СССР. Открывая эту сессию, народный поэт Башкирии Мустай Карим сказал: «Значение этого бессмертного произведения велико еще тем, что оно принадлежит не только башкирам, оно обогрето сердечным теплом, озарено светлым разумом и других братских народов, с которыми были схожи и близки наши исторические судьбы. Естественно, и песни были схожи и близки»¹.

Повесть Т. Беляева «Куз-Курпяч» была переведена на башкирский язык поэтами Баязитом Бикбаем и Назипом Идельбаем и издана в 1965 году².

Что нам известно нового из биографии Тимофея Беляева?

В 1980 году мы получили из Оренбургского областного архива микрофильм ревизской сказки 1811 года по селам Никольское и Покровское (Ташлы) Оренбургского уезда, в которых находились имения Николая Ивановича Тимашева. По селу Покровскому (Ташлы) записан переведенный в 1802 году из села Никольского дворовый человек Тимофей Савельевич Беляев, 43 лет, и его два сына — Иван, 3-х лет, и Александр, 6-ти недель³. О жене и дочерях сведений по 6-й ревизии 1811 года быть не могло, так как тогда переписывалось только мужское население.

По сообщению научного сотрудника Башкирского филиала АН СССР В. В. Сидорова, оренбургский историк Ю. С. Зобов еще несколько лет тому назад сведения о Беляеве и его семье обнаружил в Оренбургском архиве по 5-й и 7-й ревизиям. По 5-й ревизии 1795 года упоминается жена Т. Беляева — Марфа Ивановна, 23-х лет, а по 7-й 1816 года — Т. С. Беляев, кроме двух сыновей, Ивана, 7 лет, и Александра, 4 лет, имел семь дочерей: Клавдию 21 года, Аксинью 19 лет, Меланью и Анисью 17 лет (близнецы), Авдотью 15 лет, Александру 13 лет и Анну 11 лет. Жена не упоминается, видимо, к этому времени Т. С. Беляев овдовел.

Год смерти Тимофея Савельевича Беляева нам неизвестен. Но одна таинственная и мрачная история, связанная с его захоронением, указывает на то, что умер он не

¹ Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы. Уфа: Башкирское издательство, 1972, с. 121, 122.

² Кузый Курпес. Башкорт халык хикәялә. Под ред. А. Харинова. Уфа: Башкирское издательство, 1965 г.

³ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 17, л. 120 об. 121.

позже 1846 года. В «Оренбургских губернских ведомостях» в разделе «Мемориал происшествий в Оренбургской губернии за вторую половину сентября 1846 года» было опубликовано следующее сообщение:

«Разрытие могилы и вынутие умершего.

Оренбургского уезда на Ташлинском кладбище найден разваленым памятник умершего дворового человека генерала Тимашева, Тимофея Беляева, а могила разрыта и гроб из оной вынут, из коего вынут был младенец и положен около гроба»¹.

Весьма вероятно, что и сейчас потомки Т. С. Беляева проживают в Оренбургской области. Авторы будут очень признательны читателям, что-либо сообщившим о них.

11 декабря 1812 года Н. И. Тимашев писал Г. Р. Державину: «Почтеннейшему мурзе, певцу Фелицы, моему древле великому благодетелю, живущий под хребтом Уральских гор, осьмиродец башкирец здоровья жслает». И далее, жалуясь на смерть жены и второго сына, на старость, немощи и другие горести, добавил: «Нахожу только утеху, слушая сказки о башкирских батырах, из коих одну велел написать собственному моему грамотею, а он, написав, поднес ее мне. Присоветовали ее придать типу (отдать в типографию, напечатать — примеч. Л. Климовича); в третий год насилу вышла, и то угодно было оное переменить и поместить смысл и слова, не похожие на наши. Мне жаль стало моего Курайчу, которого склад песен переменен: велел ему выписать то, что по-нашему складно, а по-ученому не складно: приложив к повести, посылаю вам, моему благодетелю: прочтите и помейтесь обще с осьмиродцами»². Интересно было бы найти в архиве Г. Р. Державина подлинный текст повести Т. С. Беляева «Куз-Курпяч», не искаженный цензурой и приложенный к письму Н. И. Тимашева.

Жена Н. И. Тимашева — Федосья Петровна, была дочерью князя Темирбулата Ильмурзиновича Черкасского. После отца ей достались по наследству земли по рр. Тюльгазе и Сюню в Белебеевском уезде³. Князья Черкасские кабардино-черкесского происхождения играли заметную роль в истории России. Санлук — сын князя Темрюк Айдаровича, после крещения Михаил Темрюкович Черкасский, прибыл в Москву в 1561 г. вместе со своей сестрой

¹ Оренбургские губернские ведомости, 1846, 19 октября, № 42, с. 507.

² Сочинения Державина, т. 6, с. 249—251; Климович Л. Указ. соч., с. 334.

³ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 5, с. 317.

княжной Кученей, ставшей после крещения второй женой Ивана Грозного — Марией Темрюковной Черкасской. Именно она и дала совет мужу создать опричнину в 1565 г. Царица умерла 6 сентября 1569 г., а ее отец обвинял Ивана Грозного в гибели своей дочери, заключил союз с Крымом и в 1572 г. принимал участие в походе Крымского хана на Россию¹.

У Н. И. Тимашева было три сына: Василий, Николай и Егор. О смерти второго сына — Николая — и сообщалось в ранее приведенном письме Державину от 11 декабря 1812 года. О смерти сына Василия Н. И. Тимашев писал Державину 4 марта 1814 года: «Перо Курайчи моего притупилось, он лишился господина, которого был пестуном, а я — сына моего Василия; он убит под Лейпцигом». Это письмо не вошло в собрание сочинений Г. Р. Державина, а хранится в рукописном отделе Пушкинского дома и впервые опубликовано в упомянутой выше книге Л. Климовича (с. 334).

В приведенных письмах Н. И. Тимашев называет своего дворового Тимофея Савельевича Беляева своим курайчем. Казалось бы, дело совершенно ясное: Т. С. Беляев и курайча одно и то же лицо: не переводчик, а автор башкирской повести «Куз-Курайча», написанной им по устным сказаниям башкирских певцов. Тем не менее в литературоведении Т. С. Беляева все еще продолжают рассматривать только как переводчика, в частности, таково мнение Л. Климовича, которое мы считаем необоснованным. Случаи литературных мистификаций были не редки, особенно в прошлом. Так и здесь: Т. С. Беляев свою повесть приписывает неизвестному автору, низводя свою роль лишь к переводу. Он преследует совершенно определенную цель — придать большую убедительность выражениям любви и уважения башкир к осьмиродцу — отцу Н. И. Тимашева — Ивану Лаврентьевичу.

В стихотворном «Приношении курайча сыну осьмиродца» Т. С. Беляев пишет:

Отцом твоим любимый
Описывал народ:
Он другом был народа,
Народ его любил.
И большей изъяснiti
Не мог ему любви,
К семи родам причисля,
Осьмым его назвать.
Да будет он блаженным

¹ Альманах Прометей. М., 1972, т. 9, с. 278.

В селениях аллы;¹
Тебе же дар довлеет
Великого падши².

Да радуешься сердцем
В преклонных ты летах;
Сыны в благих наследят
Да деду и отцу!
Три батыра³ младые
На родине своей,
Как крины сильны в поле,
Красуясь цветут,
Родителю в утеху,
На верный долг падше;
Отечеству в защиту,
На славу, честь себе⁴.

Следовательно, осьмиродцем Т. С. Беляев называет Ивана Лаврентьевича Тимашева. Казалось бы, откуда такая любовь башкир к И. Л. Тимашеву? Далее мы подтвердим документами, что это не красочный вымысел автора, а действительность, обусловленная притворчивыми сложностями той эпохи.

Покупая земли у башкир в свою собственность, И. Л. Тимашев как гибкий и дальновидный политик не прогонял башкир с этой земли, а сразу же сдавал им же эту землю в аренду на 150 лет, оформляя при этом документы только с башкирскими вотчинниками — феодалами. Так что зачастую широкая масса башкир и не догадывалась, что земля продана. При этом нужно учесть, что башкиры в те времена особенно в тех местах, где Тимашев приобретал землю, сильно страдали от набегов кочевых киргизских племен, которые разоряли башкир, уводили в плен, угоняли скот. В этом случае Тимашев, охраняя свои владения от разорения, выступал сильнейшим защитником башкир, кочующих на его землях. Интересны найденные нами архивные документы, из которых видно, как много позже внук Ивана Лаврентьевича — Егор Николаевич и правнук — Николай Егорович Тимашевы десятилетиями судились с башкирами из-за тех земель, которые были в свое время куплены И. Л. Тимашевым и отданы башкирам в аренду⁵. Башкиры в середине XIX века не признавали прав Тимашевых на эти земли, мотивируя тем, что их деды и прадеды беспрепят-

¹ Бог (примеч. Беляева).

² Государь или монарх (примеч. Беляева).

³ Воин или богатырь (примеч. Беляева).

⁴ Печатается по тексту книги «Башкирия в русской литературе». Уфа, 1961, с. 348.

⁵ ЦГА ВАССР, ф. 1, оп. 2, д. 1415, ф. 1, оп. 1, д. 2084.

ственно веками здесь жили. Документы же на владение землями все были в руках Тимашевых. Между прочим, это один из ярких примеров гибкой и дальновидной царской политики в колонизации края, проводимой в жизнь И. Л. Тимашевым.

Будучи директором Правления горных заводов и крупнейшим землевладельцем края, И. Л. Тимашев в 1774 году руководил крупным карательным отрядом по подавлению восстания под руководством Е. И. Пугачева в юго-восточной части Башкирии¹.

Из донесения главнокомандующего корпусом карательных войск генерал-поручика князя Ф. Ф. Щербатова Екатерине II от 11 мая 1774 года хорошо видно, какая большая роль предназначалась отряду И. Л. Тимашева, который «как во время облежания Оренбурга с особливим усердием и отличным мужеством исполнял свое дело, так и совершенно знает нравы и образ мыслей башкирцев, пошел от Воздвиженской крепости к вершинам реки Сакмары и к Зилаирской крепости, и будет стараться о склонении остальных башкирцев, пребывающих упорно в злодействе, к законному повиновению, а с сим главное примечание иметь ему предписано над несогласными башкирцами, обитающими в Уральских горах, и воспрепятствовать, если бы они на крепости Верхне-Яицкой дистанции набеги свои обратили предприняли»².

Важна еще одна деталь. В письме 27 ноября 1774 года генерал-майора Ф. Ю. Фреймана генерал-майору А. Д. Скалону о захвате в плен Салавата Юлаева и аресте Юлая Азналина сообщалось: «По подходе к Катавским заводам подполковника Рылеева... разбежалось скопище злодея Салаватки, который после того и сам с некоторыми сообщниками его пойман. А об отце реченого злодея, Юлая, объявили, что он, видя уже погибель свою, побежал к коллежскому советнику Тимашеву»³. По поводу этого письма И. Л. Тимашев в своем рапорте 9 декабря 1774 года генерал-майору А. Д. Скалону самым серьезным образом оправдывается в том, «что бунтовщикам-злодеям бегать от страха ко мне, как будто бы ко избавлению, совсем резону нет»⁴.

Ловкий политик, хорошо знающий быт и психологию

¹ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М.: Наука, 1975, с. 384.

² Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа: Башкиргиздат, 1975, с. 143.

³ Там же, с. 264.

⁴ Там же, с. 266, 267.

башкир, И. Л. Тимашев без сомнения имел со стороны известной части феодальной верхушки башкирского народа уважение и доверие, что подтверждают приведенные выше документы.

Еще академик В. В. Вельяминов-Зернов (1830—1904) высказывал предположение, что сыном осьмиродца является Н. И. Тимашев. И мы не можем согласиться с мнением Л. И. Климовича о том, что «сыном осьмиродца» курайч, или в данном случае переводчик Беляев назвал своего воспитанника Василия Тимашева, который ко времени издания «Куз-Курпач» должен был уйти на отечественную войну»¹. Не мог Т. С. Беляев назвать Василия Тимашева сыном осьмиродца, так как его отец — осьмиродец — упоминается в «Приношении курайча» как уже умерший.

То, что Н. И. Тимашев в письме Г. Р. Державину называет себя осьмиродцем, а не сыном осьмиродца, не должно вводить в заблуждение, так как он употребляет это выражение в собирательном смысле, а не в смысле основателя рода, и употребляет слово во множественном числе — «осьмиродцы».

Третий сын Николая Ивановича Тимашева, Егор Николаевич Тимашев, был наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, дослужился до чина генерал-майора и, выйдя в отставку, проживал в своих оренбургских имениях, в селах Ташлы и Никольском. Ему принадлежало в Оренбургском уезде 152000 десятин земли, 2519 душ крепостных мужского пола, не считая недвижимости в Оренбурге². Оренбургский поэт П. М. Кудряшов (1797—1827) дал замечательное описание села Ташлы, в котором он бывал у помещика Е. Н. Тимашева.

«По скату горы, подошву коей орошает излучистая и быстрая речка Ташла, расположены правильные улицы, состоящие из опрятных крестьянских домиков. Главнейшими украшениями села должно почитать каменную церковь новейшей архитектуры и господский дом, который выстроен в один ярус, со многими службами и заключает в себе большое число комнат. На горе, возвышающейся близ села Ташлы, покрытой вековыми дубами, огромными вязами и развесистыми березами, находятся ямы, в коих производится жжение угля. В небольшом расстоянии от сих ям простирается кудрявая и зеленая роща, которая во время летнего зноя под тень свою при-

¹ Климович Л. Указ. соч., с. 335, 336.

² Русский биографический словарь, т. 30, с. 517.

манивает прелестных поселянок. В стороне от сей рощи, лежащей к юго-востоку, находится винокурный завод, расположенный на большом пруде, который наполняется от речки Ташлы. По берегам сего пруда растут печальные ветлы, кои, отражаясь в прозрачном зеркале вод, рисуют тени огромных великанов. Другая речка, называемая Ключом, извивается по покатости горы и соединяется с водами Ташлы. На этой речке построен красивый мост; в некотором же расстоянии от оного находится пропасть, приводящая в ужас всякого, кто осмелится взглянуть в нее. На другой стороне села Ташлы выстроены пильная и мучная мельницы, а вдали белеется село Ивановское, принадлежащее г-ну же Тимашеву.

Верстах в 8 от села Ташлы, к востоку, в огромной горе, покрытой с северо-восточной стороны непроходимым лесом, состоящим из дубов, вязов, берез и небольших кустов казацкого можжевельника, находятся пещеры, которые начинаются с самой половины горы; первая из сих пещер, по-видимому, обработанная рукою искусства, состоит из правильной четырехугольной комнаты, имеющей свод, высеченный из дикого камня. Отверстие, находящееся в этой пещере, ведет в другую страшную глубины. Вход или спуск в сию последнюю пещеру очень затруднителен: удушливый газ, наполняющий оную, не позволяет долгое время оставаться в ней. За несколько лет перед сим один из любопытных испытателей природы спускал в глубину означенной пещеры лодку, в которой находилось три человека. Сии смельчаки, запасшиеся горящими факелами, ничего не нашли во внутренности пещеры, кроме глубокого озера, наполненного самою холодной водою. Надобно полагать, что сия пещера имеет особый выход, который поныне никому еще не известен, ибо во время нахождения в ней очень ощутительно стремление воздуха, входящего в открытое отверстие и склоняющегося к противоположной стороне горы. В некотором расстоянии от этого места, при подошве означенной горы, зеленеются прекрасные луга, орошаемые речками Ташлою и Раковкою. Между сими речками возвышается другая гора, посредине коей находится особая пещера. Отверстие оной ведет во внутренность продолговатой комнаты, имеющей пол из огромных плит булыжника. На сем полу находится еще отверстие, показывающее другую пещеру, никому не известную, ибо вход в нее невозможен. Камень, пущенный в сие отверстие, доказывает большую глубину пещеры, и от падения оного потрясается пол ее, который, кажется, близок уже к совершен-

ному разрушению. Между башкирцами и татарами есть темное предание, что будто бы в вышеописанных пещерах укрывался предок Сеита, разбойник Мустафа, вместе с боярского дочерью, и что прах сей несчастной находится в одной из тех пещер, а в другой хранится часть сокровищ, награбленных упоминаемым разбойником у разных народов.

В одну из поездок своих по делам торговли сын старшины Сеита, молодой Искак, остановился на берегу реки и, плененный красотою местоположения, решил основать на том месте селение. По приглашению его из деревень Верхних и Нижних Чебенек явилось несколько татар, которые основали деревню и назвали ее Искаковою, или Ташлою. Первое из сих известно не многим, а последнее сохранилось донныне. Татары недолго находились в деревне Ташлы: разбойники киргизы принудили их оставить сию деревню и возвратиться в прежние жилища свои. Ташла вскоре занята была русскими, которые распространяли ее и много украсили. Ныне упоминаемая деревня составляет самое лучшее село во всем Оренбургском уезде¹.

Известно, что А. С. Пушкин вместе с В. И. Далем бывал в сентябре 1833 г. в селе Ташлы у Е. Н. Тимашева². С женой Е. Н. Тимашева, Екатериной Александровной (25 июля 1798—4 марта 1881), урожденной Загряжской, поэтессой, Пушкин был знаком еще ранее в Москве. Екатерина Александровна Тимашева была дочерью Александра Петровича Загряжского. Среди русских дворянских фамилий род Загряжских один из самых известных: он упоминается в родстве с Пушкиными. Один из представителей этого рода в нашем крае, Александр Петрович, был известен как владелец медеплавильного Кананикольского завода. Остановимся вкратце на генеалогии этого рода. Родоначальником его был Исахар — свойственник Ордынского царя, выехавший на службу из Орды к вел. кн. Дмитрию Донскому. Приняв крещение, он получил имя Гаврилы и был у Дмитрия Донского «ближним человеком». Князь выдал за него свою сестру и дал «на корм» Выше город с волостями. Его сын Антон Гаврилович стал первым называться Загряжским и был

¹ Кудряшов П. М. Искак. — В кн.: Башкирия в русской литературе, т. 1, с. 90—92.

² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л.: Наука, 1976, с. 410, 411; Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 32. Оренбург, 1913, с. 30.

наместником Можайским. В родословной дана основная ветвь этого рода — 16 поколений, 264 человека мужского пола.

В поколении 12-м показан Иван Александрович Загряжский, генерал-лейтенант. Он имел двух дочерей: Софью за генерал-майором графом Ксаверием де-Мэстр, и Екатерину — фрейлину, девицу (1747—1842) и воспитанницу Наталью Ивановну Загряжскую, вышедшую замуж за Николая Афанасьевича Гончарова (теща А. С. Пушкина). Брат А. С. Пушкина, Лев Сергеевич Пушкин, был женат на дочери симбирского губернатора Александра Михайловича Загряжского¹.

Одним из прототипов графини из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина была Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная графиня Разумовская, статсдама, кавалерственная дама² — жена Николая Александровича Загряжского, брата воспитателя тещи Пушкина³.

Сохранилось написанное рукой А. С. Пушкина в альбоме Е. А. Тимашевой посвященное ей стихотворение «Я видел Вас, я их читал» (с датой 20 октября 1826 г. Москва). 9 ноября 1826 г. А. С. Пушкин писал из Михайловского П. А. Вяземскому: «Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу! Но и это не ушло». В стихотворениях «Послание к учителю» и «К портрету Пушкина», датированных 22—25 октября 1826 г., Е. А. Тимашева восторженно отзывается о поэте. (Быть может, Тимашева одна из четырех Катерин, внесенных Пушкиным в известный «дон-жуанский список».)

Е. А. Тимашева была красавица и принадлежала к московскому большому свету. Кроме А. С. Пушкина, ей посвящали стихи также Е. А. Баратынский, Е. И. Вилкопольский, П. А. Вяземский, Е. П. Ростопчина и Н. М. Языков. Графиня Е. П. Ростопчина в посвященных Тимашевой стихотворениях рисовала ее так: «На томную лазурь очей уныло-ясных ресницы черныя покров бросали свой; во взорах пламенных, приманчиво-опасных, изображался ум с чувствительной душой. В ней что-то тайное и неземное было... Прекрасное чело носило след страданья, и беспокойствие взор беглый выражал; быть может, мучило ее воспоминанье? Быть может, сон

¹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1. СПб., 1887, с. 270—289.

² Статсдама — высший придворный чин для женщин. Кавалерственными дамами назывались женщины, награжденные орденами.

³ Черейский Л. А. Указ. соч., с. 152; Руммель В. В., указ. соч., с. 288.

былой ей душу волновал? ...Когда в глазах прекрасных увижу крупную слезу, когда во взорах ваших страстных замечу думу и тоску, — я понимаю вас!»

Языков послал Тимашевой стихотворение: своей музы «дар зазданный вашей музе благонаправной, вашим сладостным стихам. Прелесть ваших песнопений в неземное бытие, в рай чистейших вдохновений заманила вновь ее...»

Свою художественную жилку Тимашева передала сыну, Александру Егоровичу, который был талантливым карикатуристом и скульптором, между прочим, он вылепил бюст младшей дочери Пушкина, графини Н. А. Меренберг¹.

С. Т. Аскаков бывал в Ташлахе на охоте у Е. Н. Тимашева и очень коротко упоминает о нем так: «помню, как один оренбургский охотник и славный стрелок, Е. Н. Т-в, при мне бил из казарги голубей, сидящих на высокой колокольне» (4; 605).

Итак, в селе Ташлы бывали С. Т. Аксаков, В. И. Даль и П. М. Кудряшов, однако никто из них не оставил в своих произведениях упоминания о Т. С. Беляеве. Мы полагаем, что независимо от того, был ли Беляев в то время жив, или нет, новый ташлинский барин, Егор Николаевич Тимашев, в отличие от отца, будучи человеком невежественным, далеким от каких-либо литературных интересов, личностью своего талантливого дворового человека не интересовался и не представил ни его, ни его творчества своим гостям.

Е. Н. Тимашев в своих имениях вел распутный образ жизни. Жалоба на него дошла до Николая I, по повелению которого было назначено расследование. По докладу следственного дела о развратных поступках Е. Н. Тимашева царь «высочайше повелеть соизволил... дабы Тимашеву объявлено было, что он монаршею волею высылается из своего имения, и впредь ему воспрещается въезд в оное»².

После Е. Н. Тимашева все богатство перешло его сыновьям: Николаю и Александру. Николай Егорович Тимашев (1816—1875) был женат на дочери бывшего московского сенатора Толмачева, Надежде Афанасьевне, детей не имел³.

¹ Пушкин. Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1910, т. 4, Примечания, с. IX.

² ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 1, д. 297, л. 176, 176 об.

³ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 2. СПб., 1887, с. 472.

Младший брат, Александр Егорович Тимашев (1818—1893) начал службу после окончания школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1835 году. В 1855 году был уже генерал-майором царской свиты, в 1856 г. он был назначен начальником штаба корпуса жандармов и управляющим 111 отделением. Он отличался крайней реакционностью и был ярким противником отмены крепостного права. «Указ 19 февраля и решительное уничтожение крепостного состояния окончательно вывели из терпения сына степей оренбургских; он объявил, что оставляет свое место, находя направление правительства слишком либеральным»¹.

После непродолжительной службы генерал-губернатором Казанской, Вятской и Пермской губерний он в 1867 году занял пост министра почт и телеграфов, а в 1868 году — пост министра внутренних дел, который занимал до 1877 года, затем вышел в отставку². А. Е. Тимашев был женат на фрейлине, Екатерине Александровне — сестре Василия Александровича Пашкова, владельца Воскресенского, Богоявленского и Верхоторского медеплавильных заводов в Уфимской губернии, основателя известной секты «пашковцев»³.

Накануне отмены крепостного права жене А. Е. Тимашева, Екатерине Александровне, урожденной Пашковой, принадлежали в Стерлитамакском уезде в пяти деревнях: Екатериновке, Зигановке, Бердышлах, Павловке и Петровском — 1633 души мужского пола крепостных крестьян, да примерно столько же душ женского пола⁴.

Николай и Александр Егоровичи владели отцовским наследством нераздельно, старший брат, Николай Егорович, занимался исключительно хозяйственными делами по устройству имений. «Тимашевы были не только крупнейшими помещиками в Оренбургской губернии, но по количеству земли им было мало равных во всероссийском масштабе... Основные доходы Тимашевы получали за счет винокурения, товарного овцеводства и продажи хлеба»⁵. У них был огромный конный завод⁶.

Накануне отмены крепостного права Тимашевым при-

¹ Долгоруков П. В. Петербургские очерки (1860—1867). М., 1934, с. 184.

² Энци. Просвещение, т. 18, 1904, с. 414.

³ Руммель В. В. Указ. соч., с. 472.

⁴ ЦГА БАССР, ф. 10, оп. 1, д. 489. Уставные грамоты, л. 2—64.

⁵ Списки населенных мест Российской империи., алфавит.

⁶ Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии... М., 1837, с. 23.

надлежали в одиннадцати деревнях Оренбургского уезда: Покровское (Ташлы), Городки, Томгачи, Ивановка, Козловка, Троицкое, Ключи, Никольское, Александровка, Николаевка и Екатериновка — 2765 душ мужского пола, да примерно столько же — женского пола крепостных крестьян¹.

В статье «Материалы для понимания начальника III отделения», помещенной в «Колоколе»², сообщается о братьях Александре и Николае Егоровичах Тимашевых, что они, зная заблаговременно о предстоящей отмене крепостного права, убедили 700 человек своих крепостных крестьян «выкупиться» и составили для них отпускные без земли. А как в один раз нельзя отпустить без земли более 10 человек, то составлены были отдельные отпускные на каждые 10 человек, и все эти отпускные были явлены в один день в том же присутственном месте. По условию крестьяне обязаны были, кроме суммы выкупа, платить до новой ревизии прежний крестьянский подушный оклад. Так прошло два года, и они жили себе на тех же землях, мирно занимались хлебопашеством. Через 2 года оренбургский брат жандармского Тимашева потребовал выселения этих крестьян; полиция явилась к усугубам, и крестьяне были изгнаны!..

Как люди оседлые, хлебопашцы, а не промышленные, эти 700 человек поспешили приискать себе новую оседлость и обратились в казенную палату с просьбой о причислении их к Сеитовскому посаду; их причислили. Они заняли денег, обстроились, обзавелись всем вновь и стали возделывать новые земли... Сеитовцы, владеющие землей на крепостном основании, оставили их в покое на два года, а потом представили просьбу о неправильном причислении к их посаду: просьба справедлива, уважена, и бедные крестьяне эти опять согнаны с места...

Сеитовцы вслед за тем подали иск о взыскании с крестьян за неправильное пользование их землей...

Будучи причислены в мещане, отпущенники Тимашева стали обязаны платить и мещанский оклад. Таким образом, эти бедные люди очутились вдруг бездомниками, бобылями и обязаны платить одновременно:

1 выкуп помещику;

¹ Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях, т. 2, Оренбургская губ. СПб., 1860, с. 61.

² Вып. 2, 15 марта 1959 г., М.: Наука, 1964, с. 314.

- 2 крестьянский оклад, по условию при выкупе;
- 3 мещанский оклад, как мещане;
- 4 долг, сделанный при поселении в Сеитовском посаде;
- 5 вознаграждение сеитовцам за пользование их землей!

У них отняли все: скот, лошадей, здания, — и из 700 трудолюбивых хлебопашцев сделалось семисотенное бродячее население голышей и нищих!..

Тимашевых, разумеется, оставят в покое, — никто против бога и III отделения — зато хоть бы все против совести!

Положим так, но почему бы не дать этим бедным обманутым казенных земель?

У Александра Егоровича Тимашева было двое сыновей: Николай (1849—1877), умерший холостым, и Александр и дочь Мария, фрейлина¹. Ротмистр Александр Александрович Тимашев — адъютант военного министра, в 1895 г. был членом Оренбургского окружного суда по Оренбургскому уезду². В 1900 г. он уже полковник. С 1906 году жена шталмейстера двора его императорского величества, отставного гвардии полковника Надежда Сергеевна Тимашева, проживающая в Петербурге, приобретает с торгов у золотопромышленника Виктора Ивановича Базилевского Илькашевское имение с 2050 дес. земли в Сафаровской волости Уфимского уезда, в двух верстах от ст. Чишмы. В конце того же года она дает своему поверенному Алексею Кузьмичу Иванову, проживающему в селе Ташлы Оренбургской губернии, доверенность на продажу Уфимскому отделению Крестьянского Поземельного банка 529 дес. земли за 67425 рублей. Правление банка в Петербурге разрешило купить имение за 44600 рублей и сделка не состоялась. Через год Н. С. Тимашева вновь предложила банку приобрести уже все свое Илькашевское имение за 205000 рублей. Имение банком было оценено в 185000 рублей, с чем Тимашева согласилась, и сделка состоялась³. Надежда Сергеевна Тимашева была женой Александра Александровича Тимашева, внука Егора Николаевича Тимашева.

Башкирская деревня Илькашево (Сарт-Хасяново) была расположена при речке Калмашке в 35 в. от Уфы; в

¹ Руммель В. В. Указ. соч., с. 472.

² Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1896 г. Оренбург, 1895, с. 53.

³ ЦГА БАССР, ф. 336, оп. 1, д. 3164, л. 1—18, д. 3165, л. 4—24.

1870 г. там было 39 дворов, 196 жителей, мечеть и водяная мельница¹.

В истории нашего края встречались и другие Тимашевы — дворяне. Например, в черте города Уфы на левом берегу Шугуровки ныне находится большой поселок — бывшая деревня Тимашево (Сергиевка, Белоусово), принадлежавшая в середине 19 века Елизавете Егоровне Тимашевой, жене подполковника, уфимского уездного предводителя дворянства, Капитона Кузьмича Тимашева. По ревизской сказке 1850 г. (9-я ревизия), в этой деревне насчитывалось 16 дворов².

Капитон Кузьмич Тимашев в отличие от упоминаемых нами выше оренбургских Тимашевых, потомков Лаврентия, принадлежал к уфимскому роду Тимашевых, родство которых с оренбургскими не установлено. Род уфимских Тимашевых берет начало с середины 16 века. Один из первых представителей этого рода Венедикт Иванович Тимашев был дьяком при Борисе Годунове, его сын Нефталим — воеводой в Курске (1635 г.) и Смоленске (1656 г.)³.

Заканчивая наш очерк, уведомляем читателя, что еще некоторые сведения о Тимашевых даны в очерке о Тевкелевых, с которыми они породнились.

Глава XXX

ТЕВКЕЛЕВЫ.

Наш очерк о Тевкелевых мы начнем с аксаковских страниц «Семейной хроники», где описывается романтическая история любви капитана И. И. Тимашева и дочери татарского дворянина Сальме Тевкелевой.

«Молодой человек, один из первых и богатых дворян Уфимского или Оренбургского края, И. И. Тимашев, влюбился в прекрасную татарку Тевкелеву, дочь богатого татарского дворянина. Это семейство точно так же, как и семейство Алкиных, уже приняло тогда некоторую внешнюю образованность в образе жизни и хорошо говорило по-русски, но строго соблюдало во всей чистоте мусульманскую веру. Прекрасная татарка Сальме в свою

¹ Списки населенных мест Российской империи..., алфавит. Ныне эта деревня находится в Алкинском сельсовете Чишминского района.

² ЦГА БАССР, ф. 138, оп. 2, д. 610, л. 453—466.

³ Энци. Брокгауза и Ефрона, т. 65, с. 180, 181. ;

очередь влюбилась в красивого русского офицера, служившего капитаном в полку, который стоял в окрестностях Уфы. Ожидать добровольного согласия родителей и взрослых братьев на законный брак не было никакой надежды, потому что невесте надобно было сделаться христианкой. Долго боролась Сальме с своею любовью, которая жарче горит в сердцах азиатских женщин. Наконец, как это всегда бывает, Магомет был побежден, и Сальме решилась бежать с своим возлюбленным капитаном, окреститься и потом обвенчаться. Командир полка, в котором служил Тимашев, добрейший и любезнейший из людей, любимый всеми без исключения, генерал-майор Мансуров, прославившийся потом с Суворовым на Альпийских горах при переправе через Чертов мост, сам недавно женившийся по любви, знал приключения своего капитана, сочувствовал им и принял влюбленных под свое покровительство. В одну сумрачную и дождливую ночь Сальме ушла из родительского дома; в ближней роще дождался ее Тимашев с верховыми лошадьми; надобно было проскакать около ста верст до Уфы. Сальме была искусная наездница, через каждые десять или пятнадцать верст стояли заранее приготовленные переманные кони, охраняемые солдатами, очень любившими своего доброго капитана, и беглецы полетели «на крыльях любви», как непременно сказал бы поэт того времени. Между тем в доме Тевкелевых, где давно подозревали Сальме в склонности к Тимашеву и строго за ней присматривали, отсутствие ее было скоро замечено. В одну минуту собралась толпа вооруженных татар и, пылая гневом, под предводительством раздраженного отца¹ и братьев, понеслась в погоню с воплями и угрозами мести; дорогу угадали, и, конечно, не уйти бы нашим беглецам или по крайней мере не обошлось бы без кровавой схватки, потому что солдат и офицеров, принимавших горячее участие в деле, по дороге расставлено было много, — если бы позади бегущих не догадались разломать мост через глубокую, лесную, неприступную реку, затруднительная переправа через которую вплавь задержала преследователей часа на два; но со всем тем косная лодка, на которой переправлялся молодой Тимашев с своею Сальме через реку Белую под самой Уфой, не достигла еще середины реки, как прискакал к берегу старик Тевкелев с сыновьями и с одною половиною верной своей

¹ Другой вариант этого предания говорит, что мать с сыновьями преследовала убежавшую дочь. (Примеч. Аксакова.)

дружины, потому что другая половина передушила на дороге лошадей. На берегу, как будто случайно, явилась целая рота солдат, приготовлявшаяся к перевозу и занявшая все паромы и завозни. Несчастный отец заскрежетал зубами, проклял дочь и воротился домой. Полумертвую от страха и усталости Сальме посадили в карету и привезли в дом к матери Тимашева. Дело приняло характер законный и официальный: явилась магометанка, добровольно желающая принять христианскую веру; начальство города взяло ее под свою защиту, уведомило муфтия, жившего в Уфе и всеми называемого «татарским архиреем», обо всем происшедшем и требовало от него, чтоб он воспретил семейству Тевкелевых и вообще всем магометанам прибегать к каким-нибудь насильственным и враждебным покушениям для освобождения девицы Сальме, добровольно принимающей христианскую веру. В несколько дней духовенство приготовило новообращаемую к принятию таинства крещения и миропомазания. Обряд был совершен великолепно и торжественно в городском соборе; Сальме назвали Серафимой, по имени крестного отца — Ивановой и вслед за тем, не выходя из церкви, обвенчали молодых влюбленных. Весь город принимал участие в этом событии. Разумеется, вся молодежь и все мужчины были за прекрасную Сальме; но зато женщины строго осуждали ее, может быть, иные и не бескорыстно. Весьма немного нашлось таких, которые искренне и дружелюбно протянули руку юной христианке, вступившей, по положению своего мужа, в высший круг уфимского общества. Софья Николаевна с Алексеем Степановичем (Мария Николаевна и Тимофей Степанович — родители С. Т. Аксакова — авт.) были в числе людей самых близких и горячо сочувствующих молодым новобрачным. При деятельном содействии также молодой и любезной генеральши А. П. Мансуровой (урожденной Вулаковой) друзья Тимашевых скоро помогли им стать твердою ногою на новом для них пути общественной городской жизни. Приняли деятельные меры к приличному образованию молодой капитанши, и при помощи природных ее способностей и живости ума в непродолжительное время она сделалась светскою интересною дамою, возбуждавшею невольное участие и невольную зависть, чему, конечно, много содействовала ее красота и необыкновенность положения. Софья Николаевна навсегда осталась искреннею приятельницей Серафимы Ивановны Тимашевой, которая, к общему сожалению, жила недолго: через три года она умерла чахоткой, оставя двух

«сыновой и сокрушенного горестью мужа. Тимашев едва не сошел с ума, бросил службу, посвятил себя детям и навсегда остался вдовцом» (1; 269—272).

Читателю, хорошо знакомому с историей нашей родины, фамилия — Тевкелев, — конечно, известна. Она многократно упоминается в трудах таких историков, как Карамзин, Соловьев, в монографиях о восстании под руководством Е. И. Пугачева, а также во многих исследованиях по истории нашего края.

Теперь нам предстоит выяснить ряд вопросов.

1. Кто же была Сальме Тевкелева?

2. Кто же организовал погоню за ней? У С. Т. Аксакова две легенды: отец или мать?

3. Откуда был совершен побег?

4. Как называлась река, после переправы через которую был разобран мост?

5. Какова судьба двух сыновей Сальме?

По архивным и литературным источникам можно воссоздать генеалогическое древо рода Тевкелевых. Главным предшественником и родоначальником уфимской ветви Тевкелевых был татарин Кутлу Мухамет мурза Мамешев, после крещения в начале 1730-х годов — Алексей Иванович Тевкелев¹.

Родословная Тевкелевых была составлена на основании документов и семейных преданий и представлена в 1789 г. в дворянское собрание Уфимского наместничества вдовой майора Дарьей Алексеевной Тевкелевой (невесткой А. И. Тевкелева).

Прапрадедом А. И. Тевкелева был Уразълей, «неизвестно когда и из какой орды поступивший в российское подданство; ибо бумаги, относящиеся до древнего происхождения рода мурз [дворян — авт.] Тевкелевых, потеряны в 1773 и 1774 годах при разграблении их домов во время Пугачевского бунта»².

У Уразълея известен сын Ураз Мамет, у которого были два сына; один из них Давлет Мамет — дед А. И. Тевкелева, «бывший Ярославским кормовым помещным иноземцом и имевший поместье во Владимирском уезде». У его брата Муртазы был сын Рамазан Муртаза — двоюродный дядя А. И. Тевкелева — перевод-

¹ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводладельцы. М., АН СССР, 1962, с. 423.

² Ханьков Я. В. Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева. — В кн.: Временник имп. Московского общества истории и древностей российских, вып. 13. М.: изд. Москов. университета, 1852, с. 19.

чик Польского приказа. Сын последнего Муртаза Рамазанов (троюродный брат А. И. Тевкелева) был также переводчиком и служил в Иностранной коллегии; во время русско-турецкой войны (17 августа 1737 г.) принимал участие на Немировском конгрессе России, Австрии и Турции¹.

Сын Муртазы Рамазанова — Ахмет, после крещения Михаил Александрович Тевкелев, был прапорщиком Бутырского полка.

Отец А. И. Тевкелева, Мамеш Давлет Маметев, владел имениями в Касимовском, Владимирском и Керинском уездах. Известны имена трех его братьев: Мамет, Булуш и Сафер. У Булуша был сын Мустафа, у Сафера — сын Абдулла, который крестился.

У Алексея Ивановича Тевкелева было две сестры: Урая и Зулейха, у первой был муж Бектир Сеит Шакулов, у второй — князь Бактимер Максютов².

Далее расскажем о службе А. И. Тевкелева.

Петр I во время персидского похода в 1722 г. был в Астрахани и собирал сведения о киргиз-кайсацкой орде; А. И. Тевкелев, «сын и внук выезжих ордынцев», служил у него старшим переводчиком по секретным делам. Позже в своих воспоминаниях А. И. Тевкелев писал, что Петр «через многих изволил уведомиться об оной орде, хотя де она киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям она де орда ключ и врата; и той ради причины она де орда потребна под Российской протекцией быть, чтобы только через их во всех странах комониканцею иметь и к Российской стороне полезные способные меры взять». Таким образом, Петр I киргиз-кайсацкой орде придавал значение ключа и ворот, которыми необходимо было овладеть, чтобы завести торговые и другие сношения России со Средней Азией.

Намереваясь послать А. И. Тевкелева с русским посольством в киргиз-кайсацкую орду, Петр высказал следующее пожелание: «буде она орда в точное подданство не пожелает, то стараться, не смотря на великие издержки, хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 10. М.: Мысль, 1963, с. 434, 435; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1, Казань, 1889, с. 76.

² Ханьков Я. В. Указ. соч., с. 20.

только одним листом под протекцией Российской империи быть обязались»¹.

Но Петру не пришлось заниматься азиатскими делами, ему нужно было прежде всего заключить мир со Швецией и Турцией и приобрести западный берег Каспийского моря. Этими неотложными для России делами он и был занят почти до конца своей жизни.

Между тем распри и вражда внутри орды складывались таким образом, что, наконец, наступили благоприятные условия для решения этого вопроса.

Петр I свое намерение отправить А. И. Тевкелева в киргиз-кайсацкую орду не осуществил. Лишь в 1730 году, когда от киргизского хана Абулхайра в Петербург прибыли послы с просьбой о принятии Малой киргизской орды в российское подданство, в орду для переговоров был отправлен с подарками хану А. И. Тевкелев, который обязывался привести к присяге всю Малую орду. Переговоры осложнились, так как у Абулхайра среди киргизов были противники присоединения к России. И лишь в начале 1734 года Тевкелев, выполнив свою дипломатическую миссию, вместе с киргизским посольством прибыл в Петербург.

«Киргизы, уступая доводам Тевкелева, согласились принять российское подданство и просить о построении города на Яике (Урале), при устье р. Ори»².

«Мысль Тевкелева о построении города на устье р. Ори нашла ревностного поборника в лице обер секретаря [Сената] Ивана Кириловича Кирилова... Правительство, уступив доводам Кирилова, избрало его же самого для осуществления проектированных им планов, придав ему в помощники Тевкелева... 18 мая 1734 года последовал указ о пожаловании Кирилова в статские советники, а Тевкелева — в полковники, кроме того, Кирилов получил 3000 руб., а Тевкелев — 1000 руб. не в счет жалованья»³.

Тевкелеву отводилась особая большая роль в экспедиции. Вот как об этом пишет П. И. Рычков в «Истории оренбургской».

«При чем у всех советов повелено быть отправленному с ним, Кириловым, полковнику Тевкелеву; ему ж и главную команду поручить над всеми будущими при сей экспедиции нерегулярными людьми, а в случае потреб-

ности и регулярных в команду его, Тевкелева, командировать велено»¹.

Прежде всего Кирилов должен был построить при устье реки Ори город и заселить его жителями, «стараясь при этом широкими привилегиями, пожалованными новому городу, привлечь туда возможно больше как русских, так и иностранных купцов и ремесленников.

Для того чтобы наладить торговые связи нового города со странами Востока, Кирилов должен был немедленно после основания города направить «малый караван с товарами прямо в Бухарию и куда можно далее». Одновременно ему предписывалось производить разведки месторождений серебра, золота и других полезных ископаемых в башкирских, киргиз-кайсацких и каракалпакских владениях...

Большую роль в проекте Кирилова играл вопрос о распространении в Башкирии земледелия»².

В планы Кирилова входили разведка медных руд на территории Башкирии и строительство трех медеплавильных заводов.

Планами Кирилова предусматривалось создание системы военных укреплений по границе Башкирии.

Все это было частью больших планов распространения русского влияния в Среднюю Азию и установления торговых связей с Индией.

И. К. Кирилов как руководитель экспедиции приложил все усилия к тому, чтобы придать своей экспедиции не только военно-политический, но и научный характер. Он ставил своей задачей изучение природных, экономических и бытовых условий, а также освоение природных богатств края.

В июне 1734 года экспедиция Кирилова выступила из Петербурга; 9 июня Кирилов прибыл в Москву, гдеполнил состав своей экспедиции рядом специалистов. Вскоре экспедиция отплыла на одиннадцати судах и в начале октября Кирилов прибыл в Казань, где пробыл 2—3 недели, а 10 ноября 1734 года был уже в Уфе. Здесь в его распоряжение был отдан пехотный Пензенский полк и уфимский гарнизон. Кроме того, был объявлен поход половины уфимских дворян и казаков: уфимские, мензелинские и бирские малолетки (молодые казаки, еще не

¹ Витевский В. Н. Указ. соч., с. 135, 136.

² Там же, с. 136, 137.

³ Там же, с. 139.

¹ Рычков П. И. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, изд. Оренб. губ. стат. комитета, 1896, с. 9.

² Новлянская М. Г. Иван Кирилович Кирилов, географ XVIII века. М.-Л.: Наука, 1964, с. 102, 106.

служившие на действительной военной службе) должны были присоединиться к отряду Кирилова. В Уфе был заготовлен провиант, а из Сибири шли 500 подвод с разными припасами под прикрытием роты солдат.

По прибытии в Уфу Кирилов разворачивает кипучую деятельность. Но постройка нового города и линии крепостей оказалась делом чрезвычайно трудным¹.

«Весть о прибытии в Уфу Оренбургской экспедиции и о задачах, которые были поставлены перед ней, быстро распространилась в Башкирии. Намерение царского правительства построить город в тылу Башкирии вызвало сильное недовольство среди башкирских старшин-феодалов, которые стали готовить восстание.

К И. К. Кирилову отовсюду стали поступать тревожные сведения о небывалых съездах и совещаниях у башкир и о подготавливаемом восстании. Однако твердо уверенный в пользе и необходимости проводимых им мероприятий, он продолжал неизменно доносить в Петербург, что «башкиры всеми чинимыми» им распоряжениями и учреждениями «весьма довольны и живут весьма спокойно».

11 апреля 1735 г. Кирилов выступил [в сопровождении Тевкелева] со своим отрядом на р. Орь и, отойдя верст десять от Уфы, расположился лагерем на р. Чесноковке. Прождав здесь около двух месяцев напрасно Вологодский полк, он 15 июня двинулся дальше, имея в своем распоряжении 15 рот регулярных войск, 350 казаков, 600 мешеряков, 100 башкир и, кроме того, обоз с провиантом и артиллерийскими орудиями, предназначенными для будущей Оренбургской крепости, и в том числе 252—5-фунтовых медных пушек, две пудовые гаубицы и две 32-фунтовые медные мортиры»².

Башкирские послы предлагали Кирилову отказаться от похода на р. Орь и строительства там города, в противном случае они грозили всеобщим восстанием. Но Кирилов продолжал продвигаться по намеченному маршруту. Кирилов в сопровождении Тевкелева 6 августа 1735 года прибыл к устью р. Ори и 15 августа заложил здесь крепость, постройка которой к 30 августа была закончена и в нее были введены гарнизон и артиллерия. 31 августа был заложен и сам город Оренбург (на месте

современного Орска). Кириловым по границе Башкирии было устроено до двух десятков крепостей¹.

А. И. Тевкелев принимал деятельное участие в Оренбургской экспедиции в качестве помощника И. К. Кирилова, а позже — В. Н. Татищева. А. И. Тевкелев, возглавляя карательный отряд, отличился особой жестокостью при подавлении башкирского восстания 1735—1736 гг., чем до некоторой степени способствовал новому восстанию башкир в 1737—1739 гг. Позже Тевкелев был назначен начальником комиссии иноверческих и пограничных дел.

Первый губернатор «Неплюев нашел в Тевкелеве полезного себе помощника по управлению краем, и поручал ему, во время своих отлучек в Москву и Петербург, главное управление Оренбургской губернией». Неплюев при содействии Тевкелева составил особый проект о торговле России с Индией и представил его на обсуждение в Петербург. Проект был одобрен².

После подавления башкирского восстания, в 1756 году, необходимо было принять меры для возвращения бежавших в Киргизскую орду башкир, их жен и детей. Для этой цели Сенат направил бригадира Тевкелева в Киргизскую орду, наградив его чином генерал-майора и снабдив особой инструкцией. Тевкелев по старости и болезни просил было уволить его от службы, но Сенат не принял его отставку. После встречи Тевкелева с ханом в Илецкой крепости многие башкиры были возвращены³.

За свою службу Тевкелев был награжден чинами. Еще раньше, в 1740-х годах, он получил земли и крепостных крестьян в Уфимской провинции. Но Тевкелев не стеснялся и, всячески притесняя татар и башкир, брал с них взятки, допускал незаконные поборы и проч.⁴ Уфимский вице-губернатор П. Д. Аксаков о злоупотреблениях Тевкелева писал в Сенат, что он «великие деревни поселил», самовольно захватив более 200 дворов ясачных крестьян в Казанском и Уфимском уездах и переселив их на свои земли⁵.

А. И. Тевкелев беспощадно эксплуатировал своих крепостных.

«В 1742—1744 гг. восстали ясачные татары ряда деревень [Казанской губернии] (Чишмы, Назяр, Терса, Бол-

¹ Иофа Л. Е. Указ. соч., с. 31.

² Витевский В. Н. Указ. соч., с. 218, 826.

³ Там же, с. 891, 895.

⁴ Там же, с. 216.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР, т. 111, с. 546.

¹ Иофа Л. Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в. М.: Гос. изд. географ. лит., 1949, с. 29, 30.

² Новлянская М. Г. Указ. соч., с. 108.